

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

**№ 1 (31)
2020**

Главный редактор

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков**

Заместители главного редактора:

член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**

доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**

Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Р.С. Хакимов** – вице-президент АН РТ (Казань, Россия), **Х.А. Амиргалиев** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **И. Бальдауф** – доктор наук, профессор (Берлин, Германия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Казань, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – PhD (Будапешт, Венгрия), **И. Фодор** – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук профессор (Барнаул, Россия), **В.С. Синика** – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай).

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)

М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)

И.Л. Измайлов – доктор исторических наук (Казань, Россия)

С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)

А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)

Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:

Ю.А. Зеленева – доктор исторических наук

Адрес редакции:

420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

Индекс 80425, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агентство "РОСПЕЧАТЬ"

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2020

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2020

© Журнал «Поволжская археология», 2020

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zeleneev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanayev – Academician of the Nacional Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **R. S. Khakimov** – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation), **Kh. A. Amirkhanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **I. Baldauf** – Doctor Habilitat, Professor (Berlin, Germany), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – PhD (Budapest, Hungary), **I. Fodor** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Budapest, Hungary), **A. A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **V. S. Sinika** – Candidate of Historical Sciences (Tiraspol, Moldova), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China).

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue

Yu. A. Zeleneev – Doctor of Historical Sciences

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2020

© Mari State University, 2020

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2020

Publishing House “Fän”

Kazan, Tatarstan

СОДЕРЖАНИЕ

Территории, заселенные финно-уграми, по археологическим данным

<i>Голдина Р.Д., Ясаков В.С. (Ижевск, Россия)</i>	
Предметы из раковин <i>Turbinella rugum</i> в археологических памятниках Евразии (III тыс. до н. э. – IX в. н. э.).....	8
<i>Волкова Е.В. (Казань, Россия), Куфтерин В.В. (Москва, Россия)</i>	
Население пьяноборской культуры Нижнего Прикамья по данным остеометрии (материалы могильника Старый Чекмак)	23
<i>Герман К.Э., Кочуркина С.И. (Петрозаводск, Россия)</i>	
Новые находки в юго-восточной Карелии: свидетельства этнокультурных контактов средневековых культур (по материалам поселения Икшозеро I)	36
<i>Кардаш О.В. (Сургут, Россия), Гайдакова З.Г. (Нефтеюганск, Россия)</i>	
Торговые связи населения Крайнего Севера в XI–XIV веках.....	43
<i>Иконников Д.С. (Пенза, Россия), Баишева М.И. (Спасск, Пензенская область, Россия)</i>	
Александр Августинович Кротков – первый исследователь золотоордынского города Мохши.....	59
<i>Балюнов И.В. (Тобольск, Россия)</i>	
Коньковые гребни в Западной Сибири XVI–XIX вв.	70

Изучение памятников эпохи первобытности Урала и Казахстана

<i>Карманов В.Н. (Сыктывкар, Россия)</i>	
Погребения эпох энеолита и бронзы на европейском северо-востоке России: проблема атрибуции.....	81
<i>Дегтярева А.Д. (Тюмень, Россия), Кузьминых С.В. (Москва, Россия), Ломан В.Г., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А. (Караганда, Казахстан)</i>	
Цветной металл раннеалакульской (петровской) культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана	98
<i>Виноградов Н.Б. (Челябинск, Россия)</i>	
Антропоморфные «куклы» в погребальной обрядности могильника Кулевчи VI	117
<i>Фрикке П.А. (Екатеринбург, Россия)</i>	
Локальные особенности в оформлении курганного пространства памятников петровской культуры	124
<i>Чотбаев А.Е. (с. Катонкарагай, Казахстан)</i>	
Предметы вооружения и снаряжение коня из некрополя Каракаба.....	135

Археозоологические исследования

<i>Бугров Д.Г., Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия)</i>	
Животные в погребальном обряде населения	
Нижнего Прикамья первой половины I тыс. н. э.	
(по материалам Гулюковского могильника)	146
<i>Клементьев А.М. (Иркутск, Россия), Симухин А.И. (Улан-Удэ, Россия),</i>	
<i>Бурова В.В. (Иркутск, Россия), Прокопец С.Д. (Владивосток, Россия)</i>	
Иволгинское хуннское городище в Забайкалье: археозоологические	
исследования (по материалам раскопок 2017 г.)	167
<i>Бачура О.П., Лобанова Т.В. (Екатеринбург, Россия), Визгалов Г.П.</i>	
<i>(Сургут, Россия), Мартынович Н.В. (Калининград, Россия),</i>	
<i>Гимранов Д.О. (Екатеринбург, Россия)</i>	
Хозяйственные аспекты жизнедеятельности населения	
города Енисейска в XVII–XIX веках	
(по остеологическим материалам из усадьбы Баландина)	184

Хроника

<i>Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г., Асылгараева Г.Ш. (Казань, Россия)</i>	
Общие сведения о научной деятельности Института археологии	
им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2019 году	197
<i>Ситдииков А.Г. (Казань, Россия), Базаров Б.А., Гомбожапов А.Д.,</i>	
<i>Нолев Е.В. (Улан-Удэ, Россия), Красильников П.В. (Казань, Россия)</i>	
IV Международный конгресс средневековой археологии	
евразийских степей	217
<i>Перевозчикова С.А. (Ижевск, Россия), Кузьминых С.В. (Москва, Россия),</i>	
<i>Чижевский А.А. (Казань, Россия)</i>	
«Покой мне только снится»: к юбилею Е.М. Черных	227
<i>Нуретдинова А.Р., Хузин Ф.Ш. (Казань, Россия)</i>	
К юбилею Светланы Игоревны Валиулиной	234
<i>Антипина Е.Е. (Москва, Россия)</i>	
«Такой родной и загадочный Болгар...»	
(к юбилею Лилии Вячеславовны Яворской)	239
<i>Седышев О.В. (Саранск, Россия)</i>	
Валерий Васильевич Гришаков (1963–2019)	245
Список сокращений	248
Правила для авторов	250

CONTENTS

Areas Populated by the Finno-Ugric Peoples on the Basis of Archaeological Data

<i>Goldina R.D., Yasakov V.S. (Izhevsk, Russian Federation)</i> Turbinella Pyrum Shell Items at Eurasian Archaeological Sites (the 3 rd Millennium BC – 9 th Century AD)	8
<i>Volkova E.V. (Kazan, Russian Federation), Kufterin V.V. (Moscow, Russian Federation)</i> The Pyany Bor Culture Population of the Lower Kama Region According to Osteometric Data (Stariy Chekmak Burial Ground)	23
<i>German K.E., Kochkurkina S.I. (Petrozavodsk, Russian Federation)</i> New Finds in South-Eastern Karelia: evidence of ethnic-cultural contacts in medieval culture (on materials of the settlement of Ikshozero I)	36
<i>Kardash O.V. (Surgut, Russian Federation), Gaidakova Z.G. (Nefteyugansk, Russian Federation)</i> Trade Relations of the Population of the Far North in the 11 th – 14 th Centuries.....	43
<i>Ikonnikov D.S. (Penza, Russian Federation), Baisheva M.I. (Spassk, Penza Region, Russian Federation)</i> Alexander Avgustinovich Krotkov – the First Researcher of the Golden Horde City of Mohshy	59
<i>Balyunov I.V. (Tobolsk, Russian Federation)</i> Combs with Horse Head in Western Siberia During the 16 th – 19 th Centuries.....	70

The study of monuments of the Primitive Era in the Urals and Kazakhstan

<i>Karmanov V.N. (Syktyvkar, Russian Federation)</i> Eneolithic and Bronze Age Burials Grounds in European Northeast of Russia: Question of Attribution	81
<i>Degtyareva A.D. (Tyumen, Russian Federation), Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation), Loman V.G., Kukushkin I.A., Kukushkin A.I., Dmitriev E.A. (Karaganda, Kazakhstan)</i> Non-Ferrous Metal of Early Alakul (Petrovka) Culture of Bronze Age in Central Kazakhstan.....	98
<i>Vinogradov N.B. (Chelyabinsk, Russian Federation)</i> Anthropomorphic “Dolls” in the Funeral Rites of Kulevchi VI Burial Ground	117
<i>Fricke P.A. (Yekaterinburg, Russian Federation)</i> Local Features in the Decoration of the Mound Space of the Burial Monuments of Petrovka Culture.....	124
<i>Chotbaev A.E. (v. Katonkaragai, Kazakhstan)</i> Weapons and Equipment of a Horse from the Necropolis of Karakaba	135

Archaeozoological studies

<i>Bugrov D.G., Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation)</i> Animals in a Burial Rite of the Population of the Lower Kama Region in the First Half of the 1 st Millennium AD (based on materials from Gulyukovo Burial Ground)	146
<i>Klementiev A.M. (Irkutsk, Russian Federation), A. Simukhin (Ulan-Ude, Russian Federation), Burova V.V. (Irkutsk, Russian Federation), Prokopets S.D. (Vladivostok, Russian Federation)</i> Ivolginsk Xiongnu Fortress in Transbaikalia: archaeozoological research (based on excavations 2017)	167
<i>Bachura O.P., Lobanova T.V. (Yekaterinburg, Russian Federation), Vizgalov G.P. (Surgut, Russian Federation), Martynovich N.V. (Kaliningrad, Russian Federation), D.O. Gimranov (Yekaterinburg, Russian Federation)</i> Subsistence Practices of the Population at the Yeniseysk Town in the 17 th – 19 th Centuries (based on osteological materials from the Balandin mansion)	184

Chronicle

<i>Bocharov S.G., Sitdikov A.G., Asylgaraeva G.Sh. (Kazan, Russian Federation)</i> The Main Information About Scientific Activity Institute of Archaeology Named After A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences in 2019	197
<i>Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation), Bazarov B.A., Gombozhapov A.D., Nolev E.V. (Ulan-Ude, Russian Federation), Krasilnikov P.V. (Kazan, Russian Federation)</i> 4 th International Congress of the Medieval Archaeology of Eurasian Steppes	217
<i>Perevozchikova S.A. (Izhevsk, Russian Federation), Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation), Chizhevsky A.A. (Kazan, Russian Federation)</i> “I Only Dream Peace”: for the anniversary of E.M. Chernykh	227
<i>Nuretdinova A.R., Khuzin F.Sh. (Kazan, Russian Federation)</i> For the Anniversary of Svetlana Igorevna Valiulina	234
<i>Antipina E.E. (Moscow, Russian Federation)</i> “Such a Known and Mysterious Bulgar...” (for the Anniversary of Lilia Yavorskaya)	239
<i>Sedyshev O.V. (Saransk, Russian Federation)</i> Valery Vasilievich Grishakov (1963–2019)	245
List of Abbreviations.	248
Submissions	250

Территории, заселенные финно-уграми, по археологическим данным

УДК 903.25:391(470.5)''-3/0''(045) <https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.8.22>

ПРЕДМЕТЫ ИЗ РАКОВИН *TURBINELLA PYRUM* В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ЕВРАЗИИ (III ТЫС. ДО Н. Э. – IX В. Н. Э.)

© 2020 г. Р.Д. Голдина, В.С. Ясаков

Авторами анализируется коллекция уникальных изделий – дисков-накладок, подвесок и бусин из раковин моллюсков вида *Turbinella pyrum*, обитающих в Индийском океане, которая была собрана на могильниках мазунинского типа в Среднем Прикамье. Цель данной работы – по возможности всестороннее изучение этого источника и выяснение путей их поступления в Прикамье. В Индии с III тыс. до н. э. и до современности добывают моллюсков этого вида и делают из их раковин разнообразные предметы, в том числе диски-накладки. Изделия из раковин встречались в разное время в Месопотамии, предгорьях Гималаев, Памира, в Казахстане, в степной полосе Евразии. Они поступали в Прикамье в III–IV вв. через Среднюю Азию по северному ответвлению Великого шелкового пути (ВШП). Результаты изучения накладок из раковин *Turbinella pyrum* из мазунинских могильников позволяют авторам предположительно локализовать производство этих вещей в специализированных центрах Индии.

Ключевые слова: археология, Евразия, Индия, Среднее Прикамье, эпоха Великого переселения, мазунинская культура, раковины моллюсков *Turbinella pyrum*, торговые пути, производственные центры.

Моллюски вида *Turbinella pyrum* (ТР) принадлежат к семейству Xancidae (*Turbinellidae*), класс *Gastropoda*. Раковины взрослых особей могут достигать 21–22 см в длину, 10–15 см в ширину и весить до 700 г. (рис. 1). Места обитания ТР ограничены лишь несколькими ареалами, расположенными в прибрежных водах Индийского океана, омывающих полуостров Индостан. Наибольшая концентрация популяции раковин ТР наблюдается в заливе Маннар, рядом с Мадрасом и побережьем острова Шри-Ланка. На восточной стороне пролива Памбан, в заливе Палк, есть столь же многочисленная популяция. Дальше на севере раковины ТР встречаются около восточного побережья Индии, рядом с устьем реки Годави-

ри. Наконец, места обитания данного вида раковин расположены между коралловыми рифами и устричными банками залива Катч, а также в бухте рядом с г. Карачи (Kenoyer, 1984, p. 51).

Раковины ТР играли важную роль в жизни индийского общества с глубокой древности и до современности. Предметы из раковин получили широкое освещение в древних индийских текстах, древних сказаниях и легендах. Индуистское божество Вишну держит в руках «священный чанк» (правозакрученную раковину ТР). Также раковины ТР применяли в качестве трубы, которая призывала народ при проведении храмовых ритуалов, а также на свадьбы и похороны. В прошлом трубу использовали на поле боя

Рис. 1. Раковины моллюска *Turbinella pyrum*.

Fig. 1. *Turbinella pyrum* shells.

для созыва войск или оповещения об атаке. Ее оправляли в серебро, украшали резьбой и драгоценными камнями (Hornell, 1914, p. 130).

На территории полуострова Индостан местное население начиная с III тыс. до н. э. производило предметы из раковин ТР. Данная традиция продолжает бытовать в некоторых регионах Индии до сих пор. Можно выделить несколько этапов распространения вышеприведенных изделий на территории полуострова Индостан (рис. 2) (Ясаков, 2019, с. 109).

На I этапе (III тыс. до н. э. – XVII вв. до н. э.) наиболее распространенными категориями предметов, изготавливавшимися индийскими мастерами, были браслеты, диски, сосуды для винных приношений и трубы. Обработка раковин в это время производилась в специализированных мастерских, располагавшихся рядом с местами добычи сырья. Существовало несколько центров производства изделий из раковин: Мохенджо Даро, Чанху Даро, Лотхал, Нагешвар, Балакот. Наиболее мощный из них – Мохенджо Даро. Уже к III тыс. до н. э. в низовьях Инда существовала развитая торговая сеть, благодаря которой

раковины и предметы из них могли поставляться во внутренние районы Индостана. Примерно к XXV в. до н. э. сеть торговых путей охватывала уже и верховья р. Инд. Обработка раковин производилась даже в таких удаленных от побережья местах, как Хараппа и Калибанган (Gensheimer, 1984, p. 70).

Дж.М. Кенойер выделяет 13 категорий предметов из раковин ТР, изготавливавшихся в это время: браслеты, диски, бусы, подвески, цилиндры, кольца, крышки, «изогнутые кольца», конусы, сферы, игрушки, сосуды для «винных приношений» и «трубы» (Kenoyer, 1984, p. 54–59).

Практически отсутствуют сведения о находках предметов из раковин ТР на территории п-ва Индостан на протяжении XVI–VII вв. до н. э. Традиция изготовления предметов из раковин *Turbinella pyrum*, без сомнения, продолжала свое существование и в это время.

В течение II этапа (VI в. до н.э. – V в. н. э.) категориальный состав изделий сокращается. Однако основные категории находок остаются те же – браслеты и диски. Предметы из раковин ТР были обнаружены как на юге п-ва Индостан (мегалитические могильники Санур, Перумбаир и Одугаттур) (Banerjee, Soundara Rajan, 1959, p. 39; Rea, 1915, p. 45; Richards, 1924, p. 164–165), так и на северо-востоке (могильники Малари, Гиу, Попа, Липпа) (Deshpande Mukherjee et al., 2015, p. 9–15) и северо-западе (города Таксила и Барикот) (Marshall, 1951, p. 667–673; Micheli, 2014, p. 223–247).

Примерно с XXV в. до н. э. начинаются постоянные торговые контакты Индии с Систаном и Месопотамией. Среди других товаров на территорию Месопотамии и Систана попадают

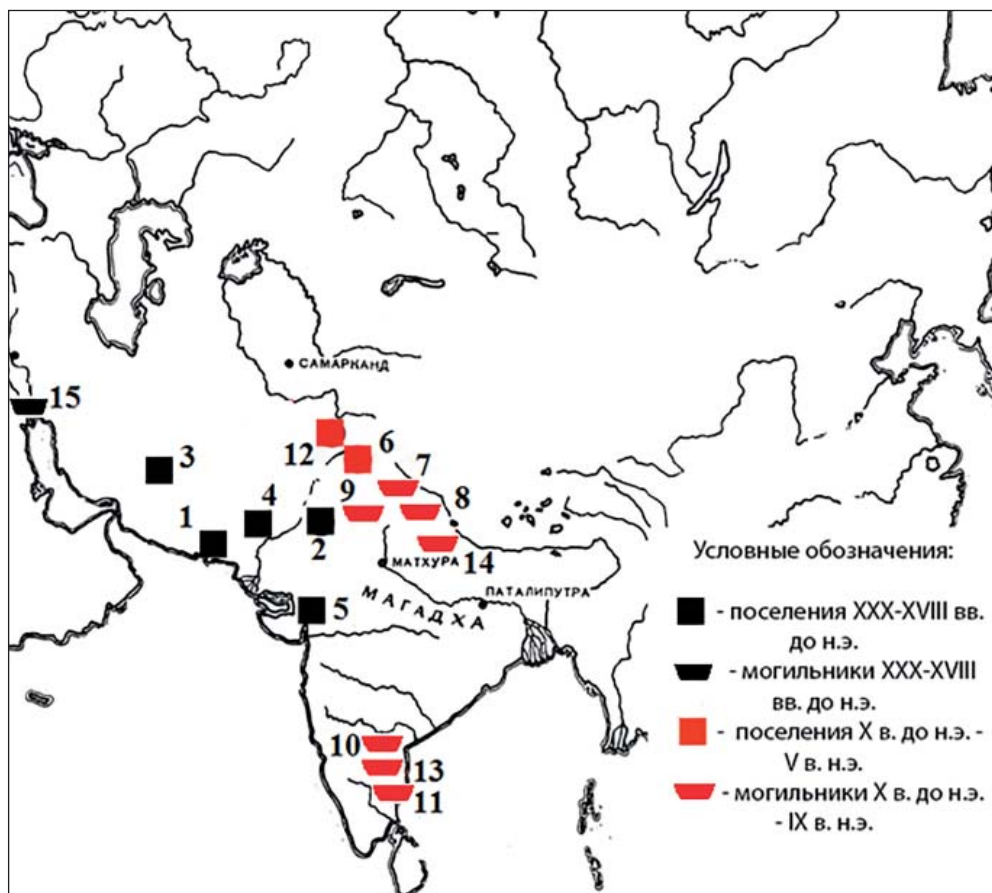

Рис. 2. Археологические памятники Азии XXX в. до н.э. – IX в. н.э., содержащие предметы из раковин. 1 – Балакот; 2 – Хараппа; 3 – Шахри-Сухте; 4 – Мохенджо-Даро; 5 – Лотхал; 6 – Таксила; 7 – Гиу; 8 – Ропа; 9 – Липпа; 10 – Одугаттур; 11 – Перумбаир; 12 – Бир-кот-гхвандай (Барикот); 13 – Санур; 14 – Малари; 15 – Королевский некрополь г. Ур.

Fig. 2. Archaeological sites of Asia in the 30th century BC – 9th century AD containing shell items. 1 – Balakot; 2 – Harappa; 3 – Shahr-i-Sokhta; 4 – Mohenjodaro; 5 – (Lothal); 6 – Taxila; 7 – Gyu; 8 – Ropa; 9 – Lippa; 10 – Odugattur; 11 – Perumbair; 12 – Bir-Kot-Ghwandai (Baricot); 13 – Sanur; 14 – Malari; 15 – The Royal cemetery Ur.

и раковины ТР. Предметы из них, в частности, обнаружены как на поселении Шахри-Сухте, так и в захоронениях Королевского некрополя г. Ур (Durante, 1979, р. 27–42; Woolley, 1934, р. 39). С. Дюранте предложил 4 возможных пути, по которым раковины могли быть туда доставлены:

1. Морской путь, соединявший п-ов Катхиявар (где данный вид моллюсков и добывался) с побережьем

Белуджистана. Путь мог продолжаться и дальше, способствуя доставке раковин на территорию Месопотамии;

2. Сухопутно-морской путь. Морская часть пути соединяла п-ов Катхиявар и поселения Сутканген-Дор и Сотка-Кох на Макранском побережье Пакистана. Оттуда начинался сухопутный путь, проходящий через Белуджистан в Си-стан;

3. Сухопутная дорога через долину Инда, проходившая по внутренним районам Макрана, параллельно побережью. Вследствие этого данная трасса могла иметь ответвление, по которому раковины ТР доставлялись во внутренние районы Пакистана;

4. Сухопутный путь, связывавший Хараппскую цивилизацию с Систаном через перевалы Гомал и Болан. Сам Дюранте, в силу ряда соображений, отдает предпочтение последнему пути (Durante, 1979, 38–40).

Несколько отличается от версии Дюранте гипотеза Генсхаймера о том пути, который связывал Индию с Междуречьем. Согласно Генсхаймеру, промежуточным пунктом торговли между двумя государствами была территория царства Маган (современного султаната Оман). Существовавшая здесь культура Умм ан-Нар (XXV–XX вв. до н. э.) процветала благодаря торговым контактам как с Индской цивилизацией, так и с Месопотамией. Главными импортируемыми из Омана товарами являлись медь и раковины местных моллюсков. Позднее доставляемые из долины Инда предметы из раковин ТР были также встроены в структуру этой торговли (Gensheimer, 1984, p. 71–72).

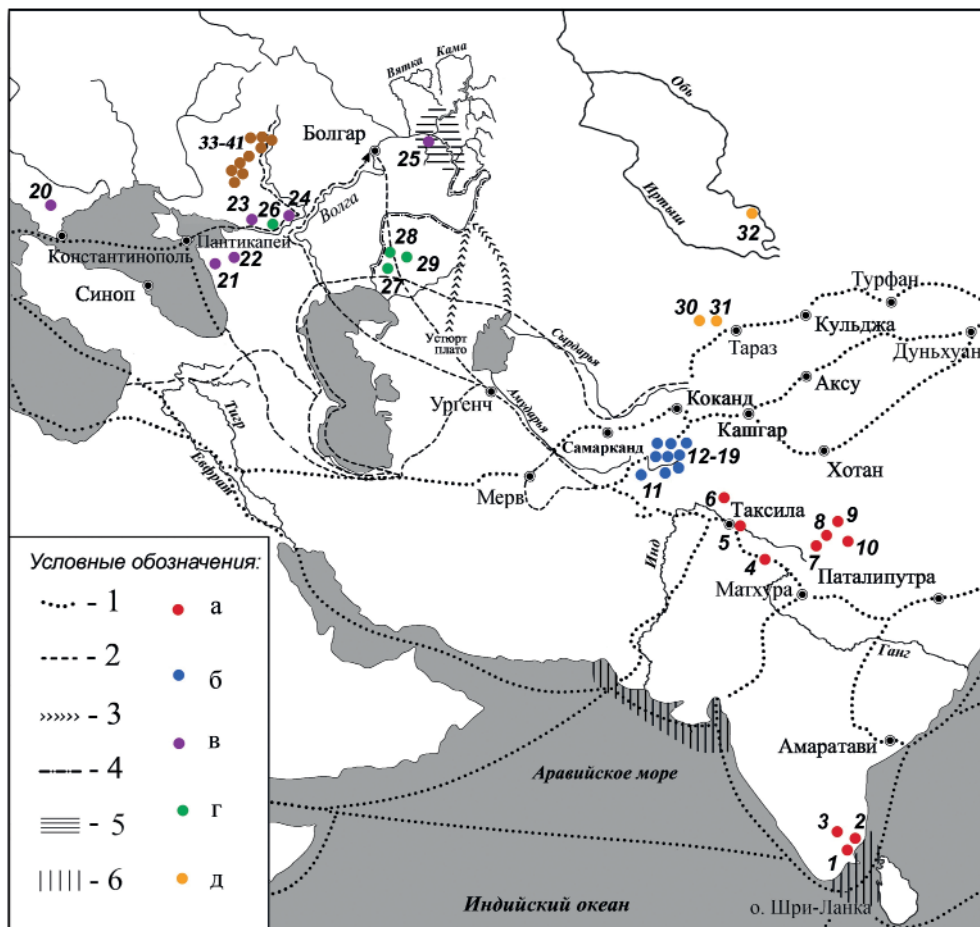
Шумерские и древнеиранские мастера изготавливали из раковин в основном цилиндрические печати, украшенные искусной резьбой, изображавшей сцены охоты. Данная категория изделий могла использоваться как по прямому назначению, так и в качестве медалей (Woolley, 1934, p. 39).

Существует очень мало письменных и археологических свидетельств о торговых связях между Индией и Месопотамией в XX–X вв. до н. э. Контакты возобновляются в I тыс.

до н. э. Доказательством этого служат найденные в Сузах предметы из раковин ТР, датируемые началом V в. до н. э. (Hornell, 1941, p. 240).

С X в. до н. э. начинаются контакты индийского населения с саками Восточного Памира. Доказательством индо-памирских связей служат найденные в памирских погребальных комплексах X–III вв. до н. э. предметы из раковин ТР (наглазники, подвески, бусы). Согласно мнению Б.А. Литвинского, они идентичны изделиям, найденным в мегалитах Южной Индии. Однако пока нет достаточных оснований утверждать, что предметы из раковин привозились на Восточный Памир непосредственно с юга Индии, хотя это и вполне вероятно. Возможно, что они попадали вначале в какие-то центры Северо-Восточной Индии (Таксила), а затем, через памирские перевалы, и в Центральную Азию (Литвинский, 1964, с. 155–156; Литвинский, 1972, с. 72, 141).

С конца II в. до н. э. огромную роль в развитии торгового обмена между регионами Евразии стал играть ВШП. Одно из его ответвлений проходило через индийский город Таксила. Данное обстоятельство, а также обилие монет и множество иноземных вещей, обнаруженных в Сиркапе в слоях I в. н. э., свидетельствуют о более или менее постоянных и очень оживленных торговых отношениях Таксилы со Средней Азией, Ираном, Египтом и другими странами; можно упомянуть также Сибирь, Китай и Японию, связи с которыми в то время были эпизодическими (Ильин, 1958, с. 56). Контакты Индии с Южной Сибирью в IV–V вв., в частности, подтверждает находка накладки из раковины ТР в погребении воина на р. Ераска (Алтай) (Егоров, 1993, с. 80).

О том, что торговые связи индийского населения со Средней Азией имели место и в более позднее время, свидетельствуют находки накладок из раковин на территории Южного Казахстана. Оба изделия были обнаружены в погребальных комплексах: одна – на поселении Кызыл-Кайнар-Тобе (IV–V вв.), другая – в могильнике Кызыл-Кайнар (VII–IX вв. н. э.) (Мерциев, 1970, с. 88, 90; Максимова, 1972, с. 137–138).

Самое большое количество предметов из раковин ТР за пределами Индии найдено в погребальных комплексах I–IX вв. н. э. на территории Восточной Европы (в особенности Среднего Прикамья). Доставке ра-

ковин ТР и изделий из них на такие большие расстояния способствовал ряд обстоятельств.

Усилившееся в I в. до н. э. Парфянское царство в значительной степени нарушило функционирование главной трассы ВШП. Данное обстоятельство способствовало укреплению ранее лишь намечавшихся путей из среднеазиатского региона в области греко-римского мира в обход Ирана с севера, т.е. связей между Средней Азией и Причерноморьем (Ставиский, 1964, с. 177) (рис. 3).

Одну из таких торговых трасс описывает китайская историческая хроника «Хань шу», называя ее Северной. Она начиналась в Турфанском

Рис. 3. Великий шелковый путь. Главные пути сообщения: 1 – по Л.А. Мамлеевой и др., 1999 (III тыс. до н.э. – IX в. н.э.); 2 – по В.П. Даркевичу, 1976, табл. 50 (VI–X вв. н.э.); 3 – по А.Д. Таирову, 2000, с. 199 (IV–II вв. до н.э.); 4 – по Р.Д. Голдиной, (I–IX вв. н.э.); 5 – ареал распространения памятников III–V вв. н.э. на Средней Каме с находками изделий из раковин; 6 – промысловые зоны моллюсков вида *Turbinella pyrum*; 7 – памятники с находками предметов из раковин моллюсков *Turbinella pyrum*. а – Индия (X в. до н.э. – V в. н.э.), могильники: 1 – Перумбаир; 2 – Санур; 3 – Одугаттур; производственные центры: 4 – Хараппа; 5 – Таксила; 6 – Барикот; могильники: 7 – Липпа; 8 – Ропя; 9 – Гиу; 10 – Малари; б – Восточный Памир (X–II вв. до н.э.): 11 – городище Ай-Ханум; могильники: 12 – Кзыл-Рабат; 13 – Шаймак; 14 – Жарты-Гумбез I; 15 – Андемин; 16 – Андемин I; 17 – Харгуш II; 18 – Тегермансу I; 19 – Мошуташ II; в – Восточная Европа (конец I – начало II вв. н.э.): 20 – Болгария, Рошава Драгана; Прикубанье: 21 – Цемдолинский; 22 – Золотое кладбище (Усть-Лабинская, к. 31); Придонье: 23 – Кобяковский; 24 – Первомайский VII; Прикамье: 25 – Ново-Сасыкуль погр. 260; г – Восточная Европа (III в. н.э.), Придонье: 25 – Камышевский; Южный Урал: 27 – Лебедевка VI; 28 – Красный Яр; 29 – Покровка 10; д – Восточная Европа (VII–IX вв. н.э.): 30 – Старо-Салтовский; 31 – Верхне-Салтовский I; 32 – Верхне-Салтовский III; 33 – Верхне-Салтовский IV; 34 – Рубежанский; 35 – Дмитриевский; 36 – Нижнелубянский; 37 – Ютановский; 38 – Маяцкое селище; е – Южный Казахстан (III–V вв. н.э.): 39 – Кзыл-Кайнар-Тобе; 40 – Кызыл-Кайнар; Алтай: 41 – Ераска.

Fig. 3. The Great Silk Road. Main transportation routes: 1 – after L.A. Mamleeva et al., 1999 (3rd Millennium BC – 9th century AD); 2 – after V.P. Darkevich, 1976, table 50 (6th – 10th centuries AD); 3 – after A.D. Tairov, 2000, p. 199 (4th – 2nd centuries BC); 4 – after R.D. Goldina (1st – 9th centuries AD); 5 – distribution area of the sites of the 3rd – 5th century AD in Middle Kama with discovered of shell items; 6 – *Turbinella pyrum* mollusk fishing areas; 7 – sites with findings made of *Turbinella pyrum* mollusk shells. а – India (10th century BC – 5th century AD), burial grounds: 1 – Perumbair; 2 – Sanur; 3 – Odugattur; manufacturing centers: 4 – Harappa; 5 – Taxila; 6 – Baricot; burial grounds: 7 – Lippa; 8 – Ropa; 9 – Guy; 10 – Malari; б – Eastern Pamir (10th – 2nd centuries BC): 11 – Ai-Khanoum settlement; burial grounds: 12 – Kzyl-Rabat; 13 – Shaimak; 14 – Zharty-Gumbez I; 15 – Andemin; 16 – Andemin I; 17 – Khargush II; 18 – Tegermansu I; 19 – Mozhutash II; в – Eastern Europe (late 1st – early 2nd centuries AD): 20 – Bulgaria, Roshava Dragana; Kuban River region: 21 – Tsem dolina; 22 – Zolotoye Kladbische (Ust-Labinskaya, b. 31); Don River region: 23 – Kobyakovo; 24 – Pervomai VII; Kama River region: 25 – Novo-Sasykul, b. 260; г – Eastern Europe (3rd century AD): Don River region: 25 – Kamyshevo; Southern Urals: 27 – Lebedevka VI; 28 – Krasny Yar; 29 – Pokrovka 10. д – Eastern Europe (7th – 9th centuries AD): 30 – Staro-Saltovo; 31 – Verkhne-Saltovo I; 32 – Verkhne-Saltovo III; 33 – Verkhne-Saltovo IV; 34 – Rubezhany; 35 – Dmitriyevka; 36 – Nizhniye Lubyanki; 37 – Yutanovo; 38 – Mayatskoe village; е – South Kazakhstan (3rd – 5th centuries AD): 39 – Kzyl-Kainar-Tobe; 40 – Kyzyl-Kainar; Altai: 41 – Yeraska.

оазисе и проходила вдоль Тянь-Шаня, через Памир. Далее возможны были два варианта путей. Первый следовал вдоль по бассейну р. Амударьи, южнее Аральского моря. Второй – вдоль р. Сырдарьи, через северное Приаралье. Рядом с Нижней Волгой два пути соединялись в один, который заканчивался в Северном Причерноморье, у г. Танаис (Мамлеева, 1999).

Доказательствами того, что раковины доставлялись по этому

пути, являются находки данной категории предметов в погребальных комплексах Нижнего Дона сер. I – сер. III вв. н. э. (Первомайский VII, Камышевский I, Кобяковский) (Мамонтов, 2000, рис. 17–17; Безуглов, 2000, рис. 4–9; Прохорова, Гугуев, 1992, рис. 8–46) и Южного Приуралья III – начала IV вв. н. э. (Покровка 10, Лебедевка VI, Красный Яр) (Малашев, Яблонский, 2008, рис. 162–5; Мошкова, Демиденко, 2010, рис. 2–4;

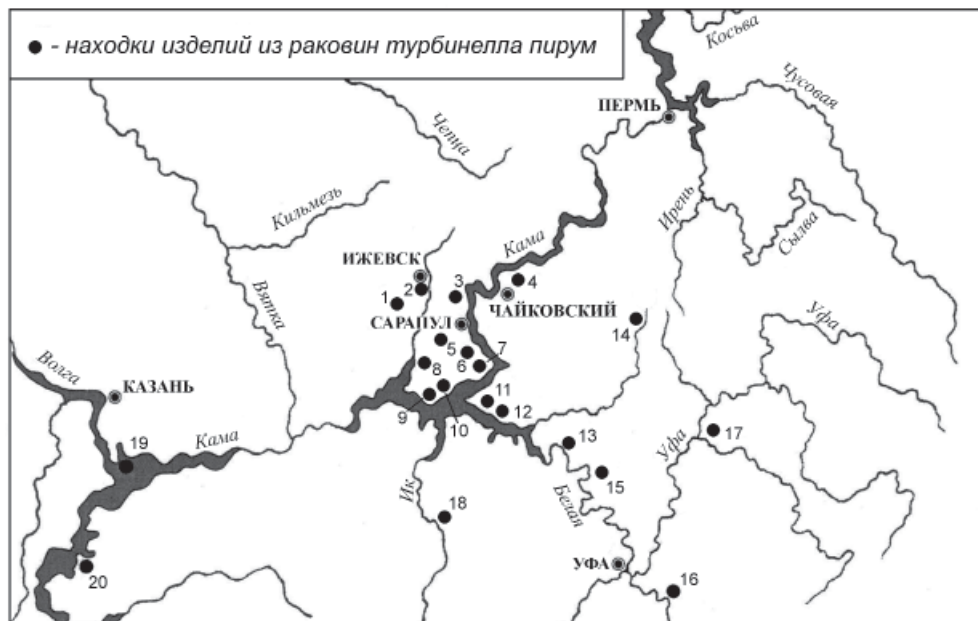

Рис. 4. Схема распространения могильников Среднего Прикамья, содержащих изделия из раковин: 1 – Покровка, 2 – Ижевск, 3 – Чепаниха, 4 – Сайгатка, 5 – Афонино, 6 – Мазунино, 7 – Тарасово, 8 – Заборье, 9 – Нырғында I, 10 – Боярка (Арай), 11 – Старое Кабаново, 12 – Старая Мушта, 13 – Ангасяк, 14 – Югомашево, 15 – Бирск, 16 – Охлебинино, 17 – Каратамак, 18 – Ново-Сасыкуль, 19 – Коминтерн II, 20 – Старая Майна II.

Fig. 4. Distribution of the burials with shell items in the Middle Kama Region: 1 – Pokrovka, 2 – Izhevsk, 3 – Chepanikha, 4 – Saigatka, 5 – Afonino, 6 – Mazunino, 7 – Tarasovo, 8 – Zaborie, 9 – Nyrgynda I, 10 – Boyarka (Arai), 11 – Staroe Kabanovo, 12 – Staraya Mushta, 13 – Angasyak, 14 – Yugomashevo, 15 – Birsk, 16 – Okhlebinino, 17 – Karatamak, 18 – Novo-Sasykul, 19 – Komintern II, 20 – Staraya Maina II.

Малашев, 2013, рис. 55–3). Особое внимание следует обратить на материалы Лебедевского могильника. Это вызвано тем, что в его погребальных комплексах найдены предметы импорта как западного, так и восточного происхождения. По мнению М.Г. Мошковой, данное обстоятельство может свидетельствовать о том, что кочевники, оставившие эти вещи, контролировали или в какой-то форме участвовали в караванной торговле между Западом и Востоком.

Однако раковины могли поступать на территорию Восточной Европы также и другими путями. Есть свидетельства о том, что в то время в тор-

говых целях активно использовались кавказские проходы: через Дарьяльское ущелье и вдоль западного берега Каспийского моря, через Дербент (Мамлеева, 1999). Обнаруженные в могильниках Северного Причерноморья (Цемдолинский, «Золотое кладбище») (Аспургиане, 2008, рис. 66–67, 102–103; Гущина, Засецкая, 1994, табл. 40–362) изделия из раковин – свидетельства того, что данная категория предметов могла поступать и через Закавказье. До сих пор точно неизвестно, каким именно из вышеперечисленных путей раковины ТР доставлялись в Европу. Возможно было задействовано несколько маршрутов.

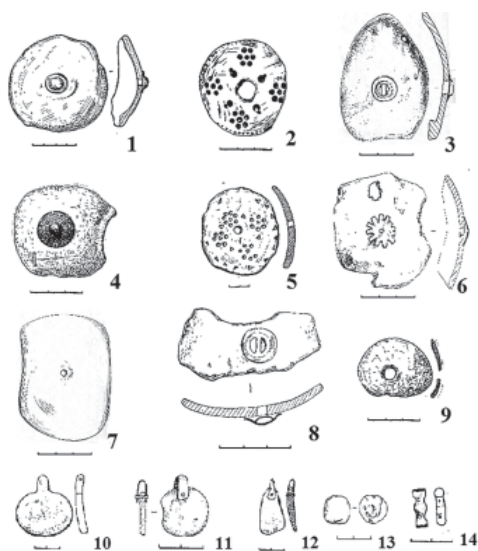

Рис. 5. Категории изделий из раковин, найденные в могильниках Среднего Прикамья III–V вв. н.э. Накладки: 1 – Тарасовский, п.36; 2 – Покровский, п.220; 3 – Заборьинский, п.13; 4 – Ижевский, п.8; 5 – Ижевский, п.77; 6 – Тарасовский, п.328А; 7 – Заборьинский, п.2; 8 – Тарасовский, п.551; 9 – Ижевский, п.6. Подвески: 10 – Югомашевский, п.55; 11 – Тарасовский, п.1762; 12 – Ангасякский, п.5. Бусы: 13 – Нырғындынский I, п.314. Разделители: 14 – Югомашевский, п.64.

Fig. 5. Categories of shell items discovered in the burial grounds of 3rd – 5th cc. AD in the Middle Kama Region. Plates: 1 – Tarasovo, b. 36; 2 – Pokrovka, b. 220; 3 – Zaborie, b. 13; 4 – Izhevsk, b. 8; 5 – Izhevsk, b. 77; 6 – Tarasovo, b. 328A; 7 – Zaborino, b. 2; 8 – Tarasovo, b. 551; 9 – Izhevsk, b. 6. Pendants: 10 – Yugomashevo, b. 55; 11 – Tarasovo, b. 1762; 12 – Angasyak, b. 5. Beads: 13 – Nyrgynda I, b. 314. Separators: 14 – Yugomashevo, p. 64.

Определенное затруднение вызывает ответ на вопрос, каким образом накладка из раковины ТР оказалась на территории Восточной Болгарии. Согласно предположению Хр. Буюклиева, раковина и найденные вместе с ней предметы вооружения ранее принадлежали сарматскому воину. И, со-

ответственно, возможны три варианта объяснения того, как изделия попали во фракийское погребение: дипломатический дар, результат торговых контактов или часть трофейного вооружения. Сам автор отдает предпочтение последнему варианту (Буюклиев, 1995, с. 44–45).

Точно не определен конечный отрезок пути, по которому раковины доставлялись в прикамский регион. Скорее всего, предметы попадали в Прикамье не по Волге. Согласно предположению Р.Д. Голдиной, раковины могли доставляться, во-первых, по сухопутным путям «из Средней Азии, через северное Приаралье на р. Белую и оттуда на Каму» (рис. 3). Тем более, что верховья р. Урал расположены всего лишь в 50–60 км от верховий р. Белой (Голдина, Голдина, 2010, с. 175–176). А во-вторых, по р. Урал, начав движение вверх поблизости от устья (рис. 3). Данную версию подтверждают находки накладок из раковин поблизости от р. Урал (Красный Яр, Покровка 10, Лебедевка VI).

Необходимо отметить, что в I–II вв. н. э. раковины оседали в Прикубанье (Цемдолино, Золотое кладбище) и в Подонье (Первомайский VII, Кобяково). Возможно, с этим этапом внедрения раковин связано погр. 260 Ново-Сасыкульского могильника на р. Ик (Ставицкий, 2015, с. 114–115). С III в. ТР стали поступать в Приуралье, главным образом в Прикамье. Скорее всего, это было связано со случившимся в 40-х гг. III в. н. э. нашествием готов (или аланов), разрушивших города Причерноморья. Вследствие этого контакты поздних сармат с Северными Кавказом и Причерноморьем были прерваны. Кочевники Южного Приуралья переориентировались на

торговлю со Средней Азией и Прикамьем (Голдина, Голдина, 2010, с. 161).

В III–IV вв. основная масса раковин оседает у населения правобережья р. Камы (рис. 4) (Голдина, 2018, с. 100–101). Однако уже в середине IV в. их доставка в данный район прекращается (Голдина, Бернц, 2016, с. 24; они же, 2017, с. 57). Возможно, это последствия событий Великого переселения народов, прервавших торговые связи Прикамья со Средней Азией.

На территорию Восточной Европы поставлялись в основном лишь створки раковин ТР либо готовые диски из раковин. Функциональная принадлежность дисков из раковин, найденных в могильниках Восточной Европы (за исключением Прикамья) I – начала IV в. н. э., достаточно разнообразна. Можно выделить 4 способа их использования:

1. Фиксатор застежки портупейного ремня и его украшение (Красный Яр, Лебедевка VI, Покровка 10, Камышевский I) либо в качестве навершия меча (Чаталка). Согласно мнению С.И. Безуглова, «у сарматов южнорусских степей роль фиксатора и украшения застежки портупейного ремня могли исполнять крупные бусы, находимые рядом с мечами. Но бусина могла быть заменена крупной выпуклой бляхой из ископаемой раковины» (Безуглов, 2000, с. 177–178). Крепилась накладка к ремню с помощью небольшой серебряной пряжки, и это подтверждается тем, что данные категории предметов располагались в погребении в непосредственной близости друг от друга (Покровка 10, Камышевский I) (Малашев, Яблонский, 2008, с. 18; Безуглов, 1998, с. 88).

Следует отметить, что диски из раковин, а также халцедона, исполь-

зующиеся в позднесарматское время для украшения экипировки клинков из высококлассных тигельных сталей, позволяют предполагать производство этих изделий в ремесленных центрах Индии (Голдина, 2018, с. 103);

2. Украшение конской узды (Кобяковский и Цемдолинский могильники). Подобную функцию, по мнению А.А. Красноперова, могли выполнять и 6 раковин из Усть-Лабинского могильника (Красноперов, 2014, с. 186). Однако И.И. Гущина и И.П. Засецкая считали данную категорию предметов амулетами. По их мнению, эту версию подтверждает солярный орнамент на одном из кружков (Гущина, Засецкая, 1994, с. 37; Аспургияне, 2008, с. 22, 65);

3. Подвеска к ножу (Первомайский VII могильник) (Мамонтов, 2000, с. 19);

4. Амулет, подвеска (Ладожский некрополь «Золотого кладбища»). По И.И. Гущиной и И.П. Засецкой, раковины использовались в ритуальных целях, связанных с культом солнца (Гущина, Засецкая, 1994, с. 22).

Население Среднего Прикамья в III–V вв. н. э. изготовляло из створок раковин ТР 4 категории изделий – накладки, подвески, бусы и разделители (рис. 5). Диски-накладки в основном были составной частью поясного набора, украшая его спереди. К ремню они крепились при помощи бронзовых умбоновидных или плоских накладок, которые притягивались узким ремешком, пропущенным через отверстие в центре раковины. На пояс крепилось обычно по одной накладке-раковине (60 погребений), хотя их там могло быть и 2 (12 погребений), 3 (11 погребений), 4 (5 погребений) и даже 8 (1 погребение).

Известны находки накладок из раковин в составе так называемых подарочных наборов (10 погребений). 5 дисков из Коминтерновского II могильника, вероятно, выполняло функцию подвесок (Казаков, 1998, с. 103). Относительно небольшое число предметов данной категории использовалось либо как фиксатор меча на портупейном ремне, либо как его навершие – Тарасово, погр. 4, Покровка, погр. 26, 261, Ново-Сасыкуль, погр. 260.

Подвески являлись частью ожерелья, расположенного либо на груди костяка, либо в подарочном наборе. Также использовались и бусы. Нередко обе категории инвентаря находились в составе одного ожерелья. Кроме того, бисер из створок раковин входил в вышивку костюма.

Разделители зафиксированы только в погребениях Югомашевского могильника (22 экз.). Они использовались в ожерельях, делая их трехъярусными. Согласно точке зрения Р.Р. Руслановой, данная категория инвентаря могла изготавливаться в местных мастерских (Русланова, 2013, с. 238; она же, 2018, с. 146, рис. 32);

Самые поздние находки дисков из раковин ТР датируются VII–IX вв. н. э. Именно этим временем датируются погребальные комплексы катакомбных могильников Северского Донца (Верхне-Салтовский, Старо-Салтовский, Рубежанский, Дмитриевский и др.), в которых было обнаружено

большое количество дисков из раковин. Изделия были составной частью костюмного комплекса аланского населения. Они были либо частью ожерелья, либо украшали женскую косу и головной убор (Аксёнов, 2015, с. 65–81).

Таким образом, предметы из раковин *Turbinella pum* изготовляло и использовало как население азиатских территорий, так и восточноевропейские народы. Благодаря развитой системе торговых путей данная категория товаров транспортировалась на огромные расстояния. Наибольшее категориальное разнообразие изготавливаемых предметов, разумеется, представлено на территории полуострова Индостан.

У населения Восточной Европы изделия из раковин использовались по-разному. В I–III вв. ими украшали преимущественно воинскую экипировку (сарматы, Прикамье), что свидетельствует о том, что раковины и клинки из тигельной и другой высококлассной стали были произведены, скорее всего, в Индии. В I тыс. до н. э. (Памир) диски использовались в погребальном культе (наглазники, амулеты). В III–IV вв. в Прикамье из раковин местные мастера делали накладки на пояса, бусы, разделители, подвески. В VII–IX вв. аланы применяли изделия из раковин для украшения ожерелий, головных уборов и женских кос.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксёнов В.С. Пуговицы из раковины моллюсков у аланского населения салтово-маяцкой культуры (по материалам катакомбных могильников бассейна Северского Донца) // Хазарский альманах. Т. 13 / Гл. ред. О.Б. Бубенок. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. С. 65–80.
2. Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: Гриф и К, 2008. 304 с.

3. Безуглов С.И. Позднесарматский меч из ст. Камышевской // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докладов / Ростов-на-Дону: Институт «Открытое общество», Фонд содействия. 1998. С. 87–88.
4. Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 169–193.
5. Буюклиев Хр. К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в I – начале II в. н.э. // РА. 1995. № 1. С. 37–46.
6. Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2010. С. 156–247.
7. Голдина Р.Д. О находках предметов из раковин турбинелла пирум на памятниках III–IV вв. Среднего Прикамья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4. 2018. С. 97–107.
8. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Часть I // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 17–58.
9. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2017. № 2(20). С. 44–72.
10. Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье / Российская археологическая библиотека. Вып. 1. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.
11. Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи Великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1993. С. 77–80.
12. Ильин Г.Ф. Древний индийский город Таксила. М.: Восточная литература, 1958. 84 с.
13. Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина, 1998. С. 97–150.
14. Красноперов А.А. Предкавказье и Прикамье: контекст изменения функций предмета в средне- и позднесарматское время // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2014. С. 183–204.
15. Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 272 с.
16. Литвинский Б.А. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов) // Индия в древности / Ред. В.В. Струве, Г.М. Бонгард-Левин. М.: Наука, 1964. С. 143–165.
17. Максимова А.Г. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар // Поиски и раскопки в Казахстане: сборник статей / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 123–138.
18. Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э. Дисс... канд. ист. наук. М., 2013. 302 с.
19. Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10 / МИАР. № 9. М.: Восточная литература, 2008. 364 с.
20. Мамлеева Л.А. Становление Великого шелкового пути в системе трансквилизационного взаимодействия народов Евразии // Vita antiqua. 1999. № 2. С. 53–61.
21. Мамонтов В.И. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. 194 с.

22. *Мерциев М.С.* Поселение Кызыл-Кайнар-тобе I–IV веков и захоронение на нем воина IV–V века // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1970. С. 79–92.
23. *Мошкова М.Г., Демиденко С.В.* Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР. Вып. 13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 254–261.
24. *Прохорова Т.А., Гугуев В.К.* Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. № 1. С. 142–161.
25. *Русланова Р.Р.* Особенность бусинных наборов Югомашевского могильника // Инновационный потенциал молодежной науки: материалы Всероссийской научной конференции 8 ноября 2013 г. / Отв. ред. А.Ф. Мустаев. Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. С. 236–240.
26. *Русланова Р.Р.* Бусы Южного Урала по материалам некрополей III–VIII веков. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2018. 376 с.
27. *Ставиский Б.Я.* Средняя Азия, Индия, Рим (к вопросу о международных связях в кушанский период) // Индия в древности / Ред. В.В. Струве, Г.М. Бонгард-Левин. М., 1964. С. 166–187.
28. *Ставицкий В.В.* К вопросу о хронологии погребений с фибулами Ново-Сасыкульского могильника // Уфимский археологический вестник. 2015б. № 15. С. 11–116.
29. *Ясаков В.С.* Этапы распространения предметов из морских раковин *Turbinella rugum* на территории Евразии // LI Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция (УПАСК, 5-8 февраля 2019 года): материалы всероссийской (с международным участием) конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Ред. Д.Н. Маслюженко, И.К. Новиков. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. С. 109–110.
30. Banerjee N.R., Soundara Rajan N.R. Sanur 1950 and 1952: a megalithic site in district Chingleput // *Ancient India*. 1959. № 15. P. 4–42.
31. Deshpande Mukherjee A., Bhatt R.C., Saklani P.M., Nautiyal V., Chauhan H., Bist K., Panwar B.C., Satich Ch. A note on the marine shell objects from the burial sites of Malari, Lippa and Ropa in the Trans-Himalayan region of India // *Archaeomalacology group Newsletter*. Issue 25. April 2015. P. 9–15.
32. Durante S. The Utilization of *Xancus pyrum* (L.) at Shahr-i-Sokhta // *South Asian Archaeology, 1975: Papers from the Third International conference of the association of South Asian archaeologists in Western Europe held in Paris*. Leiden: E.J. Brill, 1979. P. 27–42.
33. Gensheimer T.R. The role of shell in Mesopotamia: evidence for trade exchange with Oman and the Indus valley // *Paleorient*. 1984. № 10. P. 65–73.
34. Hornell J. Sea trade in early times // *Antiquity*. 1941. Vol. 15. P. 233–256.
35. Hornell J. The sacred chank of India: a monograph of the Indian conch (*Turbinella pyrum*) / Madras fisheries bureau. Bull. 7. Madras: The Superintendent, Government Press, 1914. 181 p.
36. Kenoyer J.M. Shell working industries of the Indus civilization: a summary // *Paleorient*. Vol.10/1. 1984. P. 49–63.
37. Marshall J. Taxila, An illustrated account of archaeological excavations carried out at Taxila under the orders of the government of India between the years 1913 and 1934. Vol.I–III. Cambridge: University Press, 1951.
38. Micheli R. Gifts of the sea in the mountains: the shell bangles // The last phases of the urban site at Bir-Kot-Ghwandai (Baricot). The Buddhist sites of Gumbat and Amluk-Dara (Baricot) / Luca M. Olivieri. Lahore: Sang-e-Meel Publications, 2014. P. 223–247.
39. Rea A. Catalogue of prehistoric antiquities from Adichanllur and Perumbair. Madras, 1915. P. 41–49.
40. Richards F.J. Note on some iron age graves at Odugattur, North Arcot District, South India // *The Journal of the Royal Anthropological Institute of the Great Britain and Ireland*. 1924. № 54. P. 157–165.

41. Woolley Sir L. Ur excavations. Vol. II. The Royal cemetery. A report on the Predynastic and Sargonid graves excavated between 1926 and 1931. Philadelphia: British museum and of the museum of the University of Pennsylvania, 1934. 609 p.

Информация об авторах:

Голдина Римма Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор. Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

Ясаков Виктор Сергеевич, магистрант. Институт истории и социологии. Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); jasakovvictor@outlook.com

TURBINELLA PYRUM SHELL ITEMS AT EURASIAN ARCHAEOLOGICAL SITES (THE 3RD MILLENNIUM BC – 9TH CENTURY AD)

R.D. Goldina, V.S. Yasakov

The authors analyze a collection of unique items – disc plates, pendants and beads made of mollusk shells of the *Turbinella pyrum* species inhabiting the Indian Ocean, which was collected at Mazunino-type burial grounds in the Middle Kama region. The objective of this work is to determine the routes of their arrival in the Kama region. In India, mollusks of this species have been produced since the 3rd millennium BC and until the present day, and their shells have been used to craft various items, including disc plates. In various periods shell items were common for Mesopotamia, foothills of the Himalayas, the Pamirs, Kazakhstan and the steppe belt of Eurasia. They arrived in the Kama region in the 3rd – 4th cc. from Central Asia along the northern branch of the Great Silk Road. The results of a study of the plates made of *Turbinella pyrum* shells from Mazunino burial grounds have allowed the authors to approximately localize the production of these items in specialized centers in India.

Keywords: archaeology, Eurasia, India, Middle Kama Region, Great Migration Period, Mazunino culture, *Turbinella pyrum* mollusk shells, trade routes, manufacturing centers.

REFERENCES

1. Aksenov, V. S. 2015. In Bubenok, O. B. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 13. Moscow: Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 65–80 (in Russian).
2. In Malyshev, A. A. 2008. *Aspurgiane na yugo-vostoke aziatskogo Bospora: po materialam Tsemolinskogo nekropolya (The Aspurgians in the South-East of the Asian Bosphorus: Based on Materials from Tsemolinsky Necropolis)* / Moscow: "Grif i K" Publ. (in Russian).
3. Bezuglov, S. I. 1998. In *Problemy arkheologii Yugo-Vostochnoy Evropy. VII Donskaya arkheologicheskaya konferentsiya (Issues of Archaeology of South-Eastern Europe. 7th Don Archaeological Conference)*. Rostov-na-Donu: "Institut "Otkrytoe obshchestvo"" Publ. 87–88 (in Russian).
4. Bezuglov, S. I. 2000. In Guev, Yu. K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (The Sarmatians and Their Neighbors on the Don)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona (Materials and Studies of the Don Archaeology) I. Rostov-on-Don: "Terra" Publ., 169–193 (in Russian).
5. Buyukliev, Khr. 1995. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 37–46 (in Russian).
6. Goldina, E. V., Goldina, R. D. 2010. In Goldina, E. V. *Busy mogil'nikov nevolinskoi kul'tury (konets IV–IX vv.) (Beads from the Nevolino Culture Burial Grounds (Late 4th – 9th Centuries))*. Izhevsk: "Izhevskaya respublikanskaya tipografiya" Publ., 156–260 (in Russian).
7. Goldina, R. D. 2018. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* (4), 97–107 (in Russian).
8. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 17 (3), 17–58 (in Russian).

9. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 20 (2), 44–72 (in Russian).
10. Gushchina, I. I., Zasetskaya, I. P. 1994. «Zolotoe kladbishhe» *Rimskoy epokhi v Prikuban'e* ("Golden cemetery" of the Roman Age in the Kuban' basin). Series: Russian Archaeological Library. Issue 1. Saint Petersburg: "Farn" Publ. (in Russian).
11. Egorov, Ya. V. 1993. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Kul'tura drevnikh narodov Yuzhnoy Sibiri* (Culture of the Ancient Peoples of Southern Siberia). Barnaul: Altai State University Publ., 77–80 (in Russian).
12. Il'in G.F. *Drevniy indiykiy gorod Taksila* (Ancient Indian Town of Taxila). Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
13. Kazakov, E. P. 1998. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysyacheletia n.e. (voprosy khronologii)* (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (Issues of Chronology)). Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 97–150 (in Russian).
14. Krasnoperov, A. A. 2014. In Luk'yashko, S. I. (ed.). *Voyna i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire* (War and Military Art in the Scythian-Sarmatian World). Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 183–204 (in Russian).
15. Litvinskiy, B. A. 1972. *Drevnie kochevniki «Kryshi mira»* (Ancient Nomads of the "Roof of the World"). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
16. Litvinskiy, B. A. 1964. In Struve, V. V. Bongard-Levin, G. M. (eds.). *Indiya v drevnosti* (India in Antiquity). Moscow: "Nauka" Publ., 143–165 (in Russian).
17. Maksimova, A. G. 1972. In Akishev, K. A. *Poiski i raskopki v Kazakhstane* (Searches and Excavations in Kazakhstan). Alma-Ata: "Nauka" Publ., 123–138 (in Russian).
18. Malashev, V. Yu. 2013. *Pozdnesarmatskaya kul'tura Yuzhnogo Priural'ya vo II–III vv. n.e. (Late Sarmatian Culture of the Southern Cis-Urals in the 2nd – 3rd cc. AD)*. PhD Thesis. Moscow (in Russian).
19. Malashev, V. Yu., Iablonskii, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia: po materialam mogil'nika Pokrovka 10* (The Steppe Population of the Southern Urals in Late Sarmatian Period: Materials of the Pokrovka 10 Cemetery). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Archaeology of Russia) 9. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
20. Mamleeva, L. A. 1999. In *Vita antiqua* (2). 53–61 (in Russian).
21. Mamontov, V. I. 2000. *Drevnee naselenie levoberezh'ya Dona (po materialam kurgannogo mogil'nika Pervomayskiy VII)* (Ancient Population of the Left Bank of the Don (Based on Materials from Pervomayskiy VII Burial Mound)). Volgograd: Volgograd State University (in Russian).
22. Mershiev, M. S. 1970. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Po sledam drevnikh kul'tur Kazakhstana* (In the Wake of the Ancient Cultures of Kazakhstan). Almaty: "Nauka" Publ., 79–92 (in Russian).
23. Moshkova, M. G., Demidenko, S. V. 2010. In Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (eds.). *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii* (Archaeology and Paleoanthropology of Eurasian Steppes and Adjacent Territories). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 13. Moscow: "Taus" Publ., 254–261 (in Russian).
24. Prokhorova, T. A., Guguev, V. K. 1992. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (1), 142–161 (in Russian).
25. Ruslanova, R. R. 2013. In Mustaev, A. F. (ed.). *Innovatsionnyi potentsial molodezhnoy nauki* (Innovative Potential of Youth Science). Ufa: Bashkirian State Pedagogical Institute, 236–240 (in Russian).
26. Ruslanova, R. R. 2018. *Busy Yuzhnogo Urala po materialam nekropoley III–VIII vekov* (Beads from the Southern Urals Based on Materials of the 3rd – 8th Century Necropolises). Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya (in Russian).
27. Stavitskiy, B. Ya. 1964. In Struve, V. V., Bongard-Levin, G. M. (eds.). *Indiya v drevnosti* (India in Antiquity). Moscow: "Nauka" Publ., 166–187 (in Russian).
28. Stavitskiy, V. V. 2015. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* (Ufa Archaeological Herald) 15. 11–116 (in Russian).

29. Yasakov V. S. 2019. In Maslyuzhenko, D. N., Novikov I. K. (eds.). *LI Uralo-Povolzhskaya arkeologicheskaya studencheskaya konferentsiya (UPASK, 5-8 fevralya 2019 goda): materialy vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (51st Ural-Volga Archaeological Student Conference (UPASK, February 5–8, 2019): Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists)*. Kurgan: Kurgan State University Publ., 109–110 (in Russian).
30. Banerjee, N. R., Soundara Rajan, N. R. 1959. In *Ancient India*. No. 15. 4–42.
31. Deshpande Mukherjee, A., Bhatt, R. C., Saklani, P. M., Nautiyal, V., Chauhan, H., Bist, K., Panwar, B. C., Satich, Ch. 2015. In *Archaeomalacology group Newsletter*. Issue 25. 9–15.
32. Durante, S. 1975. In *South Asian Archaeology, 1975: Papers from the Third International conference of the association of South Asian archaeologists in Western Europe held in Paris*. Leiden: E.J. Brill, 1979. P. 27–42.
33. Gensheimer, T. R. 1984. In *Paleorient*. No. 10. 65–73.
34. Hornell, J. 1941. In *Antiquity*. Vol. 15. 233–256.
35. Hornell, J. 1914. The sacred chank of India: a monograph of the Indian conch (*Turbinella pyrum*). *Madras fisheries bureau*. Bull. 7. Madras: The Superintendent, Government Press.
36. Kenoyer, J. M. 1984. In *Paleorient*. Vol.10/1. 49–63.
37. Marshall, J. 1951. *Taxila, An illustrated account of archaeological excavations carried out at Taxila under the orders of the government of India between the years 1913 and 1934*. Vol.I–III. Cambridge: University Press.
38. Micheli, R. 2014. In Luca M. Olivieri (ed.). *The last phases of the urban site at Bir-Kot-Ghwandai (Baricot). The Buddhist sites of Gumbat and Amluk-Dara (Baricot)*. Lahore: Sang-e-Meel Publications. 223–247.
39. Rea, A. 1915. Catalogue of prehistoric antiquities from Adichanllur and Perumbair. Madras. 41–49.
40. Richards, F. J. 1924. In *The Journal of the Royal Anthropological Institute of the Great Britain and Ireland*. No. 54. 157–165.
41. Woolley Sir, L. 1934. *Ur excavations. Vol. II. The Royal cemetery. A report on the Predynastic and Sargonid graves excavated between 1926 and 1931*. Philadelphia: British museum and of the museum of the University of Pennsylvania.

About the Authors:

Goldina Rimma D. Doctor of Historical Sciences, Professor. Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Yasakov Viktor S. Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; yasakovvictor@outlook.com

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

**НАСЕЛЕНИЕ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ ПО ДАННЫМ ОСТЕОМЕТРИИ
(МАТЕРИАЛЫ МОГИЛЬНИКА СТАРЫЙ ЧЕКМАК)¹**

© 2020 г. Е.В. Волкова, В.В. Куфтерин

Статья посвящена исследованию антропологических материалов могильника Старый Чекам с точки зрения остеометрии, согласно принятым в отечественной антропологии методикам. Дана характеристика по абсолютным и относительным величинам длинных костей скелета (мужская часть серии показала преимущественно средние значения, женская – малые). Кроме того, группа была охарактеризована по соотношению длин сегментов конечностей (пропорциям). Мужская часть серии продемонстрировала удлинение бедра и предплечья относительно плеча, женская – удлинение бедра относительно плеча и, в целом, тенденцию к удлинению нижних конечностей относительно верхних. В силу малочисленности наблюдений тип пропорций с высокой достоверностью установить не представляется возможным. Реконструирована длина тела погребенных (мужская оказалась средней и выше средней, в женской, напротив, наблюдается тенденция к низкорослости). Особенности посткраниальной морфологии группы старочекмакского могильника вместе с другой пьяноборской серией из Ново-Сасыкульского могильника были проанализированы на фоне данных по остеометрии населения раннего железного века – раннего Средневековья. Полученные результаты межгруппового анализа позволяют заключить, что мужские серии пьяноборского населения Прикамья демонстрирует один из наиболее грацильных вариантов сложения по комплексу массивности среди всех привлеченных для сопоставления материалов.

Ключевые слова: археология, пьяноборская культура, Прикамье, могильник Старый Чекам, морфология, посткраниальный скелет, остеометрия, реконструкция длины тела.

Могильник Старый Чекам расположен на правом берегу реки Ик, на территории Муслюмовского района Республики Татарстан. Его исследования в археологическом отношении велись в 1974–1977 гг. Е.П. Казаковым, Р.С. Габяшевым, П.Н. Старостиним и Р.М. Фаттахом, которые датировали памятник рубежом нашей эры и отнесли по материальной составляющей к пьяноборской культуре (Казаков, 1975; Старостин, 1977). Краниология могильника была исследована Р.М. Фаттахом (Фатта-

хов, 1981а). Автором было отмечено, что мужская серия из этого памятника отличается более широкой черепной коробкой и широким лицом в ряду пьяноборских серий (Фаттах, 1981а; Фаттах, 1981б). В целом Р.М. Фаттах характеризует население пьяноборской культуры комплексом признаков, преобладающим у «субуральского варианта уральской расы»: долихокрания, средние размеры лицевого скелета при его умеренной профилировке и ослаблении выступления носа (Фаттах, 1981б).

¹ Публикуется в соответствии с планами научно-исследовательских работ Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Волкова Е.В.) и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Куфтерин В.В.).

Особенности посткраниальной морфологии представителей пьяноборской культуры являются пока что «белым пятном» в поле отечественной антропологии. Сравнительно недавно в научный оборот были введены данные по серии посткраниальных скелетов из Ново-Сасыкульского могильника в Нижнем Прикамье (Куфтерин, Волкова, 2019). Таким образом, публикуемые результаты остеометрического исследования материалов из могильника Старый Чекмак представляют новые данные для более полной характеристики особенностей физического типа населения пьяноборской культуры и расширяют базу для сравнительных исследований.

Антропологические материалы могильника Старый Чекмак в настоящее время находятся на хранении в Институте археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Республики Татарстан. Исследованную серию составляют посткраниальные скелеты относительно хорошей сохранности, принадлежавшие 23 индивидам (11 мужчин и 12 женщин), которые были измерены по методике Р. Мартина (Алексеев, 1966). В работе использовано 48 остеометрических признаков, 15 указателей и 5 индексов. Для оценки абсолютных значений признаков применялись рубрикации Д.В. Пежемского и И.М. Синевой (Пежемский, 2011; Синева, 2013). Расчет описательных статистик был произведен при помощи приложения MS Excel. Реконструкция длины тела производилась по способам К. Пирсона и А. Ли, М. Троттер и Г. Глезер, В.В. Бунака. Сравнительный анализ Старо-Чекмакской серии на фоне групп раннего железного века – раннего Средневековья проводился с использованием кластерного и однофакторного дис-

персионного анализов в программном пакете Statistica 12.0.

Внутригрупповой анализ

Данные по остеометрии мужских скелетов представлены в таблице 1.

Продольные параметры длинных костей мужских скелетов характеризуются средними величинами (кроме суставной длины лучевой кости, находящейся на границе средних и выше средних значений). Длина ключиц в пределах малых величин. Характеристика лопаток не представлена ввиду плохой сохранности. Широтно-высотный указатель крестцовой кости характеризуется субплатихерией. По указателю верхнего тазового отверстия отмечается платипеллия. По указателю поперечного сечения верхней части диафиза бедренной кости – платимерия. Указатель платикнемии характеризует берцовые кости как эурикнемичные. Диаметры и окружности диафизов длинных костей характеризуются средними значениями (исключения – окружность середины диафиза плечевой кости, относящаяся к категории больших величин, и верхний сагиттальный диаметр диафиза локтевой кости, занимающий пограничное положение между средним и большим значениями). Интермембральный, луче-берцовый и берцово-бедренный указатели характеризуются средними значениями, плече-бедренный – значением ниже, а луче-плечевой – значением выше среднего. Длина тела (166–169 см), по рубрикации Мартина, средняя и выше средней (Мамонова, 1986).

Данные по остеометрии женских скелетов представлены в таблице 2.

Продольные параметры длинных костей женских скелетов характеризуются малыми величинами (плечевой кости – очень малыми). Лопатки,

Таблица 1

Остеометрическая характеристика костей посткраниального скелета
могильника Старый Чекмак. Мужчины

Признак	Правая					Левая				
	N	M	Min	Max	SD	N	M	Min	Max	SD
Плечевая кость										
H1	4	319,8	315,0	322,0	3,30	5	312,6	297,0	320,0	9,40
H2	4	315,8	312,0	319,0	2,99	6	309,5	294,0	322,0	9,56
H3	3	49,0	48,0	50,0	1,00	3	50,0	49,0	52,0	1,73
H4	4	59,3	54,0	64,0	4,57	4	59,5	58,0	62,0	1,91
H5	5	23,6	21,5	27,0	2,48	8	21,5	19,5	26,0	2,20
H6	5	18,4	17,0	19,5	0,96	8	18,1	16,0	21,0	1,84
H7	5	65,2	59,0	70,0	4,76	8	61,6	54,0	71,5	6,00
H7a	5	70,8	64,0	80,0	6,53	8	66,3	58,0	78,0	6,60
H6:5	5	78,4	72,2	86,4	6,08	8	84,1	80,0	90,5	4,49
H7:1	4	20,5	18,3	21,9	1,67	5	19,7	17,8	22,3	1,73
Лучевая кость										
R1	5	248,4	245,0	253,0	3,85	4	246,3	240,0	251,0	4,57
R2	5	238,1	232,5	245,0	4,80	4	234,8	230,0	237,0	3,20
R4	5	18,0	16,0	20,5	1,62	4	16,8	16,0	19,0	1,50
R5	5	12,1	11,0	13,0	0,89	4	12,0	11,0	12,5	0,71
R3	5	43,8	40,0	48,0	2,86	4	42,3	38,0	47,0	3,69
R3:2	5	18,4	17,0	20,0	1,08	4	18,0	16,5	19,8	1,37
R5:4	5	67,5	61,1	74,3	5,55	4	72,0	63,2	78,1	7,39
Локтевая кость										
U1	4	270,0	267,0	276,0	4,08	3	268,3	266,0	273,0	4,04
U2	4	236,4	230,0	243,0	5,31	4	235,3	230,0	240,0	4,09
U11	4	14,0	13,5	15,0	0,71	4	14,0	13,0	15,0	0,82
U12	4	17,5	15,0	20,0	2,38	4	17,4	15,0	21,5	2,84
U13	4	20,0	17,5	22,0	2,12	4	18,4	18,0	19,5	0,75
U14	4	25,5	25,0	26,0	0,58	4	25,3	24,0	28,0	1,89
U3	4	37,0	35,0	40,0	2,45	4	36,8	33,0	42,0	3,77
U3:2	4	15,7	14,8	16,5	1,00	4	15,6	14,3	17,5	1,34
U11:12	4	80,8	73,7	90,0	7,78	4	81,5	69,8	86,7	7,89
U13:14	4	78,4	70,0	88,0	8,36	4	72,9	69,6	75,0	2,60
Ключица										
Cl1	3	138,0	132,0	144,0	6,00	4	138,8	129,0	144,0	7,09
Cl6	3	37,3	35,0	39,0	2,08	4	37,5	36,0	39,0	1,73
Cl6:1	3	27,0	26,5	27,5	0,51	4	27,0	26,1	27,9	0,74
Бедренная кость										
F1	8	451,3	426,0	475,0	15,36	5	453,0	423,0	473,0	18,53
F2	8	445,9	419,0	471,0	16,09	3	438,0	416,0	450,0	19,08
F21	5	80,2	76,0	82,0	2,49	1	80,0	-	-	-
F6	10	28,9	24,5	34,0	2,64	9	29,2	24,0	33,0	2,87
F7	10	27,0	22,5	29,0	2,38	9	26,3	23,5	28,5	1,68
F9	10	30,6	27,0	33,0	1,83	9	29,9	27,5	33,0	1,69
F10	10	25,4	22,0	28,5	2,01	9	25,9	21,5	29,0	2,48
F8	10	87,3	74,0	96,0	6,67	9	87,3	77,0	94,0	6,69
F8:2	8	19,7	17,7	20,4	0,89	3	19,3	18,5	20,0	0,78
F6:7	10	107,2	91,4	121,4	8,95	8	110,0	100,0	122,0	7,17
F10:9	10	83,2	74,2	93,3	6,09	8	86,5	76,7	98,2	7,41
Большая берцовая кость										
T1	5	364,0	359,0	375,0	6,56	4	370,3	365,0	382,0	8,06
T1a	7	376,6	365,0	392,0	9,54	7	372,9	344,0	395,0	15,28
T3	2	76,5	75,0	78,0	2,12	3	72,3	72,0	73,0	0,58
T6	5	51,8	45,0	55,0	4,09	6	50,7	44,0	56,0	3,93
T8	8	29,4	23,0	33,0	3,28	7	27,9	24,0	30,0	2,13
T8a	8	32,4	28,5	36,0	2,40	7	31,4	30,0	34,0	1,59
T9	8	21,9	18,5	26,5	2,95	7	21,5	19,0	26,5	2,72
T9a	8	24,1	21,0	27,5	2,10	7	24,4	21,5	28,0	2,17
T10	8	83,6	78,0	95,0	6,70	7	80,0	73,0	87,0	4,69
T10b	7	72,5	66,0	80,5	4,97	6	70,8	65,0	76,5	3,76
T9a:8a	8	74,6	65,6	85,9	7,30	7	77,4	71,7	82,4	3,84
T10b:1	4	20,0	19,5	20,7	0,52	3	19,3	19,0	19,6	0,30
Малая берцовая кость										
Fib1	2	356,5	350,0	363,0	-	1	-	364,0	364,0	-
Крестец										
Sacr2	3	114,2	109,0	120,5	5,84	3	114,2	109,0	120,5	5,84
Sacr5	4	117,5	111,5	122,5	4,60	4	117,5	111,5	122,5	4,60
Sacr1	3	127	122	135	7	3	127	122	135	7
Sacr5:2	3	103,17	98,67	109,17	5,41	3	103,17	98,67	109,17	5,41
Тазовые кости										
Pelv1	4	221,5	214,0	233,0	8,89	3	222,0	214,0	234,0	10,58
Pelv23	4	103,6	91,0	118,5	11,31	4	103,6	91,0	118,5	11,31
Pelv24	4	127,0	123,0	130,0	3,16	4	127,0	123,0	130,0	3,16
Pelv2	4	223,1	136,5	262,0	58,23	4	223,1	136,5	262,0	58,23
Pelv1:2	3	88,9	88,1	89,6	0,74	2	89,3	89,3	89,3	0,02
Pelv23:24	4	81,6	72,2	91,9	8,18	4	81,6	72,2	91,9	8,18
Указатели и длина тела										
Интермембральный указатель	4	70,33	69,57	71,14	0,80	1	-	68,38	68,38	-
Луче-плечевой указатель	4	77,33	76,09	78,75	1,45	4	77,82	75,00	78,91	1,89
Берцово-бедренный указатель	6	81,52	80,54	83,23	0,95	3	82,43	82,00	82,69	0,37
Плечев-бедренный указатель	4	71,86	70,79	73,52	1,16	3	71,31	71,11	71,43	0,17
Луче-берцовый указатель	4	68,45	67,12	70,00	1,18	3	66,79	65,04	67,67	1,52
Пирсон, Ли, F1	8	166,1	161,4	170,6	2,89	5	166,5	160,8	170,2	3,49
Троттер, Глезер, F1	8	168,8	162,8	174,5	3,66	5	169,2	162,1	174,0	4,40
Бунак, F1+T1	5	166,9	165,3	169,9	1,81	1	-	167,8	167,8	-

крестец и таз не удалось охарактеризовать ввиду плохой сохранности. Абсолютные поперечные размеры характеризуются малыми и очень малыми величинами. Указатель поперечного сечения плечевой кости находится в пределах средних значений, так же как и указатель массивности локтевой кости. Отношение верхней ширины диафиза локтевой кости к верхнему сагиттальному диаметру диафиза свидетельствует о платолении. Бедренные кости характеризуются эуриметрией, большие берцовые – эурикнемией (расширенностью диафиза).

Луче-берцовый, луче-плечевой и берцово-бедренный указатели характеризуются средними значениями, плече-бедренный – малыми, а интермембральный – на границе малых и средних величин. Длина тела (152–155 см), по рубрикации Р. Мартина, средняя или ниже средней.

В силу малочисленности серии коэффициенты асимметрии не высчитывались. По той же причине сложно судить о достоверности различий между мужскими и женскими подгруппами.

Межгрупповой анализ

Особенности посткраниальной морфологии носителей пьяноборской культуры (могильники Старый Чекмак и Ново-Сасыкульский) были проанализированы на фоне данных по остеометрии населения РЖВ – раннего Средневековья. В общей сложности в расчеты, произведенные в пакете программ Statistica 12.0, включено 29 мужских и 23 женские остеологические серии (перечень сравнительного материала и источники данных приводятся в примечании к рис. 1). Анализировалась межгрупповая изменчивость 8 остеометрических признаков, отражающих параметры длиннотного комплекса (наибольшие длины плече-

вой и лучевой, длина в естественном положении бедренной и общая длина большеберцовой костей) и комплекса массивности (наименьшие окружности плечевой, лучевой, большеберцовой и окружность середины диафиза бедренной кости).

На первом этапе использовался такой классифицирующий метод, как кластерный анализ. Отметим попутно, что для визуализации межгрупповой изменчивости при небольшом наборе признаков (в частности, в остеометрии) нередко применяются бивариантные графики. Можно сказать, что в настоящее время этот довольно «архаичный» способ представления данных обретает «второе дыхание». Несмотря на безусловные плюсы такого подхода, он не позволяет производить сопоставление больших массивов информации сразу по целому ряду параметров. В этом смысле кластерный анализ, преследующий по большому счету те же цели визуальной классификации и не являющийся при этом строгой статистической процедурой, обладает, с точки зрения авторов, весомым преимуществом. В нашем случае мерой сходства при кластеризации было выбрано евклидово расстояние, использовалась иерархическая схема с группировкой методом взвешенной средней связи.

Дендрограммы кластеризации мужских и женских выборок РЖВ – раннего Средневековья представлены на рис. 1 и 2. Применение к рассматриваемым данным кластерного анализа по методу средней связи (только этого метода!) дало следующие результаты. Мужские пьяноборские серии из Старого Чекмака и Ново-Сасыкуля оказались в разных подкластерах: первая группа объединилась со средними и поздними сарматами

Таблица 2

Остеометрическая характеристика костей посткраниального скелета
могильника Старый Чекмак. Женщины

Признак	Правая					Левая				
	N	M	Min	Max	SD	N	M	Min	Max	SD
Плечевая кость										
H1	4	287,5	264,0	310,0	18,95	6	284,8	266,0	297,0	10,32
H2	4	282,5	260,0	303,0	17,71	6	281,0	261,0	292,0	10,62
H3	2	47,5	46,0	49,0	-	2	43,5	42,0	45,0	-
H4	4	52,3	49,0	56,0	2,87	4	51,3	48,0	53,0	2,36
H5	7	20,1	18,5	21,0	1,03	8	19,9	18,0	21,5	1,46
H6	7	15,7	14,5	17,5	0,95	8	15,3	14,0	17,5	1,31
H7	7	55,6	53,0	59,0	2,44	8	55,4	52,0	60,0	2,72
H7a	7	60,1	56,0	63,0	2,67	8	59,3	55,0	63,5	3,49
H6:5	7	78,0	73,8	83,3	3,16	8	77,2	69,8	88,9	6,50
H7:1	4	20,0	18,9	21,6	1,26	6	19,7	18,0	21,4	1,25
Лучевая кость										
R1	5	217,6	206,0	229,0	8,56	2	222,0	220,0	224,0	-
R2	5	208,7	198,0	221,0	8,23	3	210,0	207,0	214,5	3,88
R4	5	14,3	11,5	19,0	2,82	5	12,4	10,0	15,0	2,07
R5	5	11,6	10,0	16,5	2,77	5	12,4	10,0	17,0	3,05
R3	5	36,8	35,0	40,0	1,92	4	35,3	34,0	37,0	1,26
R3:2	5	17,7	16,3	20,2	1,52	3	16,8	16,3	17,2	0,50
R5:4	5	70,6	52,6	80,7	11,07	5	72,8	64,7	83,3	6,71
Локтевая кость										
U1	3	243,3	236,0	250,0	7,02	1	-	245,0	245,0	-
U2	3	215,2	210,0	224,0	7,69	2	213,5	209,0	218,0	6,36
U11	4	10,8	10,0	12,0	0,98	4	10,9	10,0	12,0	1,03
U12	4	14,5	13,0	16,0	1,29	4	14,8	12,5	17,0	1,85
U13	4	16,5	14,5	20,5	2,74	4	16,4	14,0	19,0	2,06
U14	4	22,0	20,5	24,0	1,58	3	22,5	21,0	24,0	1,5
U3	4	31,6	30,0	33,0	1,25	3	32,3	30,0	35,0	2,52
U3:2	3	14,7	14,3	15,1	0,42	2	15,2	14,4	16,1	1,20
U11:12	4	74,6	70,0	80,0	4,68	4	74,1	69,0	80,0	5,17
U13:14	4	74,7	70,7	85,4	7,17	3	73,1	66,7	79,2	6,25
Ключица										
Cl1	1	-	131,0	131,0	-	0	-	-	-	-
Cl6	1	-	34,0	34,0	-	0	-	-	-	-
Cl6:1	1	-	26,0	26,0	-	0	-	-	-	-
Бедренная кость										
F1	5	408,4	396,0	427,0	13,50	5	406,0	394,0	411,0	7,11
F2	5	401,8	390,0	420,0	15,01	5	400,2	388,0	405,0	7,09
F21	2	70,0	67,0	73,0	4,24	2	67,5	65,0	70,0	3,54
F6	7	23,9	21,5	27,0	1,32	7	23,2	21,0	26,5	1,80
F7	7	24,0	22,0	26,0	1,76	7	24,6	23,5	26,0	1,10
F9	7	25,2	18,5	28,0	5,06	7	26,7	25,0	28,0	1,25
F10	7	21,6	20,5	22,5	0,76	7	22,2	20,0	24,0	1,22
F8	7	74,9	72,0	77,0	1,15	7	74,4	71,0	77,0	1,84
F8:2	5	18,8	18,3	19,2	0,48	5	18,8	18,2	19,3	0,50
F6:7	7	99,6	84,3	120,0	13,21	7	94,7	82,7	110,4	9,41
F10:9	7	86,9	77,8	116,2	21,12	7	83,3	78,6	96,0	5,96
Большая берцовая кость										
T1	5	330,0	289,0	372,0	8,96	3	330,3	290,0	371,0	40,50
T1a	5	341,8	327,0	377,0	11,36	3	335,7	297,0	375,0	39,00
T3	2	68,0	67,0	69,0	-	0	-	-	-	-
T6	4	45,5	42,0	48,0	2,65	2	45,0	43,0	47,0	-
T8	6	25,0	23,0	27,0	1,30	3	23,7	21,0	25,0	2,31
T8a	8	27,8	22,5	30,0	2,36	5	26,2	22,0	28,5	2,51
T9	6	17,9	17,0	19,5	1,11	3	17,8	17,0	19,0	1,04
T9a	8	20,1	18,0	23,0	2,10	5	20,3	19,0	22,0	1,30
T10	6	69,5	63,0	75,0	5,17	3	66,0	60,0	72,0	6,00
T10b	8	61,1	55,0	67,0	3,76	5	60,3	56,0	64,0	2,99
T9a:8a	8	73,0	64,3	93,3	9,93	5	78,12	69,1	93,2	9,70
T10b:1	5	18,8	17,6	19,7	0,76	2	18,28	17,3	19,3	1,46
Малая берцовая кость										
Fib1	0	-	-	-	-	0	-	-	-	-
Крестец										
Sacr2	0	-	-	-	-	0	-	-	-	-
Sacr5	1	-	113	113	-	1	-	113	113	-
Sacr1	0	-	-	-	-	0	-	-	-	-
Sacr5:2	0	-	-	-	-	0	-	-	-	-
Тазовые кости										
Pelv1	1	-	188	188	-	0	-	-	-	-
Pelv23	0	-	-	-	-	0	-	-	-	-
Pelv24	0	-	-	-	-	0	-	-	-	-
Pelv2	0	-	-	-	-	0	-	-	-	-
Pelv1:2	0	-	-	-	-	0	-	-	-	-
Pelv23:24	0	-	-	-	-	0	-	-	-	-
Указатели и длина тела										
Интермембральный указатель	3	69,66	69,10	70,27	0,59	0	-	-	-	-
Луче-плечевой указатель	4	75,99	73,87	78,03	1,71	2	76,04	75,42	76,66	-
Берцово-бедренный указатель	4	79,97	78,45	81,25	1,21	1	-	81,48	81,48	-
Плече-бедренный указатель	3	71,44	70,46	72,60	1,08	4	70,76	69,83	72,84	1,73
Луче-берцовый указатель	3	67,44	66,46	68,52	1,03	0	-	-	-	-
Пирсон, Ли, F1	5	152,3	149,9	155,9	2,38	5	151,8	149,5	152,8	1,38
Троттер, Глезер, F1	5	155,0	151,9	159,6	3,03	5	154,4	151,4	155,6	1,77
Бунак, F1+T1	3	155,1	153,0	158,0	-	1	-	154,2	154,2	-

Таблица 3

Результаты дисперсионного анализа (ANOVA) остеологических серий раннего железного века – раннего Средневековья по географическому фактору (F-статистика и доверительная вероятность)

Признак	Мужчины		Женщины	
	F	p	F	p
1. Наибольшая длина плечевой кости	2,52	0,05	2,50	0,07
7. Наименьшая окружность диафиза плечевой кости	2,90	0,03*	0,53	0,74
1. Наибольшая длина лучевой кости	2,09	0,09	1,12	0,38
3. Наименьшая окружность диафиза лучевой кости	0,36	0,89	0,37	0,86
2. Длина бедренной кости в естественном положении	0,53	0,77	0,20	0,95
8. Окружность середины диафиза бедренной кости	0,53	0,78	0,72	0,62
1. Общая длина большой берцовой кости	1,31	0,29	1,58	0,21
10b. Наименьшая окружность диафиза большой берцовой кости	2,83	0,03	0,58	0,71

* Уровень вероятности ниже 0,05 выделен курсивом.

Нижнего Поволжья и суммарной скифской выборкой, вторая – с мазунинцами из Боярского «Арай» могильника, тагарцами баиновского этапа, «сюнну» из каменных ящиков Аймырлыга и суммарной выборкой из ранних саргатских памятников. Женские серии кластеризовались несколько иным образом. Старочекмакская выборка объединилась с меотами и (на большем расстоянии) поздними сарматами из Покровки 10, «сюнну» из каменных ящиков Аймырлыга, раннесаргатской группой и тагарцами из Гришкиного Лога. Женщины из Ново-Сасыкуля наиболее сходны оказались с поздними и ранними сарматами Нижнего Поволжья, сарматами Украины и сериями из позднесаргатских могильников. Однозначная интерпретация полученных данных весьма проблематична. С одной стороны, объединение в рамках одного подкластера групп, весьма удаленных географически (и в ряде случаев хронологически), затрудняет морфологическое истолкование результатов. С другой стороны, этот факт можно рассматривать как подтверждение точки зрения о снижении размаха изменчивости остеометрических показателей в скифское и гунно-сарматское время и сглаживании морфологических раз-

личий между локальными группами (Медникова, 1998, с. 37). Все это требует приложения более мощных методов многомерного статистического анализа, что планируется в дальнейших исследованиях.

На втором этапе статистического сопоставления применялся однофакторный дисперсионный анализ. Для выявления морфологических различий материалы были сгруппированы по географическому принципу (Прикамье, Волго-Уральский регион, Западная Сибирь, Алтай и Минусинская котловина, Тува, Юго-западный и северокавказский регионы, Средняя Азия). Географическая зона выступала в качестве регулируемого фактора. Дисперсионный анализ, вопреки ожиданиям, выявил статистически достоверные отличия между рассматриваемыми выборками только по двум признакам (наименьшие окружности плечевой и большой берцовой костей) и только у мужчин (табл. 3). Парные сравнения с использованием *t*-критерия позволили установить, что мужские прикамские выборки по окружности плечевой кости в наибольшей степени отличаются от саргатского населения Западной Сибири, представляющего по этому признаку самый массивный вариант строения

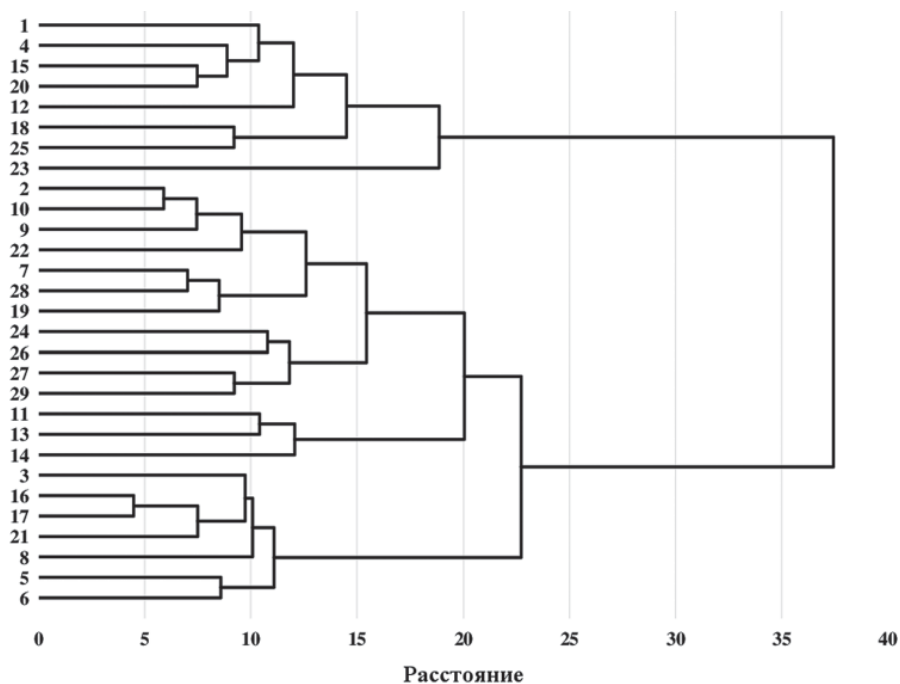

Рис. 1. Дендрограмма кластеризации мужских остеологических выборок раннего железного века – раннего Средневековья (взвешенный метод средней связи, евклидово расстояние). Обозначения могильников и групп: 1 – Ново-Сасыкульский; 2 – Старый Чекмак; 3 – Покровский; 4 – Боярский «Арай»; 5 – Дубровский; 6 – савроматская культура (разные памятники суммарно); 7 – ранние сарматы Нижнего Поволжья (суммарно); 8 – Старые Кишки; 9 – средние сарматы Нижнего Поволжья (суммарно); 10 – поздние сарматы Нижнего Поволжья (суммарно); 11 – Покровка 10; 12 – раннесаргатские могильники (суммарно); 13 – позднесаргатские могильники (суммарно); 14 – Абатский 3; 15 – Гришкин Лог; 16 – подгорновский этап тагарской культуры (суммарно); 17 – сарагашенский этап тагарской культуры (суммарно); 18 – Масляха 1, 2; 19 – Барангол; 20 – Аймырлыг XXXI (каменные ящики); 21 – Аймырлыг XXXI (грунтовые могилы); 22 – скифы Приднепровья и Причерноморья (суммарно); 23 – меоты Прикубанья (суммарно); 24 – Уллубаганалы; 25 – Беслан; 26 – Николаевка-Козацкое; 27 – сарматы Украины (суммарно); 28 – джетыясарская культура (суммарно); 29 – Гурмирон. Источники данных: 1–2 – данные авторов; 3 – Рыкушина, Тихонов, 2000; 4 – Широбоков, Черных, 2016; 5 – Широбоков и др., 2018; 6 – Фирштейн, 1961; Медникова, 1998; 7, 9–10 – Фирштейн, 1970; 11 – Пежемский, 2008; 12–14 – Ражев, 2009; 15–17 – Медникова, 1995; 18 – Рыкун, 1997; 19 – Бородовский, Тур, 2015; 20–21 – Богданова, Радзюн, 1991; 22 – Дебеч, 1948; Зиневич, 1967; Кондукторова, 1972; 23 – Абрамова, 2017; 24 – Тихонов, 1996; 25 – Фризен, Фризен, 2012; 26 – Кондукторова, 1979; 27 – Кондукторова, 1956; 28 – Ходжайов, 1987; Медникова, 1998; 29 – Ходжайов, 1980.

Fig. 1. Dendrogram of hierarchical cluster analysis of Early Iron Age – Early Medieval male osteological samples (weighted pair-group average, Euclidean distances). Notation: 1 – Novo-Sasykul; 2 – Stary Chekmak; 3 – Pokrovsky; 4 – Boyarsky “Aray”; 5 – Dubrovsky; 6 – Savromat culture (in total); 7 – the early Sarmatians of the Lower Volga region (in total); 8 – Stary Kiishki; 9 – the Middle Sarmatians of the Lower Volga region (in total); 10 – the Late Sarmatians of the Lower Volga region (in total); 11 – Pokrovka 10; 12 – Early Sargatka cemeteries (in total); 13 – Late Sargatka cemeteries (in total); 14 – Abatsky 3; 15 – Grishkin Log; 16 – Tagar culture (Podgornovo stage); 17 – Tagar culture (Saragash stage); 18 – Maslyakha 1, 2; 19 – Barangol; 20 – Aymyrylg XXXI (cysts); 21 – Aymyrylg XXXI (graves); 22 – the Scythians (in total); 23 – the Meotians (in total); 24 – Ullubaganaly; 25 – Beslan; 26 – Nikolaevka-Kozatskoye; 27 – the Sarmatians of Ukraine (in total); 28 – Jetyasar culture (in total); 29 – Gurmiron. Sources: 1–2 – author's data; 3 – Rykushina, Tikhonov, 2000; 4 – Shirobokov, Chernykh, 2016; 5 – Shirobokov et al., 2018; 6 – Firshtein, 1961; Mednikova, 1998; 7, 9–10 – Firshtein, 1970; 11 – Pezhemskii, 2008; 12–14 – Razhev, 2009; 15–17 – Mednikova, 1995; 18 – Rykun, 1997; 19 – Borodovskii, Tur, 2015; 20–21 – Bogdanova, Radziun, 1991; 22 – Debets, 1948; Zinevich, 1967; Konduktorova, 1972; 23 – Abramova, 2017; 24 – Tikhonov, 1996; 25 – Frizen, Frizen, 2012; 26 – Konduktorova, 1979; 27 – Konduktorova, 1956; 28 – Khodzhaiov, 1987; Mednikova, 1998; 29 – Khodzhaiov, 1980.

Таблица 4

Результаты попарного сравнения наименьших окружностей диафизов плечевой (Hum7) и большеберцовой (Tib10b) костей в остеологических сериях раннего железного века – раннего Средневековья с помощью t-критерия (мужчины)

Выборка	Hum7						
	1	2	3	4	5	6	7
1. Нижнее и Среднее Прикамье	63,9	65,7	67,8	64,4	65,5	63,7	64,3
2. Волго-Уральский регион	-	1,64	3,91*	0,49	1,07	0,25	0,27
3. Западная Сибирь	-	-	-	3,43	2,36	4,16	10,59
4. Алтай и Минусинская котловина	-	-	-	-	0,71	0,76	0,13
5. Тува	-	-	-	-	-	1,28	0,84
6. Юго-западный регион и Северный Кавказ	-	-	-	-	-	-	0,47
7. Средняя Азия	-	-	-	-	-	-	-
Выборка	Tib10b						
	1	2	3	4	5	6	7
1. Нижнее и Среднее Прикамье	72,6	73,2	75,6	73,5	73,9	76,6	74,4
2. Волго-Уральский регион	-	0,66	2,25	0,75	0,81	3,04	1,27
3. Западная Сибирь	-	-	2,27	0,29	0,53	3,01	1,13
4. Алтай и Минусинская котловина	-	-	-	-	1,04	0,59	0,92
5. Тува	-	-	-	-	-	1,45	0,37
6. Юго-западный регион и Северный Кавказ	-	-	-	-	-	-	1,26
7. Средняя Азия	-	-	-	-	-	-	-

* Уровень достоверных различий для $p > 95\%$ выделен курсивом.

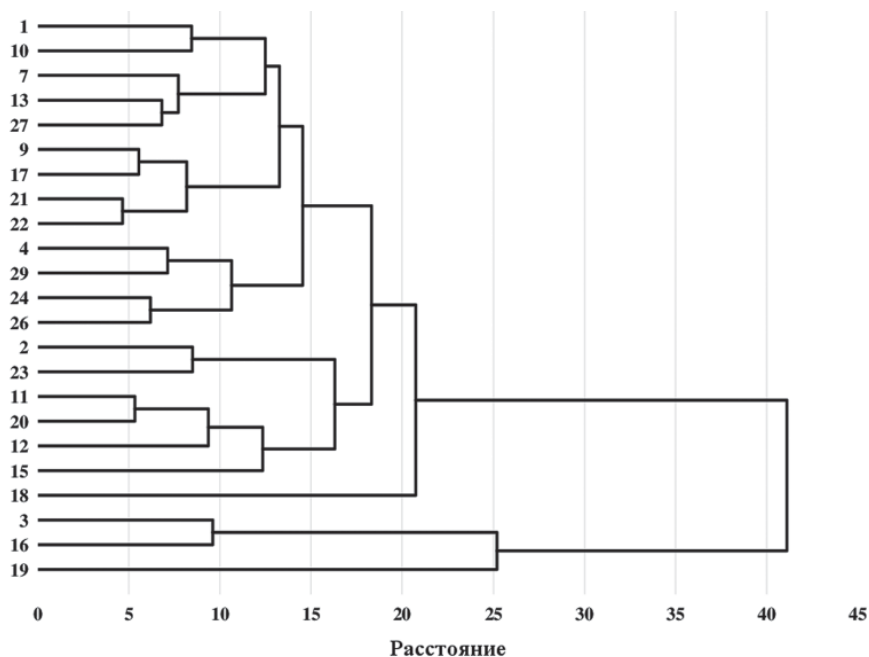

Рис. 2. Дендрограмма кластеризации женских остеологических выборок раннего железного века – раннего Средневековья (взвешенный метод средней связи, евклидово расстояние). Обозначения групп те же, что на рис. 1.

Fig. 2. Dendrogram of hierarchical cluster analysis of Early Iron Age – Early Medieval female osteological samples (weighted pair-group average, Euclidean distances). The numbers of samples are the same as in Fig. 1.

(табл. 4). Другой признак, продемонстрировавший наличие достоверных различий между выборками, – наименьшая окружность большеберцовой кости – в наибольшей степени и достоверно отличает пьяноборских и мазунинских мужчин от населения Кавказа и южнорусских степей с прилегающими территориями. Таким образом, полученные результаты позволяют заключить, что население Прикамья (мужские выборки) демонстрирует один из наиболее грацильных вариантов сложения по комплексу массивности среди всех привлеченных для сопоставления материалов.

Подводя итоги сравнительного анализа отметим, что полученные резуль-

таты следует рассматривать как сугубо предварительные. Хотя они и поддаются определенной интерпретации, но ни в коей мере не исключают возможность получения ошибки второго рода («ложноотрицательного результата»). Отсутствие значимых различий по целому комплексу остеометрических признаков между рассмотренными сериями (в первую очередь, женскими) вполне может представлять собой артефакт. Поэтому в дальнейших исследованиях к анализируемым данным, как отмечалось, планируется применить более мощные статистические критерии, в частности канонический дискриминантный анализ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова А.Н.* Остеометрическая характеристика меотов Прикубанья VI в. до н. э. – III в. н. э. // Вестник антропологии. 2017. № 2 (38). С. 5–19.
2. *Алексеев В.П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.
3. *Богданова В.И., Радзюн А.Б.* Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из Центральной Азии // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии / Сборник музея антропологии и этнографии. Вып. 44 / Отв. ред. И.И. Гохман. СПб.: Наука, 1991. С. 55–100.
4. *Бородавский А.П., Тур С.С.* Барангольский некрополь пазырыкской культуры в горной долине Нижней Катунь (антропологический аспект) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 43 (3). С. 128–141.
5. *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 391 с.
6. *Зиневич Г.П.* Очерки палеоантропологии Украины. Киев: Наукова думка, 1967. 240 с.
7. *Казаков Е.П.* Отчёт о разведочно-охранных работах в восточных районах ТАССР (в 1974 г.). Казань, 1975 / НФ МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф. 20, оп. 1, д. 20. 72 л.
8. *Кондукторова Т.С.* Материалы по палеоантропологии Украины // Антропологический сборник. Т. 1 / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 33 / Отв. ред. Г.Ф. Дебец, М.Г. Левин. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 166–203.
9. *Кондукторова Т.С.* Антропология древнего населения Украины. М.: Изд-во МГУ, 1972. 155 с.
10. *Кондукторова Т.С.* Физический тип людей Нижнего Приднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казацкое). М.: Наука, 1979. 127 с.
11. *Куфтерин В.В., Волкова Е.В.* Физический тип населения Нижнего Прикамья эпохи раннего железа по данным остеометрии (материалы Ново-Сасыкульского могильника) // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). 268–285.
12. *Мамонова Н.Н.* Опыт применения таблиц В.В. Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас / Отв. ред. В.П. Алексеев, А.А. Зубов. М.: Наука, 1986. С. 21–33.

13. Медникова М.Б. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.: ИА РАН, 1995. 216 с.
14. Медникова М.Б. Остеометрическая методика в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований / Отв. ред. Е.З. Година. М.: Старый сад, 1998. С. 33–86.
15. Пежемский Д.В. Морфология длинных костей скелета и конституциональные особенности поздних сармат по материалам могильника Покровка 10 // Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10) / МИАР. № 9. М.: Восточная литература, 2008. С. 95–100.
16. Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения. Дисс...канд. биол. наук. М., 2011. 326с.
17. Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 492 с.
18. Рыкун М.П. К антропологии населения лесостепного Алтая в эпоху раннего железа (по материалам могильников Масляха 1, 2) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. Вып. 1. С. 74–81.
19. Рыкушина Г.В., Тихонов А.Г. Предварительное сообщение об антропологических материалах из могильника мазунинской культуры Покровка // Народы России: от прошлого к настоящему. Ч. 2. Антропология. / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Старый сад, 2000. С. 170–188.
20. Синева И.М. Определение половой принадлежности в палеоантропологических исследованиях костей верхней и нижней конечности. Дисс...канд. биол. наук. М., 2013. 185с.
21. Старостин П.Н. Отчёт о раскопках могильника «Старый Чекмак», проведённых осенью 1976 г. Казань 1977 / НФ МАРТ ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. Ф. 14, оп. 1, д. 139. 98 л.
22. Тихонов А.Г. Новые данные к антропологии населения кобанской культуры (по материалам могильника Уллубаганалы) // Вестник антропологии. 1996. Вып. 1. С. 74–96.
23. Фаттахов Р.М. Краниологическая характеристика материалов из могильника Старый Чекмак // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981а. С. 94–109.
24. Фаттахов Р.М. О формировании антропологического типа населения пьяноборской культуры // Из истории материальной культуры татарского народа / Отв. ред. Е.П. Казаков, Ю.И. Смыков, Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981б. С. 74–80.
25. Фишштейн Б.В. Сарматы Нижнего Поволжья (по антропологическим материалам из раскопок в низовьях р. Еруслан Сталинградской области) // Труды Института этнографии. Т. 71. Антропологический сборник III / Отв. ред. В.П. Алексеев, М.Г. Левин. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 53–81.
26. Фишштейн Б.В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т.А., Фишштейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов. Авары и сарматы. Л.: Наука, 1970. С. 69–200.
27. Фризен С.Ю., Фризен О.И. Предварительные итоги исследования остеологических материалов Бесланского могильника // Вестник антропологии. 2012. Вып. 22. С. 71–77.
28. Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент: Фан, 1980. 167 с.
29. Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (антропологические исследования). Ташкент: Фан, 1987. 208 с.
30. Широбоков И.Г., Черных Е.М. Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н.э. (по материалам Бо-

ярского «Арай» могильника) // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2016. Т. 26. Вып. 1. С. 25–34.

31. Ширококов И.Г., Черных Е.М., Нечвалода А.И. Антропологическая характеристика скелетных останков из раскопок Дубровского могильника // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2018. Т. 28. Вып. 4. С. 499–512.

Информация об авторах:

Волкова Елизавета Валерьевна, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); erminea.wolf@gmail.com

Куфтерин Владимир Владимирович, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия); vladimirkufterin@mail.ru

THE PYANY BOR CULTURE POPULATION OF THE LOWER KAMA REGION ACCORDING TO OSTEOMETRIC DATA (STARIY CHEKMAK BURIAL GROUND)

E.V. Volkova, V.V. Kufterin

The paper deals with results of the study of the anthropological materials from the Stariy Chekmak burial ground by means of the osteometry according to the methods adopted in Russian anthropology. Characteristics were given to the absolute and relative values of the long bones of skeleton (the male part of the sample shows mainly average values, whereas the female part – small ones). Besides, the group was characterized according to the length of the part of extremities. The male part of the sample demonstrated elongation both to the femoral bone and the radius relatively to the humerus in proportions, while the female part – shortening of the humerus relatively to the femoral bone (on the whole, their lower extremities tends to elongation relatively to upper ones). It seems impossible to determine the type of proportions because of lack of observations. The body length of the buried has also been reconstructed (the male turn to be medium and higher than the average; the female turn to be short). Further, the features of the postcranial morphology of the Stariy Chekmak cemetery group, together with another Piany Bor sample from the Novo-Sasykul burial ground, were analyzed against the Early Iron Age and the Middle Ages populations. The results of the intergroup analysis turn to the conclusion that the Pyany Bor male series of the Kama basin population demonstrates one of the most gracile variants of addition in the complex of massiveness among all the materials used for comparison.

Keywords: archaeology, anthropology, Pyany Bor culture, the Kama basin, Stariy Chekmak burial ground, morphology of the postcranial skeleton, osteometric analysis, body length reconstruction.

REFERENCES

1. Abramova, A.N. 2017. In *Vestnik antropologii (Herald of Anthropology)* 2 (38), 5–19 (in Russian).
2. Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy (Osteometry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
3. Bogdanova, V. I., Radzyun, A. B. 1991. In Gokhman, I. I. *Novye kollektsii i issledovaniya po antropologii i arkhologii (New Collections and Studies on Anthropology and Archaeology)*. Series: Sbornik Muzeya Antropologii i Etnografii (Anthropology and Ethnography Museum Collected Papers) 44. Saint Petersburg: “Nauka” Publ., 55–100 (in Russian).

Published in accordance with the reseach plans of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Volkova E.V.) and N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Kufterin V.V.).

4. Borodovskii, A. P., Tur, S. S. 2015. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia) 43 (3), 128–141 (in Russian).
5. Debets, G. F. 1948. *Paleoantropologiya SSSR (Paleoanthropology of the USSR)*. Series: *Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography. New Series*, 4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
6. Zinevich, G. P. 1967. *Ocherki paleoantropologii Ukrainy (Essays on paleoanthropology of Ukraine)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
7. Kazakov, E. P. 1975. *Otchet o razvedochno-okhrannykh rabotakh v vostochnykh rayonakh TASSR (v 1974 g.) (Report on Exploration and Rescue Operations in the Eastern Regions of the TASSR (in 1974))*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 20. Inv. 1, dossier 20 (in Russian).
8. Konduktorova, T. S. 1956. In Debets, G.F., Levin M.G. (eds.) *Antropologicheskii sbornik (Anthropological Collected Papers)* 1. Series: *Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences*, 33. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 166–203 (in Russian).
9. Konduktorova, T. S. 1972. *Antropologiya drevnego naseleniya Ukrainy (Anthropology of the ancient population of Ukraine)*. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russian).
10. Konduktorova, T. S. 1979. *Fizicheskii tip liudei Nizhnego Pridneprov'ia na rubezhe nashey (po materialam mogil'nika Nikolaevka-Kazatskoe) (Physical Anthropology of the Population of the Lower Dnieper Region at the Turn of Our Historical Period (Materials from Nikolayevka-Kazatskoye Burial Ground))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
11. Kufterin, V. V., Volkova, E. V. 2019. In *Vestnik antropologii (Herald of Anthropology)*, 4 (48). 268–285 (in Russian).
12. Mamonova, N. N. 1986. In Alekseev, V. P., Zubov A. A. (eds.). *Problemy evoliutsionnoi morfologii cheloveka i ego ras (Issues of the Evolutionary Morphology of Humans and Their Races)*. Moscow: "Nauka" Publ., 21–33 (in Russian).
13. Mednikova, M. B. 1995. *Drevnie skotovody Iuzhnoi Sibiri: paleoekologicheskaya rekonstruktsiya po dannym antropologii (Ancient pastoralists of Southern Siberia: paleoecological reconstruction according to anthropological data)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
14. Mednikova, M. B. 1998. In Godina, E. Z. (ed.). *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy (Historical human ecology. Methods of biological study)* Moscow: "Staryi sad" Publ., 33–86 (in Russian).
15. Pezhemskii, D. V. 2008. In Malashev, V. Yu., Iablonskii, L. T. *Stepnoe naselenie Iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremya: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (The Steppe Population of the Southern Urals in Late Sarmatian Period: Materials of the Pokrovka 10 Cemetery)*. Series: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Archaeology of Russia)* 9. Moscow: "Vostochnaya Literatura" Publ., 95–100 (in Russian).
16. Pezhemskii, D. V. 2011. *Izmenchivost' prodol'nykh razmerov trubchatykh kostei cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniya (Variability of Longitudinal Dimensions of Human Tubular Bones and Possibilities for Reconstruction of the Constitution)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).
17. Razhev, D. I. 2009. *Bioantropologiya naseleniya sargatskoi obshchnosti (Bio-Anthropology of the Sargatka community population)*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
18. Rykun, M. P. 1997. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Archeology, Anthropology & Ethnography)* (12), 74–81 (in Russian).
19. Rykushina, G. V., Tikhonov, A. G. 2000. In Alekseeva, T. I. (ed.). *Narody Rossii: ot proshlogo k nastoiashchemu (Peoples of Russia: from past to present)* 2. *Antropologiya (Anthropology)*. Moscow: "Staryi sad" Publ., 170–188 (in Russian).
20. Sineva, I. M. 2013. *Opredelenie polovoy prinadlezhnosti v paleoantropologicheskikh issledovaniyakh kostey verkhney i nizhney konechnosti (Identification of the Gender in Palaeoanthropological Studies of the Bones of Upper and Lower Extremities)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).

21. Starostin, P. N. 1977. *Otchet o raskopkakh mogil'nika «Stariy Chekmak», provedennykh osen'yu 1976 g. (Report on the Excavation of "Stary Chekmak" Burial Ground the Fall of 1976)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 14. Inv. 1, dossier 139 (in Russian).
22. Tikhonov, A.G. 1996. In *Vestnik antropologii (Herald of Anthropology)* (1), 74–96 (in Russian).
23. Fattakhov, R. M. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Ob istoricheskikh pamiatnikakh po dolinam Kamy i Beloi (On the Historical Sites in Kama and Belaya River Valleys)*. Kazan: Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 94–109 (in Russian).
24. Fattakhov, R. M. 1981. In Kazakov, E. P. Smykov, Yu. I. (eds.). *Iz istorii material'noy kul'tury tatarskogo naroda (Iz istorii material'noj kul'tury tatarskogo naroda)*. Kazan: Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 74–80 (in Russian).
25. Firshteyn, B. V. 1961. In Alekseev, V.P., Levin, M.G. (eds.). *Trudy Instituta etnografii (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences)* 71. Antropologicheskii sbornik (Anthropological Collection) 3. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 53–81 (in Russian).
26. Firshteyn, B. V. 1970. In Tot, T. A., Firshteyn B. V. *Antropologicheskie dannye k voprosu o Velikom pereselenii narodov. Avary i sarmaty (Anthropological data concerning the Great Migration. The Avars and Sarmatians)*. Leningrad: "Nauka" Publ., 69–200 (in Russian).
27. Frizen, S. Yu., Frizen, O. I. 2012. In *Vestnik antropologii (Herald of Anthropology)* (22), 71–77 (in Russian).
28. Khodzhayov, T. K. 1980. *K paleoantropologii drevnego Uzbekistana (On paleoanthropology of the ancient Uzbekistan)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
29. Khodzhayov, T. K. 1987. *Etnicheskie protsessy v Sredney Azii v epokhu srednevekov'ya (antropologicheskie issledovaniya) (Ethnic processes in the Central Asia at Middle Ages (anthropological investigations))*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).
30. Shirobokov, I. G., Chernykh, E. M. 2016. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. (Bulletin of Udmurt University)* 26 (1), 25–34 (in Russian).
31. Shirobokov, I. G., Chernykh, E. M., Nechvaloda, A. I. 2018. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta (Bulletin of Udmurt University)* 28 (4), 499–512 (in Russian).

About the Authors:

Volkova Elizaveta V. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; erminea.wolf@gmail.com

Kufterin Vladimir V. Candidate of Biological Sciences. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Leninski pr., 32a, Moscow, 119991, Russian Federation; vladimirkufterin@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

УДК 904 902.01

<https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.36.42>

**НОВЫЕ НАХОДКИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ КАРЕЛИИ:
СВИДЕТЕЛЬСТВА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУР
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ИКШОЗЕРО I)¹**

© 2020 г. К.Э. Герман, С.И. Кочкуркина

Авторы статьи рассматривают результаты исследования открытого в 2018 г. поселения Икшозеро I в юго-восточной Карелии. Памятник содержит материалы неолита – энеолита с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой (IV–III тыс. до н. э.) и комплект оригинальных женских украшений из цветного металла XI–XII вв. Некоторые ювелирные изделия были характерны для прибалтийско-финского населения Северо-Запада России (подвеска в виде уточки с привесками и «всадница на змее», ключ-амулет, стеклянные бусы, железный нож), другие (умбоновидная подвеска, подвеска с «жемчужным» орнаментом и пр.) – для финно-угорских культур Северо-Востока. Соединение предметов в одном памятнике на слабозаселенной территории свидетельствует об этнокультурных контактах населения при хозяйственном освоении северных земель и создании новых водно-волоковых путей. По мнению авторов, эти находки представляют научную ценность как археологические маркеры почти неизученной территории восточной Карелии.

Ключевые слова: археология, Карелия, поселение, неолит – энеолит, средневековый комплекс, датировка, ареалы, культурная принадлежность

Средневековые Карелии представлено памятниками по берегам Ладожского и Онежского озер, сосредоточенных в основном в южной части республики. Эпоха Средневековья бассейна Онежского озера и Белого моря зафиксирована или в виде изолированных комплексов или отдельных находок на поселениях. Памятники представлены культурными слоями разных эпох: мезолита, неолита, энеолита, бронзового и железного веков. Долговременные средневековые поселения неизвестны. Причина видится в том, что древних поселенцев и население рубежа I–II тыс. н. э. объединял охотничье-рыболовецкий хозяйственный уклад,

исключавший занятия земледелием, поэтому и селились они в сходных топографических условиях. В восточной части Карелии средневековые памятники сконцентрированы в бассейне оз. Водлозеро (Кочкуркина, 2017, с. 93–98).

Поселение Икшозеро I, открытое К.Э. Германом в 2018 г., располагается на северо-восточном берегу оз. Икшозеро, относящегося к бассейну Белого моря (рис. 1). Памятник содержит материалы неолита–энеолита с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой (IV–III тыс. до н. э.) и комплект оригинальных женских украшений из цветного металла XI–XII вв. (Герман, Отчет, 2018, с. 31–64, рис. 56–91).

¹ Работа выполнена из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН.

Рис. 1. Карта Карелии.
Икшозеро I.

Fig. 1. Map of Karelia.
Ikshozero I.

Целью данной статьи является анализ средневекового комплекса изделений: датировка, ареал, возможные причины их появления в глухой, необжитой части восточной Карелии. Еще раз подчеркнем, что здесь, в районе озер Икшозеро, Чёлмозеро, Янгозеро и др., средневековые памятники неизвестны, в то время как южнее их по берегам оз. Водлозеро археологических объектов несколько десятков (Косменко, 1992, 1993). Это изолированные комплексы или отдельные находки на поселениях. Долговременные средневековые поселения неизвестны. Причина видится в том, что древних поселенцев и население рубежа I–II тыс. н. э. объединял охотничье-рыболовецкий хозяйственный уклад, исключавший занятия земледелием, поэтому и селились они в сходных топографических условиях (Кочуркина, 2017, с. 93–94). Средневековые жители Икшозера через озерно-речную сеть могли контактировать с населением Водлозера, а затем через реки Вама, Илекса, Водла – с отдаленными территориями нынешних Вологодской и Архангельской областей. Не исключена связь с Беломорьем через р. Выг. О разносторонних связях

с прибалто-финнами Приладожья и поволжско-камским населением свидетельствует состав средневекового комплекса Икшозеро I.

Полая подвеска-уточка с двумя привесками в виде лапок водоплавающей птицы украшена треугольным жгутовым орнаментом, имитирующим крыло птицы. Этот тип (Рябинин, 1981, с. 36–37) характерен для Приладожской курганный культуры и датируется XI–XII вв. (рис. 2: 1). Ключ-амулет (на лопатке прослеживается узор) также известен в курганах Юго-Восточного Приладожья и в целом в Приладожской курганный культуре (свыше 30 экз.; рис. 2: 2). Ключи-амулеты входили в состав сложных нагрудных украшений, носившихся женщинами на груди или на поясе, иногда по 3–5 ключей в одном наборе. Наибольшее число экземпляров дали могильники на р. Ояти; один из них изготовлен в технике литья из многокомпонентного сплава с большим содержанием олова (Ениосова, 2017, с. 128).

Среди находок присутствует пластинчатая прорезная плакетка, изображающая так называемую всадницу на змее (определение Л.А. Голубе-

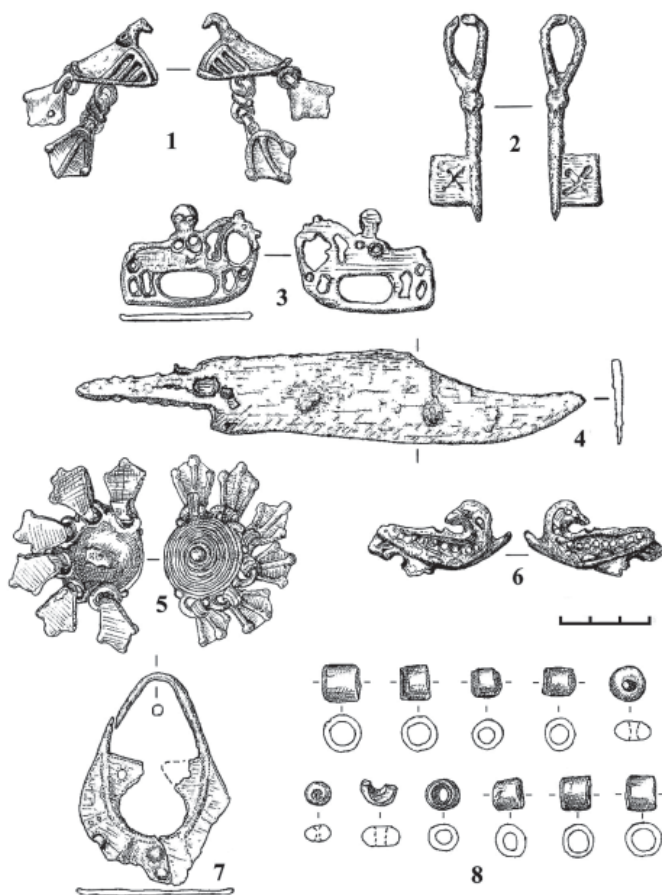

Рис. 2. Артефакты XI–XII вв.: 1 – шумящая подвеска-уточка; 2 – ключ-амулет; 3 – «всадница на змее»; 4 – железный нож; 5 – умбоновидная подвеска; 6 – подвеска с «жемчужным» орнаментом; 7 – калачевидная подвеска; 8 – стеклянные бусы.

Fig. 2. Artifacts of the 11th–12th centuries: 1 – pendant with suspensions; 2 – key-amulet; 3 – “rider on a snake”; 4 – iron knife; 5 – pendant in the form of a shield boss with suspensions; 6 – pendant with “pearl” ornament; 7 – pendant in the form kalach; 8 – glass beads.

вой, 1962). Лицевая часть рельефная, обратная – гладкая с отверстиями. Встречены в курганах Юго-Восточного Приладожья и на севере Онежского озера (10 экз.). Самая южная находка выявлена в низовьях р. Капши, северная – в окрестностях села Чёлмужи.

Работу по классификации изделий осуществил Е. А. Рябинин (Рябинин, 1981, с. 24–27). К XI типу (вариант 1) он отнес изделия с изображением «женского божества на коне, попирающем змею». По мнению исследователя, этот вариант «наиболее ранний, сочетает в себе зооморфный и антропоморфный мотивы» (с. 24).

За последние годы количество таких находок значительно увеличилось в Предуралье и за Уралом. Ис-

следователи пришли к заключению, что на коне изображен всадник, а не всадница. «Границы распространения средневековых подвесок с сюжетом «всадник на основании» ... совпадают с пределами средневекового угорского мира» (Белавин, Крыласова, 2010, с. 88). Однако появление изделий в Юго-Восточном Приладожье и в Карелии, на наш взгляд, объясняется средневековыми этнокультурными контактами с финно-угорским населением Предуралья. Эти изделия были адаптированы согласно вкусам и предпочтениям местного населения средневекового Приладожья. Что касается выбора «всадник/всадница», то в пользу «всадница на коне», вероятно, свиде-

тельствует нахождение изделий только в женских захоронениях.

К курганный культуре принадлежит редкой формы железный нож, обнаруженный на Ишкозеро I (рис. 2: 4). Курган Гайгово-3 (р. Оять) убедительно датируется началом XII в. по западноевропейским монетам. В нем обнаружены аналогичные ключи-амулеты и полые подвески-уточки, а также тонкий широкий нож длиной 16,3 см необычной горбатой формы.

Умбоновидная бляшка со спиралевидным орнаментом, с шестью лапками водоплавающей птицы по ободку, с металлической петлей на оборотной стороне диска (рис. 2: 5) имеет широкий ареал: Приладожье, Заволочье, Прикамье. По мнению Е.А. Рябини-на (Рябинин, 1997, с. 132), изделия характерны для культуры Важского бассейна, где они использовались как украшения обуви, а также для древнемарийских и муромских могильников X–XI вв. Г.А. Архипов считал их типично древнемарийским обувным украшением (Архипов, 1973, с. 71). На других финно-угорских территориях они использовались как височные, нагрудные или поясные изделия.

Шумящая подвеска – реалистическое изображение водоплавающей птицы (утки-селезня?). Голова птицы повернута назад, отчетливо изображен клюв и глаз. Отросток на шее, видимо, отломан. Яркое оперение птицы подчеркнуто «жемчужным» орнаментом и волнообразным. Обратная сторона идентичная, но сглажена, возможно, от трения об одежду (рис. 2: 6). Точные аналогии этому изделию нам неизвестны; «жемчужный» орнамент не характерен для изделий прибалтийско-финского ареала, но он широко использовался в ювелирном ремесле средневекового населения

Урала и Западной Сибири (Археология СССР, 1987, табл. LXXII: 33, 35; LXXVIII: 9; LXXXII: 8, 13, 27; LXXXV: 3, 5, 7 и др.).

Калачевидная серьга или подвеска (серебро?) – внешняя сторона орнаментирована, оборотная стерта, изделие сильно изношено (рис. 2: 7). Видимо, оно ценилось качеством металла и предназначалось для переплавки. Похожее изделие находилось в составе клада, обнаруженного на Карельском перешейке в 1922 г. под камнями в гумусированной земле. В кладе были восточные и западноевропейские монеты конца XI в., а также серебряные вещи: калачевидная подвеска с чеканным орнаментом из треугольников, имеющих три точки внутри, концентрических кругов и зубчиков; ромбоштитковое височное кольцо (четыре щитка), украшенное зубчиками и кругами; подковообразная фибула с ребром по дуге и с рисунком на головках и щитке иглы; три круглые подвески (одна с отверстием, две с приклепанными ушками) и фрагмент четвертой (Кочкуркина, 2017, с. 150–151). Аналогичное изделие содержалось в лапландском жертвоприношении Гротреск (Serning, 1956, pl. 50: 18). Л.А. Голубева (Голубева, 1962, с. 61) в свое время обратила внимание на то, что подобные украшения часто встречались по одному как в мужских, так и женских погребениях. Похожие, но не идентичные изделия из Рождественского могильника Н.Б. Крыласова (Крыласова, 2013, с. 109) также считает калачевидными подвесками.

В комплексе Ишкозеро I были два бубенчика, деформированная спиралеконечная из круглой проволоки застежка, два поясных кольца. Поясное кольцо с едва угадывающимся орнаментом аналогично изделию

из кургана Кяргино-Круглицы-3 на р. Ояти. Цилиндрические золото- и серебростеклянные бусы типичны для древнерусских памятников (рис. 2: 8). Наличие в составе находок обломка бронзовой пластины еще раз свидетельствует о том, что изделия собирались прежде всего как ценный металлолом.

Естественно возникает вопрос: как объяснить появление икшозерского клада на почти безлюдной, необжитой территории между водлозерской озерно-речной системой и верховьем р. Выг? Нам представляется убедительным предположение Н.А. Макарова «о технологии внедрения на новые земли». По его мнению (Макаров, 1997, с. 163), сооружение сезонных охотничьих, рыболовецких и сенокосных построек, находившихся на значительном расстоянии от деревень, было связано с освоением новых земель, угодий, жить на которых, в отрыве от постоянных поселений, было «затруднительно, а ино-

гда – невозможно». Кто-то, вероятно, отправившись в «разведку», прихватил с собой самое ценное, что у него было – икшозерский клад, как мы его назвали, но за ним не вернулся. С научной точки зрения эти находки ценны для средневековой археологии почти неизученной территории восточной Карелии.

Пути освоения северных территорий фиксируют отдельные случайные находки на севере Карелии (Чупа, Софпорог). Из Софпорога (Кочкуркина, 2008) известны 10 предметов и их фрагментов XII–XIII вв., характерных как для памятников северных финно-угорских территорий, так и приладожских курганов. Видимо, находки сохранились от небольшого кратковременного поселения, игравшего роль пропускного пункта на важном промысловом по добыче пушнины озерно-речном пути на север и северо-запад к северным берегам Ботнического залива, в северную Лапландию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипов Г.А.* Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. 198 с.
2. *Белагин А. М., Крыласова Н. Б.* Предметы с изображением сюжета «животное/ всадник на основании» в культуре средневекового населения северной Евразии // *Археология, этнография и антропология Евразии* 2(42), 2010. С. 79–88.
3. *Герман К.Э.* Отчет об археологической разведке на территории города Петрозаводска, Пудожского и Питкярантского района Республики Карелия Северо-Западного федерального округа в 2018 году. Петрозаводск, 2018 / Архив ИА РАН.
4. *Голубева Л.А.* Археологические памятники веси на Белом озере // *СА*. 1962. № 3. С. 53–77.
5. *Енисова Н.В.* Техника изготовления и химический состав металла украшений из памятников Юго-Восточного Приладожья и бассейна Онежского озера // *Кочкуркина С.И.* Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. С. 117–138.
6. *Косменко М.Г.* Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1992. 222 с.
7. *Косменко М.Г.* Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб.: Наука, 1993. 215 с.
8. *Кочкуркина С.И.* Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. 280 с.

9. Кочкуркина С.И. Новые археологические находки эпохи Средневековья в северной Карелии // РА. 2008. № 4. С. 128–129.

10. Крыласова Н.Б. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. Вып. 1 (21). С. 104–115.

11. Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий, 1997. 368 с.

12. Озера Карелии. Справочник / под ред. Н. Н. Филатова, В. И. Кухарева. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 463 с.

13. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / САИ. Е1–60. Л.: Наука, 1981. 144 с.

14. Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе древней Руси. СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. 260 с.

15. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. Т. 17 / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 511 с.

16. Serning I. Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de Svenska Lappmarkerna // Acta Laponica. Uppsala, 1956. No. 11. 218 s.

Информация об авторах:

Герман Константин Энрикович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия); germank@onego.ru

Кочкуркина Светлана Ивановна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, рук. сектора археологии, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия); svetlana.kochkurkina@mail.ru

NEW FINDS IN SOUTH-EASTERN KARELIA: EVIDENCE OF ETHNIC-CULTURAL CONTACTS IN MEDIEVAL CULTURE (ON MATERIALS OF THE SETTLEMENT OF IKSHOZERO I)

K.E. German, S.I. Kochkurkina

The authors of the paper consider the investigation results of settlement the Ikshozero I which was opened in South-Eastern Karelia in 2018. The monument contains materials of the Neolithic and Eneolithic with comb-pit and rhombus-pit ceramics (IV–III Millennium BC) and a set of original women's jewelry made of non-ferrous metal during 11th–12th centuries. Some jewelry products were typical for the Baltic-Finnish population of the North-West of Russia (bronze suspension with pendant and "rider on a snake", key-amulet, glass beads, iron knife, others (pendant in the form of a shield boss with suspensions), pendant with "pearl" ornament, etc. – for the Finno-Ugric cultures of the North-East. The combination of objects in one archaeological site in a sparsely populated area testifies the ethnic-cultural contacts of the population in the economic development of the Northern lands and the creation of new waterways. According to the authors, from a scientific point of view these findings are valuable as archaeological markers of the almost unexplored territory of Eastern Karelia.

Keywords: archaeology, Karelia, settlement, Neolithic and Eneolithic, medieval complex, dating, habitats, cultural affiliation.

REFERENCES

1. Arkhipov, G. A. 1973. *Mariitsy IX–XI vv.: k voprosu o proiskhozhdenii naroda (Mari People in 9th – 11th Centuries: to the Question on the Genesis of People)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

The work was carried out at the expense of the federal budget to fulfill the state task of Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences.

2. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2010. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia) 42 (2), 79–88 (in Russian).
3. German, K. E. 2018. *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke na territorii goroda Petrozavodsk, Pudozhskogo i Pitkyarantskogo rayona Respubliki Kareliya Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga v 2018 godu* (The report on archaeological investigation in the territory of the city of Petrozavodsk, the Pudozhsky and Pitkyaranta region of Republic of Karelia of the Northwestern Federal District in 2018). Petrozavodsk. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
4. Golubeva, L. A. 1962. In *Sovetskaya Arkheologiya* (Soviet Archaeology) 3, 53–77 (in Russian).
5. Eniosova, N. V. 2017. In Kochkurkina, S. I. 2017. *Arkheologiya srednevekovoy Karelii* (Archaeology of Medieval Karelia). Petrozavodsk: Karelian Research Center RAS Publ., 117–138 (in Russian).
6. Kosmenko, M. G. 1992. *Mnogosloynnye poseleniya yuzhnoy Karelii* (Multilayered settlements of the southern Karelia). Petrozavodsk: Karelian Research Center RAS Publ. (in Russian).
7. Kosmenko, M. G. 1993. *Arkheologicheskie kul'tury perioda bronzy – zheleznogo veka v Karelii* (The archaeological cultures of the period of the Bronze–Iron Ages in Karelia). Saint Petersburg: “Nauka” Publ. (in Russian).
8. Kochkurkina, S. I. 2017. *Arkheologiya srednevekovoy Karelii* (Archaeology of Medieval Karelia). Petrozavodsk: Karelian Research Center RAS Publ. (in Russian).
9. Kochkurkina, S. I. 2008. In *Rossiyskaya Arkheologiya* (Russian Archaeology) (4), 128–129 (in Russian).
10. Krylasova, N. B. 2013. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya»* (Bulletin of the Perm University. History Series) 21 (1), 104–115 (in Russian).
11. Makarov, N. A. 1997. *Kolonizatsiya severnykh okrain Drevnei Rusi v XI–XIII vv.: Po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov na volokakh Beloz'er'ia i Poonezh'ia* (Colonization of the Northern Outskirts of Ancient Rus in 11th–13th Centuries: on the Materials of Archaeological Sites on the Tracks of Belozerye and the Onega Region). Moscow: “Skriptorii” Publ. (in Russian).
12. In Filatov, N. N., Kukharev, V. I. (eds.). 2013. *Ozera Karelii* (Lakes of Karelia). Petrozavodsk: Karelian Research Center RAS Publ. (in Russian).
13. Ryabinin, E. A. 1981. *Zoomorfnye ukrasheniya Drevney Rusi X–XIV vv.* (Zoomorphic Adornments in Ancient Rus of 10th–14th Centuries). Series: *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov* (Corpus of Archaeological Sources) E1–60. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
14. Riabinin, E. A. 1997. *Finno-ugorskie plemena v sostave drevnei Rusi* (Finno-Ugric Tribes as a Part of Ancient Rus). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
15. In Sedov, V. V. (ed.). 1987. *Finno-ugry i balty v epokhu Srednevekov'ia* (The Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages). Series: Archaeology of the USSR, 17. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
16. Serning I. 1956. *Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de Svenska Lappmarkena*. Acta Laponica. Uppsala, No. 11.

About the Authors:

German Konstantin E. Candidate of Historical Sciences. Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Pushkinskaja st., 11, Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation; germank@onego.ru

Kochkurkina Svetlana I. Doctor of Historical Sciences. Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Pushkinskaja st., 11, Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation; svetlana.kochkurkina@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ КРАЙНЕГО СЕВЕРА В XI–XIV ВЕКАХ

© 2020 г. О.В. Кардаш, З.Г. Гайдакова

Экономический фактор оказывает значительное влияние на формирование культуры любого народа и наиболее ярко проявляется в торговле. До недавнего времени у жителей Югры основным источником, обозначающим эту область экономики, являлись отрывочные летописные данные и отдельные находки импортных предметов роскоши – произведений средневековых восточных и русских мастеров-ювелиров. В статье представлены сведения, полученные в результате раскопок слоя начала XIII – начала XIV в. городища Бухта Находка и могильника Бухта Находка 2. Авторами на основе анализа полученных материалов определен объем и направление торгово-меновых отношений жителей Югры XIII–XIV вв. и сделан вывод о преимущественном направлении в торгово-экономических отношениях между населением Южного Ямала и жителями земель Новгородской республики.

Ключевые слова: археология, средние века, север Западной Сибири, вещевой комплекс, торгово-меновые операции.

Введение

Взаимоотношения аборигенного населения Крайнего Севера, в частности полуострова Ямал, в период позднего Средневековья с другими народами и государствами следует обозначить как меновую торговлю, не предусматривавшую денег в качестве платежного средства.

Одним из подтверждений существования именно меновой торговли являются письменные источники. Так, в Никоновской летописи под 1096 годом приведено описание места торгога и его процесс: «Югра же людье есть языкъ немъ, и седятъ съ Самоядьые на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку моему: «... и въ горе той просечено оконце мало, и туде молвятъ, и есть не разумети языку ихъ, но кажутъ на железо и помавають рукою, просяще железа; н аще кто даста имъ ножъ ли, ли секиру, дають скорою противу. Есть же путь до горъ техъ непроходимъ пропастьми, снегомъ и лесомъ; темже не дохо-

димъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощи» (ПСРЛ, т. 9, 1862, с. 127).

Территориально данный морской залив отождествляется с Байдарацкой губой Карского моря, которая расположена ближе всего к северной оконечности Рифейских (Уральских) гор. Таким образом, в конце XI в. представления новгородцев о местоположении Югры были связаны с северной частью Уральских гор. Летопись позволяет восстановить маршрут передвижения торговой экспедиции, посланной Гюрятой Роговичем по реке Печоре, далее – по реке Усе, которая берет свое начало в северной оконечности Уральских гор (Кардаш, Гайдакова, 2018, с. 48). Место торгога предположительно расположено в 250 км к западу от бухты Находка, в районе истока реки Усы, между горными вершинами Нгэтенапэ (1338 м) и Хайдыпэ (1235 м). Путь до предполагаемого места торгога у жителей бухты Находка мог занять 5 дней с использованием собачьих упряжек (рис. 1: А, Б).

Выражение «язык нем» выявляет явное лингвистическое различие и неразвитость языковых контактов новгородцев и югричей, что говорит о начальном периоде взаимоотношений, т.е. об отсутствии как даннических, так и торгово-экономических отношений (Кардаш, Гайдакова, 2018, с. 49). Определение «есть не разумети языку их» указывает на прямой контакт между жителями Новгородской республики и Югры.

Другой документальный источник, позволяющий локализовать место торгога и форму торговли, – это сочинение ал-Гарнати¹, где приводится следующее описание: «А за Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура... Купцы говорят... что люди Йура ходят к этому Мраку... И приносят с собой товары, и кладет [каждый] купец свое имущество отдельно, и делает на нем знак, и уходит; затем после этого возвращаются и находят товар, который нужен в их стране. ... И не знают, кто такие те, у кого они покупают эти товары...» (Путешествие ..., 1971, с. 32–33).

Этот отрывок также указывает на торговлю в пределах полярной зоны и описывает алгоритм немой торговли. В отличие от предыдущего источника здесь указано отсутствие прямых контактов.

В сочинении Ибн-Баттуты² конкретизируется место торгога и путь к нему, а также направление торговых связей: «Эта страна, страна мрака, лежит в сорока днях пути от Болгар, и путешествия туда совершаются в небольших повозках, на собаках... Путешествия предпринимают только достаточные купцы; каждый из них отправляет до ста повозок с нужным запасом пищи, питья и дров, по тому что там нет ни дерева, ни камня, ни

земли... После сорока дней пути этою степью, путники останавливаются в стране мрака; выкладывают привезенные товары и уходят на место своей стоянки. На другое утро они возвращаются туда, где оставили товары, и находят там для обмена соболей, белок и горностаев. Таким образом, происходит их купля и продажа. Те, которые там бывают, не знают, с кем они ведут торговлю, – с людьми или духами; они ни кого не видят в лицо» (Тизенгаузен, 1884, с. 297–298).

В данном отрывке мы видим описание пути до места торгога, и этот путь мог быть осуществлен только с помощью собачьей упряжки. Скорее всего, речь идет о торговых экспедициях, которые начинали свой путь от Новгорода Великого в меридиональном направлении, и путь этот проходил через тундровые пространства в Заполярье. В сочинении Ибн-Баттуты основной акцент сделан на продолжительности пути, способе передвижения и местности, по которой проходил этот путь. Этот источник также подтверждает и описывает процесс немой торговли при отсутствии прямых контактов (Кардаш, Гайдакова, 2018, с. 63).

Это наиболее яркие фрагменты документальных источников, иллюстрирующие торговые связи Югры.

Основная часть

За последние годы исследований городища Ярте VI, городища Бухта Находка и расположенного рядом могильника Бухта Находка 2 было получено много новых археологических данных по меновой торговле населения приполярных территорий крайнего севера Западной Сибири, в частности Южного Ямала. В данной статье сделана попытка определить состав, объем этой торговли и ее преимущественное направление.

Рис. 1. Карта-схема расположения городища Бухта Находка: А – локализация места нахождения городища Бухта Находка на карте-схеме Евразии; Б – локализация места нахождения городища Бухта Находка, Ярте VI и предполагаемого места торгова югричей и новгородцев в конце XI–XII веках.

Fig. 1. Location map of the Bukhta Nakhodka ancient settlement: А – localization of the Bukhta Nakhodka ancient settlement on the map of Eurasia; Б – localization of the Bukhta Nakhodka settlement, Yarte VI site and the intended trading place of the Yugorians and Novgorodians at the end of the 9th – 12th centuries.

Временной интервал функционирования городища Ярте VI определялся несколькими методами, поэтому установлен он довольно точно: около 80 лет. Вещевой комплекс памятника, полученный в результате раскопок

1990–1992, 1995, 1996 и 2013 гг., составляет около 2000 предметов. Изделия из металла составляют порядка 10% от числа определимых предметов, а от общего – не более 2,5 (Плеханов, 2014, с. 13–118).

Период существования городища Бухта Находка укладывается в интервал конец XI – первое десятилетие XIV в. В результате раскопок в течение шести полевых сезонов был полностью изучен верхний строительный горизонт сооружений оборонительно-жилого комплекса (Кардаш, 2007–2014). К комплексу Могилиник Бухта Находка 2 относятся 6 погребений и 4 кенотафа XIII–XIV вв.

Археологическая коллекция городища Бухта Находка, полученная в результате исследований 2007–2014 гг., и могилиника Бухта Находка 2, полученная в результате исследований 2016 г., включает около 3900 индивидуальных предметов и фрагментов различных категорий.

К предметам импорта мы отнесли предметы, относящиеся к следующим производствам: металлургическому, кузнечному, медницкому, бронзолитейному, стеклоделательному, кожевенному и текстильному. Продукция этих производств могла появиться у жителей только в результате меновой торговли и имела явные признаки происхождения с других территорий. Из общего числа артефактов 1902 экземпляра составляют импортные изделия или их фрагменты. Таким образом, количественное соотношение импортных предметов к общему числу артефактов составляет около 50%. Однако, учитывая, что 1019 предметов – это фрагменты медных котлов, необходимо пересмотреть это соотношение. На наш взгляд, минимальное количество привозных предметов со-

Рис. 2. Городище Бухта Находка. Строительный горизонт XIII в. Импортные предметы из железа, бронзы и басмы. 1 – пластина ламинарного доспеха, железо; 2 – перекрестие сабли, железо; 3 – ножны обойма, железо; 4 – овальное длинное кресало, железо; 5 – ременная пряжка, железо; 6–9 – накладка, деталь ременной гарнитуры, железо; 10 – ременная накладка, басма; 11 – решетчатый перстень, бронза; 12 а–в – амулет-топор, бронза; 13 – боевой нож, железо.

Fig. 2. The Bukhta Nakhodka ancient settlement. Construction horizon of the 13th century. Imported iron, bronze and basma products: 1 – plate of lamellar armor, iron; 2 – saber cross, iron; 3 – sheath holder, iron; 4 – oval long fire striker, iron; 5 – belt buckle, iron; 6–9 – plate, belt set detail, iron; 10 – belt plate, basma; 11 – lattice signet ring, bronze; 12 a – b – axe-amulet, bronze; 13 – combat knife, iron.

ставляет 25%. Около половины всех импортных изделий составляет продукция металлургического и кузнечного производства.

Продукция металлургического производства представлена фрагментами крицы и шлака. Все обнаруженные крицы относятся к предметам импорта, поскольку для их изготовления необходимо качественное сырье и топливо. Ближайший источник сырья, которое использовалось для изготовления различных изделий из железа и цветных металлов, расположен на Среднем Урале. Вторым условием получения криц является качественный древесный уголь, который получается только из очень ограниченного количества пород дерева – дуба, граба, бука и березы. Технология получения железа очень требовательна и к качеству топлива (угля), и к температуре процесса (Визгалов и др., 2018,

с. 442). В месте расположения городища лес не произрастает и рядом нет источников сырья, что указывает на невозможность изготовления кричного железа. Явное отсутствие собственного железнотермического производства у жителей городка указывает на возможность импорта всего «железа», попадавшего в городок в виде крицы или готовых изделий.

Продукция кузнечного производства представлена шестью категориями импортных изделий: *топором, кресалом, швейными иглами, кольчужным панцирем, ременной гарнитурой и навесными замками с ключами* (рис. 2, 3). По типологической схеме А.Н. Кирпичникова, найденный топор по ряду признаков близок древнерусским топорам типов VI или VII, бытовавших в X–XIII вв. (Кирпичников, 1966, с. 38–39; рис. 6). Найденные калачевидные кресала, по типо-

Рис. 3. Городище Бухта Находка. Строительный горизонт XIII в. Продукция кузнечно-го производства, импортного происхождения: 1 – фрагмент навесного замка; 2, 3 – ключи.

Fig. 3. The Bukhta Nakhodka ancient settlement. Construction horizon of the 13th century. Imported blacksmith products: 1 – a fragment of a padlock; 2, 3 – keys.

логии Колчина, бытовали в X–XI вв. (Колчин, 1959, рис. 10). Овальные длинные кресала (рис. 2: 4) бытовали со второй половины XIII по XV в. (Колчин, 1982, рис. 4). Все найденные *швейные иглы* сильно корродированы, и поэтому невозможно определить их типологическое соответствие, однако были отнесены к предметам импорта. Кольчужный панцирь в виде кольчужного полотна и отдельных колец (рис. 2: 1) был характерным элементом русского вооружения на протяжении XIII–XVII вв. (Кирпичников, 1976, с. 40–41). Ременная гарнитура в виде накладок и наконечников ременной привески (рис. 2: 6–9) из железа принадлежит аскизскому кругу древностей (Кызласов, 1983). Такие изделия известны и на территории Древней Руси, куда они попадали из болгарских ремесленных центров начала XII в. (Руденко, 2004, с. 26). Навесной замок и ключи также попали в городок в результате меновой торговли. По типологической схеме Колчина, один из ключей относится к

типу А (рис. 3: 2) и датируется 925–1225 гг., другой – к типу Б (рис. 3: 3) и датируется 1100–1350 гг. (Колчин, 1982, с. 160; рис. 3).

Продукция меднического производства представлена 3 целыми и 1019 фрагментами медных котлов. Кроме того, обнаружено 35 фрагментов или целых ушек котла, 10 железных и 5 медных дужек (рис. 4). Из числа фрагментов по количеству непарных ушек рассчитывается минимальное число котлов – 40 экземпляров. В этом случае число привозных предметов – 918, что составляет 25% от общего числа артефактов.

Ушки котлов являются датирующим признаком для котлов. Все типы ушек связываются с поволжскими мастерскими и бытуют с X–XI вв. Волжская Булгария с конца XI – XII в. снабжала медными котлами всю Восточную Европу (Руденко, 2000, с. 31–32, 73–74, 103), и потому болгарская продукция меднического производства вполне могла попасть в городище Бухта Находка и с территории Руси.

Рис. 4. Городище Бухта Находка. Строительный горизонт XIII в. Продукция медницкого производства, импортного происхождения: 1 – котел, медь, фрагменты котлов; 2, 3 – дужка, железо; 4 – дужка, медь; 5–7 – ушки, медь.

Fig. 4. The Bukhta Nakhodka ancient settlement. Construction horizon of the 13th century. Imported copper products: 1 – cauldron, copper, fragments of cauldrons; 2, 3 – a handle, iron; 4 – a handle, copper; 5–7 – ears, copper.

Наиболее массовым и распространенным производством Древней Руси было ткачество (Древняя Русь ..., 1985, с. 265), поэтому **продукция текстильного производства** также импортировалась в городок (рис. 6). К сожалению, сохранилась только ее некоторая часть – в виде готовых изделий. Правда, число таких изделий пока невелико: это *костюм* (6 экземпляров), от которого обнаружен фрагмент рукава, изготовленный из полотен коричневого (полотняного переплетения) и зеленого в желтую полоску (саржевого переплетения) (рис. 6: 1), и *вязаное изделие (носок)*, сделанное из толстой шерстяной нити (рис. 6: 2). В составе коллекции городища Ярте VI – три лоскута ткани коричневого сукна и тесьма (Плеханов, 2014, с. 16; табл. 2–12, 13, 15, 16). Едва ли аборигенное население Ямала имело навыки изготовления вязаных вещей, поэтому можно с уверенностью говорить о том, что изделие прибыло в городок в готовом виде, а не как сырье или полуфабрикат. Вязаный текстиль нам известен по материалам Новгорода (Нахлик, 1963, с. 265).

На территории городка была обнаружена **продукция кожевенного производства**. Это 40 лоскутов из хорошо выделанной дубленой телячьей кожи. Все имеющиеся в коллекции предметы представляют собой фрагменты обувных головок со следами различных прошивок и многократного вторичного использования в других изделиях (рис. 5). Часть фрагментов на внешней стороне имеют следы тиснения «под овсянку» – технологического приема, широко распространенного на Руси с XII в.

На основании этого можно сказать, что в городок поступали уже готовые кожевенные изделия. По определению А.В. Курбатова, местом изготовления этой кожи следует считать городские центры Северной Руси. Импорт кожи из производственных центров Волжской Булгарии на Русь, по археологическим данным раскопок Пскова и Твери, был крайне невелик (Курбатов, 2010). О высокой степени развития кожевенного производства на Руси свидетельствуют многочисленные археологические находки не только самих изделий, но и ремесленных мастерских во всех древнерусских городах (Древняя Русь ..., 1985, с. 269).

Продукция бронзолитейного производства представлена бронзовыми изделиями: перстнем с ажурным решетчатым щитком (рис. 2: 11), под-

Рис. 5. Городище Бухта Находка. Строительный горизонт XIII в. Продукция кожаненного производства, импортного происхождения: 1–8 – фрагменты кожаных изделий.

Fig. 5. The Bukhta Nakhodka ancient settlement. Construction horizon of the 13th century. Imported leather products: 1–8 – fragments of leather products.

веской в форме полумесяца (лунница) и амулетом-секирой (рис. 2: 12). В европейской части России такие *перстни* относятся к вятическим украшениям и датируются XII–XIII вв. (Судаков, Буланкин, 2005, с. 271, 280; рис. 7: 12, 17). Подвески довольно широко были распространены на Руси с рубежа XII–XIII вв. до конца XIII в. (Седова, 1981, с. 24; рис. 6: 10–12), но «лунницы» встречаются в погребальных комплексах Северо-Западной Сибири с середины XIII по первую четверть XIV в. (Челякин, Карачаров, 2002, с. 60–65; рис. 20: 9). Использование амулета-секиры считается характерной чертой для населения территории Древней Руси и восточной Европы X–XIII вв., а их происхождение связывают с появлением скандинавов (Голубева, 1997, с. 153, 340; табл. 92: 35–41; Макаров, 1992, с. 41–56; Фюрери и др., 2016, с. 483–514). Из всего числа подобных изделий Восточной Европы типологически наиболее близкий амулет (рис. 3: 3) обнаружен в Людином конце средневекового Новгорода, в усадьбе «Ж» (Янин и др., 2018, с. 231). Здесь необ-

ходимо отметить, что именно Людин конец связан с «Югорщиной», построившей храм Святой Троицы. Как уже освещалось в ряде работ, «Югорщина» – это некая корпорация первых новгородцев, осуществлявших торговлю и промысел в Югре.

По мнению Н.А. Макарова, контакты русских с местными племенами Крайнего Севера носили гораздо более регулярный характер, а объем торговли был куда значительнее (Макаров, 1993).

Подтверждением этой гипотезы стали археологические раскопки Тазовского городка (мастерской) последних лет. Современный уровень изучения позволяет считать, что данное поселение являлось торгово-производственной факторией, связанной с населением северо-востока Европы, прибывшим для осуществления торгово-меновых операций. Многочисленность изделий из металлов отражает основное занятие жителей поселения – металлообработку – и указывает на высокую активность в торгово-менной деятельности. Несомненно, в коллекциях городища Бухта Находка и могильника Бухта Находка 2 имеются и другие бронзовые украшения, которые связаны с внутрирегиональной торговлей и могли производиться и в Тазовской мастерской (Визгалов и др., 2018, с. 439–447).

Рис. 6. Городище Бухта Находка. Строительный горизонт XIII в. Продукция текстильного производства, импортного происхождения: 1–7 – фрагменты ткани.

Fig. 6. The Bukhta Nakhodka ancient settlement. Construction horizon of the 13th century. Imported textile products: 1–7 – textile fragments.

Продукция стеклоделательного производства поступала в городок в виде отдельных *бусин*, изготовленных методом навивки. Они отличаются по форме и цвету (голубые, желтые, из бесцветного стекла, шаровидные) и датируются концом XI–XIII в. (рис. 7). (Щапова, 1956, с. 165; Валиулина, 2005, с. 60). К этой же продукции относятся и *янтарные бусины* из темно-коричневого и желтого янтаря (одна из них представлена фрагментом) (рис. 4: 8, 9). Аналоги этих находок найдены на территории Волжской Булгарии того же периода в Билярском городище и в Минино I, где изготовлением украшений из янтаря занимались русские ремесленники (Валиулина, 2005, рис. 46: 1).

Таким образом, на основании анализа вещевого комплекса городища Бухта Находка и могильника Бухта Находка 2 была выделена значительная группа предметов импортного производства, полученных жителями в результате меновой торговли. Сле-

дует отметить, что временной отрезок функционирования приблизительно в 80 лет городища Ярте VI соответствует такому же временному отрезку, изученному раскопками верхнего строительного горизонта XIII века городища Бухта Находка. Для сравнительного анализа были использованы идентичные по времени функционирования поселенческие комплексы, принадлежащие одной группе населения. Исходя из этого, можно говорить о возрастающей роли торговли в жизни жителей Крайнего Севера. Так, в конце XI – середине XII в. она носила эпизодический характер, о чем говорят материалы городища Ярте VI, а уже в XIII в., судя по материалам городища Бухта Находка и могильника Бухта Находка 2, становится постоянной: происходит рост объема торговли и расширение ассортимента ввозимых товаров.

Письменные источники позволяют локализовать первоначальное **место торга** новгородцев и югорцев в кон-

Рис. 7. Городище Бухта Находка. Строительный горизонт XIII в. Продукция стеклотделательного производства, импортного происхождения: 1–2 – бусины из янтаря; 3–49 – бусины стеклянные.

Fig. 7. The Bukhta Nakhodka ancient settlement. Construction horizon of the 13th century. Imported glassmaking products: 1–2 – amber beads; 3–49 – glass beads.

це XI–XII вв. в северной оконечности Уральских гор (рис. 1). В результате развития торговых отношений и освоения территорий населением северо-восточной Европы могли по-

явиться долговременные поселения и торговые фактории, появление которых обосновывается несколькими факторами. Во-первых, высокое ресурсное обеспечение территории

пушными животными, которые добывались аборигенным населением в ограниченных объемах. Во-вторых, сезонная миграция югорцев, связанная с хозяйственными циклами и имеющая плавающие временные рамки, т.е. сроки миграции зависели от природных условий, соответственно торг мог происходить только при появлении коренного населения, ждать которое можно было длительное время. В-третьих, отсутствие знаний торговцев о местах проживания и путях миграции югорцев. Все торговые операции происходили вне поселений югорцев.

Все это обосновывало необходимость в организации поселений. В XI–XII вв. такие поселения неизвестны, но они должны были быть где-то в районе северной оконечности Уральских гор. В результате исследований последних лет в течении Нижней Оби стало возможным идентифицировать два памятника XIII–XIV вв. как долговременные поселения и новые места торгова, возникшие в результате торгово-промыслового освоения территории выходцами из земель Новгородской республики. Одним из таких мест является Надымский городок, основанный в устье р. Надым, который в XIII в. появился как торгово-промысловая фактория, связанная с населением северо-восточной Европы, а именно с Новгородом Великим (Кардаш и др., 2018, с. 63). Эти связи подчеркивает ряд предметов, относящихся к славяно-финской культурной традиции, в частности подвески из зубов животных, тос-чер-вой и ряд других (Гайдакова и др., 2018, с. 389). На территории Надымского городка закрепляется торгово-гостевая площадка (Кардаш, 2013, с. 58–61).

Другое место торгова располагается в нижнем течении р. Таз и связано с Тазовской мастерской (городком). На сегодняшнем этапе изучения данное поселение являлось торгово-производственной факторией, сблизившей югорцев с населением северо-востока Европы, которое прибыло для осуществления торгово-меновых операций. Многочисленность изделий из металлов отражает основное занятие жителей поселения – металлообработку – и указывает на высокую активность в торгово-менной деятельности (Визгалов и др., 2018, с. 447). Таким образом, приблизительно с конца XII – начала XIII в., возможно, происходило перемещение мест торгова с северной оконечности Уральских гор в район нижнего течения р. Надым и р. Таз в специально созданные торгово-производственные поселения, которые функционировали до конца XIV – середины XV в.

Судя по данным письменных источников, в конце XI – начале XII в. существовало два **пути к местам** торгова, расположенным в северной оконечности Уральских гор, которые можно определить как зимний и летний. Так, летний путь проходил по рекам Печоре и Усе, к северной оконечности Уральских гор до Константинова камня, а зимний путь – по тундровым пространствам и, очевидно, огибал северную оконечность Уральских гор. Возможно, это место торгова существовало до XIV века, но подтверждающих документальных или археологических источников нет.

В XIII–XIV вв. появляются новые места торгова, которые смещаются к устью р. Надым и р. Таз. Путь к ним проходил от верховий р. Усы, затем – по р. Щучьей, далее – по

р. Оби в устье р. Надым до Надымского городка. Маршрут до Тазовского городка был проложен, по всей видимости, от Надымского городка по правым притокам р. Надым в р. Пур и р. Таз.

Судя по документальным источникам, а также приведенным выше археологическим материалам, преобладающими являются **торговые связи** югорцев с центром Новгородской республики, а именно с Новгородом Великим и Старой Ладогой. Это находит свое подтверждение в прямых сходствах высокотехнологичных предметов вещевого комплекса, полученного в результате раскопок Новгорода Великого и Старой Ладogi (Колчин, 1959, 1982; Седова, 1981; Шапова, 1956). На настоящий момент важными индикаторами, позволяющими говорить о непосредственном участии северорусского населения в меновой торговле с жителями Ямала, можно назвать кожаные изделия с тиснением «под овсянку».

Еще один факт, подтверждающий приоритетность новгородского пути, – отсутствие предметов из производственных центров Волжской Булгарии, хотя в районе Сургутского Приобья ситуация совершенно иная. За пределами Сургутского Приобья ни в Нижнем, ни в Среднем не найдено ни одного предмета золотоордынской торовтики, хотя серебряные изделия XIII–XIV вв. и более раннего времени там не редкость (Сокровища Приобья ..., 2003, с. 33–34, 42–51, 70–71). Эти изделия не ввезены напрямую купцами Волжской Булгарии. Вероятно, они попадали на территорию Нижней Оби в результате многоступенчатых торговых операций, например из Прикамья или Новгорода Великого. Согласно проведенным археопаразитологиче-

ским исследованиям жители Южного Ямала в XII–XIII вв. не имели контактов с населением Обь-Иртышского бассейна (Slepchenko and oth., 2019).

Объем торговли. По предварительным подсчетам, сделанным на основании опубликованной коллекции, доля импортных изделий в коллекции городища Ярте VI, прекратившего свое существование в середине XII в., не превышает 3–5%. В коллекции городища Бухта Находка, существовавшего в XIII – начале XIV в., доля импортных предметов достигает 25–50% от общего количества предметов. Таким образом, возрастание торгово-меновых отношений югорцев и жителей Новгородской республики выражается в увеличении предметов импорта в 10 раз.

Новые данные позволяют скорректировать представление об ассортименте импортных товаров, которые поступали аборигенному населению Ямала в XIII – начале XIV в. в результате межрегиональной торговли. Во-первых, происходит увеличение ассортимента бронзовых изделий, которое выразилось в разнообразии украшений костюма и тела человека. Во-вторых, в предметах импорта появляется продукция высокотехнологичного производства. В-третьих, необходимо особо отметить появление ключей и навесных замков, которые являлись предметами статуса или роскоши, поскольку у жителей городища Бухта Находка отсутствовали двери и предметы, которые можно было бы запирать. В-четвертых, в составе вещевого комплекса городища Бухта Находка появляется продукция текстильного и кожевенного производств.

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать следующий

вывод. В торговых отношениях Новгорода Великого с Югрой можно выделить два этапа: ранний, который складывался в XI–XII вв., и поздний – с появлением в XIII–XIV вв. долговременных поселений и факторий, совмещающих в себе и место торга, – это Надымский городок и Тазовская мастерская (городок). Развитие торгово-меновых отношений югорского населения Южного Ямала с выходцами из земель Новгорода Великого привело к включению Югры в состав

земель Новгорода Великого. Первое упоминание волости Югра относится к 1265 г. в договорной грамоте великих князей Московских и Тверских и Новгорода Великого. Новые материалы раскопок городища Бухта Находка и могильника Бухта Находка 2 меняют наше представление о торгово-экономических связях населения Южного Ямала – летописных югорцев – и свидетельствуют о развитых торгово-меновых отношениях с выходцами из земель Новгородской республики.

Примечания:

¹ Абу Хамид Мухаммад ибн Абд ар-Рахим ал-Гарнати ал-Андалуси (1080–1169/70) – испано-арабский писатель, проповедник и путешественник. Описание своих путешествий оставил в двух сочинениях: «Ясное изложение некоторых чудес Магриба» и «Подарок умам и выборка из чудес».

² Абу ‘Абдуллах Мухаммад ибн ‘Абдуллах ат-Танджи (более известен как Ибн-Баттута) – арабский путешественник и купец. Автор книги «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий».

ЛИТЕРАТУРА

1. Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 280 с.
2. Визгалов Г.П., Кардаш О.В., Коноваленко М.В. Тазовская мастерская: производственно-жилой комплекс XIII–XIV вв. в низовье реки Таз // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках: Свод источников и исследований. Ч. I / Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири. Вып. VII / Отв. ред. В.А. Лапшин. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Институт археологии Севера, 2018. С. 437–460.
3. Гайдакова З.Г., Кардаш О.В., Липс С.А. Надымский городок: вещевого комплекса восточноевропейского происхождения XIII–XIV веков // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках: Свод источников и исследований. Ч. I / Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири. Вып. VII / Отв. ред. В.А. Лапшин. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Институт археологии Севера, 2018. С. 382–405.
4. Голубева Л.А. Амулеты // Древняя Русь. Быт и культура / Археология / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.А. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 153–165.
5. Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. Т. III. Восточные источники / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, АВ. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 264 с.
6. Кардаш О.В. Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007–2014 гг.: отчеты о НИР. Нефтеюганск, 2007–2014 гг. / Архив НПО «СА–1». Ф. I. Д. 225, 355, 439, 440, 530.
7. Кардаш О.В., Липс С.А., Сидорова М.О., Мыглан В.С., Лобанова Т.В. Надымский городок: новые данные о хронологии и русском освоении севера Западной Сибири в XIII–XIV веках // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках: Свод источников и исследований. Ч. I / Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири. Вып. VII / Отв. ред. В.А. Лапшин. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Институт археологии Севера, 2018. С. 346–381.

8. Кардаш О.В., Гайдакова З.Г. Сведения русских и иностранных источников о Югре в XI–XV веках (цитаты с краткими комментариями) // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках: Свод источников и исследований. Ч. I / Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири. Вып. VII / Отв. ред. В.А. Лапшин. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Институт археологии Севера, 2018. С. 46–67.
9. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. Вып. II / САИ. Вып. Е1-36. М.-Л.: Наука, 1966. 181 с.
10. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. № 65 / Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120.
11. Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Ред. Б.А. Колчин, В.Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 156–177.
12. Курбатов А.В. О городе Болгар и сорте кожи «булгари» // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Евгения Николаевича Носова / Отв. ред. А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 447–452.
13. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ. Вып. Е3-18. М.: Наука, 1983. 128 с.
14. Макаров Н.А. Древнерусские амулеты-топорики // РА. 1992. № 2. С. 41–56.
15. Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М.: 1993. <https://www.booksite.ru/fulltext/mak/arov/index.htm>.
16. Нахлик А. Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа // МИА. № 123. М.: Академия наук СССР, 1963. С. 228–313.
17. Плеханов А.В. Ярте VI – средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал): каталог коллекции / Отв. и науч. ред. Н.В. Федорова. Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. 122 с.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 9. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: тип. Э. Праца, 1862. 256 с.
19. Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публ. и коммент. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М.: Наука. 1971. 134 с.
20. Руденко К.А. Процессы этнокультурного взаимодействия в Волго-Камье в конце X–XIV в. по археологическим данным. Автореф. дисс..... д-ра ист. наук. Казань: 2004. 47 с.
21. Савельев П.С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1847–1846. 180 с.
22. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
23. Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки / Вступит. ст. Н.В. Федоровой. Салехард-С-Петербург: Ямало-Ненец. окр. музейно-выст. комплекс, 2003. 96 с.
24. Судаков В.В., Буланкин В.М. К вопросу о начальном этапе славянского расселения в Среднем Поочье // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2005. С. 269–280.
25. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. 564 с.
26. Фюреди А., Тюрк А., Загорхиди-Цигань Б. Амулеты-топорики в материале Карпатского бассейна XI–XIII веков: археологические наблюдения о связях Венгрии с Русью во время раннего периода династии Арпадов // III Международный мадьярский симпозиум (Будапешт, 6–10 июня 2016 г.) / Ред. А. Тюрк, А.С. Зеленков. Будапешт: 2018. С. 483–514.
27. Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: материалы к атласу / О.Э. Балаева и др. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–65.

28. Щапова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 55 / Отв. ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: АН СССР, 1956. С. 164–179.

29. Янин В.Л., Рыбина Е.А., Покровская Л.В., Сингх В.К., Степанов А.М., Тянина Е.А. Археологические исследования в Людином конце средневекового Новгорода: открытия последних лет на Троицком раскопе // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV веках: сб. мат. науч. конф.: в 2 ч. Ч. I / Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири. Вып. VII / Отв. ред. В.А. Лапшин. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Институт археологии севера, 2018. С. 230–240.

30. Sergey Slepchenko, Oleg Kardash, Sergey Ivanov, Alexey Afonin, Dong Hoon Shinc, Jong Ha Hong. The Bukhta-Nakhodka 2 burial ground: Results of archaeoparasitological and macro-remains investigations of samples from the burial grounds of the 6th–13th century CE on the Yamal Peninsula in Russia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2019. 23. P. 791–799.

Информация об авторах:

Кардаш Олег Викторович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник. Сургутский государственный университет (г. Сургут, Россия); kov_ugansk@mail.ru

Гайдакова Зоя Геннадьевна, научный сотрудник, АНО «Институт археологии Севера» (г. Нефтеюганск, Россия); gajdakova@yandex.ru

TRADE RELATIONS OF THE POPULATION OF THE FAR NORTH IN THE 11TH – 14TH CENTURIES

O.V. Kardash, Z.G. Gaidakova

The economic factor always has a significant impact on any nation culture formation processes and is mostly pronounced in trade. Until recently, the main sources for investigating this area of the economy were fragmentary chronicles of Ugra and individual finds of imported luxury items – the works of medieval Oriental and Russian master jewelers. The paper presents the results of excavations of the archaeological layer of the beginning of the 13th – early 14th century of Bukhta Nakhodka settlement and Bukhta Nakhodka 2 burial site. On the basis of materials obtained, the authors investigated the volumes and directions of trade and exchange processes of Ugra population in the 13th – 14th centuries. The authors also determined that the Novgorod Republic was a predominant direction for trade and economic relations of the inhabitants of the South of Yamal Peninsula.

Keywords: archaeology, Middle Ages, North of Western Siberia, complex of artifacts, trade and exchange operations, the Middle Ages.

REFERENCES

1. Valiulina, S. I. 2005. *Steklo Volzhskoi Bulgarii (Glass of Volga Bulgaria)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
2. Vizgalov, G. P., Kardash, O. V., Konovalenko, M. V. 2018. In Lapshin, V. A. (ed.). *Arkheologiya Severa Rossii: Yugra – volost' Novgoroda Velikogo v XI–XV vekakh: Svod istochnikov i issledovaniy. Ch. I (Archaeology of the North of Russia: «Ugra – the county of Novgorod the Great in the 11th – 15th centuries»: a collection of sources and studies. Part 1)*. Series: Research materials on the history of the North of Western Siberia, 7. Surgut; Nefteyugansk; Ekaterinburg: “Institute for Archaeology of the North” Publ., 437–460 (in Russian).
3. Gaidakova, Z. G., Kardash, O. V., Lips, S. A. 2018. 2018. In Lapshin, V. A. (ed.). *Arkheologiya Severa Rossii: Yugra – volost' Novgoroda Velikogo v XI–XV vekakh: Svod istochnikov i issledovaniy. Ch. I (Archaeology of the North of Russia: «Ugra – the county of Novgorod the Great in the 11th – 15th centuries»: a collection of sources and studies. Part 1)*. Series: Research materials on the history of

the North of Western Siberia, 7. Surgut; Nefteyugansk; Ekaterinburg: "Institute for Archaeology of the North" Publ., 382–405 (in Russian).

4. Golubeva, L. A. 1997. In Kolchin B. A., Makarova T. A. (eds.). *Drevniia Rus'. Byt i kul'tura* (Ancient Russia. Everyday Life and Culture). Series: Archaeology of the USSR 16. Moscow: "Nauka" Publ., 153–165 (in Russian).

5. In Dzhakson, T. N., Konovalova, I. G., Podosinov, A. V. (eds.). 2009. *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: khrestomatiya. T. III. Vostochnye istochniki* (Ancient Rus in the Light of Foreign Sources: Chrestomathy. Vol. 3. Oriental Sources). Moscow: "Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke" (in Russian).

6. Kardash, O. V. 2007–2014. *Kompleksnoe izuchenie gorodishha Bukhta Nakhodka v 2007–2014 gg.: otchety o NIR* (Comprehensive Study of Bukhta Nakhodka Settlement in 2007–2014: Research and Development Reports). Nefteyugansk. Archive of the Scientific and Production Association "Northern Archaeology – 1". Fund 1, dossier 225, 355, 439, 440, 530 (in Russian).

7. Kardash, O. V., Lips, S. A., Sidorova, M. O., Myglan, V. S., Lobanova, T. V. 2018. In Lapshin, V. A. (ed.). *Arkheologiya Severa Rossii: Yugra – volost' Novgoroda Velikogo v XI–XV vekakh: Svod istochnikov i issledovaniy. Ch. I* (Archaeology of the North of Russia: «Ugra – the county of Novgorod the Great in the 11th–15th centuries»: a collection of sources and studies. Part 1). Series: Research materials on the history of the North of Western Siberia, 7. Surgut; Nefteyugansk; Ekaterinburg: "Institute for Archaeology of the North" Publ., 346–381 (in Russian).

8. Kardash, O. V., Gaydakova, Z. G. 2018. In Lapshin, V. A. (ed.). *Arkheologiya Severa Rossii: Yugra – volost' Novgoroda Velikogo v XI–XV vekakh: Svod istochnikov i issledovaniy. Ch. I* (Archaeology of the North of Russia: «Ugra – the county of Novgorod the Great in the 11th–15th centuries»: a collection of sources and studies. Part 1). Series: Research materials on the history of the North of Western Siberia, 7. Surgut; Nefteyugansk; Ekaterinburg: "Institute for Archaeology of the North" Publ., 46–67 (in Russian).

9. Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie* (Early Russian Weapons) 2. *Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX–XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th–13th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1-36. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

10. Kolchin, B. A. 1959. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin B. A. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii* (Materials and Studies in the Archaeology) 65. *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition) II. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–120 (in Russian).

11. Kolchin, B. A. 1982. In Kolchin, B. A., Yanin, V. L. (eds.). *Novgorodskii sbornik (50 let raskopok Novgoroda)* (Novgorod Collected Works (50 Years of Excavations in Novgorod)). Moscow: "Nauka" Publ., 156–177 (in Russian).

12. Kurbatov, A. V. 2010. In Musin, A. E. (ed.). *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoy Evropy* (Dialogue of cultures and peoples in medieval Europe). Saint Petersburg: "Dmitry Bulanin" Publ., 447–452 (in Russian).

13. Kyzlasov, I. L. 1983. *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. (Askizskaya Culture of South Siberia in the 10th–14th cc.)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E3-18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

14. Makarov, N. A. 1992. In *Rossiiskaia Arkheologiya* (Russian Archaeology) (2), 41–56 (in Russian).

15. Makarov, N. A. 1993. *Russkiy Sever: tainstvennoe srednevekov'e* (Russian North: the Mysterious Middle Ages). Moscow. <https://www.booksite.ru/fulltext/mak/arov/index.htm>. 100 (in Russian).

16. Nakhlik, A. 1963. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 123. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 228–313 (in Russian).

17. Plekhanov, A. V. 2014. In Fedorova, N. V. (ed.). *Yarte VI – srednevekovoe «gorodishhe» na r. Yuribey (p-ov Yamal): katalog kollektsii* (Yarte VI – Medieval "Settlement" on the Yuribei River (Yamal Peninsula): Collection Catalog). Ekaterinburg: "Delovaya pressa" Publ. 313 (in Russian).

18. *Patriarshaia ili Nikonovskaia letopis'*. (*Patriarch's or Nikon Chronicle*). 1862. Series: *Polnoe sobranie russkikh letopisei* (Complete Collection of Russian Chronicles) IX. Saint Petersburg: "E. Prats" Publ. (in Russian).
19. In Bol'shakov, O. G., Mongait, A. L. 1971. *Puteshestvie Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuiu i Tsentral'nuiu Evropu (1131–1153 gg.)* (*The Journey of Abu Hamid al-Gharnati in Eastern and Central Europe (1131–1153)*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
20. Rudenko, K. A. 2004. *Protsessy etnokul'turnogo vzaimodeystviya v Volgo-Kam'e v kontse X–XIV v. po arkheologicheskim dannym* (*Ethnic-cultural Interaction Processes in the Volga-Kama Region in the late 10th – 14th cc. Based on Archaeological Data*). Doct. Diss. Thesis. Kazan (in Russian).
21. Savel'ev, P. S. 1847–1846. *Mukhammedanskaya numizmatika v otnoshenii k russkoy istorii* (*Muhammadan Numismatics in the Context of Russian History*). Saint Petersburg: Typography military schools (in Russian).
22. Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X–XV vv.)* (*Jewelry of Old Novgorod (10th – 15th Centuries)*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
23. Fedorova, N. V. (comp.). 2003. *Sokrovishcha Priob'ia. Zapadnaia Sibir' na torgovykh putiakh srednevekov'ia* (*Treasures of the Ob Region. West Siberia on the Trade Routes of the Medieval Period*). Salekhard; Saint Petersburg: "Iamalo-Nenetskii okruzhnoi muzeino-vystavochnyi kompleks" Publ. (in Russian).
24. Sudakov, V. V., Bulankin, V. M. 2005. In Makarov, N. A., Chernetsov, A. V. (eds.). *Rus' v IX–XIV vekakh: Vzaimodeistvie Severa i Iuga* (*Rus in the 9th–14th Centuries: Interaction of the North and the South*). Moscow: "Nauka" Publ., 269–280 (in Russian).
25. Tiesenhause, V. G. 1884. *Sbornik materialov, otnosiashchikhsia k istorii Zolotoi Ordyy*. T. 1. *Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh* (*Collected Works Related to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from Arab Writings*). Saint Petersburg: Published by dependent earl S.G. Stroganov (in Russian).
26. Fyuredi, A., Tyurk, A., Zagorkhidi-Tsigan', B. 2018. In Tyurk, A., Zelenkov, A. S. (eds.). *III Mezhdunarodniy mad'yarskiy simpozium* (*Budapesht, 6–10 iyunya 2016 g.*) (*3rd International Magyar Symposium (Budapest, June 6–10, 2016)*). Budapesht. 483–514 (in Russian).
27. Chemyakin, Yu. P., Karacharov, K. G. 2002. In Balalaeva, O. E. et al. (eds.). *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniya khantov* (*Essays on khanty traditional land use and history*). Ekaterinburg: "Tezis" Publ., 5–65 (in Russian).
28. Shchapova, Yu. L. 1956. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii* (*Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition*) 1. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (Materials and Research in the USSR Archaeology) 55. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 165–179 (in Russian).
29. Yanin, V. L., Rybina, E. A., Pokrovskaya, L. V., Singkh, V. K., Stepanov, A. M., Tyanina, E. A. 2018. In Lapshin, V. A. (ed.). *Arkheologiya Severa Rossii: Yugra – volost' Novgoroda Velikogo v XI–XV vekakh: Svod istochnikov i issledovaniy. Ch. I* (*Archaeology of the North of Russia: «Ugra – the county of Novgorod the Great in the XI–XV centuries»: a collection of sources and studies. Part 1*). Series: Research materials on the history of the North of Western Siberia, 7. Surgut; Nefteyugansk; Ekaterinburg: "Institute for Archaeology of the North" Publ., 230–240 (in Russian).
30. Sergey Slepchenko, Oleg Kardash, Sergey Ivanov, Alexey Afonin, Dong Hoon Shinc, Jong Ha Hong. 2019. In *Journal of Archaeological Science: Reports*. No. 23. 791–799.

About the Authors:

Kardash Oleg V. Candidate of Historical Sciences. Surgut State University. Lenin Ave., 1, Surgut, Khanty-Mansi Autonomous Area, 628403, Russian Federation; kov_ugansk@mail.ru

Gaidakova Zoia G. ANO Institute for Archaeology of the North. Nefteyugansk, 628305, Russian Federation; gaidakova@yandex.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

АЛЕКСАНДР АВГУСТИНОВИЧ КРОТКОВ – ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА МОХШИ

© 2020 г. Д.С. Иконников, М.И. Баишева

Авторы рассматривают научное наследие А.А. Кроткова (1866–1945) – известного саратовского археолога и нумизмата, который является первооткрывателем золотоордынского города Мохши. В 1923 году в статье «В поисках Мохши» исследователь идентифицировал этот город с Наровчатским городищем в Пензенской губернии. При этом А.А. Кротков использовал для научной аргументации данные археологии, нумизматики, исторической географии и т.д. В 1925–27 годах исследователь провел ряд археологических раскопок на Наровчатском городище и в его окрестностях. По результатам этих работ он составил приблизительный план города Мохши и реконструировал историю города. По мнению А.А. Кроткова, город возник в начале правления хана Узбека (около 1313 года н.э.). Город был центром улуса, населённого мордвой-мокшей. Его расцвет приходится на середину XIV века. Город вступает в длительную полосу упадка после завоевательного похода Тамерлана (1395). Авторы приходят к выводу о том, что, несмотря на ряд ошибок, научные работы А.А. Кроткова по истории Наровчатского городища сохраняют свою научную значимость до настоящего времени.

Ключевые слова: археология, А.А. Кротков, Наровчатское городище, город Мохши, Золотая Орда, нумизматика, историография.

Александр Августинович Кротков (1866–1945), саратовский педагог и учёный, археолог, краевед, нумизмат, был неординарной и разносторонней личностью. Он был сыном мелкого чиновника, служившего в Кузнецком уездном присутствии по делам крестьян. Юность А.А. Кроткова приходится на эпоху «хождения в народ». Сам он почти десять лет работает сельским учителем, затем по независящим от него обстоятельствам оказывается вынужден перейти на работу в Саратовское губернское земство (Автобиография, 2011, с. 7–8). Начало научной деятельности А.А. Кроткова относится к 1902 году, когда он был избран членом Саратовской учёной архивной комиссии (СУАК) (Автобиография, 2011, с. 8). Одновременно он работает в губернских и городских земских, затем советских организациях Саратова и Петровска, занимается

педагогической деятельностью (Автобиография, 2011, с. 8–9). В СУАК А.А. Кротков работает хранителем историко-археологического музея, затем руководит Саратовским археологическим музеем, через некоторое время после выхода на пенсию в 1928 году он возвращается на работу в преобразованном музее в качестве научного сотрудника (Автобиография, 2011, с. 9).

Тематика научных исследований А.А. Кроткова разнообразна. Им описано несколько средневековых монетных коллекций из различных районов Поволжья (Кротков, 1913, 1915, 1930), составлены археологические карты (Кротков, 1912, 1913а), опубликованы материалы с территории Увека (Кротков, 1915а), обобщены данные по сфероконическим сосудам (Кротков, 1926) и т.д. Но особую известность А.А. Кротков получил как первоот-

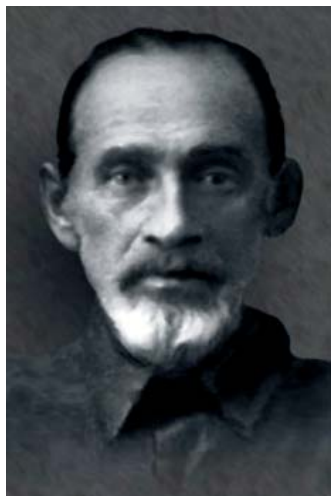

Рис. 1. Александр Августинович Кротков

Fig. 1. Alexander Avgustinovich Krotkov.

крыватель и исследователь истории золотоордынского города Мохши.

Основанием для отождествления Наровчатского городища и города Мохши, о существовании которого было известно по нумизматическим данным с 1830-х годов, послужила серия случайных находок 1916 года в окрестностях Наровчата (Кротков, 1923, с. 30–31). По результатам их исследования, А.А. Кротков в 1923 году делает доклад в комиссии при Саратовском губернском исполкоме и получает ассигнование на разведочные работы. В том же году он предпринимает первую поездку в Наровчат «для предварительного его изучения» (Кротков, 1939, с. 8). При осмотре окрестностей города он уделяет особое внимание полю Мелюковской коммуны (урочище Красный Ключ), где в 1916 году были обнаружены следы строений и предметы золотоордынского времени.

В этом районе в 1925 году А.А. Кротков проводит первые раскопки (Кротков, 1939, с. 9–10). Он исследует два бугрообразных воз-

вышения, под одним из которых находит скопление золотоордынского кирпича, под вторым – фундамент крупного здания (Кротков, 1939, с. 10–11). К югу от Красного Ключа, в урочище, носящем название Круглого, или Мизгитного, поля, проводится шурфовка бугровидных возвышений, под которыми выявляются следы золотоордынских сооружений (Кротков, 1939, с. 12).

В 1926 году в том же районе был раскопан фундамент кирпичного сооружения (Кротков, 1939, с. 12). Тогда же, совместно с наровчатским краеведом В.П. Россиным, А.А. Кротков начинает археологические работы в зоне современной застройки Наровчата, на территории приусадебных участков Булычева и Белякиной. В ходе этих работ, продолжавшихся в последующие (1927–28) годы, обнаружены остатки крупного золотоордынского сооружения, предположительно караван-сарая (Кротков, 1939, с. 14).

Одновременно с этим осуществляется исследование погребальных памятников (Старосотенский и Наровчатский могильники). Археологические работы на Старосотенском могильнике А.А. Кротков проводит в 1925–26 годах (Кротков, 1939, с. 20). Наровчатский могильник на территории Советской (бывшей Соборной) площади Наровчата выявляется и обследуется в 1926 году (Кротков, 1939, с. 20; 1928, с. 49).

Первая работа А.А. Кроткова по истории Наровчатского городища, статья «*В поисках Мохши*», выходит в 1923 году. В ней автор ставит цель аргументировать тождественность города Мохши и Наровчатского городища. А.А. Кротков обстоятельно разбирает историографию проблемы и констатирует, что, хотя вопрос не-

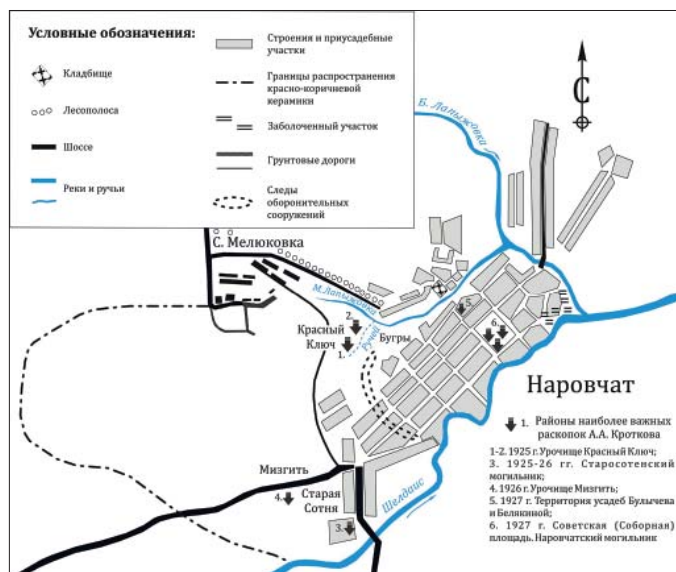

Рис. 2. Схематический план современного Наровчат и места основных раскопок А.А. Кроткова (1925–27 гг.).

Fig. 2. The schematic plan of the modern Narovchat and the main A.A. Krotkov's excavations (1925–27).

однократно ставился исследователями, точное место нахождения города Мохши остаётся неизвестным (Кротков, 1923, с. 27–28).

Исследователь, опираясь на данные по исторической географии Золотой Орды, предполагает, что «г. Мохши надо искать севернее Н. Сарая и севернее Уека» (Кротков, 1923, с. 28–29). Эту мысль подтверждают некоторые особенности нумизматических материалов, а именно «...грубость чекана, отсутствие ... симметричности в расположении надписей и, наконец, примитивность в изображении эмблематических фигур» на мохшинских монетах (Кротков, 1923, с. 28–29). При этом они «...по характеру чекана более сродны с Уекским и Сарайским, хотя грубее их, а наиболее они подходят по чекану к монетам, битым в Булгаре» (Кротков, 1923, с. 29). Следовательно, поиск города Мохши должен был осуществляться ближе к Уеку и Булгару, в северной части государства (Кротков, 1923, с. 29).

Но всё равно место расположения Мохши ещё долго оставалось бы не-

известным, если бы не серия случайных находок, в том числе монет, сделанных членом Саратовской учёной архивной комиссии И.Ф. Садиным в окрестностях современного Наровчата Пензенской губернии (Кротков, 1923, с. 30–31). А.А. Кротков аргументирует тождественность Мохши и Наровчатского городища, опираясь на положение В.В. Григорьева, по которому находки золотоордынских монет преимущественно концентрируются на территории города, где они были отчеканены. Исключение составляют монеты Сараев и Гулистана, распространённые по территории всей Золотой Орды (Кротков, 1923, с. 29). Среди монет, собранных на территории Наровчата и в его окрестностях, 62% имели чекан Мохши (Кротков, 1923, с. 30–31).

В конце статьи А.А. Кротков сделал спорное и неоправдавшееся предположение, что золотоордынский город возник на месте домонгольского города Буртаса (Кротков, 1923, с. 31).

Наиболее полной работой по истории города Мохши, вышедшей при

жизни исследователя, стала статья *«К вопросу о северных улусах золотоордынского ханства»* (1928). В ней археолог характеризует материалы, полученные во время археологических работ 1925–27 гг. Во вступительной части А.А. Кротков возвращается к вопросу о тождественности Мохши и Наровчатского городища (Кротков, 1928, с. 71–73), но не останавливается на нём подробно, так как археологические материалы не оставляют сомнения в том, что памятник интерпретирован правильно.

Особое внимание А.А. Кротков уделяет следам фундаментальной застройки. К моменту выхода статьи было известно два золотоордынских сооружения. Первое, в урочище Красный Ключ, он считал общественной баней, второе, в урочище Мизгить, – жилым (Кротков, 1928, с. 74). Позднейшие исследования А.Е. Алиховой подтвердили интерпретацию первого сооружения (Алихова, 1976), тогда как второе оказалось золотоордынским мавзолеем (Алихова, 1973). Ошибка А.А. Кроткова была обусловлена отсутствием следов погребений (Кротков, 1928, с. 74).

Исследователь останавливается на находках золотоордынских монет, указывая места их наибольшей концентрации (Кротков, 1928, с. 74–75), известняковых блоков с орнаментом (Кротков, 1928, с. 72) и коллекции артефактов, включающих керамику, предметы быта, декоративные изделия и т.д. (Кротков, 1928, с. 73).

Главный вывод А.А. Кроткова: в Наровчате и его окрестностях обнаружены следы «...не какого-либо маленького «татарского» поселка XIV ст., не какой-либо усадьбы золотоордынского магната-князька, а... значительного города, которому мы...

придаем значение областного, улусного центра, с наименованием его – г. Мохши» (Кротков, 1928, с. 75). То, что город Мохши не упоминается в восточных письменных источниках, исследователь объясняет тем, что арабские писатели не заглядывали «в этот отдаленный, лежащий в стороне от Волги, глухой, расположенный в лесных местах городок» (Кротков, 1928, с. 75). «Молчание» русских летописей А.А. Кротков связывает с двойным названием города. Для русских это был летописный Наручад (Кротков, 1928, с. 75). Косвенным подтверждением двойного названия города исследователь считал находку монеты хана Кильдибека с названием места чекана, допускающим прочтение: «Нурджа^н/» (Кротков, 1928, с. 76).

По мнению А.А. Кроткова, город Мохши имел статус улусного центра. Выделение северо-западного улуса было связано с рядом причин. Прежде всего, это было результатом единого процесса. На ранних стадиях существования Золотой Орды крупные города концентрировались в юго-восточной части государства. Но, со временем, новые торгово-экономические центры возникают и в других районах страны (Кротков, 1928, с. 76). Ещё одной причиной выделения нового улуса А.А. Кротков считает перспективность региона с точки зрения развития земледелия и промыслов (Кротков, 1928, с. 77).

Непосредственным поводом для превращения Мохши в улусный центр, по мнению А.А. Кроткова, является политическая конъюнктура начала XIV века, когда наблюдался «... период подъема и особого усиления государственности» (Кротков, 1928, с. 77). Для усиления централизации появилась необходимость в но-

вом опорном пункте. В 1928 году А.А. Кротков относит возникновение памятника приблизительно к 1313 году (713 год хиджры). Он уже не ищет в окрестностях Наровчата следы города Бургаса, и допускает, что до возникновения Мохши, здесь могло существовать только небольшое поселение (Кротков, 1928, с. 77).

Следует также остановиться на работе А.А. Кроткова «Два собрания джучидских монет» (1930), в которой он делает ряд замечаний по истории Мохши. В работе характеризуются две нумизматические коллекции золотоордынского времени (Кротков, 1930, с. 11–42). Одна из коллекций происходит с Селитренного городища (сборы П.С. Рыкова), другая – с территории современного Наровчата и его окрестностей (сборы В.П. Россина) (Кротков, 1930, с. 3). При сравнении двух коллекций А.А. Кротков отмечает, что процентный состав монет различных чеканов неодинаков. На Селитренном городище преобладают монеты с чеканом Нового Сарая, на Наровчатском городище они составляют всего 12,5%, тогда как 53,5% имеют чекан Мохши (Кротков, 1930, с. 5–6). На самом деле их процент выше, так как исследователь включает в подсчёт монеты с неидентифицируемыми надписями (26,3%).

Это обстоятельство лишний раз подтверждает тождественность Мохши и Наровчатского городища. Об этом же говорят: 1) находка на территории Наровчата монет 744 г. х. с изображением птицы, предположительно утки, на аверсе и надписью с чеканом Мохши с эпитетом «богохранимый» на реверсе, не имевшей аналогов на других золотоордынских городах (Кротков, 1930, с. 7); 2) сравнительно многочисленные находки редких мо-

нет (не менее 25 экз.) с надписью «Печать Тегай-бека» на аверсе и «Чекан Мохшинский» на реверсе (Кротков, 1930, с. 7, с. 39–40).

А.А. Кротков сравнивал также орнаментацию монет, происходивших с двух золотоордынских городищ, и отметил, что монеты с Селитренного городища отличаются большим разнообразием орнаментальных мотивов (Кротков, 1930, с. 8–9).

Большую роль в исследовании истории города Мохши сыграла также рукопись А.А. Кроткова *«Наровчат и его окрестности в историко-культурном отношении»* (1939), изданная в 2011 году после смерти автора. Эту работу при изучении истории Наровчата и Мохши часто использовали археологи и историки, в том числе В.И. Лебедев (Лебедев, 1958), А.Е. Алихова (Алихова, 1969, 1973, 1976), М.Р. Полесских (Полесских, 1977).

Работа представляет собой своеобразный очерк-отчёт об археологических работах автора на Наровчатском городище, адресованный членам Наровчатского кружка краеведения (Кротков, 2011, с. 11). В определенной степени она является итогом исследовательской деятельности А.А. Кроткова по изучению Мохши. Рукопись состоит из предисловия, основной части, включающей пять разделов, и заключения. Первый и второй разделы основной части посвящены истории Наровчата как уездного центра Пензенской губернии, третий раздел называется «Норовчат [так в тексте – Д.И., М.Б.] золотоордынский XIII–XIV вв.», четвёртый – «Обследование Наровчатского городища в 1925–1927 годах». Последний, пятый раздел – «Мордовско-мокшанский Норовчат». По форме изложения

работа представляет собой хронику археологических работ с научными экскурсами. В самой рукописи нет систематического изложения истории города Мохши, но из разрозненных описаний отдельных находок и наблюдений складывается довольно целостная картина. Работа имеет все недостатки черновых рукописей: изложение материала не всегда последовательно, многие формулировки неудачны, композиция не до конца продумана. При этом нельзя не оценить большие научные достоинства работы.

В истории Наровчата А.А. Кротков выделяет три этапа: 1) время существования небольшого мордовского поселения, 2) период золотоордынского города Мохши, 3) время освоения территории города русскими переселенцами (Кротков, 2011, с. 40–41). Своё предположение о существовании «домохошинского» периода сам исследователь считает спорным, основанным только на косвенных данных (Кротков, 2011, с. 37, с. 40).

Следующий этап истории города – «...татарский Наровчат XIII–XIV вв., который в 1313 г. при Узбекхане был сделан торгово-административным центром среди мордовско-мокшанских земель с данным ему правом бить свою местную серебряную и медную монету» (Кротков, 2011, с. 40). А.А. Кротков уделяет особое внимание именно этому периоду. Он описывает и интерпретирует сооружения того времени. Кроме двух построек, описанных в статье 1928 года, он характеризует крупное сооружение (караван-сарай), которое было раскопано в 1927–28 годах близ перекрёстка Полянской и Солдатской улиц (Кротков, 2011, с. 28–29). Главный вы-

вод исследователя: фундаментальная застройка «...могла отвечать требованиям не какого-нибудь маленького, незначительного поселка, а крупного жилого центра» (Кротков, 2011, с. 25).

Пользуясь собственными материалами и данными краеведа В.П. Россина (Кротков, 2011, с. 28), А.А. Кротков составляет примерный план города Мохши. Его площадь, по мнению археолога, более чем в два раза превосходила площадь современного Наровчата (Кротков, 2011, с. 30). К северо-западу от зоны современной застройки «...намечался промышленный район города» (Кротков, 2011, с. 27), к западу и юго-западу от города, по мнению исследователя, располагался район проживания зажиточной части населения (Кротков, 2011, с. 27). Эти предположения оказались ошибочными, но неточности были обусловлены недостатком материалов. Благодаря монетным находкам, преимущественно локализовавшимся вблизи центра современного Наровчата, к западу и северо-западу от Наровчатского могильника, А.А. Кротков определяет место расположения торгово-административного района города Мохши. Близкое положение «караван-сарая» подтверждает догадку (Кротков, 2011, с. 27–28, 29).

А.А. Кротков предпринимает также попытку реконструировать историю улуса Мохши. Исследователь делает вывод об улусном значении города исходя из факта монетной чеканки. Кроме того, «на некоторых медных джучидских монетах городу Мохши придавался эпитет «махрусх», т.е. «богохранимый», каковой прилагается только к крупным, значительным городам» (Кротков, 2011, с. 31). По мнению А.А. Кротова, улус возник около 1313 года. Исследователь

считает, что до этого территория входила в состав улуса Увека (Кротков, 2011, с. 32).

Оценивая значение города Мохши, А.А. Кротков называет его «крупным административно-торговым центром» (Кротков, 2011, с. 30). Исследователь считает, что из него осуществлялось управление территорией, населённой мордвой-мокшей (Кротков, 2011, с. 30). Возможно, он предполагал, что граница улуса приблизительно совпадала с ареалом расселения этого народа.

А.А. Кротков особо останавливается на кратковременном эпизоде правления в «Наручадской стране» князька Тагая, или Тега, из-за агрессивного поведения которого Наровчат впервые был упомянут в русских летописях (Кротков, 2011, с. 31). Исследователь обращает внимание на то, что Тагай не указывал на монетах ханского титула. А.А. Кротков связывал это с шаткостью политического положения Тагая (Кротков, 2011, с. 31).

Утрату городом Мохши его политического и экономического значения А.А. Кротков связывает с походом Тамерлана в 1395 году (Кротков, 2011, с. 27–28). Следующим этапом в истории Наровчата А.А. Кротков считает возникновение здесь в 1627 году русской крепости, которая со временем превратилась в уездный город Пензенской губернии (Кротков, 2011, с. 41).

Подытоживая этот историографический очерк, следует сказать, что именно А.А. Кроткову, археологу, краеведу и нумизмату, принадлежит честь открытия золотоордынского города Мохши. Исследователем был обобщён археологический и нумизматический материал, полученный им самим во время экспедиций

1925–27 годов и собранный И.Ф. Садиным, В.П. Россиным и др. Проведённая работа позволила А.А. Кроткову убедительно аргументировать тождественность золотоордынского города Мохши и Наровчатского городища.

Кроме того, А.А. Кротков осуществил попытку реконструировать историю вновь открытого города и улуса. Первоначально археолог предполагал, что город возник на месте легендарного Буртаса, но после археологических работ 1925–27 гг. отказался от этой мысли. Появление самого золотоордынского Мохши А.А. Кротков относил к началу правления хана Узбека, причём город быстро получил статус улусного центра. А.А. Кротков нигде не даёт чётких указаний, какова была территория улуса. По-видимому, он считал, что она приблизительно совпадала с ареалом расселения мордвы-мокши.

А.А. Кротков наметил районы, наиболее перспективные для археологического исследования: урочище Красный Ключ, урочище Мизгить, Соборная (ныне Советская) площадь. Важной заслугой исследователя была также реконструкция планировки золотоордынского города, хотя его план во многом был ошибочен и претерпел существенные уточнения во время археологических раскопок под руководством А.Е. Алиховой (Отчёты..., 1959–1963) и Ю.А. Зеленева (Отчёты..., 1989–1990). В частности, не подтвердилось предположение, что золотоордынский Мохши значительно превышал по площади современный Наровчат. Сооружения урочища Мизгить, которые археолог считал жилыми, оказались мавзолеями и т.д. В то же время А.А. Кротков сравнительно точно определил место распо-

ложения торгово-административного центра города. истории города Мохши не утратили научного значения, хотя с момента их

Многие работы А.А. Кроткова по выхода прошло более 80–90 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алихова А.Е. Отчет об археологических работах Мордовской археологической экспедиции в Наровчат / Архив ИА РАН. Р-1. № 1910. М., 1959. 19 с.
2. Алихова А.Е. Отчет о раскопках Наровчатской археологической экспедиции в с. Наровчат Пензенской области / Архив ИА РАН. Р-1. № 2102. М., 1960. 12 с.
3. Алихова А.Е. Отчет о раскопках Наровчатской археологической экспедиции / Архив ИА РАН. Р-1. № 2318. М., 1961. 15 с.
4. Алихова А.Е. Отчет о раскопках в с. Наровчат Пензенской области / Архив ИА РАН. Р-1. № 2570. М., 1962. 18 с.
5. Алихова А.Е. Отчет о раскопках Наровчатской археологической экспедиции в с. Наровчат Пензенской области / Архив ИА РАН. Р-1. № 2770. М., 1963. 12 с.
6. Алихова А.Е. Гончарные горны города Мохши-Наручады (Наровчат Пензенской области) // КСИА. № 120 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1969. С. 78–80.
7. Алихова А.Е. Мавзолеи города Мохши-Наровчата // СА. 1973. № 2. С. 226–237.
8. Алихова А.Е. Постройки древнего города Мохши // СА. 1976. № 4. С. 166–178.
9. Зеленев Ю.А. Отчет об археологических исследованиях в Наровчатском районе Пензенской области / Архив Института археологии РАН. Р-1. № 13631. М., 1989. 60 с.
10. Зеленев Ю.А. Отчет о раскопках на Наровчатском городище (г. Мохши) в 1990 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 16508.
11. Кротков А.А. О памятниках старины в Саратовской губернии // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 29. Саратов, 1912. С. 157–176.
12. Кротков А.А. Клад серебряных джучидских монет с Водянского городища // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 30. Саратов: Союз Печатного Дела, 1913. С. 179–186.
13. Кротков А.А. Материалы к археологической карте Кузнецкого уезда // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 30. Саратов: Союз Печатного Дела, 1913а. С. 167–178.
14. Кротков А.А. Никольский и Керенский клад джучидских монет // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 32. Саратов: Союз Печатного Дела, 1915. С. 164–168.
15. Кротков А.А. Раскопки на Укеке в 1913 году // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 32. Саратов: Союз Печатного Дела, 1915а. С. 111–133.
16. Кротков А.А. В Поисках Мохши // Труды Общества истории, археологии и этнографии при Саратовском университете. Вып. 34. Саратов, 1923. С. 27–31.
17. Кротков А.А. Сферо-конические сосуды из Археологического Отдела Саратовского Государственного Областного Музея // Труды Нижне-Волжского общества краеведения. Вып. 35. Саратов, 1926. С. 51–66.
18. Кротков А.А. К вопросу о северных улусах золотоордынского ханства (Посвящается наровчатскому кружку краеведения) // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. № 5. Баку, 1928. С. 71–79.
19. Кротков А.А. Два собрания джучидских монет // Труды Нижне-Волжского общества краеведения. Вып. 37. Саратов: Издание Нижне-Волжского общества краеведения, 1930. 42 с.
20. Кротков А.А. Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении (Посвящается Наровчатскому кружку краеведения): [Рукопись] / Научный архив Пензенского государственного краеведческого музея, ф. VI, № 132 /14. [Саратов], 1939. 23 с.

21. Кротков А.А. Автобиография (Из фондов Саратовского областного музея краеведения) // А.А. Кротков. Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении (Посвящается Наровчатскому кружку краеведения). Пенза, 2011. С. 7–10.

22. Кротков А.А. Наровчат и его окрестности в историко-археологическом отношении (Посвящается Наровчатскому кружку краеведения): К 145-летию со дня рождения. Пенза, 2011. 74 с.

23. Лебедев В.И. Загадочный город Мохши. Пенза: Пензен. книжн. изд-во, 1958. 44 с.

24. Полесских М.Р. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья. Пенза: Приволжское кн. изд-во. Пензенское отделение, 1977. 88 с.

Информация об авторах:

Иконников Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией. Антропологическая лаборатория кафедры «Анатомия человека». Медицинский институт Пензенского государственного университета, (г. Пенза, Россия); ikonnikof-ds@mail.ru

Баишева Мария Ивановна, методист. Отдел образования администрации Спасского района, информационно-методический центр (г. Спасск, Пензенская область, Россия); poisonous11@gmail.com

ALEXANDER AVGUSTINOVICH KROTKOV – THE FIRST RESEARCHER OF THE GOLDEN HORDE CITY OF MOHSHY

D.S. Ikonnikov, M.I. Baisheva

The authors consider the scientific heritage of A. A. Krotkov (1866–1945), a famous Saratov archaeologist and numismatists who was also a discoverer of the Golden Horde city of Mohshy. The researcher identified the city of Mohshy with the Narovchat settlement in the Penza province in his article “In Search of Mohshy” (1923). A.A. Krotkov used the data on archaeology, numismatics and historical geography for his scientific argumentation. The researcher led a number of archaeological excavations in Narovchat and in its neighborhood in 1925–27. He made an approximate plan of the city of Mohshy and reconstructed its history according to the results of these works. A.A. Krotkov believed that the city was built at the beginning of the reign of khan Uzbek (about 1313 AD). The city was the center of the ulus. The Mordva-Moksha people were the main population of the ulus. The city prospered in the middle of the 14th century. The long decline of the Mohshy started after the aggressive campaign of Tamerlane (1395). The authors conclude that, despite some errors, Krotkov’s works on the history of the Narovchat have scientific importance to this day.

Keywords: archaeology, A.A. Krotkov, Narovchat archaeological site, the city of Mohshy, the Golden Horde, numismatics, historiography.

REFERENCES

1. Alikhova, A. E. 1959. *Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh Mordovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v Narovchate (Report on the archaeological work of the Mordovian archaeological expedition in Narovchat)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 1910 (in Russian).

2. Alikhova, A. E. 1960. *Otchet o raskopkakh Narovchatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v s. Narovchat Penzenskoi oblasti (Report on the excavations of the Narovchat archaeological expedition in the Narovchat village of the Penza Region)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 2102 (in Russian).

3. Alikhova, A. E. 1961. *Otchet o raskopkakh Narovchatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Report on the excavations of the Narovchat archaeological expedition)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 2318 (in Russian).

4. Alikhova, A. E. 1962. *Otchet o raskopkakh v s. Narovchat Penzenskoi oblasti* (Report on the excavations in the Narovchat village of the Penza Region). Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 2570 (in Russian).
5. Alikhova, A. E. 1963. *Otchet o raskopkakh Narovchatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v s. Narovchat Penzenskoi oblasti* (Report on the excavations of the Narovchat archaeological expedition in the Narovchat village of the Penza region). Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, no. 2770 (in Russian).
6. Alikhova, A. E. 1969. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 120. Moscow: "Nauka" Publ. 78-80 (in Russian).
7. Alikhova, A. E. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (2), 226-237 (in Russian).
8. Alikhova, A. E. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (4), 166-178 (in Russian).
9. Zelenev, Yu. A. 1989. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Narovchatskom rayone Penzenskoi oblasti* (Report on archaeological investigation in the Narovchatsky District of the Penza Region). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, no. 13631 (in Russian).
10. Zelenev, Yu. A. 1990. *Otchet o raskopkakh na Narovchatskom gorodishhe (g. Mokshsi) v 1990 g.* (Report on the excavations at the Narovchat fortified settlement (Mokshi town) in 1990). Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R. 1, no. 16508 (in Russian).
11. Krotkov, A. A. 1912. In *Trudy Saratovskoy uchenoy arkhivnoy komissii* (Proceedings of the Saratov Archival Scientific Commission) 29. Saratov. 157-176 (in Russian).
12. Krotkov, A. A. 1913. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii* (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission). 30. Saratov: "Soiuz Pechatnogo Dela" Publ., 179-186 (in Russian).
13. Krotkov, A. A. 1913. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii* (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission). 30. Saratov: "Soiuz Pechatnogo Dela" Publ., 167-178 (in Russian).
14. Krotkov, A. A. 1915. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii* (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission). 32. Saratov: "Soiuz Pechatnogo Dela" Publ., 164-168 (in Russian).
15. Krotkov, A. A. 1915. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii* (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission). 32. Saratov: "Soiuz Pechatnogo Dela" Publ., 111-133 (in Russian).
16. Krotkov, A. A. 1923. In *Trudy Obshchestva istorii, arkheologii i etnografii pri Saratovskom universitete*. (Proceedings of the Society of History, Archaeology and Ethnography affiliated to the University of Saratov) 34. Saratov. 27-31 (in Russian).
17. Krotkov, A. A. 1926. In *Trudy Nizhne-Volzhskogo obshchestva krayevedeniya* (Proceedings of the Lower Volga Local History Society) 35. Saratov. 51-66 (in Russian).
18. Krotkov, A. A. 1928. In *Izvestiya Obshchestva obsledovaniya i izucheniya Azerbaydzhana* (Communications of the Society for Survey and Study of Azerbaijan) 5. Baku. 71-79 (in Russian).
19. Krotkov, A. A. 1930. In *Trudy Nizhne-Volzhskogo obshchestva krayevedeniya* (Proceedings of the Lower Volga Local History Society) 37. Saratov: "Nizhne-Volzhskoe obshchestvo krayevedeniya" Publ. (in Russian).
20. Krotkov, A. A. 1939. *Narovchat i ego okrestnosti v istoriko-arkheologicheskom otnoshenii* (Posvyashhaetsya Narovchatskomu kruzhku kraevedeniya) [Rukopis'] (Narovchat and its environs in historical and archaeological respect.). Penza. Scientific archive of the Penza State Regional Museum. F. VI. No. 132/14 (in Russian).
21. Krotkov, A. A. 2011. In Krotkov, A. A. *Narovchat i ego okrestnosti v istoriko-arkheologicheskom otnoshenii* (Narovchat and its environs in historical and archaeological respect). Penza. 7-10 (in Russian).
22. Krotkov, A. A. 2011. *Narovchat i ego okrestnosti v istoriko-arkheologicheskom otnoshenii* (Narovchat and its environs in historical and archaeological respect). Penza (in Russian).

23. Lebedev, V. I. 1958. *Zagadochniy gorod Mokhshi (Mysterious town of Mokhshi)*. Penza: "Penza book publishing house" Publ. (in Russian).

24. Polesskikh, M. R. 1977. *Drevnee naselenie Verkhnego Posur'ia i Primokshan'ia (Ancient Residents of the Upper Sura and Moksha Rivers Area)*. Penza: "Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., Penza Branch (in Russian).

About the Authors:

Ikonnikov Dmitry S. Candidate of Historical Sciences. Penza State University. Lermontova St., 3, Penza, 440000, Russian Federation; ikonnikof-ds@mail.ru

Baisheva Maria I. Department of Education of the Administration of Spassk's District. Sovetskaya St., 22, Spassk, 442600, Penza Region, Russian Federation; poisonous11@gmail.com

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

УДК 903.2

<https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.70.80>**КОНЫКОВЫЕ ГРЕБНИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ XVI–XIX ВВ.**

© 2020 г. И.В. Балюнов

В статье анализируются довольно редкие археологические находки в Западной Сибири – коньковые гребни. Их изучение базируется на сравнительных материалах Европейской России. Учет археологических находок и музейных экспонатов позволяет разработать типологию коньковых гребней, а также определить хронологию их бытования. Ведущим признаком является сама форма изделия, на основании которого выделяются три типа. По мнению автора, можно считать доказанным, что коньковые гребни за Уралом появились с приходом русского населения. На основе выполненной типологии выдвигается предположение о том, что в XVI–XIX вв. было два «потока» проникновения коньковых гребней в Западную Сибирь. Первый происходил в XVI–XVII в., когда здесь появились гребни первого и второго типов. Этот поток условно можно назвать «северорусским». Второй поток, для которого характерны гребни-подвески типа третьего типа, имел место в XIX столетии. Автор полагает, что по ряду признаков, второй поток проникновения коньковых гребней мог быть следствием поволжского влияния.

Ключевые слова: археология, коньковый гребень, Западная Сибирь, аналогии, датировка, тип.

Гребни являются достаточно частой находкой на археологических памятниках Западной Сибири позднего Средневековья и Нового времени. Наиболее массово представлены двусторонние изделия, где ряды обычно отличаются частотой расположения зубцов. Для более ранних эпох на указанной территории гребни можно считать единичными находками. Вместе с тем даже в позднее время достаточно редки вещи, имеющие орнамент или тем более стилизованные изображения. Данное утверждение вполне справедливо для так называемых коньковых гребней, которые в сравнительно небольшом количестве известны на территории, расположенной за Уралом. По этой причине до недавнего времени им не было посвящено ни одного специализированного исследования, при этом европейские находки, напротив, достаточно хорошо опубликованы и си-

стематизированы. Это обстоятельство определяет цель настоящего исследования – охарактеризовать коньковые гребни на территории Западной Сибири XVI–XIX вв. Кроме того, проведенное исследование дает возможность определить, какое место названные предметы занимают в историческом наследии обширного региона.

Для достижения поставленной цели первоначально были проанализированы результаты специализированных исследований по теме, созданных на основе европейских источников. Дальнейший учет опубликованных материалов, в которых представлены археологические находки коньковых гребней с территории Западной Сибири, позволил выявить наиболее яркие их признаки и разработать новую типологию. Это, в свою очередь, дало возможность определить хронологические особенности для выделенных типов, а также обозначить некоторые

элементы культурного взаимовлияния Европейской России и Западной Сибири в XVI–XVIII вв.

В издании 2000 г. Л.Н. Гончаровой «Металл в народном искусстве Русского Севера...» указано, что в собраниях Государственного исторического музея хранится несколько десятков латунных гребней, датированных от XII до XX в., многие экспонаты, которые поступили в конце XIX – начале XX в., были приобретены у частных лиц, и сведения об их происхождении отсутствуют (Гончарова, 2000, с. 54). Автором отмечается тип «старинных» гребней с двумя парами разнообращенных конских голов, венчающих нижнюю часть с зубцами для расчесывания волос. Высказывается мнение, что они носились на поясе и выполняли функцию оберегов – защиты от нечистой силы. Такие мужские гребни могут быть производными от ранних коньковых подвесок женских костюмов. Предположительно на Русском Севере мотивы парных конских голов появились в результате торговых связей местных жителей с племенами, населявшими территорию Волго-Окского междуречья (Гончарова, 2000, с. 51–52).

Зооморфные гребни севера Восточной Европы достаточно подробно рассмотрела в обобщающей статье Н.Б. Крыласова (Крыласова, 2007). Из представленного автором материала следует, что изображение парных конских голов является одним из наиболее распространенных в декоре средневековых изделий. В созданной типологии Н.Б. Крыласова выделяет «Подгруппу 2», на основе такого признака, как рукоять, оформленная «в виде двух направленных в противоположные стороны голов коней, между которыми находится отверстие для

привешивания» (Крыласова, 2007, с. 75). Образующие эту категорию находки датированы IX–X вв., но, по мнению автора, парные изображения конских голов появились в Предуралье еще в раннем железном веке. Этот сюжет, многократно повторенный на поясных накладках, костяных копоушках, биконьковых подвесках, биметаллических кресалах, появился у народов Урала и Западной Сибири из иранской мифологии, которая в значительной степени повлияла на формирование их мировоззрения и мифологической системы. Они с территории Среднего Предуралья вместе с финно-угорским населением попадают на земли Северо-Западной Руси и начинают там пользоваться некоторой популярностью (Крыласова, 2007, с. 79).

В 2011 г. вышло в свет достаточно объемное исследование О.А. Кондратьевой, посвященное истории гребней Древней Руси – России IX–XIX вв. (Кондратьева, 2011). В работе представлено значительное количество зооморфных изделий с обращенными в разные стороны коньковыми головами (Кондратьева, 2011, с. 14–21). Как отмечается автором, подобные изделия не встречаются в раннем Средневековье на территории юга Восточной Европы, но характерны для северо-восточных и северо-западных областей Древней Руси (Кондратьева, 2011, с. 21–23). Далее в исследовании указывается, что этот сюжет при всей своей популярности не был устойчив во времени. Зооморфные гребни с парными конскими головами имеют распространение не только среди древностей IX–X вв., но встречаются sporadически и в XIII–XIV вв., XVII–XVIII вв., а для XIX столетия характерно мощное проникновение в бытовую народную культуру зооморфных

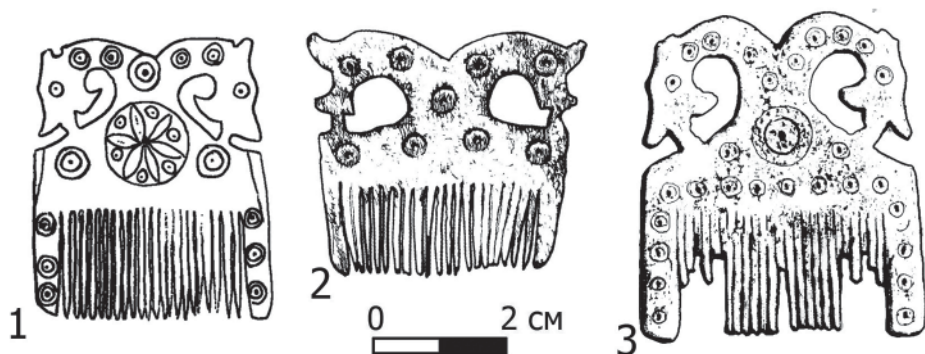

Рис. 1. Костяные коньковые гребни:

1–2 – Мангазея (По: Визгалов, Пархимович, 2008); 3 – Томск (По: Черная, 2015).

Fig. 1. Bone combs with horse head:

1–2 – Mangazeya (after: Vizgalov, Parkhimovich, 2008); 3 – Tomsk (after: Chernaya, 2015).

коньковых изделий (Кондратьева, 2011, с. 36–37).

Касательно территории Западной Сибири коньковые гребни, как правило, публиковались при общем описании материалов археологических памятников. В Томском Приобье при исследовании позднесредневекового Козюлинского могильника в кургане 43 было обнаружено два детских погребения со значительным количеством сопроводительного инвентаря: жетоны, серьги, бронзовые пуговицы, бронзовый колокольчик с железным язычком, бисер, бронзовые колечки, оловянные пластинки, одна серебряная монета (Плетнева, 1990, с. 61, рис. 46: 20). Кроме этих вещей у одного из погребенных с правой стороны у плечевой кости найден бронзовый гребень (рис. 2: 1). Козюлинский могильник датируется XVI–XVII вв., и, по мнению автора исследований, полученный при раскопках материал свидетельствует о том, что в погребальном обряде отразились новые явления в жизни местного населения, а именно торгово-денежные отношения с Русским государством (Плетнева, 1990, с. 121).

Еще одна единичная находка известна по материалам Обского севера из могильника Халас-Пугор, который можно максимально широко датировать концом XVIII – самым началом XX в. (Мурашко, Кренке, 2001, с. 69–70). Здесь в одном из женских погребений (№ 24) был обнаружен коньковый гребень (рис. 2: 3), заметно отличающийся от представленного выше. Авторы публикации нашли множество аналогов этой находки, что позволило выдвинуть предположение о существовании какого-то единого центра производства тождественных гребней, их наиболее вероятная датировка – XIX в. Кроме того, существует обоснованное мнение, что они являлись товаром русской торговли, которые возможно создавались с ориентацией на древние языческие образцы, но предназначались для продажи «инородцам» (Мурашко, Кренке, 2001, с. 47, рис. 97: 1).

Коньковый гребень, близкий по облику предмету из Козюлинского могильника, был обнаружен при раскопках городища Частухинский Урий (рис. 2: 2), находящегося в Сургутском районе Ханты-Мансийского ав-

тономного округа Тюменской области. По мнению автора исследований В.И. Семеновой, на городище проживали юганские ханты, но в период 1596–1616 гг. городок был взят штурмом русскими казаками. Находка сделана возле котлована 3, который по материалам раскопа надежно датируется русскими монетами концом XVI–XVII вв. (Семенова, 2005, с. 9, 96, рис. 42: 2). При повторной публикации этого гребня его датировка получила дополнительное подтверждение (Кардаш, Визгалов, 2015, с. 244).

В материалах заполярного города Мангазеи известно четыре гребня (три костяных, один медный), спинки которых украшены стилизованными головами коньков, обращенными в разные стороны (рис. 1: 1, 2, 4). Очевидно, что в XVII в. параллельно с металлическими в Западной Сибири бытовали костяные изделия (Визгалов, Пархимович, 2008, с. 97). Представленные образцы отличаются не только материалом, из которого они изготовлены. Медный гребень выполнен достаточно схематично. Костяные выполнены более натуралистично, они изящные, обозначена округлая шея и уши животного, контуры морды (Визгалов, Пархимович, 2008, рис. 161: 8, 11, 13). Первый русский город в сибирском Заполярье существовал достаточно короткий срок с 1601 г. по 1671 г., и здесь хронология и культурная принадлежность находок не вызывает особых вопросов. В материалах Мангазеи это не единственный «коньковый» сюжет, кроме того, известны фигурки коней, выполненные из дерева (Визгалов, Пархимович, 2008, рис. 173: 1–4), которые, по мнению авторов исследований, выполняли функцию магических прикладов, помещенных в основание печи (Виз-

галов, Пархимович, 2008, с. 127–128). Одна из фигурок, также как и гребни этого типа, – двуглавая. Изучение мангазейских гребней представлено в работе Ю.К. Сергеевой, которая отмечает, что сюжет с изображением конских голов типичен для территорий Восточной Европы и Предуралья (Сергеева, 2012, с. 19), а за Уралом этот мотив «в первую очередь связан с культурой восточнославянских племен, а его распространение – с проникновением в Сибирь русского населения» (Сергеева, 2012, с. 16).

По материалам воеводской усадьбы в Томске М.П. Черная опубликовала костяной гребень с парными конскими головами (рис. 1: 3). Автор отмечает, что этот предмет имеет подчеркнуто выраженный сакрально-символический контекст и может нести на себе печать охранной магии (Черная, 2015, с. 180, рис. 178). Этот экземпляр находит близкий аналог из Мангазеи (Визгалов, Пархимович, 2008, рис. 161: 8), датируется также XVII в.

Медный коньковый гребень, происходящий из культурного слоя средневекового городища Искер (рис. 2: 5), был опубликован И.В. Балюновым (Балюнов, 2016, с. 150). Этот памятник известен, прежде всего, как столица Сибирского ханства, и в тоже время в его археологических коллекциях выделяются вещи явно русского производства. Данный факт можно объяснить тем, что дружина Ермака после победы в битве у Чувашского мыса над войсками хана Кучума несколько лет проживала в городище Искер (1582–1585 гг.), а кроме того, какие-то изделия туда попадали в результате торговли с Московским государством. По мнению И.В. Балюнова, найденный гребень может являться

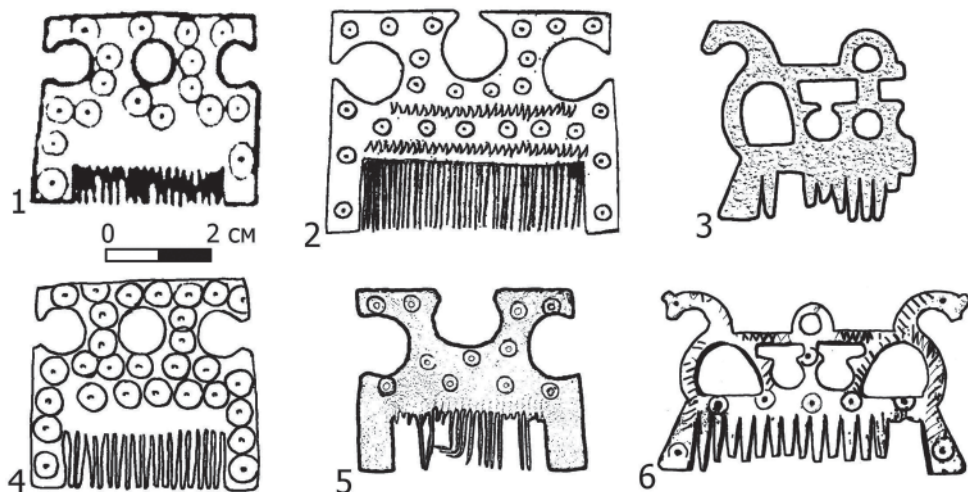

Рис. 2. Медные коньковые гребни: 1 – Козюлинский могильник (По: Плетнева, 1990); 2 – Частухинский Урий (Монкыс Урий) (По: Семенова, 2005); 3 – Халас-Пугор (По: Мурашко, Кренке, 2001); 4 – Мангазея (По: Визгалов, Пархимович, 2008); 5 – Искер (По: Балюнов, 2016); 6 – Карымкарские юрты (фонды Тобольского музея-заповедника, часть нагрудного украшения).

Fig. 2. Copper combs with horse head: 1 – Kozyulino burial ground (after: Pletneva, 1990); 2 – Chastukhinsky Urii (Monkys Urii) (after: Semenova, 2005); 3 – Halas-Pugor (after: Murashko, Krenke, 2001); 4 – Mangazeya (after: Vizgalov, Parkhimovich, 2008); 5 – Isker (after: Balyunov, 2016); 6 – Karymkarskiye yurty (funds of Tobolsk Museum-Reserve, part of the chest decoration).

как предметом русского импорта, так и вещью, принадлежавшей участнику похода Ермака, и наиболее вероятная датировка расчески – вторая половина XVI в. (Балюнов, 2016, с. 152).

Дополнить археологические находки следует материалами этнографической коллекции Тобольского музея-заповедника. Коньковые гребни здесь представлены не как отдельные экспонаты, а как часть женского украшения (номер хранения ТМ-7713) (рис. 3). Известно, что оно поступило в фонды в 1897 г. после Нижегородской художественно-промышленной выставки. Сохранился каталог того, что было представлено от Тобольской губернии на эту выставку 1896 г., где в части VII, именуемой «Северный отдел», значится коллекция А.Е. Мотошина из Карымкарских юрт с низовьев Оби. Под № 42 находится «Убор

на грудь – «пэрна пыгыт» – с крестом, колокольчиками, гребенками, уткой, ширкунцами и пр.; надевается сукном на шею, а бисером спускается на грудь. Праздничный наряд» (Коллекция..., 1896, с. 3). К этому описанию можно добавить, что поверхности лопастей убора украшены оловянными бляшками в виде четырех соединенных между собой окружностей. Этнографическое название можно перевести как «крест-ожерелье», которое происходит от того, что на центральной бисерной нити крепится православный крест. Бисерные низки, висающие на краях лопастей, внизу заканчиваются медными подвесками – три из которых коньковые гребни. Эти предметы являются точной копией друг друга, они покрыты циркульным и резным орнаментом, имеются утраты нескольких зубьев (рис. 2:

6). Коньки-подвески тождественны находке с могильника Халас-пугор. Представленный экспонат из фондов Тобольского музея является редким случаем, когда присутствует весь необходимый минимум информации о предмете: достаточно точная датировка, происхождение, функциональное назначение, культурная принадлежность, известно имя дарителя, и даже история экспонирования.

На большинстве известных гребней присутствует циркульный орнамент, который в научной литературе устойчиво определяется как солярные знаки, изображение небесных светил, Солнца, звезд и т. п. (Гончарова, 2000, с. 54; Кондратьева, 2011, с. 31), что в совокупности с формой изделий указывает на то, что им предавался некий сакральный смысл. Все представленные материалы позволяют составить типологию коньковых гребней, а также определить хронологию их бытования. По материалу, из которого они изготовлены, можно обозначить два отдела – костяные и медные. Ведущим признаком является сама форма изделия, на основании которого выделяются три типа, при этом подразумевается, что изделия типа 1 – из кости, 2 и 3 – из меди (рис. 4).

Тип 1 – костяные гребни с натуралистическим изображением конских голов (рис. 4). Такие находки известны по материалам археологических исследований Мангазеи и Томска (рис. 1). Они могут быть датированы XVII столетием и, очевидно, являются предметами русского производства.

Тип 2 представлен прямоугольными гребнями, вырезанными из медной пластины (рис. 2: 1, 2, 4, 5). Головы коньков изображены достаточно схематично. Данный тип можно разделить на два варианта (рис. 4).

Вариант 1. Со сквозным округлым отверстием между головами коньков, которое, вероятно, могло служить для продергивания туда шнура (рис. 2: 1, 4). Такие экземпляры были найдены в культурных слоях Козюлинского могильника и Мангазеи. По некоторым элементам (циркульный орнамент, сквозное отверстие для подвешивания) описанный экземпляр близок северорусским гребням, носимым на поясах в качестве оберегов (Кондратьева, 2011, с. 35, рис. 14: 2; 15).

Вариант 2. С округлой прорезью между головами коньков. Находки происходят из городищ Частухинский Урий и Искер (рис. 2: 2, 5).

Опубликованные материалы позволяют датировать изделия типа 2 в Западной Сибири сравнительно узким временным периодом – вторая половина XVI–XVII вв. С учетом специфики каждого памятника можно достаточно уверенно утверждать, что такие расчески были изготовлены русскими мастерами. Это утверждение подкрепляется тем фактом, что аналогичные изделия неизвестны на указанной территории в период, предшествующий началу русского освоения, хотя образ коня в украшениях и имел место в культуре аборигенного населения.

Эту точку зрения можно подкрепить европейскими находками. В Твери тождественный гребень происходит из слоя XIV–XVI вв. (Богомолов, 2018, с. 117, рис. 6: 12). Кроме того, множество аналогов представлено на электронных ресурсах на сайтах так называемых «поисковиков». Датировку и местонахождение этих находок часто установить точно невозможно, но, судя по всему, их русское происхождение и принадлежность к периоду позднего Средневе-

Рис. 3. Нагрудное украшение из фондов
Тобольского музея-заповедника
(ТМ-7713).

Fig. 3. Breast decoration from the funds of the
Tobolsk Museum-Reserve (ТМ-7713).

ковья находит дополнительное обоснование.

Тип 3 – литые ажурные гребни, известные по материалам могильника Халас-Пугор и нагрудному украшению из фондов Тобольского музея-заповедника (рис. 2: 3, 6; рис. 4). Еще одним сибирским аналогом является предмет из южной части Красноярского края (Левашова, 1939, с. 61, 65, табл. XVI: 4). Предметы типа 3 по ряду признаков практически тождественны предметам, опубликованным О.А. Кондратьевой (Кондратьева, 2011, с. 32, рис. 13: 3; 16). Гребни имеют округлую спинку, в которой сделаны четыре симметричные прорези. Самый верх изделия венчают две конские головы, между ними находится сквозная петля для подвешивания. Зубцы сильно заужены от основания

к острию. Форма зубцов и наличие петли, а также известные аналоги позволяют утверждать, что подобные изделия можно назвать гребнями-подвесками.

Эти экземпляры вряд ли стоит считать напрямую производными от предметов, известных в Западной Сибири в XVI–XVII вв., поскольку линейной преемственности не обнаруживается. Обращает на себя внимание то, что гребни типа 3 (по нашей классификации) в научной литературе имеют «размытую» датировку от XII в. до XX в., например, некоторые изделия, опубликованные Л.Н. Гончаровой (Гончарова, 2000, с. 54, 70). При этом указано, что они изготовлены из латуни – металла, который получил широкое распространение в массовом производстве достаточно поздно. Вместе с тем вызывает сомнение и то, что такие коньковые гребни изготавливались на протяжении многих столетий, не меняя своего внешнего облика.

Обращение к опубликованным материалам обнаруживает, что «ранняя» датировка базируется прежде всего на находке, сделанной в Чебоксарах и датированной XIII–XIV вв. При обращении к публикации видно, что авторы сделали такое определение на основе аналога, хранящегося в коллекциях Государственного музея Татарской АССР без указания других выходных данных (Краснов, Каховский, 1978, с. 16–17). Похожая ситуация с гребнем, хранящимся в Национальном музее Финляндии, Хельсинки, который найден в Биляре (Кондратьева, 2011, с. 36). Следуя за выводами О.А. Кондратьевой и опираясь на известные сибирские материалы, следует признать, что единственной датировкой, которая может считаться доказанной

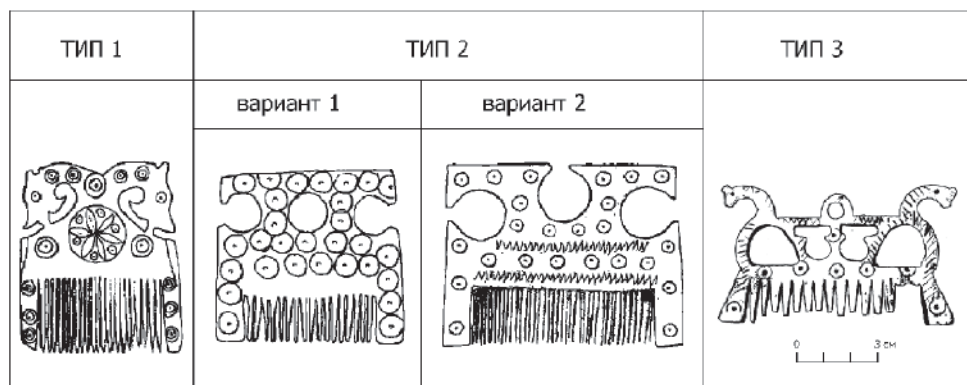

Рис. 4. Типология коньковых гребней Западной Сибири XVI–XIX вв.

Fig. 4. Typology of the combs with horse head of the 16th – 19th centuries from Western Siberia.

для коньковых гребней типа 3 является XIX в. Более широкий временной диапазон не имеет пока твердых подтверждений. Если на территории Северной России такие расчески входили в состав мужского костюма и носились у пояса (Кондратьева, 2011, 35–36), то за Уралом имелась практика их использования как женских украшений у народа ханты. В этом обнаруживается определенное сходство с финно-угорским населением Поволжья, где тождественные гребни входили в состав женского костюма (Калашникова, Плужникова, 1990, с. 98–99). Поскольку сибирское производство таких изделий сомнительно, данное обстоятельство возможно указывает на источник, откуда поступали подвески к народу ханты. Ещё одним доводом в пользу этого предположения является четкое разделение на «мужское» и «женское» в традиционной культуре обских угров и связанные с этим запреты и ограничения. Коньковая подвеска с Русского Севера как именно мужской оберег, наверное, имела мало шансов стать нагрудным украшением хантыйской женщины.

Можно считать доказанным, что коньковые гребни в Западной Сибири

появились с приходом русского населения. На самом раннем этапе здесь присутствуют медные расчески типа 2. Возможно, чуть позднее появляются гребни типа 1, которые, вероятно, могли вырезаться местными русскими мастерами. Для XVIII в. обнаруживается некий пробел в опубликованных материалах: существует вероятность, что в это время коньковые гребни в Западной Сибири не имели широкого распространения. В XIX в. под влиянием мощного проникновения в бытовую народную культуру зооморфных коньковых изделий, о которой писала О.А. Кондратьева, за Уралом появляются расчески типа 3. Опираясь на исследования этого автора, можно с определенными оговорками считать, что гребни типов 1 и 2 принадлежат к «промежуточным» находкам, характеризующим переход от средневековых «коньковых» гребней к их наследникам Нового времени. Эти факты позволяют сделать аргументированное предположение, что в XVI–XIX вв. было два «потока» проникновения коньковых гребней в Западную Сибирь. Первый – в XVI–XVII в., когда здесь появляются гребни типов 1 и 2. Этот поток достаточно услов-

но можно назвать «северорусским». вески типа 3, по ряду признаков он Второй – ближе к XIX столетию, для мог быть следствием поволжского которого характерны гребни-под- влияния.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балюнов И.В.* Медные гребни из фондов Тобольского музея-заповедника // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 7. С. 149–157.
2. *Богомолов А.В.* О некоторых результатах спасательных археологических работ на территории Затямацкого посада г. Твери в 2014 г. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 11 / Отв. ред. А.Н. Хохлов. Тверь: Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр, 2018. С. 114–121.
3. *Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.
4. *Гончарова Л.Н.* Металл в народном искусстве Русского Севера. М.: ГИМ, 2000. 96 с.
5. *Калашиникова Н.М., Плужникова Г.А.* Одежда народов СССР. М.: Планета, 1990. 230 с.
6. *Кардаш О.В., Визгалов Г.П.* Городок Монкысь урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования). Т. I. Археологические исследования / Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири. Вып. V. Екатеринбург: Караван, 2015. 448 с.
7. Коллекция А.Е. Мотошина из Карымкарских юрт с низовьев Оби / Сост. Н.Д. Варпаховский, А.И. Юрасов, А.А. Дунин-Горкавич // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. VI. Тобольск: Тобольский губернский музей, 1896. С. 1–4.
8. *Кондратьева О.А.* Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси – России. Археологические и этнографические очерки. СПб.: Российский этнографический музей, 2011. 242 с.
9. *Краснов Ю.А., Каховский В.Ф.* Средневековые Чебоксары. М.: Наука, 1978. 192 с.
10. *Крыласова Н.Б.* Зооморфные роговые гребни в материальной культуре Севера Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1. С. 73–80.
11. *Левашова В.П.* Из далёкого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск: Красноярское краевое государственное издательство, 1939. 68 с.
12. *Мурашко О.А., Кренке Н.А.* Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. По археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ. М.: Наука. 2001. 155 с.
13. *Плетнева Л.М.* Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та. 1990. 134 с.
14. *Семенова В.И.* Поселение и могильник Частухинский Урий. Новосибирск: Наука, 2005. 164 с.
15. *Сергеева К.С.* Гребни Западной Сибири эпохи бронзы – средневековья (по археологическим источникам). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Новосибирск. 2012. 23 с.
16. *Чёрная М.П.* Воеводская усадьба в Томске, 1660–1760 гг. историко-археологическая реконструкция. Томск: Д-Принт, 2015. 275 с.

Информация о авторе:

Балюнов Игорь Валерьевич, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (г. Тобольск, Россия); balyunoff@mail.ru

COMBS WITH HORSE HEAD IN WESTERN SIBERIA DURING THE 16TH – 19TH CENTURIES

I.V. Balyunov

Quite rare archaeological finds in Western Siberia – the combs with horse head are analyzed in the paper. Their study is based on comparative materials of European Russia. Accounting for archaeological finds and museum exhibits allows the author to develop a typology of the combs with horse head, as well as to determine the chronology of their existence. The shape of the product, on the basis of which three types are distinguished is considered as the leading sign. According to the author, it can be considered proven that the combs with horse head beyond the Urals appeared with the arrival of the Russian population. Based on the typology performed, it can be assumed that in the 16th – 19th centuries there were two penetrating streams of the combs with horse head in Western Siberia. The first stream occurred in the 16th – 17th centuries, when combs of the first and second types appeared here. This penetration can be conventionally called the «North Russian». The second penetrating stream which was characterized by the third type of the comb-pendants took place to the 19th century. The author believes that according to a number of signs, the second stream of penetration could be a consequence of the Volga region influence.

Keywords: archaeology, combs with horse head, Western Siberia, analogies, dating, type.

REFERENCES

1. Balyunov, I. V. 2016. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya* (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology) 15 (7), 149–157 (in Russian).
2. Bogomolov, A. V. 2018. In Khokhlov, A. N. (ed.). *Tver', Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ia* (Tver, Tver Region and Neighbour Territories in The Middle Ages) (11). Tver: Tver Scientific-Research Centre of the History, Archaeology and Restoration Publ., 114–121 (in Russian).
3. Vizgalov, G. P., Parkhimovich, S. G. 2008. *Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.)* (Mangazeya: Actual Archaeological Studies (Materials of 2001–2004)). Ekaterinburg; Nefteyugansk: “Magellan” Publ. (in Russian).
4. Goncharova, L. N. 2000. *Metall v narodnom iskusstve Russkogo Severa* (Metal in the Folk Art of the Russian North). Moscow: State Historical Museum Publ. (in Russian).
5. Kalashnikova, N. M., Pluzhnikova, G. A. 1990. *Odezhda narodov SSSR* (National Costumes of the Soviet Peoples). Moscow: “Planeta” Publ. (in Russian).
6. Kardash, O. V., Vizgalov, G. P. 2015. *Gorodok Monkys' uriy: k istorii naseleniya Bol'shogo Yugana v XVI–XVII vekakh (po rezul'tatam kompleksnogo arkheologicheskogo issledovaniya. T. I. Arkheologicheskie issledovaniya* (The Town of Monkys' Uri: to the history of the population of Bolshoy Yugan River in 16th – 17th centuries (according to the results of a comprehensive archaeological research)) 1. Series: Materials and research relating to the history of the north of Western Siberia (5). Ekaterinburg: “Karavan” Publ. (in Russian).
7. Varpakhovskiy, N. D., Yurasov, A. I., Dunin-Gorkavich, A. A. 1896. In *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya* (Yearbook of the Tobolsk Governorate Museum) 6. Tobolsk: Tobolsk Governorate Museum. 1–4 (in Russian).
8. Kondrat'eva, O. A. 2011. *Grebni IX–XIX vv. v bytu, obryadakh, fol'klore, remesle i khudozhestvennom tvorchestve Drevney Rusi – Rossii. Arkheologicheskie i etnograficheskie ocherki* (Combs of the 9th – 19th cc. in Household Life, Ceremonies, Folklore, Crafts and Art of Ancient Rus - Russia. Essays on Archaeology and Ethnography). Saint Petersburg: Russian Museum of Ethnography Publ. (in Russian).
9. Krasnov, Yu. A., Kakhovskiy, V. F. 1978. *Srednevekovye Cheboksary* (Medieval Cheboksary). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
10. Krylasova, N. B. 2007. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii* (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia) (1), 73–80 (in Russian).

11. Levashova, V. P. 1939. *Iz dalekogo proshlogo yuzhnoy chasti Krasnoyarskogo kraya (From the Distant Past of the Southern Areas of Krasnoyarsk Krai)*. Krasnoyarsk: "Krasnoyarskoe kraevoe gosudarstvennoe izdatel'stvo" (in Russian).
12. Murashko, O. A., Krenke, N. A. 2001. *Kul'tura aborigenov Obdorskogo Severa v XIX veke (The Culture of Indigenous People of Obdorsk North in 19th century)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Pletneva, L. M. 1990. *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arkheologicheskim istochnikam) (Tomsk Ob Region in the Late Middle Ages (Based on Archaeological Sources))*. Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).
14. Semenova, V. I. 2005. *Poselenie i mogil'nik Chastukhinskiy Uriy (The Settlement and Cemetery of Chastukhinsky Uriy)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
15. Sergeeva, K. S. *Grebni Zapadnoy Sibiri epokhi bronzy – srednevekov'ya (po arkheologicheskim istochnikam) (The Combs of Western Siberia during the Bronze Age and the Middle Ages (Based on Archaeological Sources))*. PhD Thesis. Novosibirsk (in Russian).
16. Chernaya, M. P. 2015. *Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760 gody. Istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya (Voivode Estate in Tomsk. 1660–1760)*. Tomsk: "D-Print" Publ. (in Russian).

About the Author:

Balyunov Igor V. Candidate of Historical Sciences. Tobolsk Historical and Architectural Museum Reserve. Krasnaya ploshchad, 1, build. 4, Tobolsk, 626152, Russian Federation; balyunoff@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

Изучение памятников эпохи первобытности Урала и Казахстана

УДК 903.5 902.01

<https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.81.97>

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМА АТРИБУЦИИ¹

© 2020 г. В.Н. Карманов

В статье публикуются сведения о достоверных погребениях на территории Республики Коми. Автором определены обстоятельства, повлиявшие на немногочисленность памятников этого типа и их слабую информативность. В результате анализа контекста и инвентаря захоронений на стоянке Ульяново и поселении Вис II возник вопрос о культурной принадлежности и времени создания этих источников. Автором предложены варианты решения этой проблемы, среди которых наиболее вероятный вариант заключается в том, что эти памятники оставлены представителями гаринской культуры. Время захоронений определяется III – первой половиной II тыс. до н.э. – периоду, который на севере таёжной зоны соответствует энеолиту, а в более южных регионах – эпохе бронзы. Вероятно также, что артефакты, такие как украшения из меди и янтаря, в изученных погребениях были статусными (престижными) и поэтому были объектами обмена, а не свидетельствами прямых миграций создателей вещей из одного региона в другой. При этом автор не исключает того, что в среде мобильных таёжных охотников-собирателей такие предметы могли также появиться вследствие грабёжа могил, удачных случайных находок и т.п.

Ключевые слова: археология, Северо-Восток Европы, энеолит, эпоха бронза, могильник, гаринская культура, абашевская культура.

Введение

Места упокоения на ЕСВ – крайне редкая категория археологических источников для изучения первобытности. Так, неизвестно погребений эпохи камня и единичны памятники энеолита и эпохи бронзы. Проблема их выявления и атрибуции обусловлена двумя факторами: геоморфологией памятников и особенностями освоения региона. Большинство археологических контекстов располагается в песчаных грунтах, слагающих верхи надпойменных террас или золowych гряд. Почвообразование на них сопровождается вымыванием и образовани-

ем элювиального и иллювиального песков. В таких условиях органика, включая антропологические остатки, сохраняется плохо. Но значительнее влияют сравнительно низкая численность и активная мобильность охотников-собирателей, периодически населявших регион с палеолита до I тыс. до н. э. Эти обстоятельства не предполагают организацию некрополей, информативных для аналитического исследования и определения культурной принадлежности и времени создания.

Известно всего три достоверных погребения энеолита и эпохи бронзы: остатки двух могил на поселении

¹ Исследование выполнено в рамках темы научно-исследовательской работы «Археологическое наследие европейского Северо-Востока России: выявление, научное описание и систематизация» (2017–2020 гг.) №АААА-А17-117021310069-5.

Рис. 1. Места упокоения энеолита и эпохи бронзы на европейском северо-востоке. 1 – Ульяновское погребение; 2 – погребения на поселении Вис II.

Fig. 1. Burials of the Eneolithic and the Bronze Age in the European North-East. 1 – Ulyanovo burial; 2 – burials at Vis II settlement.

Вис II и одной – на Ульяновской мезолитической стоянке (рис. 1). К неоднозначным данным относятся сведения о трёх объектах, которые по морфометрии или контексту обнаружения могут быть одиночными погребениями: два на поселении Дань-Дар и одно на поселении Косью (Паршуков, 2005; 2008). Но отсутствие антропологических остатков и информативного инвентаря в них заставляют сомневаться в такой интерпретации. И эти данные вряд ли будут подтверждены или опровергнуты в ходе дальнейших исследований. Напротив, на Висском могильнике на поселении Вис II (Буров, 1967б, с. 109–112, рис. 12), содержащем антропологические остатки, погребальный инвентарь отсутствовал. Эти примеры показывают, что их выявление – результат случайного обнаружения в ходе раскопок памятников другого типа, а не целенаправленного поиска.

Сведения об Ульяновском погребении опубликованы в 1965 г. (Буров, 1965, с. 91–94, рис. 16, 21, табл. 4); неоднозначные сведения об остатках могил на поселениях Дань-дар и Косью – в 2005 и 2008 г. А места упокоения на поселении Вис II, выявленные в 2000 г., представлены не в полном объеме (Карманов и др., 2001; Жуль-

ников, 2008, рис. 1, табл. 1). В связи с этим задачей статьи является ввод в научный оборот, обобщение и систематизация доступных данных о достоверных погребальных памятниках энеолита и эпохи бронзы. Основная проблема, которая ставится в работе, – атрибуция этих источников.

Ульяновское погребение

Памятник выявил Г.М. Буров в 1959 г. в ходе раскопок мезолитической стоянки Ульяново. Место упокоения приурочено к мысу коренного берега, заключенного между руслом р. Вычегды и ее притоком – руч. Дзёляозяг (рис. 2). Исследователь описал обстоятельства его обнаружения, параметры и инвентарь (Буров, 1965, с. 91–94, рис. 16, 21, табл. 4). По аналогиям бляшке-розетке (рис. 3: I; 4: 1), шилу (рис. 3: I; 4: 5) и наконечникам стрел (рис. 3: I; 4: 3, 4) он определил принадлежность погребения раннему этапу абашевской культуре эпохи бронзы и датировал его XVI–XI вв. до н. э. (Буров, 1965, с. 94).

Сегодня правомерно задать этому источнику три вопроса. Первый адресован стратиграфии (рис. 3: III), согласно которой заполнение могильной ямы – белёсый песок или элювиальный горизонт, естественно слагающий верхи террас, коренных берегов и эоловых дюн. При этом признаки перемещенного грунта, образовавшегося при выкапывании могильной ямы и ее засыпки, не отмечены. Такая си-

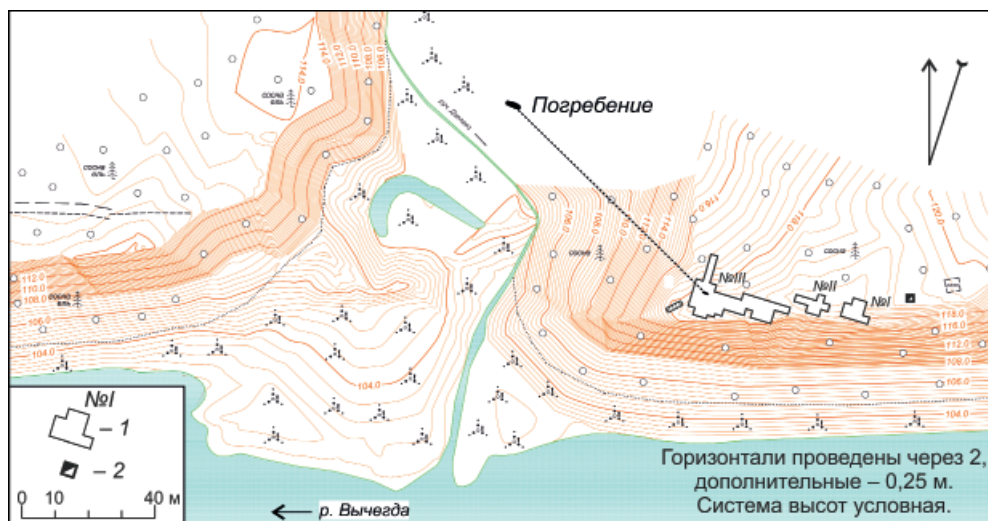

Рис. 2. Ульяновское погребение и стоянка Ульяново 1. Ситуационный план.
1 – раскопы 1959 г. и их номер; 2 – шурф 1957 или 1959 гг.

Fig. 2. Ulyanovo burial and Ulyanovo 1 site. General layout. 1 – excavations of 1959 and their number; 2 – prospect pit of 1957 or 1959.

туация маловероятна, поскольку образование элювиального песка в подзолистых почвах связано напрямую с промыванием грунта талыми водами и дождями в условиях хвойных лесов и холодного климата. Его контакты с нижележащими горизонтами всегда неровные и неопределенные, поскольку ограничены геохимическими барьерами, которые периодически разрушаются корнями деревьев. В связи с этим такой грунт не мог равномерно заполнить могильную яму и пространство за ней.

Второй вопрос возник неожиданно после изучения мною двух кремнёвых наконечников стрел. Один из них найден в основании заполнения могилы (рис. 3: I; 4: 3), другой – в 0,5 м к западу от нее (рис. 3: II; 4: 4). Г.М. Буров определил их как треугольно-черешковые (Буров, 1965, с. 92). Эта форма с вариациями в пропорциях пера, шипов и черешка характерна для многих культур эпохи бронзы лесной зоны (напр.: Эпоха бронзы..., 1987, рис. 27,

42, 63, 67, 75, 76). Не являются исключением и памятники этого периода на ЕСВ: Чудгудорьяг на Средней Вычегде (Логинова, 1993, с. 51, рис. 4: 3–6, 9–11); Атаманнюр I и Топыднюр XIII на р. Печоре; Адзьва II на р. Адзьве (Стоколос, 1988, с. 223, табл. 24: 18, 21; с. 226, табл. 27: 16; с. 229, табл. 30, рис. 1; с. 234, табл. 35: 8, 9). Это указывает на ее универсальность и, возможно, что она является имитацией вида металлических наконечников.

У наконечников стрел Ульяновского погребения есть особенности (рис. 5): на них выявлены макроследы подправки, в результате которой их первоначальная форма была изменена. Признаки переоформления выражаются в разнице поверхностей: негативы вторичных снятий – глянцевого, первичных – матовые. На орудии, найденном вне погребения, фасетки «второго слоя» отличаются меньшими размерами и ступенчатыми заламами. Наконечник из могилы имеет неоднородную окраску кремня:

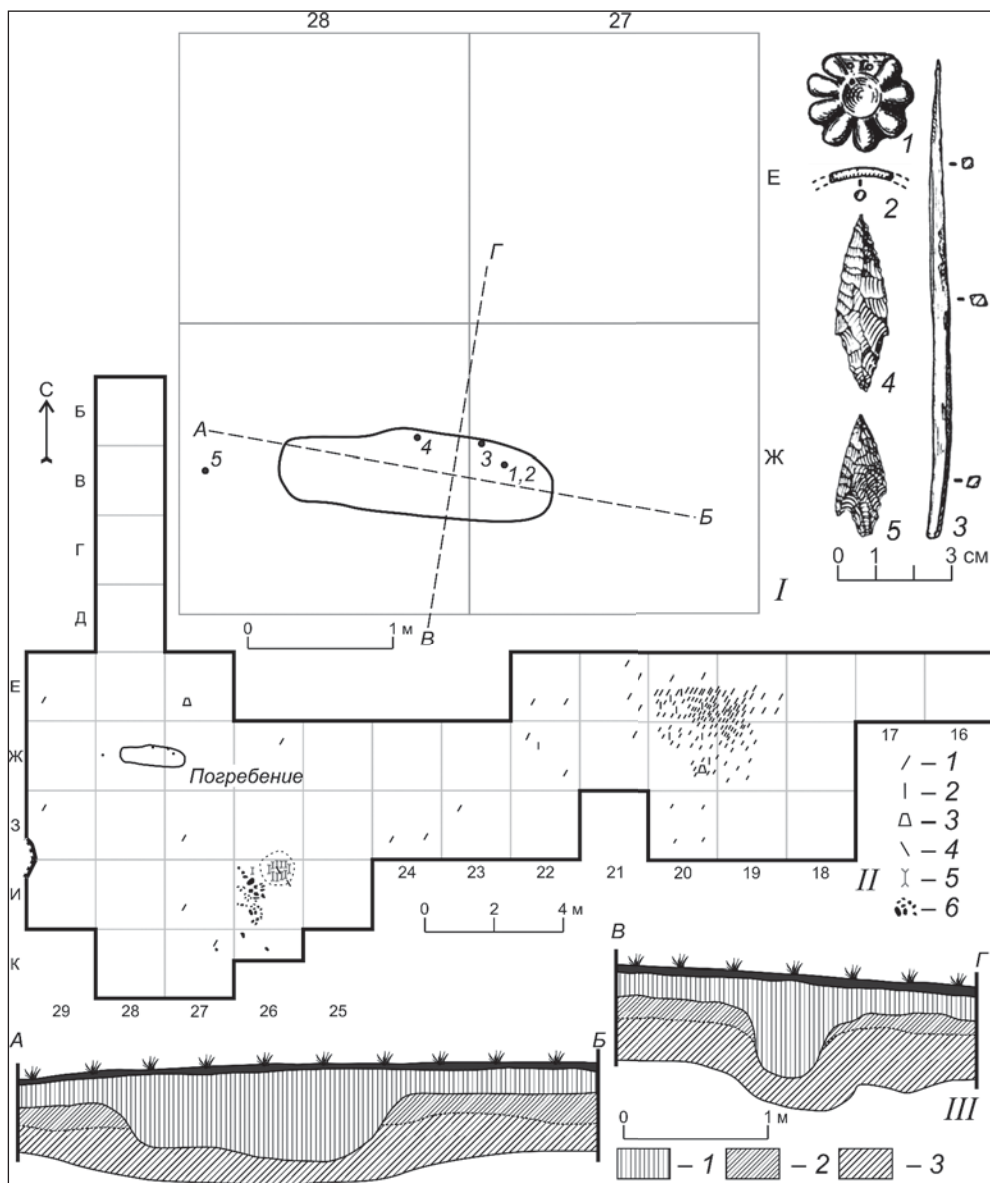

Рис. 3. Ульяновское погребение. I – план погребения и его инвентарь по: Буров, 1965.

Рис. 21): 1, 2 – бляшка и обломок неопределимого изделия (браслет или подвеска); 3 – шило; 4, 5 – наконечники стрел; II – план раскопа № III по: Буров, 2007. Рис. 2); артефакты мезолита: 1 – кремнёвые пластины; 2 – кварцитовые отщепы и осколки; 3 – кварцитовый топор; культурные остатки эпохи бронзы: 4 – отщепы; 5 – обломки кальцинированных костей и их скопление; 6 – необработанные гальки и валуны – состав обкладки очага; III – разрезы погребения.

Fig. 3. Ulyanovo burial. I – burial plan and inventory after: Burov, 1965. Fig. 21): 1, 2 – plaque and fragment of an unidentified product (bracelet or pendant); 3 – awl; 4, 5 – arrowheads; II – plan of excavation site No. III after: Burov, 2007. Fig. 2); Mesolithic artifacts: 1 – flint blades; 2 – quartzite flakes and shatters; 3 – quartzite axe; cultural remains of the Bronze Age: 4 – flakes; 5 – fragments of burnt bones and their concentrations; 6 – untreated pebbles and boulders – remains of slab-lined hearth; III – sections of the burial.

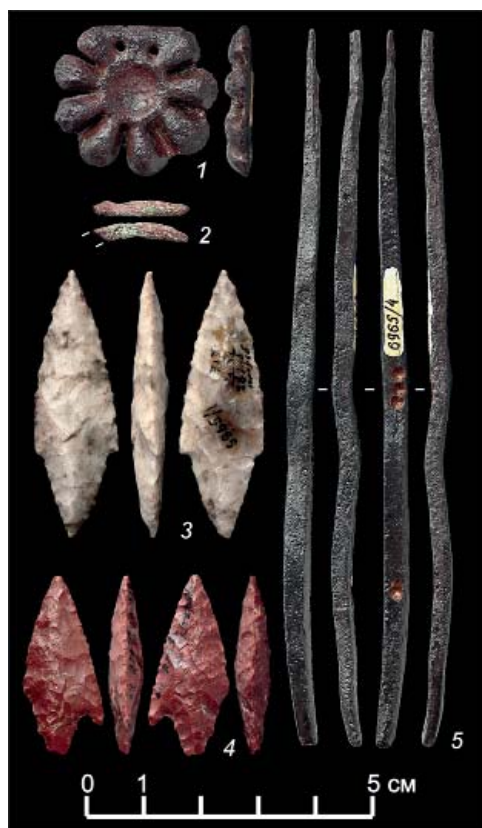

Рис. 4. Ульяновское погребение. Инвентарь. 1 – бляшка; 2 – обломок неопределимого изделия браслет или подвеска); 3, 4 – наконечники стрел; 5 – шило.
1, 2, 5 – медь; 3, 4 – кремнь.

1–3, 5 – основание заполнения могильной ямы; 4 – вне погребения.

Fig. 4. Ulyanovo burial. Inventory. 1 – plaque; 2 – fragment of an unidentified item (bracelet or pendant); 3, 4 – arrowheads; 5 – awl.

1, 2, 5 – copper; 3, 4 – flint. 1–3, 5 – basis of grave pit filling; 4 – area outside the burial.

пятна пепельного и розоватого цветов на сером фоне; в заламах сохранились остатки охры или прокаленного грунта. Другой предмет, как может показаться, изготовлен из кремня сургучного цвета. Однако не исключено, что окраска обоих кремней – вторична, и учёт всей совокупности признаков указывает на то, что орудия первоначального вида были намеренно нагреты, а затем переоформлены. Причём подправка коснулась только одной продольной части каждого из орудий. Поскольку наконечники стрел этого типа, как правило, симметричны или имеют тенденцию к таковым, то правомерно представить согласно осевой симметрии их форму, близкую первоначальной (рис. 5). Заманчиво связать с захоронением остатки очага с обкладкой, выявленные в 4 м к юго-

западу от погребения, и интерпретировать его как ритуальное кострище, характерное для курганных могильников Поволжья (Крайнов, Уткин, 1991). Также можно предположить, что именно оно использовалось для намеренного нагрева кремней. Но доказать эту связь невозможно, поскольку информативный инвентарь в нём отсутствовал. По свидетельству Г.М. Бутова, здесь обнаружены обломки костей животных и 10 отщепов и осколков сероватого матового кремня, а рядом с ним – два очень мелких фрагмента стенок керамического сосуда без орнамента (Бутов, 1967а, с. 44, 45).

Признаки переоформления наконечников стрел очень убедительны, но возникают вопросы: с какой целью, когда и кем было осуществлено изменение их формы? Можно предложить два варианта интерпретации. Первый – обыденный – это подправка обломанных частей орудий. Но тепловая обработка для этого излишня, ведь если создатель этих орудий обошёлся без нее, то зачем она понадобилась для последующего переоформления? Также важно, что результатом подправки было не восстановление второго шипа и симметрии орудия, а, напротив, их нарушение. Отсюда второй вариант интерпретации, правомерный

в связи с контекстом места упокоения: намеренный нагрев и частичное переоформление орудий – особенности погребального обряда. Придание иных свойств (нагрев) и изменение первоначального облика вещи – аналог ритуальной порчи. Это тема специального исследования и для ее раскрытия требуется более широкая фактическая база, которой я пока не располагаю. Статус вещи в культуре определяется контекстом и в погребении он соответствующий, но мы не знаем, когда была сделана подправка орудий: в связи с захоронением или до него без всякой ассоциации с ним. Отсюда, положение предметов в могилу – ритуал, а действие по изменению форм этих предметов может быть как профанным, так и сакральным.

Кроме того, такие особенности подправки могут указывать на то, что мастер, создавший эти наконечники, и человек, переоформивший их, – представители разных культур. В связи с этим правомерно задать вопрос об атрибуции Ульяновского погребения как захоронения носителя абашевской культуры. Исследователи единодушно определяют набор признаков её погребений: курганная насыпь; обязательное наличие керамической посуды; медных украшений, в т.ч. сложносоставных, включающих бляшки-розетки; полное отсутствие орудий труда и вооружения (напр.: Большов, 2003б, с. 90). Среди этих признаков Ульяновское погребение характеризует только бляшка-розетка. Курганная насыпь здесь может отсутствовать по двум причинам: 1) ее не было изначально; 2) она была развеяна или уничтожена хозяйственной деятельностью. К сожалению, зафиксированная стратиграфия не даёт ответы на этот вопрос. Отсутствие керамической посуды в

засыпи могилы и на окружающей ее территории – значимый признак, указывающий на слабую вероятность соответствия Ульяновского захоронения погребальному обряду абашевской культуры. Также значимым показателем является присутствие наконечников стрел в самой могиле и рядом с ней, что не характерно для памятников этой традиции во всех регионах обитания ее носителей.

В работе 1965 г. Г.М. Буров полагал, что «проникновение абашевских вещей на север относится ко времени, когда правобережное население перешло на Волгу и осело в Волго-Вятском междуречье» (Буров, 1965, с. 94). То есть это может означать принадлежность найденного инвентаря этой культуре, но не погребенного. Однако в 1986 г. и позднее в 1991 г. исследователь, основываясь на материалах Ульяновского погребения и материалах раскопок памятников с профилированной посудой эпохи бронзы на ЕСВ, настаивает на том, что «появлению таких сосудов причастна абашевская, а не фатьяновская культура» (Буров, 1986, с. 16; 1991). Проблема происхождения носителей керамики «фатьяноидных» типов на ЕСВ сложна и требует специальных исследований всех источников, а не только керамической посуды, вырванной из разных контекстов. Уместен здесь комментарий: на территории распространения могильников Средней Волги информативные поселенческие памятники этой культуры неизвестны (Соловьев, 2000, с. 63); малочисленны они в Приуралье и на Дону. Зато на севере таёжной зоны, согласно точке зрения Г.М. Букова, они присутствуют и документируют активное взаимодействие с местным населением. Это, конечно, сомнитель-

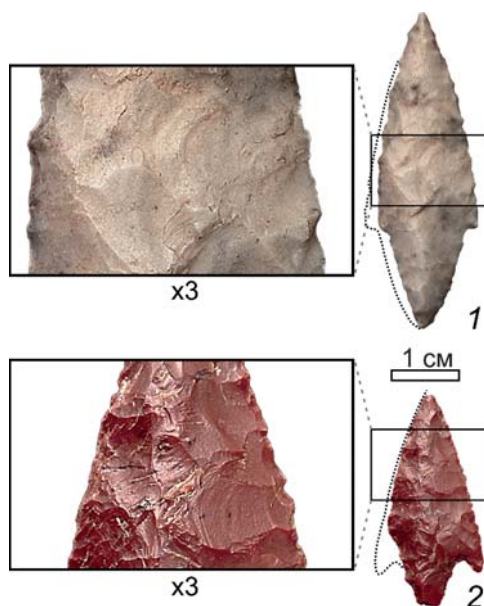

Рис. 5. Ульяновское погребение. Иллюстрация подправки наконечников стрел после намеренной тепловой обработки первоначальных изделий: в левой части каждого орудия поверхность фасеток ретуши глянцевая, в правой – матовая; также признаками термического воздействия являются неоднородная окраска с пятнами пепельного и розоватого цветов № 1) и фасетки со ступенчатым окончанием № 2).

Fig. 5. Ulyanovo burial. Illustration of the processing of arrowheads after intentional heat treatment of the original items: on the left side of each tool, the surface of the retouch facets is gloss, and on the right it is matte; also, the signs of thermal exposure include heterogeneous coloration with ash and pink spots No. 1) and facets with stepped terminal areas No. 2).

но. Ведь памятники, в разной степени связанные с этой культурой, в лесной зоне немногочисленны и все они представляют неординарные контексты: Кухмарский курганный могильник (Крайнов, Уткин, 1991); одиночное погребение абашевской культуры на стоянке Сахтыш I (Костылева, Уткин, 2010, с. 12, рис. 3) и, возможно, погребение на стоянке Николо-Перевоз II (Уткин, 1993, с. 4, 5); находка медной бляшки-розетки и кремнёвого наконечника стрелы в расщелине скалы на жертвенном месте Камень Писаный на р. Вишере (Бадер, 1954, с. 250, рис. 6: 3, 4).

Таким образом, анализ контекста Ульяновского погребения, результаты его полевого исследования, аналогии на сопредельных территориях не позволяют однозначно атрибутировать памятник. Возможны два варианта. Согласно первому, предложенному еще Г.М. Буровым, погребен представитель абашевской культуры. В таком случае это свидетельство одного из вариантов дальнейшей судьбы ее населения – расселения «средневож-

ских абашевцев» и растворения их следов среди лесных культур эпохи бронзы (напр.: Пряхин, 1977, с. 59). Отмеченные выше особенности могут объясняться трансформацией погребального обряда в результате протяженной миграции: расстояния по прямой между регионами составляют около 700 км.

Наиболее вероятное объяснение – медные и кремнёвые изделия могли составлять «фонд межкультурного обмена». Их связь с абашевской культурой несомненна, но конечными пользователями этих вещей могли быть таёжные охотники-собиратели любой из синхронных или последующих культур. Имеющиеся неоднозначные радиуглеродные определения относят их к широкому диапазону от сер. IV до сер. II тыс. до н. э. (Карманов, 2018). Это соответствует хронологии гаринской культуры, предложенной А.Ф. Мельничуком. При этом ее поздний этап он относит к концу III – нач. II тыс. до н. э. Судя по находкам медных предметов на исходной территории их обитания в Прикамье,

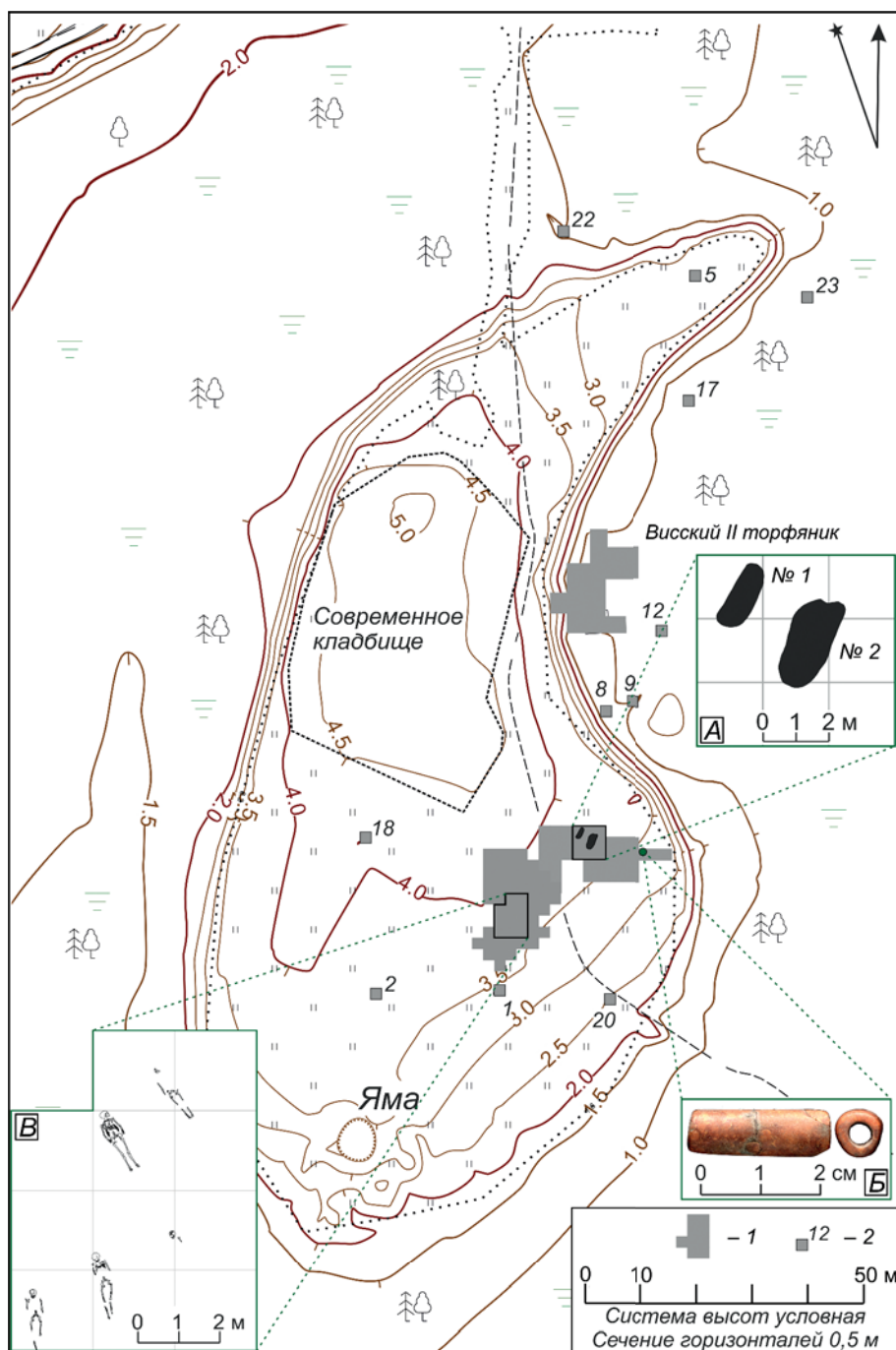

Рис. 6. Ситуационный план поселения Вис II. А – погребения, исследованные в 2000 г.; Б – янтарная пронизка; В – Висский могильник.
1 – раскопы 1960–64, 2000 гг.; 2 – шурфы 1959–64 гг.

Fig. 6. General layout of Vis II settlement. А – burials investigated in 2000; Б – amber thread; В – Vis burial ground. 1 – excavations of 1960–1964, 2000; 2 – prospect pits of 1959–1964.

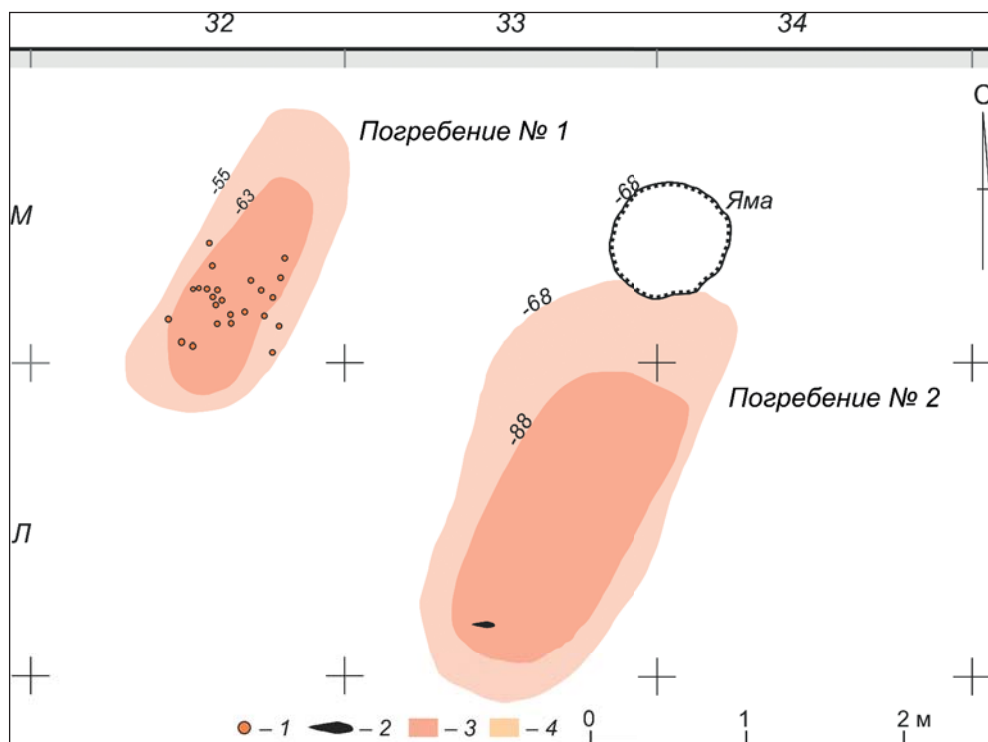

Рис. 7. Поселение Вис II. Погребения. 1 – янтарные пуговицы; 2 – кремнёвый бифас; 3, 4 – неоднородный песок в разной степени насыщенный охрой – следы погребений.

Fig. 7. Vis II settlement. Burials. 1 – amber buttons; 2 – flint biface; 3, 4 – heterogeneous sand with various ochre saturation – traces of burials.

население абашевской и гаринской культур имело прямые или опосредованные связи друг с другом (Мельничук, 2013, с. 158). На это указывают и артефакты из расщелины скалы на Камне Писаном (Бадер, 1954, рис. 6: 1–3). Кроме того, исследователи полагают, что медь, из которой изготовлены предметы обеих культур, добыта из одного источника – медистых песчаников Приуралья (Буров, 1967б, с. 106; Кузьминых и др., 2013, с. 20). Тепловая обработка кремня и последующее переоформление наконечников стрел Ульяновского погребения также может указывать на носителей гаринской или связанной с ней генетически лебяжской культурой (Стоколос, 1988, с. 152–155).

Погребения на поселении Вис II

Остатки двух погребений выявлены в 2000 г. во время раскопок поселения Вис II (Карманов и др., 2001), занимающего эрозионный песчаный останец надпойменной террасы, покрытой ооловой грядой (рис. 6). Судя по положению изученных объектов (рис. 6: А), они могли составлять более протяженный ряд захоронений, обнаружение которых следует ожидать в северо-западном и/или северном направлениях от раскопанной площади памятника. Возможно, янтарная пронизка, найденная вне контекста погребений в разновременных отложениях (рис. 6: Б), является частью инвентаря некогда разрушенного места упокоения.

Остатки захоронений в 2000 г. обнаружены после разборки современной пахоты мощностью в среднем 0,2–0,25 м. В связи с этим могильные ямы не зафиксированы, а места упокоения обозначены пятнами неоднородного песка, насыщенного охрой. Представленные на плане контуры этих пятен – лишь следы погребений, которые свидетельствуют об их согласованной ориентировке по линии ЮЗ–СВ или параллельно современному руслу р. Вис. О таких важных параметрах, как размеры и глубина ям, можно судить лишь предположительно, поскольку охристый песок деформирован геохимическими процессами: «растеканием» на плане и по глубине и локальными разрушениями, в т.ч. норами землеройных животных. Антропологические остатки не обнаружены.

Погребение № 1 зафиксировано на глубине около 0,25 м от дневной поверхности в виде пятна подовальной в плане формы размерами 2,10×0,8 м преимущественно на фоне светло-желтого иллювиального песка (рис. 7). Заполнение основания могильной ямы – смешанный темный песок с включением песка сизого оттенка и охры. Его ориентация – ЮЮЗ–ССВ. О глубине ямы судить трудно: верхи отложений, связанных с нею, были уничтожены при распашке поверхности, а от уровня первой фиксации она составляет 0,25 м.

Погребальный инвентарь (рис. 8: 1–10) представляют 22 янтарные пуговицы округлой формы диаметром от 15 до 22 мм и с V-образным сверлением. В ряде случаев отверстия сквозные (рис. 8: 1, 2, 4, 5), но, вероятно, это объясняется повреждением предметов. На рисунке 8 представлены 10 изделий наилучшей сохранности. Они

обнаружены преимущественно в центральной части погребения, тяготея к южной трети могилы. На отдельных участках пуговицы, вероятно, занимали первоначальное положение в два ряда, что свидетельствует о том, что они являлись частью погребальной одежды. Вместе с тем хаотичное расположение некоторых находок в плане и по глубинам, а также смешанный характер заполнения свидетельствуют о поздних локальных разрушениях могилы. Необходимо отметить, что это самая представительная коллекция янтарных украшений на ЕСВ: на других памятниках – поселениях Ягу-яр (жил. № 1), Чойновты II (жил. № 13) и Попьюга (жил. № 9) найдены лишь единичные подвески.

Погребение № 2 выявлено на уровне 20 см от дневной поверхности на фоне светло-желтого иллювиального песка (рис. 7). Его следы имели вид пятна подовальной в плане формы размерами 2,92×1,40 м. На уровне около 40 см от современной поверхности имело очертания, близкие прямоугольнику. Мощность сохранившейся нижней части заполнения составляет около 0,28 м. Северная часть погребения разрушена ямой неопределенного назначения и времени.

Погребальный инвентарь представляет кремнёвый бифас – накопчик копья или кинжал/нож, залегавший в южной части могилы. Он имеет асимметричную в плане форму (рис. 8: 11): один край дугообразный, а другой имеет вид ломаной линии с мелкими треугольными выступами и неглубокими выемками. Такая асимметрия изделия объясняется его подправкой, макроследы которой выражаются негативами более крупных сколов на «фоне» более узких и субпараллельных фасеток. Возможно,

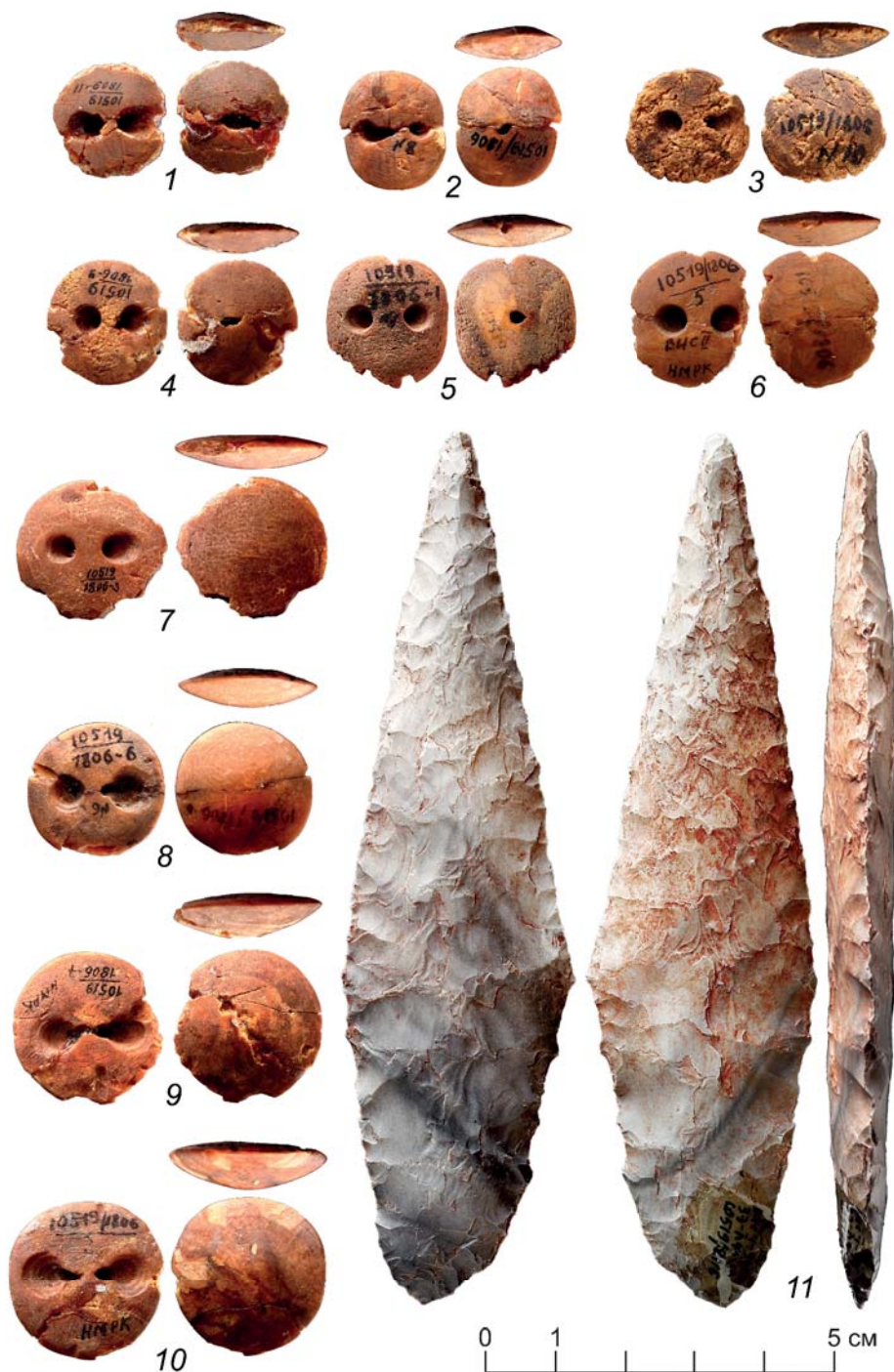

Рис. 8. Поселение Вис II. Инвентарь погребений.
1–10 – янтарные пуговицы погр. № 1; 11 – кремнёвый наконечник копья погр. № 2.

Fig. 8. Vis II settlement. Inventory of the burials.
1–10 – amber buttons, burial No. 1; 11 – flint biface burial No. 2.

анализ микроследов позволит найти дополнительные признаки, подтверждающие это. Судя по контрастной окраске кремня и гляncу поверхности, основа этого бифаса подвергнута термической обработке для дальнейшего расщепления. Таким образом, обнаруживаются явные параллели с наконечниками стрел Ульяновского погребения.

Слабая информативность изученных мест упокоения не позволяет в полной мере представить погребальный обряд. Даже современная ориентация могил относительно р. Вис неоднозначна, поскольку русло реки активно меандрировало и меняло свое положение в течение всего голоцена (Буров, 1967б, с. 21, рис. 5). Посыпка охрой и сопровождающий инвентарь в виде янтарных пуговиц и кремнёвого бифаса – единственные признаки, определяющие обряд и возможность на основе доступных аналогий атрибутировать этот источник.

Обобщение, систематизацию и анализ данных о памятниках с янтарными украшениями в лесной зоне Восточной Европы провел А.М. Жульников (2008), поэтому в настоящей статье такая работа излишня. Захоронения на Висе II и вышеперечисленные поселения ЕСВ с янтарем занимают крайнее северо-восточное положение. Поэтому их пространственное соотношение с памятниками с янтарными украшениями не позволяет однозначно решить вопрос о том, с какой из областей распространения таких изделий связаны вещи погребений на этом поселении. Препятствует пониманию этого явления обширное «белое пятно» на современных территориях Республики Коми, Архангельской и Вологодской (за исключением

крайней западной части) областей (Жульников, 2008, рис. 1, 2; Недомолкина, 2014). Необходимо отметить их значительную удаленность от ареалов «янтарных» культур и памятников, расстояние до которых составляет от 800 до 1000 км по прямой.

Наиболее многочисленные аналоги инвентарю этих погребений на поселении Вис II и их контексту можно найти в материалах могильников раннего этапа волосовской культуры, а также наиболее близко расположенных остатков некрополей Каргулино (Ошибкина, 1978, с. 130, 131, табл. 52: 2–6) и Тудозеро VI (Иванищев, 1996). На этом основании правомерно датировать их первой половиной III тыс. до н. э. (Костылёва, Уткин, 2010, с. 255, 256), но для памятника такой информативности и пространственной удалённости не исключена и датировка, предложенная А.М. Жульниковым, – вторая половина III – рубеж III–II тыс. до н. э. (Жульников, 2008, табл. 1). При этом на ЕСВ достоверные контексты волосовской культуры и аналогии керамике Тудозеро VI отсутствуют. Этот период – время присутствия на ЕСВ гаринской культуры, которую исследователи объединяют с волосовской в историко-культурную общность или область (напр.: Шорин, 1999, с. 35–40). В связи с этим заманчиво связать погребения именно с этой культурой (по В.С. Стоколосу – чойновтинской) (1997, с. 229–240). Следы обитания и пребывания ее населения или, по крайней мере, разной степени влияние широко распространены на северо-востоке Европы от Урала до р. Северной Двины и, возможно, далее на запад. Поэтому не исключено, что эти мобильные охотники могли принимать участие в об-

мене изделиями из янтаря и другими статусными (престижными или экзотическими) артефактами.

Результаты и обсуждение

Изученные в статье источники, как может показаться, незначительны и не информативны для изучения эпох энеолита и бронзы на ЕСВ. Однако как бы мы не решили проблему их атрибуции, именно география таких неординарных контекстов даёт возможность судить о протяженности и направлении путей миграций и/или связей людей того времени. Наиболее вероятно, что артефакты, подобные медным или янтарным украшениям из захоронений ЕСВ, составляли «фонд межкультурного обмена», а не являлись «попутчиками» прямых протяженных миграций их создателей. Более того в культурах таёжных бродячих охотников-собираателей пути таких вещей от их творцов до последних пользователей могут быть самыми разными и неожиданными. Это не только установление родственных или свойственных связей путём обмена,

но и грабёж могил, удача случайных находок и т.п. В связи с этим для их исследователей проблема атрибуции таких источников будет всегда иметь неоднозначное решение. В контексте истории освоения ЕСВ погребенные на стоянке Ульяново и поселении Вис II с высокой степенью вероятности – представители гаринской культуры. Предварительно время создания этих источников относится к III – первой половине II тыс. до н. э.

В результате анализа инвентаря достоверных погребений неожиданно выявлен факт намеренного нагрева и переоформления кремнёвых изделий. Это могло иметь утилитарное значение с целью подправки сломанных частей орудий и совершаться вне связи с захоронениями, но не исключено, что такие изменения первоначальных свойств артефактов являлись частью погребального обряда. Для решения этого вопроса необходимо накопление фактической базы на основе анализа кремнёвых артефактов синхронных могильников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадер О.Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. № 21 / Отв. ред. А.Я. Брюсов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 241–258.
2. Большов С.В. Средневожская абашевская культура (по материалам могильников) / Труды МАЭ. Т. VIII. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003а. 184 с.
3. Большов С.В. Структурообразующие признаки средневожской абашевской культуры // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции / Ред. В.С. Бочкарев и др. Чебоксары: ЧГИИ, 2003б. С. 89–91.
4. Буров Г.М. Вычегодский край. Очерки древней истории. М.: Наука, 1965. 200 с.
5. Буров Г.М. Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1967а. 96 с.
6. Буров Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. I тысячелетии н.э.). М.: Наука, 1967б. 220 с.
7. Буров Г.М. Крайний северо-восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла. Автореф. дисс...д-ра. ист. наук. Новосибирск, 1986. 37 с.
8. Буров Г.М. Поселения абашевской традиции на крайнем северо-востоке Европы // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР / АЭМК. Вып. 19 / Науч. ред. Г.А. Архипов, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. С. 135–146.

9. Буров Г.М. Стоянка Ульяново на Средней Вычегде в связи с изучением мезолитических жилищ на крайнем северо-востоке Европы // Каменный век Европейского Севера / Отв. ред. А.В. Волокитин. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 165–174.
10. Жульников А.М. Обмен янтарём в Северной Европе в III тыс. до н.э. как фактор социального взаимодействия // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Т. 1. Археология: Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырьё и приёмы обработки / Отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: Наука, 2008. С. 134–145.
11. Иванищев А.М. Могильник на Тудозере // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. V / Отв. ред. С.П. Белов. Вологда: Легия, 1996. С. 3–28.
12. Карманов В.Н. Проблемы хронологии энеолита крайнего северо-востока Европы // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 115–125.
13. Карманов В.Н., Зеленский В.С., Семенов В.А. Раскопки поселения Вис II // Археологические открытия 2000 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 2001. С. 21.
14. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010. 300 с.
15. Крайнов Д.А., Уткин А.В. Курганный могильник у ручья Кухмарь на Плещеевом озере // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР / АЭМК. Вып. 19 / Науч. ред. Г.А. Архипов, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. С. 147–159.
16. Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д., Денисов В.П. Металлообработка гаринской культуры верхнего и среднего Прикамья (по данным аналитического исследования) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 13–21.
17. Логинова Э.С. Поселение Чудгудорьяг // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековья / МАЕСВ. Вып. 12 / Отв. ред. Э.А. Савельева.. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. С. 41–59.
18. Мельничук А.Ф. Хронология гаринской культуры в Среднем Приуралье // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции / Отв. ред. Е.А. Черленок. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 157–161.
19. Недомолкина Н.Г. Янтарные украшения эпохи камня с памятников Вологодской области // Археология Севера. Вып. 6 / Отв. ред. А.В. Кудряшов. Череповец: Череповецкое музейное объединение, 2014. С. 42–49.
20. Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука, 1978. 231 с.
21. Паришук Ю.В. Дань-Дар – новый энеолитический памятник на Средней Вычегде // Памятники эпохи камня, раннего металла и средневековья / МАЕСВ. Вып. 17 / Отв. ред. Э.А. Савельева.. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005. С. 23–33.
22. Паришук Ю.В. К проблеме идентификации погребальных комплексов эпохи раннего металла Вычегодского края // Материалы докладов I Всероссийской молодёжной научной конференции «Молодёжь и наука на Севере» / Отв. ред. Н.В. Ладанова. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. С. 47–48.
23. Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж: изд-во Воронежского ун-та, 1977. 167 с.
24. Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья // Тр. МАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2000. 264 с.
25. Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.
26. Стоколос В.С. Энеолит // Археология Республики Коми. Ч. 4. Гл. 1 / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 213–245.
27. Уткин А.В. Одиночные могилы абашевцев в лесах Восточной Европы // Древние памятники Окского бассейна: сборник научных статей / Отв. ред. В.П. Челябинов.

Рязань: НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1993. С. 3–6.

28. Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УРО РАН, 1999. 181 с.

29. Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев. М.: Наука, 1987. 472 с.

Информация об авторе:

Карманов Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, зав. сектором. Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия); vkarman@bk.ru

ENEOLITHIC AND BRONZE AGE BURIALS GROUNDS IN EUROPEAN NORTHEAST OF RUSSIA: QUESTION OF ATTRIBUTION

V.N. Karmanov

The paper reports data on the reliable burials of the Eneolithic and Bronze Age in the territory of the Komi Republic. The author identified the circumstances that influenced the small number of this type of sites and poor information content. The context and inventory of the burials at the Ulyanovo site and Vis II settlement have been analyzed. As a result the question about the cultural affiliation and age of these burials arose. The author proposed solutions to this issue, among which it is most likely variant was considered that the buried persons were the representatives of the Garino culture. Time of these funeral events is determined by 3rd – 1st half of IId millennia BC – the period which in the north of the taiga zone corresponds to the Eneolithic, and in the regions to the south – the Bronze Age. It is also likely that these artifacts such as copper and amber decorations in the studied burials were status (prestigious) and therefore were objects of exchange, but were not the evidences of direct migrations of the creators of these items from one region to another. At the same time, the author does not exclude that such items could also appear in the environment of mobile taiga hunter-gatherers as a result of grave robberies, successful random finds, etc.

Keywords: archaeology, northeast of Europe, Eneolithic, Bronze Age, burial ground, Garino culture, Abashevo culture.

REFERENCES

1. Bader, O. N. 1954. In Bryusov, A. Ya. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 21. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 241–258 (in Russian).
2. Bol'shov, S. V. 2003. *Srednevolzhskaya abashevskaya kul'tura (po materialam mogil'nikov) (Abashevo Culture in the Middle Volga Basin: by Materials of the Burial Grounds)*. Series: Trudy Mariiskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Mari Archaeological Expedition) VIII. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, and History Institute (in Russian).
3. Bol'shov, S. V. 2003. In Bochkarev, V. S. et al (eds.). *Abashevskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost': istoki, razvitie, nasledie (The Abashevo cultural and historical communion: Genesis, Development, Heritage)*. Cheboksary: Chuvash State Research Institute for Humanities, 89–91 (in Russian).
4. Burov, G. M. 1965. *Vychegodskiy kray. Ocherki drevney istorii (Vycheгда River Area. Essays on Ancient History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
5. Burov, G. M. 1967. *Arkheologicheskie pamyatniki Vychegodskoy doliny (Archaeological Sites of Vycheгда Valley)*. Syktyvkar: "Komi knizhnoe izd-vo" Publ. (in Russian).

The research was conducted according to the research work "Archaeological heritage of northeastern Europe of Russia: discovery, scientific description and systematization" (2017–2020). No. AAAA-A17-117021310069-5.

6. Burov, G. M. 1967. *Drevniy Sindor (iz istorii plemen Evropeyskogo Severo-Vostoka v VII tysyacheletii do n.e. I tysyacheletii n.e.) (Ancient Sindor (from the History of the Tribes of the European North-East in the 7th Millennium BC – 1st Millennium BC))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Burov, G. M. 1986. *Krayniy severo-vostok Evropy v epokhu mezolita, neolita i rannego metalla (The Extreme North-East of Europe in the Mesolithic, Neolithic and Early Metal Ages)*. Doct. Diss. Thesis. Novosibirsk (in Russian).
8. Burov, G. M. 1991. In Arkhipov, G. A., Solov'ev, B. S. (eds.). *Pozdnyy eneolit i kul'tury ranney bronzy lesnoy polosy evropeyskoy chasti SSSR (Late Eneolithic and the Cultures of the Early Bronze Age in the Forest Area of the European Part of the USSR)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 19. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 135–146 (in Russian).
9. Burov, G. M. 2007. In Volokitin, A. V. (ed.). *Kamenniy vek Evropeyskogo Severa (Stone Age of the European North)*. Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 165–174 (in Russian).
10. Zhul'nikov, A. M. 2008. In Khlopachev, G. A. (ed.). *Problemy biologicheskoy i kul'turnoy adaptatsii chelovecheskikh populyatsiy. T. 1. Arkheologiya: Adaptatsionnye strategii drevnego naseleniya Severnoy Evrazii: syr'e i priemy obrabotki (Issues of Biological and Cultural Adaptation of Human Populations. Vol. 1. Archaeology: Adaptation Strategies of the Ancient Population of Northern Eurasia: Raw Materials and Processing Techniques)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 134–145 (in Russian).
11. Ivanishhev, A. M. 1996. In Belov, S. P. (ed.). *Izvestiya Vologodskogo obshchestva izucheniya Severnogo kraia (Bulletin of the Vologda Society for Northern Territory Studies)* 5. Vologda: "Legiya" Publ., 3–28 (in Russian).
12. Karmanov, V. N. 2018. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 60 (3). 115–125 (in Russian).
13. Karmanov, V. N., Zelenskiy, V. S., Semenov, V. A. 2001. In Sedov, V. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2000 goda (Archaeological Discoveries of 2000)*. Moscow: "Nauka" Publ., 21 (in Russian).
14. Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. 2010. *Neo-eneoliticheskie mogil'niki Verkhnego Povolzh'ya i Volgo-Okskogo mezhdurech'ya: planigraficheskie i khronologicheskie struktury (Neolithic -Eneolithic Burial Grounds on the Upper Volga and the Volga-Oka Interfluvium: Planigraphic and Chronological Structures)*. Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).
15. Krainov, D. A., Utkin, A. V. 1991. In Arkhipov, G. A., Solov'ev, B. S. (eds.). *Pozdnyy eneolit i kul'tury ranney bronzy lesnoy polosy evropeyskoy chasti SSSR (Late Eneolithic and the Cultures of the Early Bronze Age in the Forest Area of the European Part of the USSR)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 19. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 149–159 (in Russian).
16. Kuz'minykh, S. V., Degtiareva, A. D., Denisov, V. P. 2013. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Archeology, Anthropology and Ethnography)* 23 (4), 13–21 (in Russian).
17. Loginova, E. S. 1993. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Vzaimodeystvie kul'tur Severnogo Priural'ya v drevnosti i srednevekov'e (Interaction of Cultures of the Northern Cis-Urals in Antiquity and the Middle Ages)*. Series: Materials on the Archaeology of Northeast (12). Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 41–59 (in Russian).
18. Mel'nichuk, A. F. 2013. In Cherlenok, E. A. (ed.). *Problemy periodizatsii i khronologii v arkheologii epokhi rannego metalla Vostochnoy Evropy: Materialy tematicheskoy nauchnoy konferentsii (Issues of Periodization and Chronology in the Archaeology of the Early Metal Period of Eastern Europe: Proceedings of the Thematic Scientific Conference)*. Saint Petersburg: "Skifiya-print" Publ., 157–161 (in Russian).
19. Nedomolkina, N. G. 2014. In Kudryashov, A. V. (ed.). *Arkheologiya Severa (Archaeology of the North)* 5. Cherepovets: "Cherepovetskoe muzeynoe ob'edinenie" Publ., 42–49 (in Russian).
20. Oshibkina, S. V. 1978. *Neolit Vostochnogo Prionezh'ya (Neolithic of the Eastern Onega Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
21. Parshukov, Yu. V. 2005. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Pamyatniki epokhi kamnya, rannego metalla i srednevekov'ya (Monuments of the Stone Age, Early Metal Period and the Middle Ages)*.

Series: Materials on the Archaeology of Northeast (17). Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 23–33 (in Russian).

22. Parshukov, Yu. V. 2008. In Ladanova, N. V. (ed.). *Materialy dokladov I Vserossiyskoy molodezhnoy nauchnoy konferentsii «Molodezh' i nauka na Severe»* (Reports of the 1st All-Russian Youth Scientific Conference “The Youth and Science in the North”). Syktyvkar: Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 47–48 (in Russian).

23. Pryakhin, A. D. 1977. *Pogrebal'nye abashevskie pamyatniki* (Abashevo Burial Monuments). Voronezh: Voronezh University Publ. (in Russian).

24. Solov'ev, B. S. 2000. *Bronzovyi vek Mariiskogo Povolzh'ia* (Bronze Age of Mari Volga Area). Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition VI. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History (in Russian).

25. Stokolos, V. S. 1988. *Kul'tury epokhi rannego metalla Severnogo Priural'ya* (Cultures of the Early Metal Period in the Northern Urals). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

26. Stokolos, V. S. 1997. In Savel'eva, E. A. (ed.). *Arkheologiya Respubliki Komi* (Archaeology of the Komi Republic) 4. Moscow: “DiK” Publ., 213–245 (in Russian).

27. Utkin, A. V. 1993. In Chelyapov, V. P. (ed.). *Drevnie pamyatniki Okskogo basseyna* (Ancient Monuments of the Oka Basin). Ryazan: Science and Production Center for Protection and Management of Historical and Cultural Sites of the Ryazan Region, 3–6 (in Russian).

28. Shorin, A. F. 1999. *Eneolit Urala i sopredel'nykh territorii: problemy kul'turogeneza* (Eneolithic of the Urals and Adjacent Territories: Issues of Cultural Genesis). Yekaterinburg: Ural Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

29. In Bader, O. N., Krainov, D. A., Kosarev, M. F. (eds.). 1987. *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR* (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR). Series: Archaeology of the USSR. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Author:

Karmanov Victor N. Candidate of Historical Sciences. Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Kommunisticheskaya St., 26, Syktyvkar, 167982, Republic of Komi, Russian Federation; vkarman@bk.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

УДК 903.05 669 553.4

<https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.98.116>

ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛ РАННЕАЛАКУЛЬСКОЙ (ПЕТРОВСКОЙ) КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА¹

© 2020 г. А.Д. Дегтярева, С.В. Кузьминых, В.Г. Ломан,
И.А. Кукушкин, А.И. Кукушкин, Е.А. Дмитриев

Данные аналитического исследования (рентгенофлуоресцентный и металлографический анализы, электронная сканирующая микроскопия) изделий из могильников раннеалакульской (петровской) культуры Центрального Казахстана выявили особенности технологии – доминирование окисленной меди наряду с использованием оловянной бронзы для литья орудий и оружия. Становление в Центральном Казахстане самостоятельного металлургического центра, по-видимому, происходило параллельно и синхронно с возникновением центров на Урале – в Южном Зауралье и Мугоджарах на рубеже эпох средней – поздней бронзы. Концентрация раннеалакульских (петровских) памятников непосредственно вблизи рудных месторождений указывает на целенаправленный поиск месторождений меди и олова, столь необходимых в древней производственной деятельности, которой занимались еще ямные племена в эпоху ранней бронзы. По мнению авторов, новая модель организации металлообработки с использованием как окисленной меди, так и легированной оловянной бронзы с навыками развитого литейного производства, высокотемпературных режимов обработки давлением фактически закрепляется в регионе до финала бронзового века.

Ключевые слова: археология, эпоха бронзы, Казахстан, раннеалакульская (петровская) культура, металлургия, металлообработка.

Цель и методы исследования. Цель работы – публикация результатов морфологического и аналитического исследования медных и бронзовых орудий, оружия и сосудов из могильников раннеалакульской (петровской) культуры (РАПК) Центрального Казахстана (ЦК) Ащису 1, Нураталды 1, Тундык, Танабай, Алгабас, изученных археологами КарГУ (рис. 1) (Кукушкин, 2011; Кукушкин и др., 2015; 2016, Кукушкин, Дмитриев, 2018).

В последние десятилетия в ЦК открыто значительное количество комплексов РАПК 1 четв. II тыс.

до н. э., в которых обнаружены изделия, объекты и артефакты, связанные с металлопроизводством (Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 18–24; Ткачев, 2002а; Ермолаева, 2016). Морфолого-типологическая характеристика, обобщение аналитических данных по химическому составу металла, технологии изготовления орудий, оружия и сосудов РАПК ЦК проводится впервые. Новые данные позволяют выявить основные векторы развития и историко-металлургические контакты древнейшего сарыаркинского металлургического очага.

¹ Исследование выполнено по госзаданию, проекты № АААА-А17-117050400147-2 (А.Д. Дегтярева); № АААА-А18-118011790092-5 (С.В. Кузьминых), а также по грантам Министерства образования и науки Республики Казахстан № AP05131861 (В.Г. Ломан), № AP05131774 (И.А. Кукушкин).

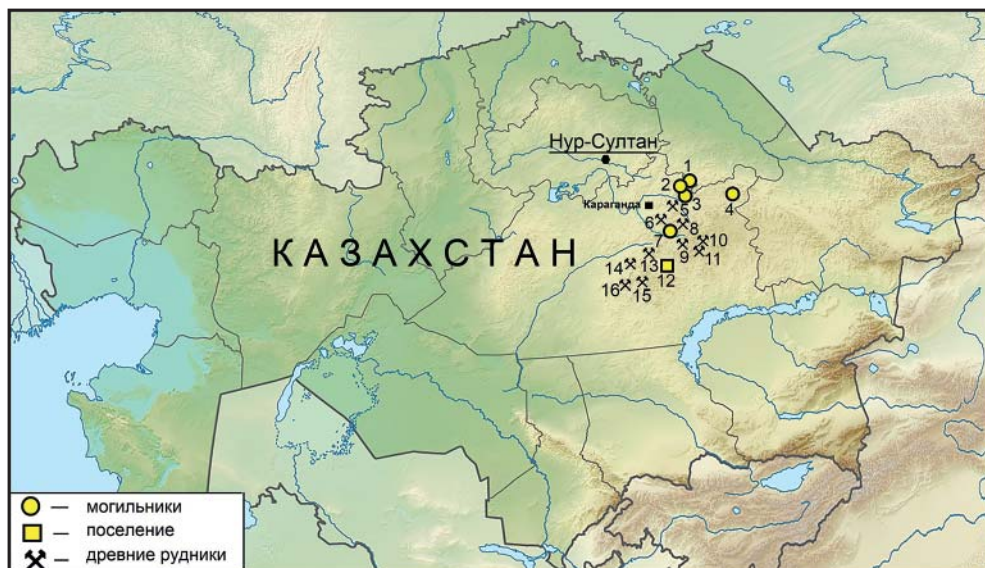

Рис. 1. Карта памятников РАПК, древних рудников ЦК. Могильники: 1 – Танабай; 2 – Алгабас; 3 – Ащису; 4 – Тундык; 7 – Нураталды 1; Поселения: 12 – Мыржик; Древние рудники: 5 – Алтынтобе; 6 – Спасское (Акбюрат); 8 – Тасшоки; 9 – Алабуга; 10 – Узунжал; 11 – Каражал; 13 – Успенский; 14 – Кенказган, Ефимовское; 15 – Сарыбулак; 16 – Южный Болаттау (Sn) (рудники по: Берденов, 2008, с. 49).

Fig. 1. Location map of the early Alakul (Petrovka) culture monuments and ancient mines in Central Kazakhstan. Burial grounds: 1 – Tanabay; 2 – Algabas; 3 – Ashchisu; 4 – Tundyk; 7 – Nurataldy 1; Settlements: 12 – Myrzhik; Ancient mines: 5 – Altyn-tobe; 6 – Spasskoye (Akbyurat); 8 – Tasshoky; 9 – Alabuga; 10 – Uzunzhal; 11 – Karazhal; 13 – Uspensky; 14 – Kenkazgan, Efimovskoye; 15 – Sarybulak; 16 – Youzhny Bollattau (Sn) (mines are given on: Berdenov, 2008).

Объект исследования – медные и бронзовые изделия из погребений РАПК региона (19 экз.). Металл подвергнут морфолого-типологическому изучению, рентгенофлуоресцентному (ИА РАН; анализатор X-MET 3000TX фирмы OXFORD Instruments Analytical) и металлографическому анализам (ТюмНЦ СО РАН; микроскоп Axio Observer D1m фирмы Zeiss; микротвердомер ПМТ-3М фирмы ЛОМО). Проведено исследование шлифов сосудов РАПК с помощью электронного сканирующего микроскопа TM3000 Hitachi в режиме низкого вакуума (к.г.-м.н. А.П. Курчатова; Институт криосферы Земли ТюмНЦ СО РАН). Для сопоставления полу-

ченных аналитических результатов привлечены данные спектрального, атомно-эмиссионного спектрометрического анализа металла РАПК ЦК (25 экз.), а также металла петровской культуры (ПК) Южного Зауралья (292 экз.), выполненные в лабораториях ИА, ИИМК РАН, Института неорганической химии СО РАН.

Материал. Орудия представлены тремя категориями – теслом, ножами, крюком; оружие – наконечниками копий и стрел. К прочим категориям отнесены булава, два сосуда с поддонами, ручка от сосуда, скобы.

Тесло со сквозной разомкнутой овальной втулкой с расширенным лезвием происходит из могильника

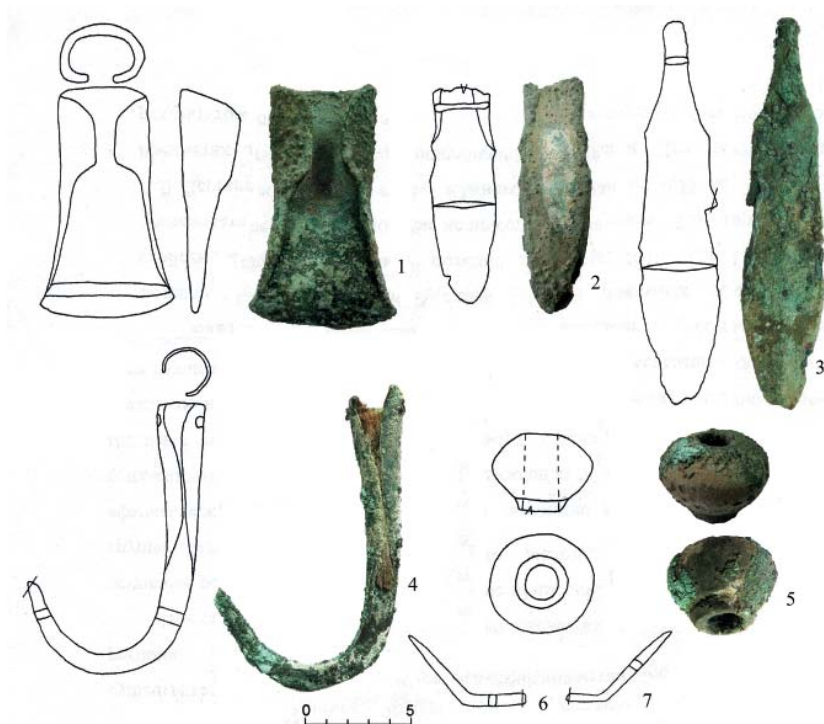

Рис. 2. Орудия труда и булава РАПК ЦК (секущей линией обозначен срез на шлиф). 1 – тесло, ан. 50527; 2, 3 – ножи, ан. 1534, 1541; 4 – крюк, ан. 1549; 5 – булава, ан. 1536; 6, 7 – скобы, ан. 1557, 1558 (1, 3 – Нураталды 1; 2, 5 – Тундык; 4, 6, 7 – Ащису).

Fig. 2. Tools and mace of the early Alakul (Petrovka) culture in Central Kazakhstan (the section marks show where metallographic samples were cut). 1 – adze, An. 50527; 2, 3 – knives, An. 1534, 1541; 4 – hook, An. 1549; 5 – mace, An. 1536; 6, 7 – brackets, An. 1557, 1558 (1, 3 – Nurataldy 1; 2, 5 – Tundyk; 4, 6, 7 – Ashchisu).

Нураталды 1 (огр. 5, мог. 3) (рис. 2: 1). В погребениях РАПК ЦК у с. Талды и Кеноткель XVIII обнаружено еще два идентичных орудия (Кукушкин и др. 2018, с. 151). Полных аналогов изделиям немного: экземпляры из святилища сейминско-турбинского (СТ) типа Шайтанское Озеро II и погребения синташтинской культуры (СК) могильника Танаберген 2 (Корочкова, Стефанов, 2010, рис. 3: 16; Ткачев, 2007, рис 9: 2). Более распространенным типом в комплексах ранней фазы Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции (ЗАМП) были более удлиненные кованые орудия (Chernykh, 1992, fig. 42–46; Дег-

тярева, 2010, с. 35; Виноградов и др., 2013, с. 6–7) (рис. 2).

Ножи с прямым широким и узким черенком, выделенным перекрестием и перехватом, листовидным лезвием с линзовидно-ромбическим сечением обнаружены в могильниках Тундык (кург. 2, погр. 4), Нураталды 1 (огр. 5, мог. 3) (рис. 2: 2, 3; ан. 1534, 1541). Они характерны для петровских (10 экз.), покровских (8 экз.), синташтинских (6 экз.), сейминско-турбинских (5 экз.), абашевских (4 экз.) древностей; встречаются также в потаповских, федоровских, позднекротовских могильниках (Новиков и др., 2014, с. 30–31; Калиева и др.,

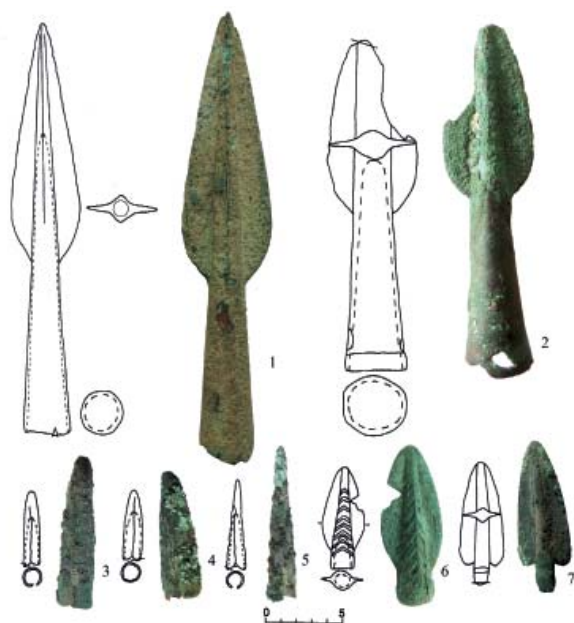

Рис. 3. Наконечники копий (1, 2) и стрел (3–7) РАПК ЦК (секущей линией обозначен срез на шлиф). 1 – Ащису, ан. 1555; 2 – Алгабас, ан. 1559; 3–5 – Танабай, ан. 1563–1565; 6 – Нураталды 1, ан. 50541; 7 – Тундык, ан. 1535.

Fig. 3. Spearheads (1, 2) and arrowheads (3–7) of the early Alakul (Petrovka) culture in Central Kazakhstan (the section marks show where metallographic samples were cut). 1 – Ashchisu, An. 1555; 2 – Algabass, An. 1559; 3–5 – Tanabay, An. 1563–1565; 6 – Nurataldy 1, An. 50541; 7 – Tundyk, An. 1535.

2016, рис. 41: 14; 46: 6; Генинг, Стефанова, 1994, рис. 16: 1).

Крюк с кованой несомкнутой втулкой из могильника Ащису (кург. 1, погр. 1) имеет прямоугольную в сечении рабочую часть; на втулке пробиты два отверстия (рис. 2: 4; ан. 1549). Такие орудия широко распространены в культурах ЦМП, особенно катакомбных, но продолжали бытовать вплоть до финала ПБВ (Виноградов и др., 2013, с. 11–12).

Уникальная находка – **медная булава, усеченно-бисферической формы с манжетой в нижней части**, входящая в категорию инсигний власти (мог. Тундык, кург. 2, погр. 4) (рис. 2: 5; ан. 1536). Практически идентичная булава обнаружена в погребении ПК Джангельды 5 (Калиева и др., 2016, рис. 50: 17).

Предметы вооружения представлены наконечниками копий и стрел. Первый **наконечник копья – литой втульчатый, с длинным листовидным пером с ромбическим сечением стержня и длинной втулкой** с двумя

отверстиями близ устья (мог. Ащису, кург. 3; рис. 3: 1; ан. 1555). Соотношение длины наконечника копья и пера 1,4:1. Аналогичные или близкие экземпляры обнаружены в могильниках ПК (Кривое Озеро, Бектениз) и СК (Халвай 3), в Предгорненском и Ростовкинском кладах федоровской культуры (ФК) (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 47: 2; Шевнина, Логвин, 2015, рис. 62: 1; Виноградов и др., 2017, рис. 108; Дегтярева, Нескоров, 2015). Второй **наконечник – литой втульчатый, с овально-листовидным пером (наибольшее расширение находится в нижней части) с круглым в сечении стержнем, намеченной «манжетой» по краю втулки и двумя отверстиями неправильной формы** (мог. Алгабас; рис. 3: 2; ан. 1559). Соотношение длины наконечника копья и пера 1,1:1. Морфологически близкий экземпляр известен в могильнике ПК Джангельды 5 (Калиева и др., 2016, рис. 34: 7) (рис. 3).

Наконечники стрел (5 экз.) – втульчатые и черешковые; первые – **кова-**

Рис. 4. Металлические сосуды (1–5), поддон (6, 7 – вид сбоку и сверху), ручка от сосуда (8) (секущей линией обозначен срез на шлиф). 1–3 – Нураталды 1 (ан. 1542); 4–7 – Ащису (ан. 1556); 8 – Мыржик (ан. 78).

Fig. 4. Metal vessels (1–5), base (6, 7 – top and bottom view), handle (8) (the section marks show where metallographic samples were cut). 1–3 – Nurataldy 1 (An. 1542); 4–7 – Ashchisu (An. 1556); 8 – Myrzjik (An. 78).

ные с сомкнутой втулкой и литые. Экземпляры со свернутой на конус втулкой (без пера) найдены в могильнике Танабай (3 экз., погр. 4; рис. 3: 3–5; ан. 1563–1565). Такие наконечники встречаются главным образом в ареале ПК и ФК ЦК (Нуртай, Бозинген, Балыкты, Майтан, Темир-Астау), в слоях поселений Атасу 1, Икпень 1, Усть-Кенетай 1, Новенькое 9, Талдысай (Маргулан и др., 1966, табл. LIV: 7; Маргулан, 1979, рис. 127: 10; Евдокимов, 1982, рис. 4: 10; Кирюшин, Клюкин, 1985, рис. 19: 13; Ткачев, 2002а, рис. 12: 5; 68: 13; 94: 3; 2002b, рис. 135: 7; 2012, рис. 1: 2–4; Ермолаева и др., 2019, рис. 1: 4). Реже они отмечены в бабинской и сабашиновской культурах (Агульников, 1984, рис. 3: 15; Ванчугов, Черняков, 1991, рис. 1: 5, 6). **Литой наконечник с короткой выступающей втулкой, длинным листовидным пером, округло-ромбическим в сечении стержнем** с продольной нервюрой; украшен литым елочным орнаментом с обеих сторон (мог. Нураталды 1, огр. 2, мог. 2; рис. 3: 6). Экземпляры с таким же декором известны в комплексах ПК, ранней ФК, елунинской культур Ка-

захстана, Алтая, юга Западной Сибири (Бозинген, Телеутский Взвоз I, Меновное IX, Еловский II; Ткачев, 2002а, рис. 94: 5; Грушин и др., 2016, рис. 61: 1; Ткачева, Ткачев, 2008, рис. 101: 10). Из СТ-могильника Ростовка и поселения ФК Куделька 2 происходят каменные литейные формы для отливки наконечников дротика и стрелы с негативами елочного орнамента (Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 36: 3; с. 30; Зах, 1997, рис. 19: 24, 32). Аналогичные наконечники, но без литого орнамента на стержне известны в могильниках РАПК Айшрак, Ак-Мустафа, Жаман-Узен II (Маргулан, 1979, рис. 227: 1, 6; Аванесова, 1991, рис. 40, 48–49). Один наконечник в изученной серии относится к разряду **черешковых, с подтреугольно-сводчатым пером с ромбическим в сечении стержнем, коротким черешком** (мог. Тундык, кург. 2, погр. 4; рис. 3: 7). Аналогичные экземпляры обнаружены в могильниках РАПК ЦК – Айшрак, Ак-Мустафа, Жаман-Узен II, а также на Алтае у с. Курчум (Маргулан, 1979, рис. 227: 12; Аванесова, 1991, рис. 50–51; Мерц и др., 2016, рис. 3: 2). На поселении

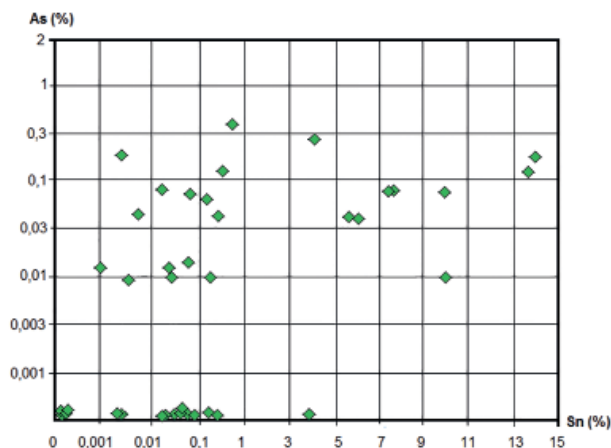

Рис. 5. График корреляции концентраций примесей As–Sn в металле РАПК Центрального Казахстана.

Fig. 5. Schedule of correlation of concentration of As–Sn impurity to copper of products of the early Alakul (Petrovka) culture of the Central Kazakhstan.

Талдысай найдена матрица с такой же конфигурацией пера (Ермолаева и др., 2019, рис. 2: 4).

Наибольший интерес в выборке вызывают *два сосуда и ручка* от сосуда. Сосуды обнаружены в могильниках Нураталды 1 (огр. 5, мог. 3; рис. 4: 1–3) и Ащису (кург. 4, погр. 1; рис. 4: 4–7), сформованы в виде горшков с ребром в верхней части тулова, с высокой, отогнутой наружу шейкой, на поддоне. У первого сосуда поддон приварен к днищу и тулову, у второго изготовлен в виде отдельной подставки с приваренным к нему днищем. Оба сосуда практически идентичны по форме, конструктивным особенностям и основным параметрам, копируя керамические формы РАПК. Это приводит к мысли о местном характере производства металлических сосудов. Последнее подтверждается и данными аналитического исследования. Отметим, что технология, по которой сформованы оба изделия, схожа с технологией конструирования части андроновских керамических сосудов, когда вначале изготавливалось тулово (емкость), в которое затем вставлялось округлое днище. После этого место соединения днища и тулова закреплялось обернутой снаружи глиняной

лентой (Ломан, 1995, с. 97). Ручка от сосуда происходит из нижнего слоя поселения Мыржик, маркированного, по М.К. Кадырбаеву и Ж. Курманкулову (1992), раннеалакульской керамикой, хотя его основные материалы относятся к саргаринско-алексеевской культуре. Ручка – трубчатая в сечении, в виде петли с расклепанными окончаниями и пробитыми в центре отверстиями (рис. 4: 8) (рис. 4).

Наиболее ранние на территории России сосуда из меди, бронзы, золота и серебра обнаружены в комплексах IV–III тыс. до н. э. майкопской культуры Северного Кавказа (Кореневский, 2011; Рындина, 2017). В Средней Азии они выявлены вкладах – на поселении Алтын-депе и Хакском (Кузьмина, 1966), погребениях Северного Гонура и Зардчхалифа (Сарианиди, 2006; Бобомуллов, 1999). Среднеазиатские комплексы относятся к периоду Намазга V, датированному по ^{14}C периодом 2200–1900 cal BC (Hiebert, 1994, fig. 4). В азиатской степи наиболее ранний сосуд (рубеж III–II тыс. до н. э.) происходит из погребения СК Каратомар (Костанайская область) (Логвин, Шевнина, 2018, с. 125). В ПБВ, начиная с середины II тыс. до н. э., сосуда бытовали в степ-

Таблица 1

Результаты рентгенофлуоресцентного и спектрального анализа изделий ПК ЦК

№	Предмет	Рис.	№ структ. ан.	№ РФА	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
<i>Моги́льник Ну́раталды I</i>																
1.	Тесло	2: 1	1540	50527	Осн.	7,06	0,1	0	0,04	0,04	0,05	0,07	0,08	0	0	0
2.	Нож	2: 3	1541	50528	Осн.	10,4	0,29	0,34	0,04	0,03	0,01	0,01	0,11	0,01	0	0
3.	Сосуд, поддон	4: 1–3	1542а	50529	Осн.	0,05	0,13	0	0,07	0,05	0,1	0	0,14	0	0	0
4.	Сосуд, тулово	4: 1–3	1542	50530	Осн.	0	0,14	0,12	0,06	0,05	0,11	0	0,32	0	0	0
5.	Стрела	3: 6	1553	50541	Осн.	0,48	0,1	0	0,06	0,06	0,13	0,15	0,41	0	0	0
<i>Моги́льник А́цису</i>																
6.	Копье	3: 1	1555	50498	Осн.	13,7	0,43	0,34	0,08	0,04	0	0,12	0,11	0,02	0	0
7.	Сосуд, тулово	4: 4, 5	1556	50499	Осн.	0,03	0,09	0	0,07	0,06	0,11	0	0,23	0	0	0
8.	Сосуд, поддон	4: 6, 7	1556а	50500*	Осн.	0,64	0,1	0,07	0,05	0,04	0,1	0,01	0,54	0	0	0
9.	Пруток	2: 6	1557	50501	Осн.	0	0,08	0	0,04	0,04	0,07	0	0,08	0	0	0
10.	Пруток	2: 7	1558	50502*	Осн.	0,44	0,09	0	0,05	0,04	0,07	0,04	0,08	0	0	0
11.	Крюк	2: 4	1549	50537	Осн.	0,08	0,1	0,36	0,06	0,07	0,08	0	0,19	0	0	0
<i>Моги́льник Ту́ндык</i>																
12.	Нож	2: 2	1534	50521	Осн.	6,4	0,09	0,47	0,02	0,04	0	0,04	0,06	0,05	0	0
13.	Стрела	3: 7	1535	50522	Осн.	0,15	0,18	0	0,05	0,04	0,08	0	0,28	0	0	0
14.	Булава	2: 5	1536	50523	Осн.	0,12	0,15	0,38	0,04	0,05	0,09	0,06	0,43	0,02	0	0
<i>Моги́льник Та́набай</i>																
15.	Стрела	3: 3	1563	50507	Осн.	0	0,08	0	0,06	0,04	0,08	0	0,19	0	0	0
16.	Стрела	3: 4	1564	50508	Осн.	0	0,07	0,03	0,05	0,04	0,08	0	0,12	0	0	0
17.	Стрела	3: 5	1565	50509	Осн.	0,12	0,11	0,19	0,06	0,06	0,11	0,01	0,24	0	0	0
<i>Моги́льник А́лгабас</i>																
18.	Копье	3: 2	1559	50503	Осн.	4,48	0,12	0,04	0,05	0,13	0,07	0,29	0,31	0	0	0
<i>Посе́ление Мы́ржик</i>																
19.	Ручка сосуда	4: 8	78	32835	Осн.	0,085	0,02	0,02	—	0,0001	—	—	0,01	0,0007	—	0

* Результаты анализов 50500 и 50502 показывают повышенные концентрации олова в составе металла до 0,64 %, однако микроструктурные данные этих изделий обнаружили использование чистой окисленной меди без следов дендритной ликвации.

ной зоне Евразии от Волги до Дуная (Кривцова-Гракова, 1955, с. 43–45, 133–135; Гошко и др., 2018). Примечательно, что металлический горшок, аналогичный сосудам из ЦК, найден в юго-западном Иране в погребении 2 пол. III тыс. до н. э. могильника Deh Dumen (Oudbashi et al., 2016, fig. 4a, D.P. 187). У него высокая шейка с отогнутым венчиком, ребром в верхней части изделия. Сосуд не типичен для иранских погребений, в которых преобладали бронзовые вазы с прямыми широкими стенками и высокими узкими поддонами; керамические сосуды имеют узкую горловину и широкое округлое тулово (Ibid, pp. 949–950). Эти обстоятельства приводят к мысли

об импортном характере этого сосуда, сопоставимого с изделиями евразийского степного круга.

Аналитически проанализированы также две скобы из могильника Ацису (кург. 4, погр. 1), изготовленные из прутков, прямоугольных в сечении, с одной стороны заостренных, изогнутых под тупым углом (рис. 2: 6, 7; ан. 1557, 1558).

Химический состав металла
19 изделий изучены методом рентгенофлуоресцентного анализа в лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (табл. 1). С целью сопоставления данных привлечены также результаты спектрального анализа 21 изделия РАПК ЦК, полученные в 80-х гг.

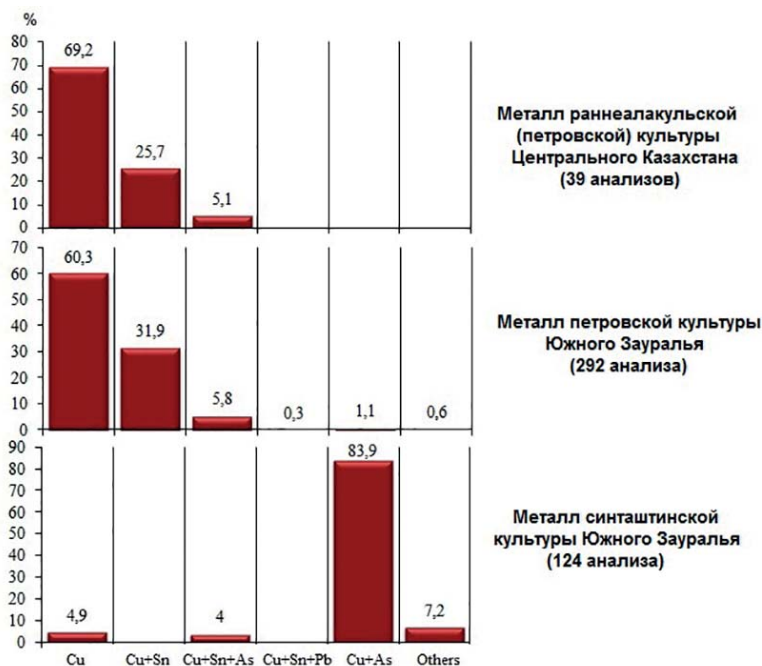

Рис. 6. Распределение цветного металла петровской и синташтинской культур по металлургическим группам (значения в %).

Fig. 6. Distribution of non-ferrous metal of the Petrovka and Sintashta cultures by metallurgical groups (% values).

XX в. в лабораториях ИА и ИИМК РАН.

Статистическая обработка аналитических данных выявила в металле РАПК ЦК три металлургические группы или рецепта сплавов: чистая медь, оловянная и оловянно-мышьяковая бронза. Доминируют изделия из чистой меди (27, или 69,2% от общего количества анализируемой выборки). Примерно 74% предметов этой группы изготовлены из чистой окисленной меди. Вычленение этой подгруппы наглядно демонстрирует график корреляции концентрации примесей As–Sn в нижней части при нулевых и тысячных долях процента мышьяка (рис. 5). Примерно треть изделий – легированные бронзы: оловянные (25,7%; 10 экз.) и оловянно-мышьяковые (5,1%; 2 экз.). Содержание олова в сплаве

достигает 0,44–14%, мышьяка – 0,29–0,35%. Из чистой меди изготовлены все сосуды, прутки-заготовки, слитки и две трети орудий труда (66,7%). Из бронз получена треть орудий, оружие и украшения (33,1%) (рис. 5).

Распределение цветного металла ЦК по сплавам соответствует статистическим данным по ПК Южного Зауралья (292 экз.): здесь также доминируют изделия из чистой меди, в том числе из окисленной, примерно такая же доля оловянных бронз и единичны находки из медно-оловянно-мышьякового сплава (рис. 6). Несколько более высокое количество легированных бронз на Урале объяснимо насыщенностью зауральских могильников украшениями. Они в большинстве изготовлены из оловянной бронзы, в то время как в могильниках ЦК их

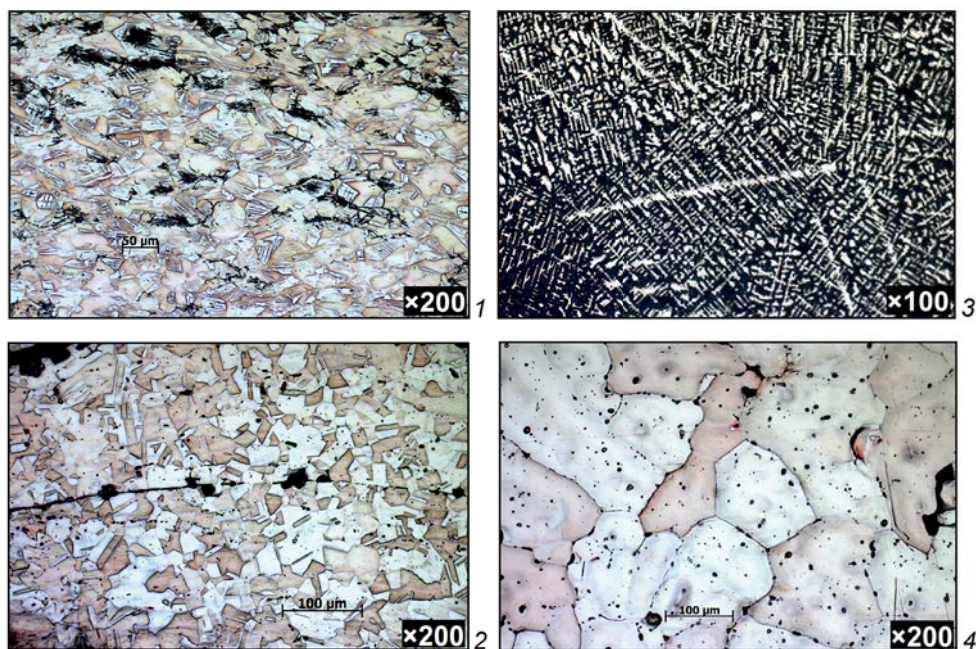

Рис. 7. Фотографии микроструктур орудий, оружия и булавы (увел. указано на фото). 1 – нож, Тундык, ан. 1534, срез черешка; 2 – наконечник копья, Ащису, ан. 1555, срез втулки; 3 – крюк, Ащису, ан. 1549, срез втулки; 4 – булава, Тундык, ан. 1536, срез манжеты.

Fig. 7. Photos of the microstructures of the tools and a mace (increase is specified a photo). 1 – knife, Tunduk, An. 1534, scape cut; 2 – spearhead, Ashchisu, An. 1555, plug cut; 3 – hook, Ashchisu, An. 1549, plug cut; 4 – mace, Tunduk, An. 1536, cuff cut.

заметно меньше. По химическому составу металл ПК явно диссонирует с выборкой СК, в которой резко преобладают сплавы $\text{Cu} + \text{As}$ (около 83,9%) при очень низкой доле изделий из чистой меди (рис. 6).

Результаты микроструктурного исследования медных и бронзовых изделий выявили определенную корреляцию между типом изделия, составом и технологией изготовления. Около трети орудий и оружия – тесло, ножи, наконечники копий, частично наконечники стрел изготовлены из оловянной бронзы, в единичных случаях из оловянно-мышьяковой бронзы. Концентрации олова достигали 0,8–13,7%, мышьяка – 0,29%. При получении орудий использовались преимущественно литейные техно-

логии в сочетании с кузнечной доработкой рабочей части в режиме температур красного каления металла 600–800 °С. Ножи отлиты в односторонних литейных формах с плоскими крышками, после чего следовала доработка ковкой со средними степенями обжатия металла 50–60% (ан. 1534, 1541; рис. 7: 1). Наконечники копий отлиты в двусторчатых формах со вставными вкладышами и штифтами для получения втулок и парных боковых отверстий. Они не подвергались кузнечной доводке – свидетельством тому литые игольчатые мелкодендритные структуры с включениями эвтектоида $\alpha + \text{Cu}_{31}\text{Sn}_8$ в междендритных пространствах, не измененных деформирующим воздействием (ан. 1555, 1559; рис. 7: 2) (рис. 7).

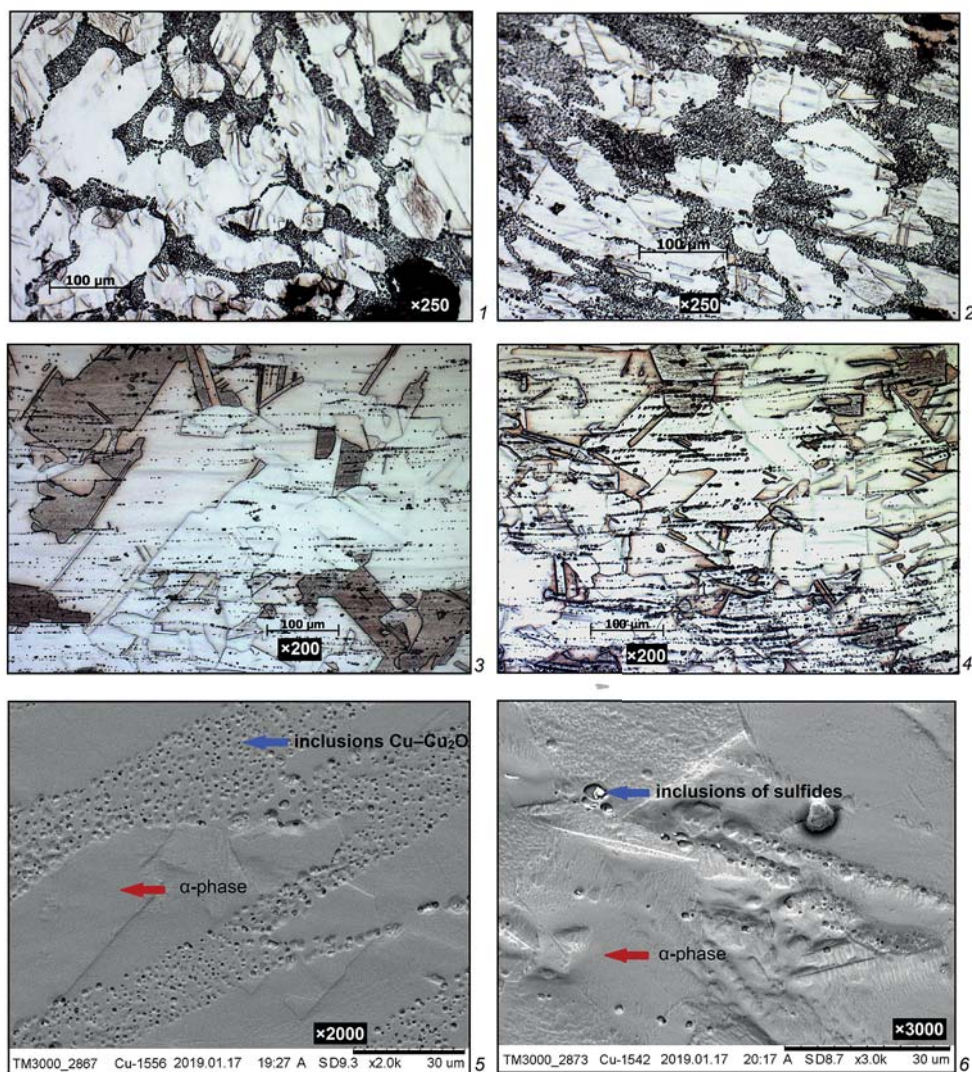

Рис. 8. Фотографии микроструктур сосудов, сделанные на микроскопе Axio Observer D1m (1–4) и сканирующем электронном микроскопе Hitachi TM3000 (5, 6) (увел. указано на фото). 1, 2, 5 – Ащису, ан. 1556; 3, 4, 6 – Нураталды 1, ан. 1542 (1, 5 – срезы венчиков сосудов; 2 – срез закраины поддона; 3, 4, 6 – срезы стенок сосудов).

Fig. 8. Photos of the microstructures of the vessels taken from a Axio Observer D1m microscope (1–4) and Hitachi TM3000 scanning electron microscope (5, 6) (increase is specified a photo). 1, 2, 5 – Ashchisu (an. 1556); 3, 4, 6 – Nurataldy 1 (An. 1542) (1, 5 – cross-section of the rims of the vessels; 2 – cross-section of the edge of the base; 3, 4, 6 – cross-sections of the walls of the vessels).

Остальные изделия – крюк, накопечники стрел, булава, сосуды, поддоны к сосудам, прутки изготовлены из чистой окисленной меди с использованием литейных и кузнечных технологий. Крюк сформован ковкой полу-

фабриката-заготовки подтреугольной формы (ан. 1549; рис. 7: 3). Ковка протекала в режиме предплавления температур 900–1000 °С, что привело к росту рекристаллизованных зерен и появлению трещин на окончании в

присутствии красноломких составляющих. Булава отлита из меди по утрачиваемой восковой модели (отсутствие литейных швов, наличие следов заглаживания воска на боковой поверхности лопаточкой). Доработке не подвергалась, на что указывает наличие литой полиэдрической структуры без следов деформации (ан. 1536; рис. 7: 4).

Кованые наконечники стрел изготовлены из чистой окисленной меди растяжкой заготовки, свертывание ее внахлест во втулку на оправке конического профиля при существенных степенях деформации металла 70–80% (ан. 1563–1565). Ковка протекала в режиме предплавильных температур 900–1000 °С. Черешковый наконечник стрелы отлит в двусторонней форме из чистой окисленной меди, при этом металл был умело раскислен (ан. 1535). Затем отливка была незначительно доработана ковкой, направленной на устранение пороков литья с обжатием 20–40%. Формовка протекала в режиме неполной горячейковки при температуре 200–400 °С. Аналогичные технологии использовались при получении двух стержнейскоб, изогнутых под углом в 120° – литье в форме из окисленной меди с последующей незначительной доработкой ковкой в режиме температур 200–400 °С (ан. 1557, 1558).

Уникальны технологии изготовления медных сосудов. При их визуальном осмотре заметна асимметричность профиля, неровные контуры ребер, вмятины – следыковки. Сварные швы на тулове отсутствуют, но четко видны швы в месте соединения днища, поддона и тулова у первого сосуда, днища и поддона – у второго. Оба изготовлены из чистой окисленной меди по сложной технологии,

состоящей из получения тулова без дна, а также поддона методом литья по восковым моделям, с использованием шаблонов в виде стержня, напоминающего сосуд, и второго – в виде конуса (Degtyareva et al., 2019). Далее шаблоны были обмазаны слоем воска, затем глины, после чего форма была прокалена в печи. В готовые формы металл заливали со стороны нижней части сосудов и поддонов.

Наименее затронутые деформирующим воздействием участки сосредоточены в районе венчика и шейки сосудов и поддона с характерной структурой в виде литых полиэдров, окаймленных включениями эвтектики Cu-Cu₂O, первоначальная конфигурация которых почти не изменена ковкой (ан. 1556, 1542; рис. 8: 1, 2). Более тщательно доработана средняя часть тулова, где степени обжатия металла достигали 60–80% (рис. 8: 3, 4). Ковка была направлена на растяжку стенок, формовку центральной части сосудов с использованием каменных наковален округлой формы и медной наковальни Т-образной формы для выколочки ребер. Доработка осуществлялась в режиме предплавильных температур 900–1000 °С, о чем свидетельствуют размеры рекристаллизованных зерен диаметром до 0,3 мм в поперечнике, замеры микротвердости металла до 96–97 кг/мм² в центральной части сосудов (рис. 8).

Далее мастер осуществлял выколочку днищ округлой формы, вогнутых в центральной части, и производил сварку в режиме красного каления металла 600–800 °С днища и поддона к нижней части сосуда в одном случае (ан. 1542), днища и поддона – в другом (ан. 1556). Сварные швы хорошего качества, достаточно плотные, разъемов по линии сварки не

фиксируется. Увеличение содержания кислорода во внешней поверхностной зоне сосудов до 0,3% связано с нагревами емкостей в костре, возможно, во время определенных ритуальных обрядов. Об этом же свидетельствуют и следы копоти, сажи снаружи и внутри сосудов. В процессе исследования шлифов на электронном сканирующем микроскопе Hitachi TM3000 на срезе венчика изделия из могильника Нураталды 1 обнаружены мелкие сульфидные соединения системы Cu–Pb–As–S наряду с минимальным включением эвтектики Cu–Cu₂O в пределах 0,05% (рис. 8: 6). Наличие сульфидных включений свидетельствует о том, что древние металлурги в процессе пирометаллургического передела окисленной меди, что пошла на изготовление сосуда из этого могильника, использовали для раскисления жидкого металла добавку в шихту галенита и арсенопирита. Галенит часто встречается в полиметаллических залежах Центрального Казахстана и Рудного Алтая в сростании с арсенопиритом, халькопиритом, сфалеритом, блеклой рудой. На шлифах сосуда из могильника Ащису эти включения не обнаружены (рис. 8: 5).

Ручка сосуда также изготовлена из окисленной меди в процессековки заготовки, сопровождающейся сильными степенями обжата металла 80–90%, при температурах красного каления металла 600–800 °С. При формовке продольные края пластины были изогнуты в виде трубочки, центральная часть изогнута в виде петли, концы ручки разрезаны вдоль на парные окончания для охвата венчика с внутренней и внешней стороны, расплющены и пробиты отверстия.

Заключение. Изученные изделия представлены т.н. евразийскими

формами (втульчатые тесла, крюки, черенковые ножи с выраженным перекрестьем и перехватом), характерными для ЗАМП. Предметы вооружения – наконечники копий и стрел – сконцентрированы преимущественно в восточной зоне провинции, в Центральном и Восточном Казахстане, на Алтае и юге Западной Сибири. Наконечники копий представлены продукцией петровских и раннефедоровских центров металлопроизводства практически в равной мере. Наконечники стрел характерны в большинстве для сарыаркинского и алтайского металлургических очагов раннеалакульской, раннефедоровской, елунинской культур. Уникальные бронзовые сосуды из могильников Ащису и Нураталды 1 наряду с синташтинским сосудом из могильника Каратомар являются наиболее древними в степной евразийской зоне. Таким образом, изученная выборка характеризуется наличием типов как общевеэазийских форм, так и морфологически своеобразных, специфичных только для Казахстана, Алтая и юга Западной Сибири.

По материалам могильника Ащису (кург. 1, кость человека) получена AMS дата в Poznan radiocarbon laboratory (Poland; № Poz–113492): 3485±30 лет BP; 1σ (68.2%) – 1877–1756 cal BC; 2σ (95,4 %) – 1890–1699 cal BC. Время совершения погребения в кург. 1 может быть датировано 2 пол. XIX – нач. XVIII вв. до н. э. Известные радиоуглеродные даты раннеалакульской (петровской или нуртайской) культуры Зауралья и Казахстана полной согласованности не имеют, однако в целом они совпадают с хронологическими рамками I фазы ЗАМП (Молодин и др., 2014, с. 142).

Распределение сплавов (металлургических групп) в петровской культуре Южного Зауралья и Центрального Казахстана, несмотря на их территориальную отдаленность, было относительно сходным. Это проявилось в доминировании чистой меди, в том числе окисленной, и использовании оловянных и оловянно-мышьяковых бронз. Последние использовались, прежде всего, для изготовления орудий труда и украшений.

Технологические схемы получения инвентаря в Центральном Казахстане и Южном Зауралье были практически идентичными – литье в разъемные формы в сочетании с кузнечной доработкой рабочей части или же кузнечная формообразующаяковка при изготовлении мелких орудий. Однако с учетом более высокой концентрации олова (5–14%) в металле ЦК по сравнению с Уралом в сарыаркинских центрах в отличие от уральских доминировали режимы горячей обработки давлением при 600–800 °С и предплавленных температур при 900–1000 °С. С целью повышения пластичности и выравнивания структуры металла мастера прибегали к отжигу гомогенизации. При изготовлении изделий из чистой окисленной меди в процессе плавки и термообработки использовали предохраняющие от чрезмерного окисления засыпки, тем самым предотвращая хрупкость металла. Достаточно сложными и уникальными для петровских племен были технологические приемы

изготовления медных сосудов: литье по восковым моделям, умелое сочетанияковки, сварки, отжигов при предплавленных температурах.

В Сарыаркинской горно-металлургической области сосредоточены крупнейшие в Евразии залежи медных и полиметаллических руд. Непосредственно вблизи карагандинских памятников РАПК находятся богатейшие запасы окисленных медных руд с древними выработками в пределах Успенско-Каркаралинского, Северо-Бетпақдалинского ГМЦ (рис. 1; Берденов, 2008, с. 45–47). Безусловно, эти месторождения разрабатывались и рудокопами РАПК, о чем свидетельствуют находки керамики ПБВ на руднике Сарыбулак Северо-Бетпақдалинского ГМЦ (Берденов, 2008). На ряде поселений (Атасу 1, Мыржик, Талдысай) обнаружены достаточно сложные горны для переработки руды и выплавки меди (Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Ермолаева, 2016). В Центральном Казахстане известны и оловорудные проявления и россыпи (Жилинский, 1959). Наиболее крупные запасы сосредоточены в Атасуйском районе и Западном Прибалхашье, однако данные об их разработке в эпоху бронзы отсутствуют. Вероятность использования этих месторождений олова петровскими горняками достаточно высока, тем более учитывая несомненный богатый опыт в разработке местных медных месторождений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: ФАН, 1991. 200 с.
2. Агульников С.М. Курганы эпохи бронзы у с. Капланы // Курганы в зонах новостроек Молдавии / Отв. ред. И.И. Артеменко. Кишинев: Штиинца, 1984. С. 90–97.
3. Берденов С.А. Казахстанские месторождения меди и олова и их разработка в бронзовом веке // Известия НАН РК, серия общественных наук. 2008. № 1 (254). С. 42–55.

4. Бобомуллоев С.Г. Раскопы гробницы Зардчахаалифа на Верхнем Зеравшане // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 1999. № 2. С. 307–313.
5. Ванчугов В.П., Черняков И.Т. Металлические наконечники стрел сабатиновской и белозёрской культур // *Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур* / Отв. ред. В.П. Ванчугов. Киев: Наукова думка, 1991. С. 24–37.
6. Виноградов Н.Б., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Медведева П.С. Образы эпохи. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: АБРИС, 2017. 400 с.
7. Виноградов Н.Б., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлургия и металлообработка в жизни обитателей укрепленного поселения Устье 1 // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2013. № 3. С. 4–30.
8. Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. Екатеринбург: УрГУ, 1994. 68 с.
9. Гошко Т.Ю., Агапов С.О., Отрощенко В.В. Металеві казани з Великого Степу за доби пізньої бронзи. Київ: ІА НАН України, 2018. 328 с.
10. Грушин С.П., Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., Дядьков П.Г., Позднякова О.А., Солодовников К.Н., Тур С.С., Потемкина Т.М., Бондаренко А.В., Борисов В.А., Косинцев П.А., Гайдученко Л.Л., Вальков И.А., Миляев Г.А., Сатаева Л.В., Волков П.В., Пономарева Е.А., Воронкин К.И. Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз I в Верхнем Приобье: опыт междисциплинарного изучения. Барнаул: АлтГУ, 2016. 270 с.
11. Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
12. Дегтярева А.Д., Нескоров А.В. Клад бронзовых изделий из могильника Ростовка: культурная интерпретация // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2015. № 3. С. 32–41.
13. Евдокимов В.В. Поселение эпохи бронзы Усть-Кенетай // *Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана* / Отв. ред. В.В. Евдокимов. Караганда: КарГУ, 1982. С. 3–20.
14. Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: КарГУ, 2002. 138 с.
15. Ермолаева А.С. Петровско-нуртайские жилища-мастерские на поселении Талдысай // *Актуальные проблемы археологии Евразии* / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 126–141.
16. Ермолаева А.С., Кузьминых С.В., Пак Джан Сик, Дубягина Е.В. Предметы вооружения позднего бронзового века из мастерских литейщиков поселения Талдысай в Центральном Казахстане // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2019. № 2. С. 109–120.
17. Жилинский Г.Б. Оловоносность Центрального Казахстана. Алма-Ата: АН КазССР, 1959. 210 с.
18. Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. Новосибирск: Наука, 1997. 132 с.
19. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым, 1992. 247 с.
20. Калиева С.С., Колбина А.В., Логвин В.Н. Некрополь эпохи бронзы Джангельды 5. Костанай: Костанайполиграфия, 2016. 208 с.
21. Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // *Алтай в эпоху камня и раннего металла* / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 1985. С. 73–117.
22. Корневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М.: Таус, 2011. 336 с.
23. Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // *РА*. 2010. № 4. С. 120–129.

24. *Кривцова-Гракова О.А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы / МИА. № 46. М.: АН СССР, 1955. 162 с.
25. *Кузьмина Е.Е.* Металлические изделия неолита и бронзового века в Средней Азии / САИ. Вып. В4-9. М.: Наука, 1966. 152 с.
26. *Кукушкин И.А.* Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису (Центральный Казахстан) // РА. 2011. № 2. С. 103–109.
27. *Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А.* Раннесалакульские древности могильника Танабай (по материалам кургана 4) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2. С. 28–40.
28. *Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.* Могильник Тундык: предварительные результаты исследований // Этнические взаимодействия на Южном Урале / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: ЧГКМ 2015. С. 136–143.
29. *Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.* Погребение петровской культуры близ села Талды (Каркаралинский район Карагандинской области) // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 150–155.
30. *Кукушкин И.А., Ломан В.Г., Кукушкин А.И., Дмитриев Е.А.* Погребение с металлическим сосудом в могильнике Нураталды 1 (эпоха бронзы) // Уральский исторический вестник. 2016. № 4. С. 85–92.
31. *Логвин А.В., Шевнина И.В.* Исследование синташтинского могильника Каратомар, курган 1 (предварительное сообщение) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 123–125.
32. *Ломан В.Г.* Андроновское гончарство: общие приемы изготовления сосудов // Культуры древних народов степей Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Матер. 3-й междунар. конф. «Россия и Восток. Проблемы взаимодействия». Ч. 5, кн. 1 / Ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: ЧелГУ, 1995. С. 96–100.
33. *Маргулан А.Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.
34. *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 436 с.
35. *Матющенко В.И., Сеницына Г.В.* Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: ТГУ, 1988. 136 с.
36. *Мерц И.В., Мерц В.К., Куц Г.А., Тишкин А.А.* Находки металлических изделий раннего бронзового века из Верхнего Прииртышья (Восточный Казахстан) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXII / Отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 163–170.
37. *Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 3. С. 136–167.
38. *Новиков И.К., Дегтярева А.Д., Шилов С.Н.* Могильники эпохи бронзы Озерное 1 и Озерное 3 (результаты исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1. С. 24–35.
39. *Рындина Н.В.* Технологии производства металлических сосудов майкопской культуры Северного Кавказа // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2017. № 2. С. 101–118.
40. *Сарианиди В.И.* Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ. 2006. № 2 (257). С. 155–192.
41. *Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 1. Тюмень: ТюмНГУ, 2002a. 289 с.
42. *Ткачев А.А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. 2. Тюмень: ТюмНГУ, 2002b. 242 с.

43. Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы: монография. Актобе: Актобинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.

44. Ткачев А.А. Оружие дистанционного боя андроновского населения Центрального Казахстана (по материалам могильника Майтан) // Археология и история Сарыарки / Отв. ред. В.Г. Ломан. Караганда: КарГУ, 2012. С. 48–62.

45. Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.

46. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

47. Шевнина И.В., Логвин А.В. Могильник эпохи бронзы Халвай III в Северном Казахстане. Астана: Филиал ИА им. А.Х. Маргулана, 2015. 248 с.

48. Chernykh E.N. Ancient metallurgy in the USSR. Cambridge: University press, 1992. 335 p.

49. Hiebert F.T. Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia. // Bulletin American School of Prehistoric Research. Vol. 42. Harvard University Press, 1994. 200 p.

50. Oudbashi O., Naseri R., Malekzadeh M. Technical Studies on the Bronze Age Metal Artefacts from the graveyard of Deh Dumen, South-Western Iran (Third Millennium BC) // Archaeometry. 2016. № 58. 6. Pp. 947–965. DOI:10.1111/arc.12208/

Информация об авторах:

Дегтярева Анна Давыдовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН (г. Тюмень, Россия); anna126@inbox.ru

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

Ломан Валерий Григорьевич, кандидат исторических наук, директор Сарыаркинского археологического института, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова (г. Караганда, Казахстан); lv7@yandex.kz

Кукушкин Игорь Алексеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Сарыаркинского археологического института, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова (г. Караганда, Казахстан); sai@ksu.kz

Кукушкин Алексей Игоревич, научный сотрудник Сарыаркинского археологического института, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова (г. Караганда, Казахстан); tatarlandia@mail.ru

Дмитриев Евгений Анатольевич, младший научный сотрудник Сарыаркинского археологического института, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова (г. Караганда, Казахстан); yevgenii1992@mail.ru

NON-FERROUS METAL OF EARLY ALAKUL (PETROVKA) CULTURE OF BRONZE AGE IN CENTRAL KAZAKHSTAN

**A.D. Degtyareva, S.V. Kuzminykh, V.G. Loman, I.A. Kukushkin,
A.I. Kukushkin, E.A. Dmitriev**

Data of an analytical research (X-ray fluorescence and metallographic analyses, electron scanning microscope) of products from burial grounds of the early Alakul (Petrovka) culture in Central Kazakhstan revealed the features of manufacturing techniques of stock – prevalence of products from the oxidized copper along with use in a smaller measure for casting of tools of tin bronze. Formation in Central Kazakhstan of the independent metallurgical center, most likely, happened in parallel and synchronously to emergence of the centers in the Urals – in

The research was carried out according to the State task, Projects No AAAA-A17-117050400147-2 (A.D. Degtyareva); No AAAA-A18-118011790092-5 (S.V. Kuzminykh), as well as under grants of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan No. AR05131861 (V.G. Loman), No. AR05131774 (I.A. Kukushkin).

Mugodzhary and the Southern Trans-Ural region at a turn of eras of average-late bronze. Concentration the early Alakul (Petrovka) monuments directly near ore fields indicates the purposeful search nature of the new raw sources of copper and tin so necessary in ancient production activity which was undertaken still by pit tribes during an Era of the Early Bronze. According to the authors the appeared new model of the organization of metal production with use, both the oxidized copper, and the alloyed tin bronze with skills of the developed foundry production, the high-temperature modes of processing by pressure actually was fixed for non-ferrous production in the region before the termination of the late Bronze Age.

Keywords: archaeology, Bronze Age, Kazakhstan, metal production, composition of metal, production technology.

REFERENCES

1. Avanesova, N. A. 1991. *Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy aziatskoy chasti SSSR (po metallicheskim izdeliyam) (Culture of the Shepherd Tribes of the Bronze Age in the Asian Part of the USSR (Based on Metal Articles))*. Tashkent: "FAN" Publ. (in Russian).
2. Agul'nikov, S. M. 1984. In Artemenko, I. I. (ed.). *Kurgany v zonakh novostroek Moldavii (Mounds in the New Construction Areas of Moldova)*. Kishinev: "Shtiintsa" Publ., 90–97 (in Russian).
3. Berdenov, S. A. 2008. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan, seriia obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 1(254), 42–55 (in Russian).
4. Bobomullov, S. G. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 307–313 (in Russian).
5. Vanchugov, V. P., Chernyakov, I. T. 1991. In Vanchugov, V. P. (ed.). *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e – kontaktnaya zona drevnikh kul'tur (North-Western Pontic – Contact Area of Ancient Cultures)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 24–37 (in Russian).
6. Vinogradov, N. B., Degtyareva, A. D., Kuzminykh, S. V., Medvedeva, P. S. 2017. *Obrazy epokhi. Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e (Images of the Era. The Burial Ground of the Bronze Age the Krivoe Ozero in the Southern Trans-Ural Region)*. Chelyabinsk: "ABRIS" Publ. (in Russian).
7. Vinogradov, N. B., Degtyareva, A. D., Kuzminykh, S. V. 2013. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* (3), 4–30 (in Russian).
8. Gening, V. F., Stefanova, N. K. 1994. *Chernoozer'e I – mogil'nik epokhi bronzy Srednego Priirtysh'ya (Chernoozerie I - Burial Ground of the Bronze Age in the Middle Irtysh Region)*. Yekaterinburg: Ural State University Publ. (in Russian).
9. Goshko, T. Yu., Agapov, S. O., Otroshhenko, V. V. 2018. *Metalevi kazani z Velikogo Stepu za dobi pizn'oi bronzi (Metal Cauldrons from the Great Steppe in the Late Bronze Age)*. Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).
10. Grushin, S. P., Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V., Kazakov, A. A., Dyad'kov, P. G., Pozdnyakova, O. A., Solodovnikov, K. N., Tur, S. S., Potemkina, T. M., Bondarenko, A. V., Borisov, V. A., Kosintsev, P. A., Gayduchenko, L. L., Val'kov, I. A., Milyaev, G. A., Sataeva, L. V., Volkov, P. V., Ponomareva, E. A., Voronkin, K. I. 2016. *Eluninskiy arkheologicheskiy kompleks Teleutskiy Vzvoz I v Verkhnem Priob'e: opyt mezhdistsiplinarnogo izucheniya (Yelunino Archaeological Complex Teleutsky Vzvoz I in the Upper Ob Region: Interdisciplinary Study Experience)*. Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).
11. Degtyareva, A. D. 2010. *Istoriya metalloproduktstva Yuzhnogo Zaural'ya v epokhu bronzy (History of metal production in the south trans-Urals basin during the Bronze Age)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
12. Degtyareva, A. D., Neskrov, A. V. 2015. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* (3), 32–41 (in Russian).
13. Evdokimov, V. V. 1982. In Evdokimov, V. V. *Voprosy arkheologii, etnografii Tsentral'nogo Kazakhstana (Issues of Archaeology and Ethnography of Central Kazakhstan)*. Karaganda: Karaganda State University Publ., 3–20 (in Russian).

14. Evdokimov, V. V., Varfolomeev, V. V. 2002. *Epokha bronzy Tsentral'nogo i Severnogo Kazakhstana (Bronze Age of Central and Northern Kazakhstan)*. Karaganda: Karaganda State University (in Russian).
15. Yermolaeva, A. S. 2016. In Baitanaev, B. A. (ed.). *Aktual'nye problemy arkheologii Evrazii (Urgent Matters of Eurasian Archaeology)*. Almaty: Institute of Archaeology, 126–141 (in Russian).
16. Yermolayeva, A. S., Kuzminykh, S. V., Pak Jang-Sik, Dobyagina, Ye. V. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 109–120 (in Russian).
17. Zhilinskiy, G. B. 1959. *Olovonosnost' Tsentral'nogo Kazakhstana (Tin-Bearing Ores of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. (in Russian).
18. Zakh, V. A. 1997. *Epokha bronzy Prislair'ya (The Bronze Age in the Salair Ridge Area)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
19. Kadyrbaev, M. K., Kurmankulov, Zh. 1992. *Kul'tura drevnikh skotovodov i metallurgov Sary-Arki (Culture of Ancient Cattle Breeders and Metallurgists from Saryarka)*. Alma-Ata: "Gylym" Publ. (in Russian).
20. Kalieva, S. S., Kolbina, A. V., Logvin, V. N. 2016. *Nekropol' epokhi bronzy Dzhangeldy 5 (Bronze Age Necropolis Dzhangeldy 5)*. Kostanay: "Kostanaypoligrafiya" Publ. (in Russian).
21. Kiryushin, Yu. F., Klyukin, G. A. 1985. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Altay v epokhu kamnya i rannego metalla (Altai in the Stone and Early Metal Ages)*. Barnaul: Altai State University Publ., 73–117 (in Russian).
22. Korenevskiy, S. N. 2011. *Drevneyshiy metall Predkavkaz'ya. Tipologiya. Istoriko-kul'turniy aspekt (The earliest metal of the Northern cis-Caucasus. Typology. Historical and cultural aspect)*. Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).
23. Korochkova, O. N., Stefanov, V. I. 2010. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 120–129 (in Russian).
24. Krivtsova-Grakova, O.A. *Stepnoe Povolzh'e i Prichernomor'e v epokhu pozdney bronzy (Steppe Volga and Coastal Black Sea Regions in the Late Bronze Age)*. Series: Materials and Research in the USSR Archaeology, 46. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
25. Kuz'mina, E. E. 1966. *Metallicheskie izdeliya eneolita i bronzovogo veka v Sredney Azii (Metal Articles of the Eneolithic and Bronze Age in Central Asia)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) B4-9. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
26. Kukushkin, I. A. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 103–109 (in Russian).
27. Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A. 2018. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Archeologii, Antropologii i Etnografii)* (2), 28–40 (in Russian).
28. Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A., Kukushkin, A. I. 2015. In Tairov, A. D. (ed.). *Etnicheskie vzaimodeystviya na Iuzhnom Urale (Ethnic Interactions in the Southern Urals)*. Cheliabinsk: Chelyabinsk State Museum of Local History, 136–143 (in Russian).
29. Kukushkin, I. A., Dmitriev, E. A., Kukushkin, A. I. 2018. In *Samarskii nauchnyi vestnik (Samara Scientific Bulletin)* 23 (2), 150–155 (in Russian).
30. Kukushkin, I. A., Loman, V. G., Kukushkin, A. I., Dmitriev, E. A. 2016. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik (Ural Historical Journal)* 53 (4). 85–92 (in Russian).
31. Logvin, A. V., Shevnina, I. V. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 123–125 (in Russian).
32. Loman, V. G. 1995. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Kul'tury drevnikh narodov stepey Evrazii i fenomen protogorodskoy tsivilizatsii Yuzhnogo Urala. Ch. 5, kn. 1 (Cultures of the Ancient Peoples of Eurasian Steppes and the Phenomenon of the Proto-City Civilization of the Southern Ural)* P. 5. B. 1. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 96–100 (in Russian).
33. Margulan, A. Kh. 1979. *Begazy-dandybaevskaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana (Begazy-Dandybay Culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
34. Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orzabayev, A. M. 1966. *Drevniia kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

35. Matyushhenko, V. I., Sinitsyna, G. V. 1988. *Mogil'nik u derevni Rostovka vblizi Omska* (Burial Ground in the Vicinity of Rostovka Village near Omsk). Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).
36. Merts, I. V., Merts, V. K., Kushch, G. A., Tishkin, A. A. 2016. In Tishkin, A. A., Semibratov, V. P. (eds.). *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia* (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai) 22. Barnaul: Altai State University Publ., 163–170 (in Russian).
37. Molodin, V. I., Epimakhov, A. V., Marchenko, Zh. V. 2014. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, filologiya* (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology) 13 (3), 136–167 (in Russian).
38. Novikov, I. K., Degtyareva, A. D., Shilov, S. N. 2014. In *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii* (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii) 24 (1), 24–35 (in Russian).
39. Ryndina, N. V. 2017. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (2), 101–118 (in Russian).
40. Sarianidi, V. I. 2006. In *Vestnik drevnei istorii* (Journal of Ancient History) 257 (2). 155–192 (in Russian).
41. Tkachev, A. A. 2002. *Tsentrallyy Kazakhstan v epokhu bronzy* (Central Kazakhstan in the Bronze Age) I. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas Institute (in Russian).
42. Tkachev, A. A. 2002. *Tsentrallyy Kazakhstan v epokhu bronzy* (Central Kazakhstan in the Bronze Age) II. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas Institute (in Russian).
43. Tkachev, A. A. 2012. In Loman, V. G. (ed.). *Arkheologiya i istoriya Saryarki* (Archaeology and History of Saryarka). Karaganda: Karaganda State University Publ., 48–62 (in Russian).
44. Tkachev, V. V. 2007. *Stepi Iuzhnogo Priural'ia i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh srednei i pozdnei bronzy: monografiya* (Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the Boundary of the Middle and Late Bronze Ages: Monograph). Aktobe: Aktobe Regional Center of History, Ethnography and Archaeology.
45. Tkacheva, N. A., Tkachev, A. A. 2008. *Epokha bronzy Verkhnego Priirtysh'ya* (Bronze Age of the Upper Irtysh Region). Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
46. Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V. 1989. *Drevniaia metallurgiya Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen)* (Ancient Metallurgy of Northern Eurasia (Seyma-Turbino Phenomenon)). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
47. Shevnina, I. V., Logvin, A. V. 2015. *Mogil'nik epokhi bronzy Khalvay III v Severnom Kazakhstane* (Bronze Age burial ground Halvay III in North Kazakhstan). Astana: The Branch of the Institute of Archaeology in Astana (in Russian).
48. Chernykh, E. N. 1992. *Ancient metallurgy in the USSR*. Cambridge: University press.
49. Hiebert, F. T. 1994. *Bulletin American School of Prehistoric Research*. Vol. 42. Harvard University Press.
50. Oudbashi, O., Naseri, R., Malekzadeh, M. 2016. In *Archaeometry*. No. 58. 6. 947–965. DOI:10.1111/arc.m.12208/

About the Authors:

Degtyareva Anna D. Candidate of Historical Sciences. Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS. Malygina 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; anna126@inbox.ru

Kuzminykh Sergey V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology RAS. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Loman Valeriy G. Candidate of Historical Sciences. Buketov Karaganda State University. Universitetskaya 28, Karaganda, 100028, Kazakhstan; lvg7@yandex.kz

Kukushkin Igor A. Candidate of Historical Sciences. Buketov Karaganda State University, Universitetskaya 28, Karaganda, 100028, Kazakhstan; sai@ksu.kz

Kukushkin Alexey I. Buketov Karaganda State University, Universitetskaya 28, Karaganda, 100028, Kazakhstan; tatarlandia@mail.ru

Dmitriev Evgeniy A. Buketov Karaganda State University, Universitetskaya 28, Karaganda, 100028, Kazakhstan; yevgenii1992@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

АНТРОПОМОРФНЫЕ «КУКОЛЫ» В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ МОГИЛЬНИКА КУЛЕВЧИ VI

© 2020 г. Н.Б. Виноградов

Статья посвящена обсуждению идеи присутствия объемных антропоморфных изображений – «кукол», в погребальной обрядности федоровских памятников позднего бронзового века в Южном Зауралье. Впервые она была озвучена М.П. Грязновым около полувека назад. В 1980 году в ходе исследования могильника позднего бронзового века Кулевчи VI были получены убедительные доказательства правоты М.П. Грязнова. Анализ микропланиграфии остатков на полу погребальной камеры ямы 2 кургана 3 могильника Кулевчи VI впервые предоставил в распоряжение исследователей свидетельства того, что сценарий погребения здесь предполагал именно захоронение объемного воспроизведения тела умершей молодой женщины в положении скорченно, на левом боку, в позе, традиционной для индивидуальных погребений алакульской культуры Южного Зауралья. Таким образом, в руках у археологов именно с 1980 года появился своеобразный «ключ» для частичного решения проблемы «кукол» в погребениях с кремациями позднего бронзового века. Однако, как это иногда бывает, этот «ключ» не был либо замечен, либо оценен коллегами. По мнению автора статьи, федоровские погребения с кремациями отражают процесс интеграции групп федоровских мигрантов в алакульские общины Южного Зауралья.

Ключевые слова: археология, Южное Зауралье, поздний бронзовый век, федоровские погребальные памятники, кремация, объемные антропоморфные изображения, алакульско-федоровские взаимодействия.

Введение. Поводом для обращения к заявленной и, казалось бы, давно закрытой теме послужило суждение о том, что «высказанная М.П. Грязновым идея о захоронении «кукол» (сделанных из органического материала и потому не сохраняющихся) с *кремированными* – курсив автора) прахом усопших представляется интересной, но едва ли ее удастся доказать» (Стефанов, Корочкова, 2006, с. 123).

Более всего меня изумило то, что эти строки были написаны в 2006 году, более двадцати лет спустя открытия, сделанного при раскопках могильника Кулевчи VI. После прочтения этих строк я понял, что необходимо вновь вернуться к этому сюжету.

История изучения проблемы. Впервые мысль об использовании

«андроновцами» объемных антропоморфных изображений в погребальной обрядности действительно была высказана М.П. Грязновым около полувека назад. Прошу у читателя извинения за пространную цитату, однако она имеет чрезвычайное значение для избранной темы. «На северных склонах хребта Каратау в Южном Казахстане исследован могильник Таутары... В могилах погребен пепел сожженных умерших, *но могилы вырыты таких размеров и формы, как будто бы в них хоронили целые трупы умерших* (здесь и далее курсив мой – Н.В.). Длина могил 170–240 см, ширина 80–120 см. Можно предполагать, что в могилу *кроме пепла* погребали также какое-то подобие умершего, *сшитое из мягких материалов и, ве-*

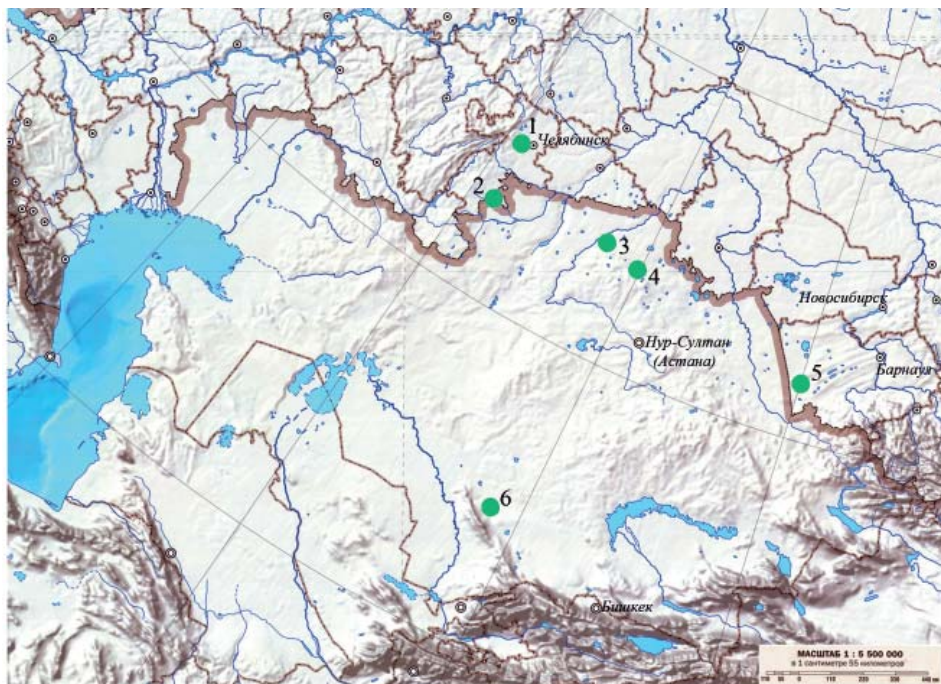

Рис. 1. Карта расположения могильников с зафиксированными и предполагаемыми «куклами»: 1 – Черняки II; 2 – Кулевчи VI; 3 – Графские Развалины; 4 – Боровое; 5 – Рублево VIII; 6 – мог. Тау-Тары.

Fig. 1. Map of burial grounds with recorded and suggested “dolls”: 1 – Chernyaki II; 2 – Kulevchi VI; 3 – Grafskiye Razvaliny; 4 – Borovoe; 5 – Rublevo VIII; 6 – Tau-Tary.

роятно, одетое в одежды умершего. Очевидно, этим же объясняется, что находимые в могилах предметы украшения (так в тексте М.П. Грязнова – Н.В.) как то: подвески, серьги, бусы, в том числе стеклянные и легкоплавкие сурьмяные, – не имеют следов пребывания в огне ...» (Грязнов, 1970, с. 37) (рис. 1). Из процитированного текста следует, что внимание М.П. Грязнова привлекли два аспекта: с одной стороны, размеры и форма гробниц, где был захоронен кремированный прах умерших, с другой – отсутствие следов температурного воздействия на предметах погребального инвентаря. И лишь много позднее, в 1980 году, нашлись дополнительные аргументы в пользу правоты гениальной догадки М.П. Грязнова. И это случилось

именно в ходе изучения двойного погребения по способу кремации в яме 2 кургана 3 в могильнике Кулевчи VI в Южном Зауралье. Благодаря анализу микропланиграфии остатков на дне обширной деревянной гробницы нами были получены яркие и неопровержимые доказательства присутствия здесь объемного антропоморфного изображения – «куклы» (Виноградов, 1984, с. 151).

Автор этих строк специально консультировался по этому поводу у М.П. Грязнова в ЛО ИА АН СССР в Ленинграде. После моего иностранного доклада об особенностях упомянутого погребения в могильнике Кулевчи VI и его обсуждения было получено полное одобрение М.П. Грязновым высказанного мной

предположения о наличии в обсуждаемом погребении объемной «куклы».

Таким образом, в руках у археологов именно с 1980 года появился своеобразный «ключ» для частичного решения проблемы «кукол» в погребениях с кремациями позднего бронзового века. Однако, как это иногда бывает, этот «ключ» не был либо замечен, либо оценен коллегами.

Десять лет спустя Т.С. Малютина также указала на возможное наличие «кукол» в целом ряде погребений с кремациями в могильниках Южного Зауралья и Северного Казахстана, правда, без упоминания М.П. Грязнова как автора идеи и тем более без отсылки к материалам яркого погребения 2 кургана 3 могильника Кулевчи VI как ключа к ее разрешению: «Иногда расположение кальцинированных костей, органического тлена и украшений напоминали аналогичные положения останков при трупоположении (мог. Боровое, Графские Развалины, Черняки П). Возможно, пепел заключался в какую-то емкость – «куклу» (Малютина, 1994, с. 12) (рис. 1). В 2003 году сходные мысли по итогам изучения погребения 51 могильника Рублево VIII в Западной Сибири были высказаны Ю.Ф. Кирюшиным, Д.В. Папиным, О.А. Поздняковой, А.Б. Шамшиным (Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2003, с. 65, 68) (рис. 1). Отдельным сюжетом эта тема проходит в работах С.В. Сотниковой (Сотникова, 2015, с. 116–124).

Но считаю необходимым подчеркнуть, документированное подтверждение идея нашла впервые именно при изучении могильника Кулевчи VI. По яркости и однозначности свидетельств использования антропоморфных объемных изображений в погребальной обрядности позднего

бронзового века степным населением Южного Урала и Казахстана двойному погребению в яме 2 кургана 3 могильника Кулевчи VI равных нет, как, впрочем, и по богатству и разнообразию погребального инвентаря.

Обсуждение проблемы. Автора, как и М.П. Грязнова, давно интриговали и сами остатки кремированных тел, погребенных в могильниках позднего бронзового века Южного Зауралья и особенности оформления внутримогильных конструкций. Вопросы несколько.

Первый вопрос: зачем для захоронения относительно небольшого количества мелких обломков кальцинированных костей, двух сосудов и части туши животного нужно было сооружать деревянную гробницу, по размерам явно рассчитанную на захоронение не небольшого объема кальцинированного праха, а тела по обряду ингумации. Ответ может быть следующим. И в могильнике Тау-тары в Южном Казахстане, и в могильнике Кулевчи VI в Южном Зауралье присутствуют не только федоровские, но и алакульские культурные маркеры. Возможно, погребения с кремациями отражают алакульско-федоровские взаимодействия. Группы федоровского населения, мигрировавшие из степей Центрального Казахстана на Южный Урал, оказались здесь в контексте родственной местной алакульской культуры и перед необходимостью интеграции в условиях невозможности культурного обособления. Я убежден в отсутствии в Южном Зауралье отдельной «федоровской культуры». Здесь неизвестны собственно федоровские поселения (Стефанов, Корочкова, 2006, с. 125), но керамический комплекс собственно алакульских поселенческих памятников стабиль-

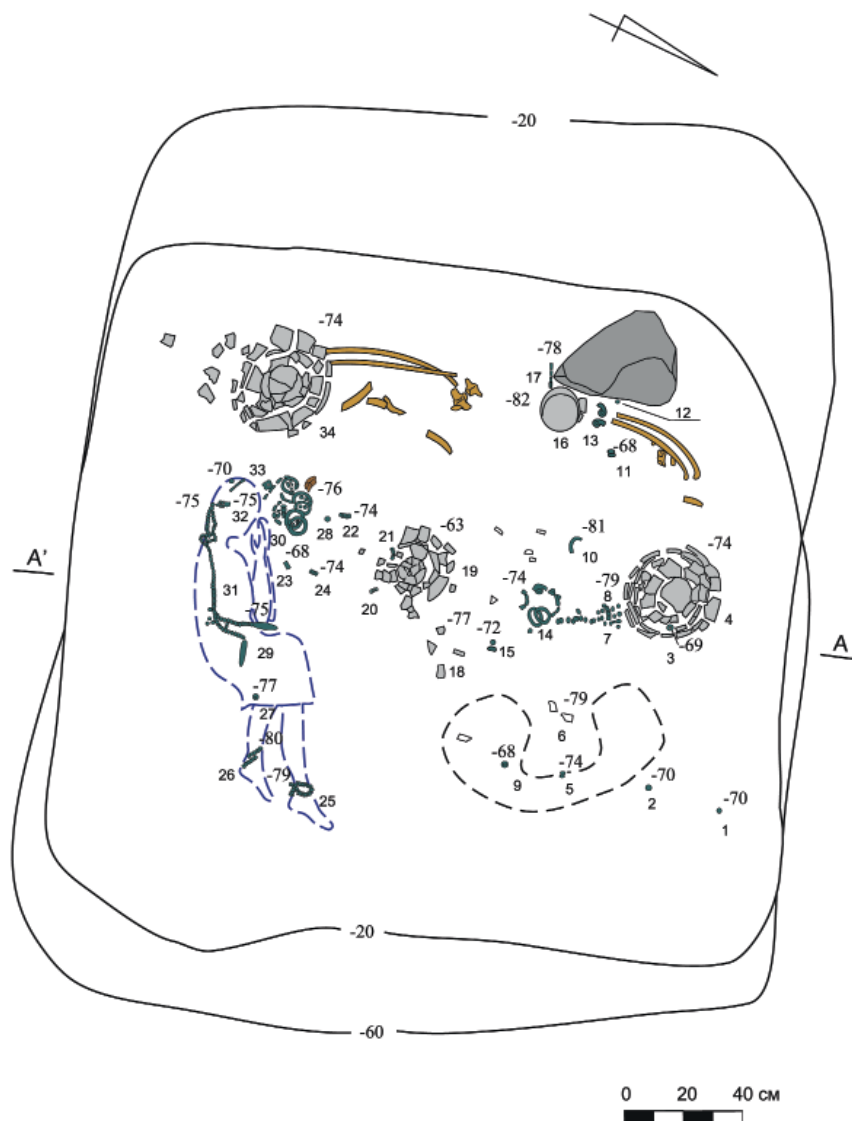

Рис. 2. Могильник Кулевчи VI курган 3. Яма 2.
«Кукла» в контексте предметов погребального инвентаря.

Fig. 2. Kulevchi-VI burial mound. The "doll" in context of funeral items.

но включает и некоторое количество федоровской керамики. Местные федоровские погребальные памятники также отличаются черты явного взаимодействия с алакульским контекстом. Степень интеграции отдельных групп мигрантов в алакульский «мир» могла быть самой различной (Малютина, 1984, с. 70–73) и не регламентирована

строго. Федоровская погребальная обрядность в Южном Зауралье в различной степени демонстрирует алакульскую составляющую: от размеров погребальной камеры (Малютина, 1994, с. 12) до федоровско-алакульского облика керамики и безусловно алакульских типов украшений в обсуждаемом погребении

(Виноградов, 1984). Что касается микропланиграфии женских украшений здесь, то этот рассматриваемый случай уникален, поскольку именно он сделал аргументированной и доказанной гипотезу об объемных «куклах» в погребениях с кремациями.

И в этой части важен ответ на *второй вопрос*. Исследователи уже обращали внимание на выраженное отсутствие в федоровском погребальном обряде в Южном Зауралье биригуальности, присущей погребальной обрядности федоровского населения в Центральном Казахстане (Малютина, 1994, с. 12). Все известные федоровские погребения содержат остатки кремации. Но вот что интригует. Современные эксперименты с кремацией показали, что после ее завершения кости остаются относительно сохранными, слегка уменьшаясь в размерах (Малинова, Малина, 1989, с. 207–208). Стало быть, в погребениях с кремациями должны находиться кальцинированные кости. Но археологи устойчиво фиксируют в южноуральских погребениях с кремациями лишь *различного размера достаточно мелкие обломки кальцинированных костей*. Их уверенно можно рассматривать как *результат преднамеренного измельчения частей костяка кремированной персоны*. Для чего? Обломки кальцинированных костей полностью или частично собирались в некую компактную емкость. Именно требование *компактности объема* было одной из причин измельчения остатков сожжения тел умерших. Помещенные в компактную по объему емкость они вполне могли быть вписаны в различные варианты погребальных процедур. Разнообразные способы обращения с кремированными останками на этой стадии вполне развернуто опи-

саны в статье С.В. Сотниковой (Сотникова, 2007, с. 168–169). В нашем случае безусловно наличие объемной антропоморфной «куклы», выполненной *в рост погребенной персоны*. На это указывает микропланиграфическое расположение украшений: две кожаные (?) ленты накосника, унизированные бронзовыми обоями, с бронзовыми листовидными привесками на концах ориентированы по линии ЮЗ–СВ, причем, конец накосника, где он обычно крепился к головному убору в затылочной части, находится в ЮЗ части. Одна из (кожаных?) лент накосного украшения явно и намеренно разрезана, поскольку на ее частях непо потревоженными сохранились бронзовые обоймы. Ориентировка накосного украшения относительно сосудов и, главное, относительно «коробочки» с украшениями говорит о том, что его положение было связано с неким объемным объектом, который был ориентирован «головой» на ЮЗ и через объем которого это украшение было перекинута. Именно поэтому привески накосника *in situ* лежали *оборотной стороной вверх*. Окончательно в том, что первоначально в погребение помещалось объемное антропоморфное изображение, меня убедило наличие в том месте пола погребальной камеры, где при ингумации находились бы ноги погребенной, двух низок бронзовых бусин, первоначально свернутых в кольцо. Подобные украшения верха обуви обычны для алакульских женских погребений, в том числе и в описываемом могильнике. На публикуемом рисунке (рис. 2) (автор признателен за его создание к.и.н. Н.А. Берсеновой и сотруднице Государственного исторического музея Южного Урала С.В. Докучаевой) силуэт «куклы» наложен на

микропланиграфию женских украшений и прочих предметов погребально-го инвентаря. Измельченные кальцинированные кости были расположены вытянутым пятном в пределах «силуэта» «куклы».

Таким образом микропланиграфия остатков погребения на полу погребальной камеры ямы 2 кургана 3 могильника Кулевчи VI впервые предоставила в распоряжение исследователей свидетельства того, что сценарий погребения здесь предполагал захоронение объемного воспроизведения тела умершей молодой женщины в положении скорченно, на левом боку. Эта поза традиционна для индивидуальных погребений алакульской культуры Южного Зауралья.

В качестве вывода: вряд ли прослеженный в яме 2 кургана 3 могильника Кулевчи VI вариант погребального обряда нужно искать во всех федоровских погребениях с кремацией, особенно при отсутствии института, регламентирующего единообразие погребальной церемонии. Погребения с кремациями отражают, по моему мнению, процесс интеграции групп федоровских мигрантов в алакульские общины Южного Зауралья, а точнее, одну из сторон алакульско-федоровских взаимодействий на уровне семейно-брачных отношений и желание сохранения культурных традиций в условиях невозможности этнического обособления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грязнов М.П.* Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. № 122 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1970. С. 35–38.
2. *Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б.* Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 2003. С. 62–85.
3. *Малинова Р., Малина Я.* Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. М.: Изд-во «Прогресс», 1989. 268 с.
4. *Малютина Т.С.* Могильник Приплотный Лог I // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Межвузовский сборник / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: ЧГУ, 1984. С. 58–79.
5. *Малютина Т.С.* Федоровская культура Урало-Казахстанских степей. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1994. 27 с.
6. *Сотникова С.В.* К вопросу об андроновском обряде кремации (реконструкция ритуала и представлений) // XVII Уральское археологическое совещание / Отв. ред. В.Т. Ковалева, А.Я. Труфанов. Шаманаев. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 168–169.
7. *Стефанов В.И., Корочкова О.Н.* Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2006. 160 с.
8. *Хабарова (Сотникова) С.В.* Использование огня в погребальном ритуале андроновского населения // Тобольский исторический сборник. Вып. I. Ч. I. / Отв. ред. Е.П. Мартынова. Тобольск: ТГПИ, 1994. С. 92–102.

Информация об авторе:

Виноградов Николай Борисович, доктор исторических наук, доцент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск, Россия); vinogradov_n@mail.ru

ANTHROPOMORPHIC “DOLLS” IN THE FUNERAL RITES OF KULEVCHI VI BURIAL GROUND

N. B. Vinogradov

The paper analyzes to the concept of the presence of voluminous anthropomorphic “doll” images in the funerary rites of the Fedorovo sites of the late Bronze Age in the South Trans-Urals. The concept was originally proposed by M.P. Gryaznov about half a century ago. In 1980, during the study of Kulevchi VI late Bronze Age burial ground, convincing evidence was obtained that M.P. Gryaznov was correct. An analysis of the microplanography of the remains discovered on the floor of the burial chamber in the pit 2 of mound 3 at Kulevchi VI burial ground provided the first evidence. In this case the burial scenario implied the burial of a volumetric reproduction of the body of a deceased young woman in a crouching position, lying on the left side, which is traditional for individual burials of the Alakul culture of the South Trans-Urals. Thus, since 1980 archaeologists have had a “key” for partial solution of the “doll” problem in burials with cremations of the late Bronze Age. However, as it is sometimes, the “key” either remained unnoticed, or was not highly valued by the colleagues. According to the author of the paper, the Fedorovo burials with cremations reflect the process of integration of the Fedorovo migrant groups into the Alakul communities of the South Trans-Urals.

Keywords: archaeology, Southern Trans-Urals, Late Bronze Age, Fedorovo burial sites, cremation, voluminous anthropomorphic images, Alakul-Fedorovo interactions.

REFERENCES

1. Gryaznov, M. P. 1970. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* (Brief Communications of the Institute of Archaeology) 122. Moscow: “Nauka” Publ., 35–38 (in Russian).
2. Kiryushin, Yu. F., Papin, D. V., Pozdnyakova, O. A., Shamshin, A. B. 2003. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Aridnaya zona yuga Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy* (Arid Zone of the South of Western Siberia in the Bronze Age). Barnaul: Altai State University Publ., 62–85 (in Russian).
3. Malinova, R., Malina, Ya. 1988. *Pryzhok v proshloe* (Leap into the Past). Moscow: “Mysl” Publ. (in Russian).
4. Malyutina, T. S. 1984. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Bronzovyi vek Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia* (Bronze Age of the Ural-Irtysh Interfluvium). Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 58–79 (in Russian).
5. Malyutina, T. S. 1994. *Fedorovskaya kul'tura Uralo-Kazakhstanskikh stepey* (Fedorovka culture in the Urals-Kazakhstan steppes). PhD Thesis. Moscow (in Russian).
6. Sotnikova, S. V. 2007. In Kovaleva, V. T., Trufanov, A. Ya. (eds.). *XVII Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie: materialy nauchnoi konferentsii. (17th Ural Archaeological Session: Research Conference Proceedings)*. Ekaterinburg; Surgut: “Magellan” Publ., 168–169 (in Russian).
7. Stefanov, V. I., Korochkova, O. N. 2006. *Urefty I: zaural'skiy pamyatnik v andronovskom kontekste* (Urefty I: Trans-Ural Site in the Andronovo Context). Yekaterinburg: Ural State University Publ. (in Russian).
8. Khabarova (Sotnikova), S. V. 1994. In Martynova, E. P. (ed.). *Tobol'skiy istoricheskiy sbornik* (Tobolsk Historical of Papers). Ussue I. Part I. Tobolsk State Pedagogical Institute Publ, 92–102 (in Russian).

About the Author:

Vinogradov Nikolay B. Doctor of Historical Sciences. Assistant Professor, South Ural's State Humanitarian-Pedagogical University. Lenin Ave., 69, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; vinogradov_n@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

УДК 902.26 903.5

<https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.124.134>

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ В ОФОРМЛЕНИИ КУРГАННОГО ПРОСТРАНСТВА ПАМЯТНИКОВ ПЕТРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

© 2020 г. П.А. Фрикке

В статье проводится анализ признаков оформления курганного пространства памятников петровской культуры. В условиях широкого географического ареала памятники петровской культуры демонстрируют вариативность в оформлении курганного пространства. Такая особенность может быть обусловлена территориально-временными рамками, отбором наиболее подходящих способов погребения или ошибками при передаче культурной информации. Многие элементы погребального обряда обладают локальными особенностями, соответствующими тем стереотипам, которые были отобраны в ходе их эволюции. Автором учитываются такие особенности, как наличие рва и его габариты, наличие глиняной площадки, расположение могильных ям и жертвенников на подкурганном пространстве. Результаты анализа позволили разделить погребальные памятники петровской археологической культуры на две локальные зоны: западную – в долинах рек Тобол и Уй и восточную – в долине реки Ишим. Они обладают рядом отличительных особенностей, часть из которых проанализирована в данной статье. Вопросы вариативности похоронной практики не ограничиваются элементами, рассмотренными в данной работе, они остаются актуальными и нуждаются в дальнейшем исследовании.

Ключевые слова: археология, бронзовый век, погребальный обряд, петровская культура, вариативность, курганное пространство.

Погребальная обрядность является одним из важных компонентов культуры. Она представляет собой систему, состав которой характеризуется техническими и ритуальными действиями, направленными на отправление покойного в другой мир. Под техническими действиями подразумевается погребальная практика. Однако ее нельзя олицетворять только с утилизацией тела, поскольку в таком случае теряется символическая специфика. Поскольку религиозные убеждения влияют на форму обрядов и ритуалов, символическая связь между похоронными практиками и философско-религиозными смыслами не является произвольной (Harke, 1997, с. 21).

Для более строгого выделения блоков культурной информации в археологизированном погребальном обряде производится анализ элементов, каждый из которых характеризуется отдельными признаками. Формированию этой концепции в середине прошлого века способствовала научная дискуссия о методах изучения погребальных памятников в советской археологии (Генинг, Борзунов, 1975; Лебедев, 1977; Алекшин, 1981; Ольховский, 1986). В результате сложившегося подхода в составе могильных комплексов исследователями выделяются такие элементы, как способ погребения (ингумация, кремация), характер захоронения (яма, на по-

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 161810332-П «Образ жизни населения Южного Зауралья в диахронной перспективе: от оседлых форм к подвижности (по материалам бассейна р. Карагайлы-Аят)», рук. Л.Н. Корякова.

верхности), вид и тип погребального сооружения, положение умершего, состав и расположение инвентаря и жертвенных остатков (Корякова, 1988, с. 44–46; 1994).

Среди наиболее устойчивых этнокультурных признаков важную роль играет оформление курганного пространства. Сооружение насыпей курганов петровского типа подчинено идее создания площадки, которая в некоторых случаях окружалась рвом. Могильные ямы занимают либо центральную позицию, либо расположены на периферии. Такая конфигурация создает видимую иерархическую структуру с характерной кольцевой планировкой. Важным атрибутом погребальной практики являются жертвенники. В их состав входят как целые тела, так и отчлененные части туши лошади, крупного и мелкого рогатого скота. Положение жертвенников варьируется. Они могли помещаться на подкурганную площадку, в погребение или в непосредственной близости к нему. Причинами вариативности могут быть не только временные и пространственные рамки, но и ошибки при передаче культурной информации или в результате отбора наиболее уместных способов отправления умерших.

В условиях широкого географического ареала население петровской культуры не могло иметь однолинейного развития общекультурных моделей. В связи с этим многие элементы погребального обряда обладают локальными особенностями, соответствующими тем стереотипам, которые были отобраны тем или иным обществом в ходе его эволюции.

Изучение локальных особенностей в оформлении курганного пространства в погребальных памятниках пе-

тровской культуры и сравнение их между собой стали целью настоящего исследования.

Петровская культура была открыта Г.Б. Здановичем на рубеже 60–70-х годов XX века (Зданович, 1988, с. 48). В последующие десятилетия изучение археологических памятников позволило определить территорию их распространения. Ее западные границы приурочены к долинам небольших рек Тоболо-Иртышского бассейна и верхних притоков верхнего течения р. Урал. Восточные границы не выходят за территорию Северного Притобоя, а юго-восточные не выходят за пределы Петропавловского Приишмы (Виноградов, 2003, с. 12).

Памятники, обнаруженные в Сергиевском районе Северо-Казахстанской области, были исследованы Урало-казахстанской археологической экспедицией под руководством Г.Б. Здановича. Среди поселенческих памятников изучению подверглись Боголюбово I, Новоникольское I и Петровка II (Виноградов, 2003, с. 10). Могильные комплексы включали в себя такие памятники, как: Берлик II (Зданович, Виноградов, Бухонин, 1980), Кенес (Зданович, Хабдулина, 1975), Аксайман (Зданович, Иванова, Боталов, 1980; Зданович, Бухонин, Григорьев, 1982), Бектениз и Графские развалины (Хабдулина, Бухонин, 1987), Новоникольское (Бойко, Хабдулина, 1978) и Улубай (Бойко, Зданович, Янцен, 1978).

На территории Центрального Казахстана известны памятники нуртайского типа, археологический материал которых аналогичен памятникам петровской археологической культуры. Среди изученных погребальных объектов известны такие могильники,

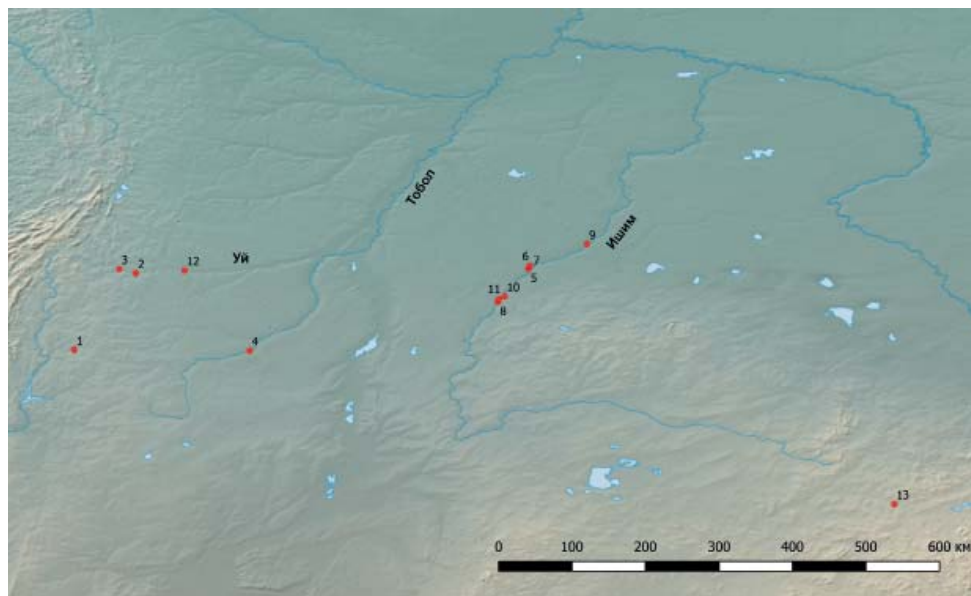

Рис. 1. Расположение могильников на территории Южного Урала и Северного Казахстана. 1 – Большекараганский; 2 – Кривое Озеро; 3 – Степное VII; 4 – Новоильиновский II; 5 – Кенес; 6 – Аксайман; 7 – Берлик II; 8 – Бектениз; 9 – Новоникольское I; 10 – Улубай; 11 – Графские Развалины; 12 – Троицк-7; 13 – Ащису.

Fig. 1. Location of burial grounds in the territory of the Southern Urals and Northern Kazakhstan. 1 – Bolshaya Karaganka; 2 – Krivoe Ozero; 3 – Stepnoe VII; 4 – Novoilinka II; 5 – Kenes; 6 – Aksaiman; 7 – Berlik II; 8 – Bektenez; 9 – Novonikolskoe I; 10 – Ulubay; 11 – Grafskie Razvalini; 12 – Troitsk-7; 13 – Aschisu.

как: Сатан (Евдокимов, 1981), Бозенген (Ткачев, 1987), Ащису (Кукушкин, 2010). Их расположение соответствует современным административным границам Карагандинской области в пределах степных районов Сары-Арки.

Присутствие населения петровской культуры на территории Среднего Притоболья доказано работами Т.М. Потемкиной (1985). Среди проанализированных ею памятников керамика петровского типа встречается на поселении Камышное II и могильниках Раскатиша и Верхняя Алабуга. В результате работы Э.Р. Усмановой курганы петровского типа были исследованы на территории Верхнего Притоболья в контексте могильника Новоильиновский II (Усманова, 2012; 2015).

В Челябинской области среди памятников петровского типа описаны поселения: Селезян I, Архангельский Прииск I, Кулевчи III, Владимировка I, Городищенское III и могильники: Кривое Озеро, Троицк-7 и Кулевчи VI (Виноградов, 2003, с. 12).

По мере накопления археологического материала одним из основных фокусов в исследовании образа жизни населения петровской культуры стало изучение погребальной обрядности. Важный вклад в разработку данной проблематики внесли Г.Б. Зданович (1983), А.В. Епимахов (2005), Е.В. Куприянова (Куприянова, Зданович, 2015), Н.Б. Виноградов (2003). Благодаря их работам была определена структура обрядности, предусматривающая наличие достаточно

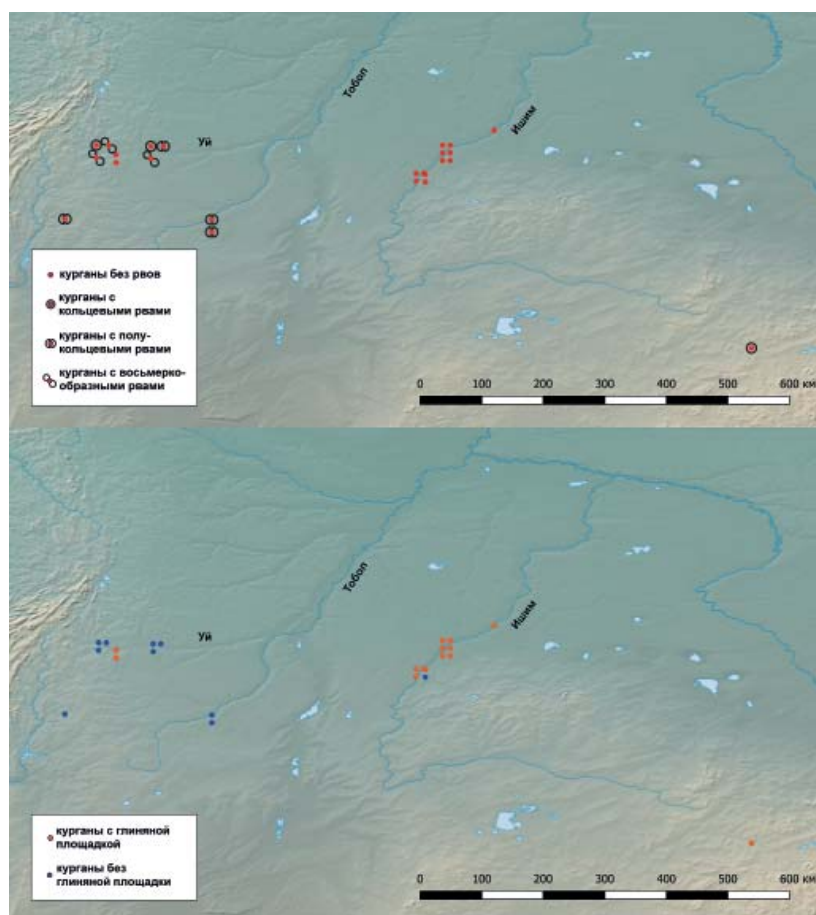

Рис. 2. Группировка элементов обряда.

Fig. 2. Grouping rite elements.

устойчивого комплекса отдельных элементов, связанных между собой и имеющих повсеместное распространение.

Для анализа элементов обрядности сформирована база данных. В ней зарегистрировано 13 могильников (рис. 1) и 24 кургана петровского типа. База включает в себя 5 материнских таблиц, каждая из которых содержит информацию о признаках одного из элементов обряда (организации курганной площадки, структуре могильной ямы, жертвенниках, положении умерших и инвентаре). Оформление курганного пространства включает в

себя такие признаки, как: ров и его габариты, наличие глиняной площадки, расположение могильных ям и жертвенников на подкурганном пространстве (табл. 1).

Группировка первых двух элементов (ров и глиняная площадка) имеет определенные закономерности. Из 24 курганов, вошедших в выборку, только 10 имели рвы. Курганы с рвами расположены вдоль притоков рек Тобол и Уй. Курганы без рвов в основном сконцентрированы в долинах реки Ишим. Глиняная площадка встречается на 14 памятниках, 11 из которых не включают ров как часть

Таблица 1

Общая характеристика памятников

№	Могильник	Местонахождение	№ кургана	Ров	Глиняная площадка	Кол-во погребений
1	Аксаيمان	Северный Казахстан	2	отсутствует	Есть	1
2	Аксаيمان	Северный Казахстан	10	отсутствует	Есть	1
3	Ащису	Центральный Казахстан	3	кольцевой	Есть	1
4	Бектегиз	Северный Казахстан	4	отсутствует	Есть	4
5	Берлик II	Северный Казахстан	1	отсутствует	Есть	2
6	Берлик II	Северный Казахстан	2	отсутствует	Есть	6
7	Берлик II	Северный Казахстан	10	отсутствует	Есть	1
8	Большекараганский	Южное Зауралье	22	полукольцевой	Нет	1
9	Графские Развалины	Северный Казахстан	14	отсутствует	Есть	3
10	Графские Развалины	Северный Казахстан	15	отсутствует	Есть	1
11	Кенес	Северный Казахстан	2	отсутствует	Есть	4
12	Кривое Озеро	Южное Зауралье	1	отсутствует	Есть	8
13	Кривое Озеро	Южное Зауралье	2	отсутствует	Есть	8
14	Новоильиновский II	Северный Казахстан	4	полукольцевой	Нет	2
15	Новоильиновский II	Северный Казахстан	5	полукольцевой	Нет	2
16	Новоникольское	Северный Казахстан	1	отсутствует	Нет	1
17	Степное VII	Южное Зауралье	3	кольцевой	Нет	4
18	Степное VII	Южное Зауралье	6	восьмеркообразный	Нет	4
19	Степное VII	Южное Зауралье	7	восьмеркообразный	Нет	9
20	Троицк 7	Южное Зауралье	6	кольцевой	Нет	1
21	Троицк 7	Южное Зауралье	7	полукольцевой	Нет	6
22	Троицк 7	Южное Зауралье	8	восьмеркообразный	Нет	1
23	Улубай	Северный Казахстан	1	отсутствует	Есть	1
24	Улубай	Северный Казахстан	2	отсутствует	Нет	12

архитектурной конструкции. Таким образом, распределение элементов позволяет допустить существование двух локальных зон – западной и восточной (рис. 2).

Практически все курганы западной группы окружены рвами. Вне зависимости от диаметра внешнего круга ширина не превышает двух метров, а глубина 70 см. Рвы можно

разделить на три типа: кольцевой, полукольцевой и восьмеркообразный (Куприянова, Зданович, 2015) (рис. 3). Интересно отметить, что последний тип (в контексте данной выборки) характерен для курганов могильников Степное VII и Троицк-7, что сближает их между собой. Многие рвы имеют проходы с западной и восточной сторон.

Таблица 2

Жертвенники на глиняной площадке

№	Могильник	Местонахождения	№ кургана	Вид животного
1	Ащису	Центральный Казахстан	3	Лошадь
2	Берлик II	Северный Казахстан	1	Лошадь
3	Берлик II	Северный Казахстан	2	Лошадь
4	Берлик II	Северный Казахстан	10	Лошадь
5	Графские Развалины	Северный Казахстан	14	Лошадь
6	Графские Развалины	Северный Казахстан	15	Лошадь
7	Кривое Озеро	Южное Зауралье	1	лошадь, МРС и КРС
8	Кривое Озеро	Южное Зауралье	2	лошадь, МРС и КРС
9	Новоникольское I	Северный Казахстан	1	Лошадь
10	Улубай	Северный Казахстан	1	Лошадь

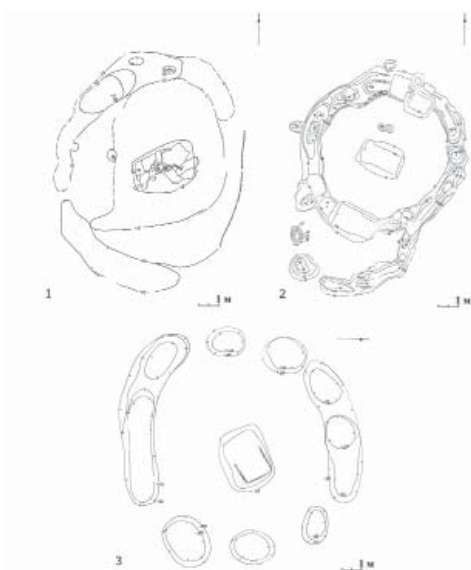

Рис. 3. Типы рвов. 1 – кольцевой, Степное VII, курган 3 (по Е.В. Куприяновой и Д.Г. Здановичу, 2015); 2 – восьмеркообразный, Степное VII, курган 7 (по Е.В. Куприяновой и Д.Г. Здановичу, 2015); 3 – полукольцевой, Новоильновский II, курган 4 (по Э.Р. Усмановой, 2012).

Fig. 3. Types of ditches. 1 – ring type, Stepnoe VII, kurgan 3 (according to E.V. Kupriyanova and D.G. Zdanovich, 2015); 2 – eight-shaped, Stepnoe VII, kurgan 7 (according to E.V. Kupriyanova and D.G. Zdanovich, 2015); 3 – semi-circular, Novoil'novka II, kurgan 4 (according to E.R. Usmanova, 2012).

Глиняная площадка зафиксирована в 13 курганах из 24 описанных. Из них 11 относятся к курганам восточной группы (без рвов). Она приурочена к центральному захоронению и, возможно, сооружалась с целью подчеркнуть высокий социальный статус погребенного (рис. 4). На идею противопоставления центра и периферии указывает не только факт размещения могил вокруг центрального погребения, но и то, что они расположены за пределами глиняного кольца. Таким образом, отсутствие рва и наличие глиняной площадки может

считаться характерной особенностью погребальных памятников восточной группы. Подобное сочетание элементов наблюдается на двух курганах западной группы (могильник Кривое Озеро). Данный фактор сближает их с памятниками восточной зоны.

В 10 случаях из 13 на глиняной площадке устанавливались жертвенники (рис. 5) (табл. 2). Они были приурочены к центральному погребению и, как правило, залегали с ним на одном уровне, реже помещались в яму рядом.

В составе жертвенников на глиняной площадке находились целые скелеты лошадей. Они фиксировались на одном уровне с центральным захоронением, располагаясь вдоль стенок ямы. Единственная группа курганов, в которых видовой состав жертвенных животных проявлял вариативность, находится в могильнике Кривое Озеро, расположенном в западной зоне. Жертвенники в них представлены не костяками животных, а отдельными частями туши, такими как голова и

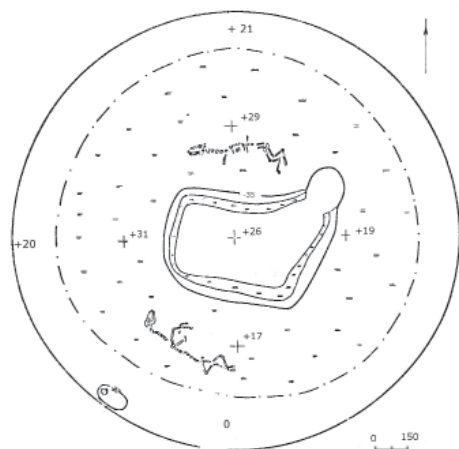

Рис. 4. Пример сооружения глиняной площадки. Берлик II курган 1 (по Г.Б. Здановичу, 1980).

Fig. 4. Example of a clay platform. Berlik II, kurgan 1 (according to G. Zdanovich, 1980).

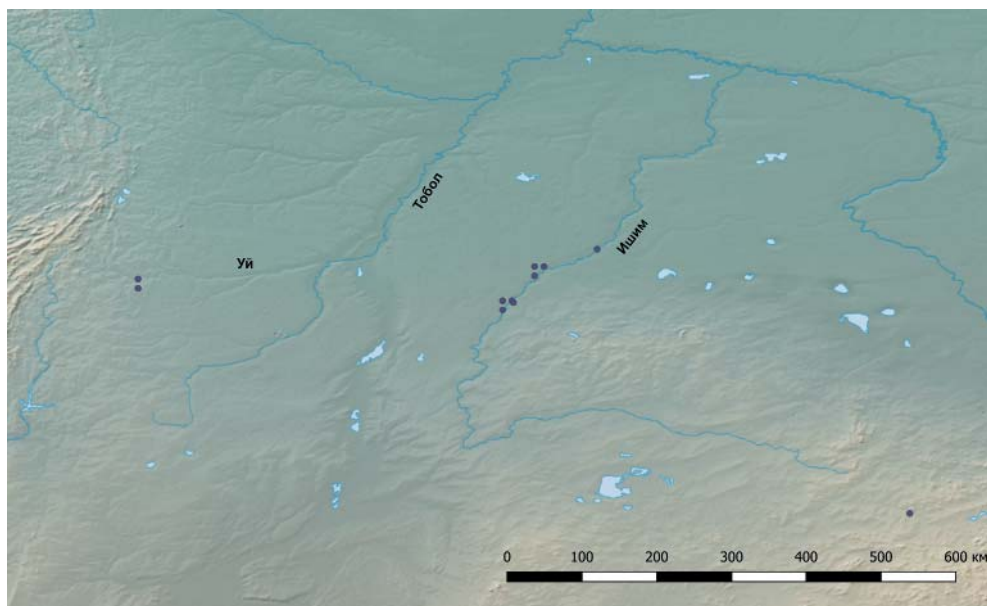

Рис. 5. Расположение курганов с жертвенниками на глиняной площадке.

Fig. 5. The location of the mounds with altars on the clay platform.

конечности. Такой анатомический набор наиболее характерен для погребального обряда синташтинской культуры, близкой к петровской по своей культурной основе.

Таким образом, по анализируемым признакам погребальные памятники петровского типа можно разделить на две локальные группы: западную – в долинах рек Тобол и Уй, и восточную – в долине реки Ишим. Они обладают отличительными особенностями в оформлении курганного пространства. Для западной группы памятников характерно наличие рва, в то вре-

мя как одной из ярких особенностей восточной группы является его отсутствие. Кроме того, курганы восточной зоны отличаются от западной сочетанием набора действий, связанных с сооружением глиняной площадки и организацией на них жертвенников, приуроченных к центральным захоронениям.

Погребальные практики не ограничиваются элементами, рассмотренными в данной работе. Вопросы вариативности обрядов остаются актуальными и нуждаются в дальнейшем исследовании.

Благодарности:

Автор благодарна за предоставление архивных материалов Г.Б. Здановичу, Д.Г. Здановичу и Э.Р. Усмановой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексин В.А. Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. № 167 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1981. С. 3–9.
2. Бойко Т.А., Зданович Г.Б., Янцен И.В. Отчет Северо-Казахстанской археологической экспедиции об исследовании могильника эпохи бронзы в урочище Улубай в полевой сезон 1977 г. / Архив заповедника «Аркаим». № 22.4. Челябинск, 1978.

3. Бойко Т.А., Хабдулина М.К. Отчет Северо-Казахстанской археологической экспедиции об исследовании могильника у села Новоникольское в полевой сезон 1977 г. / Архив заповедника «Аркаим». № 22.3. Челябинск, 1978.
4. Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 360 с.
5. Генинг В.Ф., Борзунов В.А. Методика статистической обработки, характеристики и сравнительного анализа погребального обряда // ВАН. Вып. 13 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1975. С. 42–72.
6. Евдокимов В.В. Работы Карагандинского отряда // Археологические открытия 1980 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 434.
7. Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. 170 с.
8. Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: БашГУ, 1983. С. 48–68.
9. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 184 с.
10. Зданович Г.Б., Бухонин А.А., Григорьев С.А. Отчет Урало-Казахстанской археологической экспедиции об исследовании могильников Аксайман и Берлик II в Северо-Казахстанской области в полевой сезон 1981 г. / Архив заповедника «Аркаим». № 43.3. Челябинск, 1982.
11. Зданович Г.Б., Виноградов Н.Б., Бухонин А.А. Отчет Урало-Казахстанской археологической экспедиции об исследовании могильника Берлик II в Северо-Казахстанской области в полевой сезон 1979 г. / Архив заповедника «Аркаим». № 29.2. Челябинск, 1980.
12. Зданович Г.Б., Иванова Н.О., Боталов С.Г. Отчет Урало-Казахстанской археологической экспедиции об исследовании могильника Аксайман в Северо-Казахстанской области в полевой сезон 1980 г. / Архив заповедника «Аркаим». № 38.1. Челябинск, 1980.
13. Зданович Г.Б., Хабдулина М.К. Отчет Северо-Казахстанской археологической экспедиции об исследовании могильника Кенес в полевой сезон 1974 г. / Архив заповедника «Аркаим». № 14.2. Челябинск, 1975.
14. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. 241 с.
15. Корякова Л.Н. Урало-Иртышская лесостепь // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний / Под общ. ред. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1994. С. 113–169.
16. Кукушкин И.А. Новые исследования на могильнике Ащису // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (12). Тюмень, 2010. С. 71–75.
17. Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.
18. Лебедев Г.С. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции // КСИА. Вып. 148 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1977. С. 23–34.
19. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. 1986. № 1. С. 55–76.
20. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 374 с.
21. Ткачев А.А. Периодизация и хронология алакульских памятников Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана / Отв. ред. В.В. Евдокимов. Караганда: Караганд. ун-т, 1987. С. 25–35.
22. Усманова Э.Р., Суслов А.С. Отчет Казахстанской археологической экспедиции об исследовании памятников Верхнего Притоболья в Костанайской области в полевой

сезон 2012 г. / Архив Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья. Лисаковск, 2012.

23. Усманова Э.Р., Суслов А.С. Отчет Казахстанской археологической экспедиции об исследовании памятников Верхнего Притоболья в Костанайской области в полевой сезон 2015 г. / Архив Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья. Лисаковск, 2015.

24. Хабдулина М.К., Бухонин А.А. Отчет Урало-Казахстанской археологической экспедиции об исследовании могильника Графские развалины и Бектениз в полевой сезон 1982–1983 г. / Архив заповедника «Аркаим». № 55.2. Челябинск, 1987.

25. Heinrich Härke. The Nature of Burial Data // *Burial & Society: The Chronological and Social Analysis of Archaeological Burial Data*. 1997. P. 19–27.

Информация об авторе:

Фрикке Полина Алексеевна, аспирант, научный сотрудник. Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); p.a.sniky@yandex.ru

LOCAL FEATURES IN THE DECORATION OF THE MOUND SPACE OF THE BURIAL MONUMENTS OF PETROVKA CULTURE

P.A. Fricke

The paper analyzes the attributes of the decoration of the barrow space in the monuments of the Petrovka culture. In the context of the wide geographical area, the monuments of the Petrovka culture demonstrate variability in terms of the barrow space decoration. This feature can be accounted for by the territorial and temporal framework, selection of the most suitable burial techniques, or errors in the transfer of cultural information. Many elements of the funeral rite have local features corresponding to those stereotypes which were selected during their evolution. The author considers such features as the presence of a moat and its dimensions, the presence of a clay platform, and the location of grave pits and altars in the barrow space. The analysis results have allowed to subdivide the funerary monuments of Petrovk archaeological culture into the following two local areas: western – in the valleys of the Tobol and Uy rivers, and eastern – in the valley of the Ishim river. They have a number of distinctive features, some of which are analyzed in the papers. The issues of variability of funeral practices are not limited to the elements discussed in this paper, and they remain relevant and require further research.

Keywords: archaeology, Bronze Age, funeral rite, Petrovka culture, variability, barrow space.

REFERENCES

1. Alekshin, V. A. 1981. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 167. Moscow: "Nauka" Publ., 3–9 (in Russian).
2. Boyko, T. A., Zdanovich, G. B., Yantsen, I. V. 1978. In *Otchet Severo-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii ob issledovanii mogil'nika epokhi bronzy v urochishhe Ulubay v polevoy sezon 1977 g. (Report of the North Kazakhstan archaeological expedition to study the burial ground of the Bronze Age in the plot of Ulubay in the field season of 1977)*. Chelyabinsk. Archive of the nature reserve "Arkaim". No. 22.4. (in Russian).
3. Boyko, T. A., Khabdulina, M. K. 1978. *Otchet Severo-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii ob issledovanii mogil'nika u sela Novonikol'skoe v polevoy sezon 1977 g. (Report of the North Kazakhstan archaeological expedition on the study of the burial ground near the village of Novonikolskoye in the field season of 1977)*. Chelyabinsk. Archive of the nature reserve "Arkaim". No. 22.3. (in Russian).

The study was carried out with the financial support of the RSF grant No. 161810332-P "Lifestyle of the Population of the Southern Trans-Urals in Diachronic Perspective: from Settled Forms to Mobility (based on Materials from the Karagayly-Ayat River Basin)", supervisor L. N. Koryakova.

4. Vinogradov, N. B. 2003. *Mogil'nik bronzovogo veka Krivoe Ozero v Yuzhnom Zaural'e (Krivoe Ozero Bronze Age Burial Ground in the South Transurals)*. Chelyabinsk: "South Ural book publishing House" Publ. (in Russian)
5. Gening, V. F., Borzunov, V. A. 1975 In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology)* 13. Sverdlovsk: Ural State University, 42–72 (in Russian).
6. Evdokimov, V. V. 1981. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya 1980 goda (Archaeological Discoveries 1980)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
7. Epimakhov, A. V. 2002. *Iuzhnoe Zaural'e v epokhu srednei bronzy (Southern Trans-Urals in the Middle Bronze Age)*. Cheliabinsk: South Ural State University (in Russian).
8. Zdanovich, G. B. 1983. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Bronzoviy vek stepnoy polosy Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya (The Bronze Age in the Steppe Zone of the Ural-Irtysh Interfluve)*. Chelyabinsk: Bashkir State University, 48–68 (in Russian).
9. Zdanovich, G. B. 1988. *Bronzovyi vek Uralo-Kazakhstanskikh stepei (osnovy periodizatsii) (The Bronze Age of the Ural/Kazakhstan Steppes (Periodization Framework))*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
10. Zdanovich, G. B., Bukhonin, A. A., Grigor'ev, S. A. 1982. *Otchet Uralo-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii ob issledovanii mogil'nikov Aksayman i Berlik II v Severo-Kazakhstanskoy oblasti v polevoy sezon 1981 g. (Report of Ural-Kazakhstan archaeological expedition on the study of burial Aksaiman and Berlik II in North Kazakhstan Region in the field season of 1981)*. Chelyabinsk. Archive of the nature reserve "Arkaim". No. 43.3. (in Russian).
11. Zdanovich, G. B., Vinogradov, N. B., Bukhonin, A. A. 1980. *Otchet Uralo-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii ob issledovanii mogil'nika Berlik II v Severo-Kazakhstanskoy oblasti v polevoy sezon 1979 g. (The Report of the Ural-Kazakhstan archaeological expedition of the Berlik II burial ground in the North Kazakhstan Region in the field season 1979)*. Chelyabinsk. Archive of the nature reserve "Arkaim". No. 29.2. (in Russian).
12. Zdanovich, G. B., Ivanova, N. O., Botalov, S. G. 1980. *Otchet Uralo-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii ob issledovanii mogil'nika Aksayman v Severo-Kazakhstanskoy oblasti v polevoy sezon 1980 g. (Report of Ural-Kazakhstan archaeological expedition on the study of burial Aksaiman in North Kazakhstan Region in the field season 1980)*. Chelyabinsk. Archive of the nature reserve "Arkaim". No. 38.1. (in Russian).
13. Zdanovich, G. B., Khabdulina, M. K. 1975. *Otchet Severo-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii ob issledovanii mogil'nika Kenes v polevoy sezon 1974 g. (Report of the North Kazakhstan archaeological expedition on the study of the Kenes Burial Ground in the field season 1974)*. Chelyabinsk. Archive of the nature reserve "Arkaim". No. 14.2. (in Russian).
14. Koriakova, L. N. 1988. *Ranniy zhelezniy vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura) (The Early Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia (Sargatka Culture))*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
15. Koryakova, L. N. 1994. In Lukina, N. V. (ed.). *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. Mir real'nyy i potustoronniy (Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia. The world is real and otherworldly)* 2. Tomsk: Tomsk State University Publ., 113–169 (in Russian).
16. Kukushkin, I. A. 2010. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Archeologii, Antropologii i Etnografii)* 12 (1), 71–75 (in Russian).
17. Kupriianova, E. V., Zdanovich, D. G. 2015. *Drevnosti lesostepnogo Zaural'ia: mogil'nik Stepnoe VII (Antiquities of the Forest-Steppe Trans-Urals: Stepnoye VII Burial Ground)*. Chelyabinsk: "Entsiklopediia" Publ. (in Russian).
18. Lebedev, G. S. 1977. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 148. Moscow: "Nauka" Publ., 23–34 (in Russian).
19. Ol'khovskiy, V. S. 1986. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 55–76 (in Russian).
20. Potemkina, T. M. 1985. *Bronzovyi vek lesostepnogo Pritobol'ia (Bronze Age of the Forest-Steppe Tobol Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

21. Tkachev, A. A. 1987. In Evdokimov, V. V. (ed.). *Voprosy periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Tsentral'nogo i Severnogo Kazakhstana (Issues of periodization archaeological sites in Central and Northern Kazakhstan)*. Karaganda: Karaganda State University Publ., 25–35 (in Russian).
22. Usmanova, E. R., Suslov, A. S. 2012. *Otchet Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii ob issledovanii pamyatnikov Verkhnego Pritobol'ya v Kostanayskoy oblasti v polevoy sezon 2012 g. (Report of the Kazakhstan archaeological expedition on the study of the monuments of the upper Tobol in the Kostanay Region in the field season 2012)*. Lisakovsk. Archive of the Lisakovsky Museum of history and culture of the upper Tobol (in Russian).
23. Usmanova, E. R., Suslov, A. S. 2015. *Otchet Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii ob issledovanii pamyatnikov Verkhnego Pritobol'ya v Kostanayskoy oblasti v polevoy sezon 2015 g. (Report of the Kazakhstan archaeological expedition on the study of the monuments of the upper Tobol in the Kostanay Region in the field season 2015)*. Lisakovsk. Archive of the Lisakovsky Museum of history and culture of the upper Tobol (in Russian).
24. Khabdulina, M. K., Bukhonin, A. A. 1987. *Otchet Uralo-Kazakhstanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii ob issledovanii mogil'nika Grafskie razvaliny i Bekteniz v polevoy sezon 1982–1983 g. (Report of Ural-Kazakhstan archaeological expedition on the study of the burial ground Grafskie Razvaliny and Bekteniz in the field season 1982–1983)*. Chelyabinsk. Archive of the nature reserve "Arkaim". No. 55.2. (in Russian).
25. Heinrich, Härke. 1997. In *Burial & Society: The Chronological and Social Analysis of Archaeological Burial Data*. 19–27.

About the Author:

Fricke Polina A. Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences. S. Kovalevskoy, Str., 16, Yekaterinburg, 620990, Russian Federation; p.a.sniky@yandex.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ И СНАРЯЖЕНИЕ КОНЯ ИЗ НЕКРОПОЛЯ КАРАКАБА

© 2020 г. А.Е. Чотбаев

В статье анализируются предметы вооружения и конского снаряжения, происходящие из курганов раннесредневекового могильника Каракаба, расположенного на территории Восточного Казахстана. Могильник, представленный погребально-поминальными памятниками ранних кочевников и раннего средневековья, находится на высокогорном плато, в узкой долине, окруженной горами и высокогорными реками. Долина расположена в верхнем течении реки Каракаба. Погребения раннего железного века исследованного некрополя были потревожены еще в древности. Погребения раннего средневековья оказались не тронуты, в них впервые найдены сохранившиеся органические материалы. В четырех курганах раннетюркского времени изучены погребения с полным вооружением а также с сопутствующим захоронением лошадей и конской уздай. Комплекс вооружения включает сабли, лук, колчан со стрелами, копье. Защитное снаряжение погребенных представлено портупейными ремнями и в одном случае железным шлемом с остатками бармицы. Автором впервые в научный оборот вводятся материалы из нетронутых погребений, которые требуют дальнейшего анализа и всестороннего осмысления.

Ключевые слова: археология, Восточный Казахстан, раннее средневековье, ранние тюрки, военное дело, вооружение, конское снаряжение, курган, памятник.

Могильник Каракаба находится на административной территории Катон-Карагайского района Восточно-Казахстанской области (рис. 1).

Координаты: *N 49° 05' 18,4''*; *E 086° 06' 44,0''*.

В долине р. Каракаба, на высоте 1750 м от уровня моря, зафиксированы несколько курганных групп, которые расположены в основном ближе к горным склонам. На сегодняшний день зафиксировано и задокументировано 5 групп, состоящих в основном из погребальных памятников ранних тюрков, тяготеющих к курганам раннего железного века.

Стационарные полевые исследования на некрополе начаты в 2012 году, но памятник был известен еще с 2000 годов. В 2006 году проводились предварительные рекогносцировочные работы с участием специалистов из

Гентского университета (Бельгия), в результате выяснилось, что курганы раннего железного века расположились по оси север-юг с небольшими отклонениями, а памятники тюркского времени тяготеют к ним с восточной и западной сторон (Bourgeois, Jean, De Wulf, Alain, Goossens, Rudi and Gheyle, Wouter, 2007, с. 458–474; Самашев, Буржуа, Джумабекова, Воутер, Базарбаева, Чотбаев, 2007, с. 155–156; Самашев, Северский, Курашкин, Чотбаев, 2007, с. 203–207; Самашев, Уварова, Джумабекова, Базарбаева, Чотбаев, 2007, с. 207–210). Большинство памятников визуаль-но не выявлены, что обусловлено сильной задернованностью, уплотненностью насыпей, а также процессами антропогенного характера. В среднем диаметр курганов – 10 м (тюркские), наиболее крупные дости-

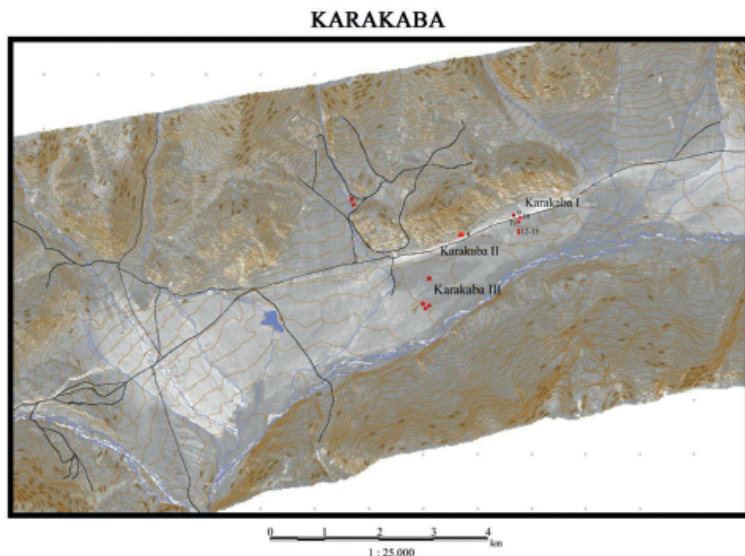

Рис. 1. План расположения памятников в долине реки Каракаба.

Fig. 1. Layout plan of the sites in the Karakaba river valley.

гают размеров около 17–18 м (РЖВ), единичные – чуть больше.

Исследования проводились с 2012 по 2015 год, за данный отрезок времени были исследованы более 20 погребально-поминальных структур, 8 из которых по полученным материалам предварительно датированы второй половиной раннего железного века, остальные относятся к тюркскому времени (Самашев и др., 2013, 163–167). Данный некрополь уникален тем, что все погребения тюркского времени были нетронутыми, тогда как курганы раннего железного века были полностью разграблены.

Материал, полученный за 4 года исследований, оказался разносторонним, и информация, заложенная в них, повествовала о различных сторонах жизнедеятельности местного населения рассматриваемого периода. Здесь получены материалы, характеризующие быт, хозяйство, ритуальные действия, искусство, конское снаряжение и военное дело. Очень интересный материал

получен относительно музыкальных инструментов, которые были положены в комплексе с предметами вооружения. На данный момент нам известно 3 разных музыкальных инструмента, происходящих из трех погребений тюркского времени. Здесь необходимо отметить, что музыкальные инструменты обнаружены впервые за всю историю археологической науки Казахстана, на некрополе Каракаба.

Особый интерес представляют предметы вооружения, полученные из погребений тюркского периода. Из исследованных курганов данного хронологического отрезка в 80% присутствуют оружие и экипировка, а также конское снаряжение, и притом они обнаружены в комплексе оружие – экипировка – конское снаряжение. Комплекс оружия состоит из сабли с ножами, в одном случае ножны специально были положены отдельно, лук сложносоставной, копье, колчан со стрелами, в одно из погребений положены два колчана.

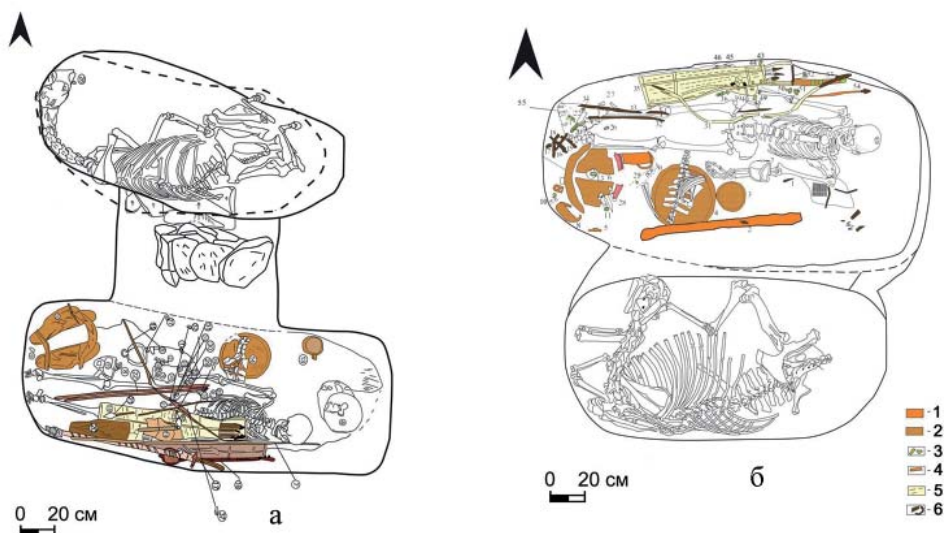

Рис. 2. План внутримогильного пространства: а – курган № 11, план погребения человека и лошади; б – курган № 9, план погребальной камеры.

Fig. 2. Layout of the internal grave place: а – barrow № 11, layout of human and horse burial, б – barrow № 9, burial chamber plan.

Комплекс вооружения тюркского времени происходит из курганов №№ 4, 9, 11, 12.

Ниже остановимся на предметах вооружения и экипировки, на их расположении и предварительном описании, так как данные предметы находятся в стадии консервации и реставрации.

Курганный группа Каракаба II

Курган № 4. Погребение совершено в подбое, отделенном от входной ямы жердями, поставленными вертикально (рис. 2: а). Погребение сопровождается комплексом оружия, экипировки и конской уздай.

На теле умершего положены два берестяных колчана с набором железных стрел. Колчаны находятся над левой и правой рукой соответственно.

Колчан 1 (правый) – поверхность не сохранилась, здесь расчистили остатки древков девяти стрел. Стрелы в колчане положены наконечниками вверх. На верхней стороне колчана

имеется деревянная прокладка, обрезанная Г-образной формой, ниже прослеживается квадратный проем или вырез, где находятся наконечники железных стрел. Нижняя часть шире, в 15 см от верхнего торца колчан сужается, образуя горловину. Длина колчана 85 см, наибольшая ширина 16 см. Длина стрел с наконечниками 76 см, диаметр древков 0,5–1 см.

Колчан 2 (левый) – сохранился полностью, но состояние берестяного короба плохое. Форма колчана идентична первому. На берестяном коробе колчана фиксируются продольные пазы, куда вставлены тонкие прутья, которые возможно служили ребрами жесткости. Длина колчана 87 см, ширина нижней части 20 см, верхней части 13 см. На верхней стороне имеется вырез, торцовая сторона изготовлена из Г-образно вырезанного дерева. Здесь находились четыре железных наконечника стрел с древками. С правой стороны около верхней части на-

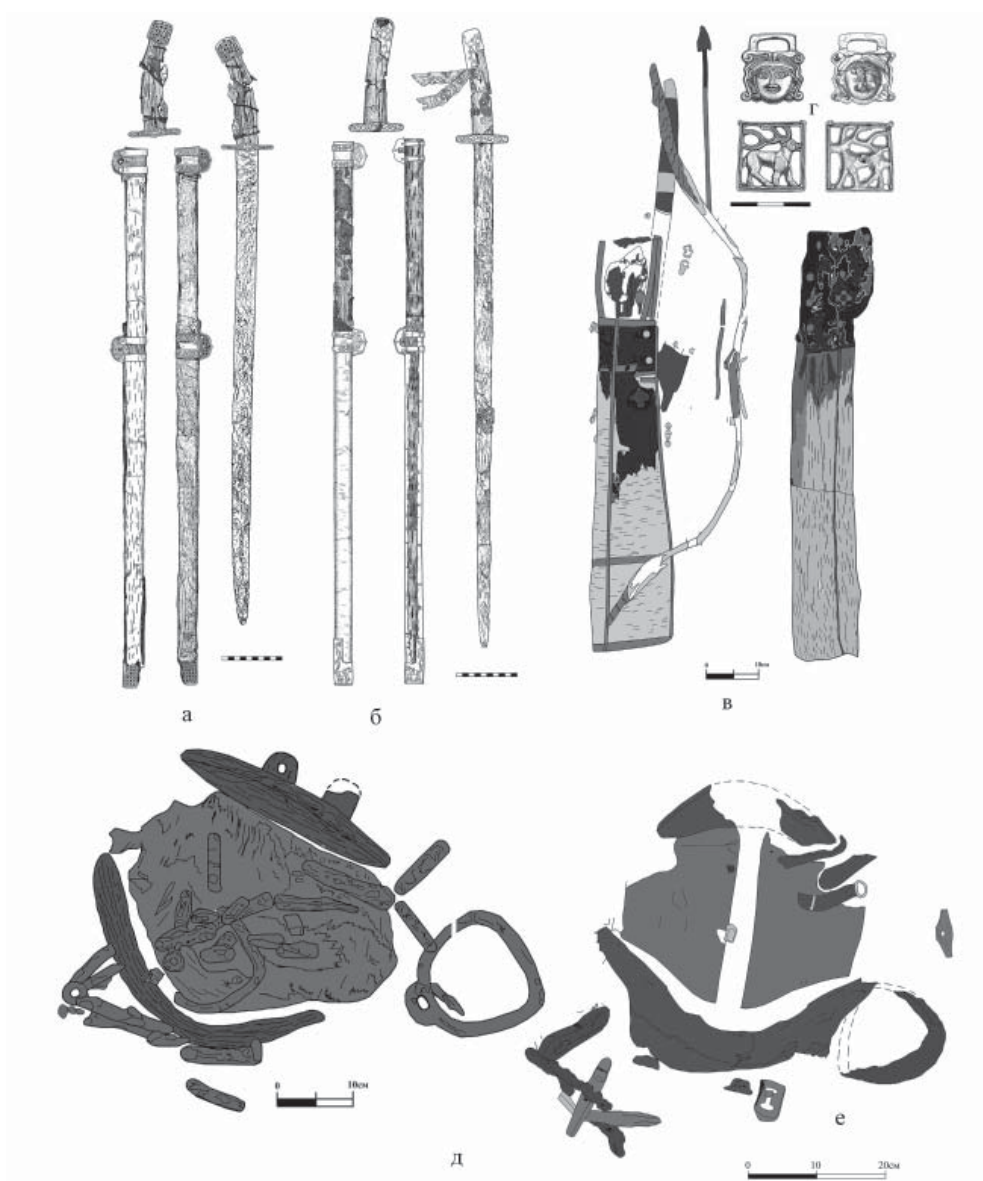

Рис. 3. Предметы вооружения и конского снаряжения, происходящие из погребений некрополя Каракаба: а – курган № 4, сабля с ножнами; б – курган № 9, сабля с ножнами; в – курган № 9, лук и колчан со стрелами; г – курган № 9, ажурные бляшки от портупейного ремня; д – курган № 11, седельный набор; е – курган № 12, седельный набор.

Fig. 3. Armaments and horse equipment originating from the burials of the necropolis of Karakaba: a – barrow № 4, saber with knives; b – barrow № 9, saber with knives; c – barrow № 9, filigree plaques from a swordbelt; d – barrow № 11, saddle set; e – barrow № 12, saddle set.

ходится металлическая портупейная пряжка с подвижным язычком.

Между колчанами вдоль погребенного положен деревянный лук, от

которого сохранилась центральная часть в форме буквы М, концевые стороны сгнили. Лук сложносоставной, фиксируются обвязки кожаными ре-

мешками. Здесь же расчистили сердцевидной формы подвеску.

Под колчаном находилось копье с крупным железным наконечником. От него сохранилось деревянное древко длиной в 30 см, диаметром 3 см. Наконечник копья ромбовидной формы в сечении, с втульчатым насадом. Копье было положено поперек тела, острием вверх. Сохранность копья хорошая, древка – удовлетворительная.

На костяке умершего, начиная от левой стороны груди и до правого колена, находилась железная сабля (рис. 3: а). Клинок чуть изогнут, в сечении треугольной формы с конусовидным острием. Рукоять его изготовлена из дерева, перекрестие прямое узкое, орнаментированное, возможно, из серебра. Рукоять венчает металлическое навершие с ромбическими, треугольными и круглыми отверстиями, сделанными в ряд, образуя своеобразный квадрат. На навершии имеется кожаная повязка. Рукоять чуть изогнута, в двух местах фиксируются металлические приставки, на середине фиксируется обвязка кожаным шнуром. Возле меча находятся кожаные ножны, на нижней стороне имеется продетый металлический наконечник с ромбовидными отверстиями. Около центральной части и вначале имеются продетые обоймами дуговидные металлические орнаментированные детали, предназначенные для подвешивания к поясу. Орнаменты на обоймах растительного мотива, в виде ответвленных листьев, а на дуговидной части имеются ромбовидные отверстия, как на наконечнике. Внутри кожаной обертки фиксируется деревянная основа. Рядом с ножнами находились две металлические подвески округлой формы с отверстиями на петельках. Около берцовой кости

правой ноги находился крупный железный черешковый наконечник стрелы без древка.

Под колчаном около локтя левой руки расчистили головку грифа с четырьмя колками и фрагмент грифа музыкального инструмента, изготовленного из дерева. Остальные части сильно сгнили и слились с настилом, поэтому форму инструмента зафиксировать не удалось.

На ноги умершего в районе ступней положен седельный набор (рис. 3: д), основа его изготовлена из дерева, фиксируются плохо сохранившиеся кожаные детали. Деревянная основа наполовину сгнившая, вследствие чего не представилось возможным полностью установить форму. Многочисленные железные подвески, кольцевидные разделители, наконечники ремней разбросаны вокруг седла. Рядом с ним находятся удила, надетые на костяные псалии. Возле седла находились железные стремяна, на одном из них сохранились остатки кожаного ремня. Стремяна массивные, с плоской площадкой для ног.

На костяке под лежащим набором оружия сохранились остатки одежды. Одежда состоит из нескольких слоев тканей. Около грудной клетки фиксируется кусок вязаной одежды. Сохранившаяся часть одежды доходит чуть ниже тазовой кости.

Под слоем тканей одежды в районе грудной кости сохранилась кожа погребенного, фрагментами плоть сохранилась и в некоторых местах берцовой кости.

Курганная группа Каракаба I

Курган № 9 – погребенный положен вытянуто на спине головой на восток.

Справа от погребенного был размещен комплекс вооружения, со-

стоящий из лука, сабли, колчана с наконечниками стрел (рис. 3: в). Сложносоставной, обернутый берестой лук с костяными накладками был помещен поверх правой руки и правого крыла таза, немного под углом, так, что его центральная часть оказалась поверх таза. Справа, вдоль тела погребенного, лежал берестяной колчан с открытым «карманом». Длина колчана 86 см. Он занимал пространство от уровня локтевого сустава (верхняя часть) до области немного ниже колена (нижняя часть). Колчан выполнен из трех листов бересты. В месте их соединения размещены две костяные поперечные планки, еще одна такая планка оформляет окончание колчана. По всей длине колчана идут две продольные костяные накладки.

В верхней части колчана были размещены ажурная квадратная бляшка с изображением фигуры оленя (рис. 3: г) и три округлые небольшие бляшки с орнаментом в виде концентрических дуг, лежащие лицевой стороной вниз. Все они находились на одной линии, вдоль левого края колчана. Металл – серебро с позолотой.

В открытом «кармане» колчана видны железные наконечники стрел. Всего 23 экземпляра, один из них имеет костяную свистульку.

Под колчаном обнаружено кожаное налучье удлинённой формы, ориентировочно размер составляет 54 см. Сохранились только отдельные фрагменты. В центральной части по краям были прикреплены округлые бляшки с орнаментом в виде концентрических дуг. В нижней части изделия находились застёжки, на половинках которых были изображены пальметты, и ниже – округлые бляшки с концентрическим орнаментом.

К оформлению верхней части налучья, видимо, относится бляшка с изображением головы человека из серебра с позолотой. Имеется крупная прямоугольная прорезь с закругленными углами, через нее был продет ремень, сохранился его фрагмент (рис. 3: г).

Под колчаном была расположена сабля в ножнах (рис. 3: б). Длина сабли 1,1 м. Навершие рукояти, бутероль, обоймы литые, из серебра с позолотой. Ножны выполнены из дерева, обтянутого кожей в верхней части и покрытого ниже серебряными полосками, скреплены двумя обоймами. Рукоять обтянута кожей ската. Перекрестье железное, прямое. Окончания обойм – в виде фигурной скобки, на поверхности имеется изображение фигурок лошадей, расположенных по обе стороны от крупного растительного завитка. На поверхность навершия рукояти нанесены изящные растительные завитки, окончания ножен – фигура крылатой лошади с хвостом, выполненным в виде растительных завитков.

Поверх стоп и рядом со стопой левой ноги размещен уздечный набор. Имеются железные кольчатые удила с роговыми псалиями, с окончанием одной стороны в виде рыбьего хвоста. Бессистемно расположены налобная бляха каплевидной формы, серебряные пластинки с отверстиями по краям, бронзовые прямоугольные обоймы, серебряные с позолотой бляшки двух разновидностей: 1) удлинённой прямоугольной формы, на поверхности – орнамент из трех соприкасающихся ромбов; 2) мелкие пятиугольной формы с изображением цветка на поверхности.

В ногах слева от них на уровне щиколоток лежало деревянное сед-

Рис. 4. Курган № 12. Железный шлем.

Fig. 4. Barrow № 12, Iron helmet.

ло с высокой передней лукой размером 39×33 см. Седло было размещено передней лукой к ногам. Состоит из двух полок, соединенных ремнем шириной 7,5 см и двух лук (передней и задней). Передняя лука цельная, в виде дуги, выше, чем задняя. Задняя лука состоит из двух частей, образующих дуговидную фигуру.

Вплотную к внутренней поверхности задней луки и левой полки прикреплены четыре удлиненные бляшки с ромбическим орнаментом с фрагментами кожаных ремней. Также здесь находились две костяные застежки для пут. На уровне задней луки находилась бронзовая бляшка с волнистыми краями и пальметтой на поверхности.

По сторонам от седла лежали железные стремена с широкой выделенной подножкой и ушком прямоугольной формы. Стремя, расположенное слева (относительно седла), лежит в перевернутом виде, подножкой вверх, а другое, находящееся справа, в вертикальном положении.

Курган № 11. На дне подбоя находились останки человека, лежащего вытянуто на спине, головой на

северо-восток. Справа от человека, частично перекрывая кости руки, лежал сложносоставной лук, обернутый берестой. Длина лука составляет 1,2 м. Один конец лука лежит на уровне правого плеча, второй конец – поверх деревянного блюда.

Слева от погребенного, перекрывая кисть левой руки, лежал берестяной колчан с закрытым «карманом». Колчан состоит из двух берестяных листов, а клапан – из кожи. Длина колчана 89 см. Размер клапана из кожи 24×15 см. На его поверхности размещены девять округлых и одна крестообразная бляшки из серебра. Вдоль колчана с одной стороны по всей длине размещен стебель камыша.

Крышка «кармана» выполнена из прямоугольного куска кожи. Боковые стороны «кармана» образованы удлиненными кусками бересты, согнутыми посередине. Здесь же размещены деревянные прямоугольные планки.

Справа от колчана поверх берцовой кости лежал музыкальный инструмент с длинным грифом (рис. 2: а). Длина инструмента 63 см. Корпус ладьевидной продолговатой формы. В центре имеется отверстие в виде трех соединяющихся под углом коротких линий. Фиксируется форма основания корпуса – удлиненная, образующая фигуру в виде пятиугольника. В нижней части корпуса также виден выдолбленный край внутренней стороны корпуса. Рядом лежит мелкая сердцевидная бляшка.

Поверх тазовых костей, между ног вплоть до уровня немного выше колен был положен кожаный саадак – чехол для лука прямоугольной формы, состоящий из четырех полос кожи, размером 35×23 см. Верхняя полоса прямоугольной формы, по краям ее имеются мелкие округлые бляшки.

Вторая и третья полосы внизу имеют зубчатый край. «Зубчики» пятиугольной формы. По нижним краям полос расположены округлые серебряные бляшки. Нижняя полоса также прямоугольной формы. На ее поверхности бляшки не зафиксированы. На поверхности второй от верха полосы в центре имеется бляшка крестовидной формы из серебра.

В ногах лежало деревянное седло с конской уздой и железными стременами (рис. 3: д). Седло лежало немного по диагонали и задней лукой к ногам человека. Передняя лука высокая, дуговидной формы. Задняя лука закругленной формы, размером 34×34 см.

Также здесь были размещены детали конского снаряжения. Зафиксированы фрагменты кольчатых удиц и продолговатые железные пластины, представлявшие собой бляшки, оформляющие ремни.

Курган № 12. Костяк человека находился в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища, головой на северо-восток. За черепом погребенного находился железный шлем (рис. 4). Воинский шлем, диаметр порядка 24 см, степень сохранности крайне плохая. В верхней части шлема имеется пролом, возможно, вследствие коррозии металла и давления грунта. Струнно-щипковый деревянный музыкальный инструмент находился с левой стороны погребенного. Общая длина инструмента 67 см, длина грифа 55 см, на правом торце верхней части грифа имеется два струнных щипка, установленных в ряд по вертикальной линии. Округлых форм, сравнительно небольшой духовой корпус инструмента диаметром в 12 см, переход от грифа к корпусу имеет пирамидальную форму, степень со-

хранности инструмента плохая. Между этим музыкальным инструментом и вышеописанным жердеобразным изделием выявлена углубленно-изогнутая, подпрямоугольных форм древесина, сохранившаяся длина 40 см, ширина порядка 7 см, предположительно, это может быть «футляром» от музыкального инструмента. К западу от музыкального инструмента расчищена железная сабля в берестяных ножнах, т.е. клинок завернут в бересту, которая свою очередь обмотана тонкой полоской некоего органического материала. Следует отметить, что эфес и часть клинка сабли располагались на музыкальном инструменте. Клинок прямой, рукоять эфеса немного изогнута, перекрестие ромбовидное. Общая длина сабли 1,09 м, степень сохранности средняя. На самом покойном расчищен положенный по диагонали, объемный деревянный лук со «вставленной» для стрельбы стрелой, длина порядка 88 см, сохранившаяся толщина кибита в районе 1–2 см, сохранность плохая. Под луком, начиная с левой части грудной клетки погребенного и до коленного сустава, располагался берестяной колчан со стрелами. Длина колчана порядка 85 см, ширина 11–14 см, сохранность удовлетворительная. Наконечники стрел различны по формам: ромбовидные, листовидные и т.д., длина примерно соответствует продольным размерам колчана. В верхней части колчана имеется клапан-кармашек для выемки стрел.

К северу от таза погребенного и в районе самого таза выявлены многочисленные детали сбруйной и поясной фурнитуры. К северу от правой берцовой кости и коленного сустава погребенного расчищено два коррозированных железных стремени

и роговая пряжка от подпруги. Также к северу от правой голенной кости располагалось деревянное седло (рис. 3: е), длина ленчиков 37–40 см, ширина 13–15 см. Две луки дугообразных форм, одна длиной 32 см, шириной 6 см, другая длиной 26 см, шириной 3 см.

Таким образом, в 4 курганах тюркского времени были обнаружены погребения с полным вооружением и конской уздой, а в трех из них присутствуют музыкальные инструменты различного типа. Погребения совершены в подбоях с сопутствующим захоронением лошадей. В одном случае фиксируется две лошади в погребении. Лошади, как правило, положены отдельно от погребенного, т.е. в так называемом входном колодце и без узды. Снаряжение коня, состоящее из уздечки и седельного набора, находилось вместе с погребенным и часто у ног.

Комплекс вооружения представлен саблями, луком, колчаном со стрелами, копьем. Копье присутствовало лишь в одном погребении.

Защитное снаряжение погребенных представлено портупейными

ремнями и в одном случае железным шлемом с остатками бармицы.

Очень интересным представляется присутствие среди погребального инвентаря музыкальных инструментов. Дальнейшее изучение их сделает возможным определить место и контекст данных предметов в жизни местного населения.

В целом полученный материал дополнил наши знания о культуре тюрок, населявших рассматриваемый регион, а также были получены новые, доселе неизвестные факты. Сохранившиеся органические материалы погребального инвентаря, костные и кожановолосные остатки самих погребенных станут предметом отдельного междисциплинарного исследования, результаты которого, как нам кажется, окажутся более информативными.

Данная работа является предварительной, ее цель – ввести в научный оборот полученный уникальный материал по военному делу населения Казахского Алтая в раннее средневековье.

Благодарности:

Мы благодарим автора раскопок З.С. Самашева за предоставление материала из некрополя Каракаба.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Самашев З., Буржуа Ж., Джумабекова Г., Воутер Д., Базарбаева Г., Чотбаев А.Е. Поиски курганов с мерзлотой в Казахском Алтае с использованием методов дистанционного зондирования // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2006 году / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: Ин-т археологии, 2007. С. 155–156.
2. Самашев З., Северский Э.В., Курашкин С.А., Чотбаев А.Е. Курганы с мерзлотой Казахского Алтая: использование методов геоэкологии в археологическом поиске // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2006 году / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2007. С. 203–207.
3. Самашев З., Уварова А.К., Джумабекова Г., Базарбаева Г., Чотбаев А.Е. Использование ГИС-технологий при проведении археологической разведки в Казахском Алтае // Отчет об археологических исследованиях по государственной про-

грамме «Культурное наследие» в 2006 году / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2007. С. 207–210.

4. Самашев З., Чотбаев А.Е., Жалмаганбетов Ж.М., Хасенова Б.М., Киясбек Г., Ахметов М.Г. Исследование древнетюркских памятников на Каракабе // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. II / Науч. ред. А. Онгар. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. С. 163–167

5. Bourgeois, Jean, De Wulf, Alain, Goossens, Rudi and Gheyle, Wouter (2007) 'Saving the frozen Scythian tombs of the Altai Mountains (Central Asia)', *World Archaeology*, 39:3, 458–474 To link to this article: DOI: 10.1080/00438240701504585 URL: <http://dx.doi.org/10.1080/00438240701504585>

Информация об авторе:

Чотбаев Айдос Ербулатович, старший научный сотрудник, РГКП «Музей-заповедник Берел» (с. Катонкарагай, Казахстан); archtopmail@mail.ru

WEAPONS AND EQUIPMENT OF A HORSE FROM THE NECROPOLIS OF KARAKABA

A.E. Chotbaev

The paper analyzes the armament and horse harness from the mounds of the early medieval burial ground of Karakaba located in the territory of East Kazakhstan. The burial ground represented by funerary sites of the early nomads and the early Middle Ages is located on a high plateau in a narrow valley surrounded by mountains and alpine rivers. The valley is located in the upper reaches of the Karakaba River. The burials of the Early Iron Age of the investigated necropolis were disturbed in as early as in antiquity. The burials of the early Middle Ages were untouched, and the first preserved organic materials were discovered inside. Burials with full armament and the accompanying burials of horses and horse bridles were studied in four mounds of the early Turkic period. The armament complex includes sabers, bow, quiver with arrows, and spear. The protective equipment of the buried is represented by harness belts, and in one case an iron helmet with the remains of an aventail. The author is the first to introduce into scientific discourse the materials from untouched burials, which require further analysis and comprehensive understanding.

Keywords: archaeology, East Kazakhstan, Early Middle Ages, Early Turks, art, armament, horse harness, barrow, site.

REFERENCES

1. Samashev, Z., Bourgeois, J., Dzhumabekova, G., Vouter, D., Bazarbaeva, G., Chotbaev, A. E. 2007. In Baipakov, K. M. (ed.). *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po gosudarstvennoy programme «Kul'turnoe nasledie» v 2006 godu (Report on the Archaeological Investigations under the State Program “Cultural Heritage” in 2006)*. Almaty: Institute for Archaeology, 155–156 (in Russian).

2. Samashev, Z., Severskiy, E. V., Kurashkin, S. A., Chotbaev, A. E. 2007. In Baipakov, K. M. (ed.). *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po gosudarstvennoy programme «Kul'turnoe nasledie» v 2006 godu (Report on the Archaeological Investigations under the State Program “Cultural Heritage” in 2006)*. Almaty: Institute for Archaeology, 203–207 (in Russian).

3. Samashev, Z., Uvarova, A. K., Dzhumabekova, G., Bazarbaeva, G., Chotbaev, A. E. 2007. In Baipakov, K. M. (ed.). *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh po gosudarstvennoy programme «Kul'turnoe nasledie» v 2006 godu (Report on the Archaeological Investigations under the State Program “Cultural Heritage” in 2006)*. Almaty: Institute for Archaeology, 207–210 (in Russian).

4. Samashev, Z., Chotbaev, A. E., Zhalmaganbetov, Zh. M., Khasenova, B. M., Kiyasbek, G., Akhmetov, M. G. 2013. In Ongar, A. (ed.). *Trudy filiala Instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana v*

g. Astana (*Proceedings of the Branch of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology in Astana*) II. Astana: The Branch of the Institute of Archaeology in Astana, 163–167 (in Russian).

5. Bourgeois, Jean, De Wulf, Alain, Goossens, Rudi and Gheyle, Wouter. 2007. *Saving the frozen Scythian tombs of the Altai Mountains (Central Asia)*’, *World Archaeology*, 39:3, 458–474 To link to this article: DOI: 10.1080/00438240701504585 URL: <http://dx.doi.org/10.1080/00438240701504585>

About the Author:

Chotbaev Aydos E. State Enterprise “Berel Museum-Reserve”. Katonkaragai village, 070000, Kazakhstan; archtopmail@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

Археозоологические исследования

УДК 902, 903.5 636

<https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.146.166>

ЖИВОТНЫЕ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н. Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГУЛЮКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА)

© 2020 г. Д.Г. Бугров, Г.Ш. Асылгараева

В статье представлены результаты изучения остатков животных из погребений позднесарматского времени Гулюковского могильника на р. Ик (Татарстан) в контексте погребальных традиций населения бассейна Нижней Камы I–IV вв. н. э. Выявлен устойчивый анатомический состав комплексов костей животных, помещенных в могилы в качестве заупокойной пищи. Таксономический состав менее монолитен, преобладают кости КРС. Сопоставление с пьяноборскими, мазунинскими, кара-абызскими и азелинскими могильниками показало радикальное отличие анатомического и таксономического состава сравниваемых остеологических комплексов. В связи с этим авторами сделан вывод о разном значении остатков животных в погребальных обрядах Гулюковского могильника и могильников вышеперечисленных культур. Обращение к более широкому кругу аналогий выявило сходство анатомического состава и функции наборов костей из гулюковских комплексов с остатками животных, изученными в позднесарматских погребениях Волго-Донского междуречья и в могильниках джетыясарской культуры в низовьях Сыр-Дарьи. По мнению авторов, однозначно определить истоки рассматриваемой традиции и проследить её распространение в синхронных (Ахмерово II, Салихово?) и развитие в более поздних (Дежнёво, Кушнаренково, Бирск) могильниках региона не позволяет текущее состояние источниковой базы.

Ключевые слова: археология, археозоология, Нижнее Прикамье, позднесарматское время, погребальный обряд, кости животных.

Кости животных являются важной составляющей погребальных комплексов различных культур, отражающей особенности похоронных и погребальных ритуалов древнего населения и, как следствие, выступающей в качестве одного из маркеров археологических культур. Основные проблемы и исследовательские подходы к анализу этого элемента погребального обряда сарматских культур обозначены в работе Л.В. Яворской (2010, с. 233–234). Предлагаемая вниманию читателей статья рассматривает особенности использования животных в погребальной практике населения бассейна Нижней Камы I–IV вв. н. э., отталкиваясь от архео-

зоологических материалов одного из памятников северной периферии сарматского мира.

Характеристика памятника: Гулюковский могильник входит в комплекс археологических памятников, расположенных к северу от с. Гулюково Мензелинского района Республики Татарстан, в северной части междуречья рр. Игат и Тиргауш, левых притоков р. Ик (ныне – Нижнекамское вдхр.) (рис. 1: 1). Комплекс включает Гулюковскую I стоянку неолита и позднего бронзового века, собственно могильник, состоящий из двух разновременных частей: позднесарматского времени и эпохи средневековья («раннемусульманской»), вторая поло-

Рис. 1. Гулюковский могильник: 1 – схема расположения; 2 – план позднесарматской части (а – раскопы Н.М. Капленко; б – раскопы НЦАИ / ИА АН РТ; жирным шрифтом выделены №№ погребений, рассматриваемых в статье).

Fig. 1. Gulyukovo burial ground: 1 – layout; 2 – plan of the Late Sarmatian part (a – excavations by N.M. Kaplenko; b – excavations by the National Center of Archaeological Studies / Institute of Archaeology named after Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences; the numbers of burials referred to in the paper are in bold).

вина XI – нач. XIII вв.), и средневековый хозяйственный объект. Стоянка известна с 1979 г. (Археологические памятники, 1989, с. 37, № 262), наличие на ее площади разрушающегося могильника зафиксировано в 1995–1996 гг. А.А. Чижевским (исследовал 8 поврежденных абразией водохранилища средневековых погребений). В 1997–2001, 2003–2004 и 2007 гг. могильник и стоянка раскапывались Н.М. Капленко (вскрыто около 538 кв.м, изучено 56 погребений, в т. ч. 4 – позднесарматского времени). В 2006–2007, 2009, 2012 и 2014 гг. в ходе охранно-спасательных работ НЦАИ ИИ АН РТ/ИА АН РТ (Д.Г. Бугров и А.Г. Ситдинов, Р.В. Матвеев, А.В. Лыганов, Р.Р. Валиев, П.В. Красильни-

ков) на стоянке и могильнике исследовано около 622 кв. м площади и 64 погребения (13 позднесарматских и 51 «раннемусульманское»). Результаты изучения стоянки, средневековой части могильника и антропологического материала памятника, а также предварительные результаты настоящего исследования частично опубликованы (Бугров и др., 2010; Лыганов и др., 2015; Газимзянов, Волкова, 2017; Бугров, Асылгараева, 2018).

Захоронения позднесарматского времени (всего 17 погребений: К 17, К 1999 г., К 18пбо¹, 29, 30, 32, 33, 35–37, К 2007 г., 64–69) неравномерно распределены по центральной и юго-восточной частям Гулюковского комплекса (рис. 1: 2). Они представляют

Таблица 1

Комплексы костей домашних животных Гулюковского могильника

№№ погребений	Таксономический состав костей*			Анатомический состав костей	Возраст животных
	МРС	КРС	Лошадь		
30		6 (1)		прав. тазовая, бедренная, большеберцовая, пяточная, таранная, заплюсневая	до 6 мес.
32	7 (1)			лев. тазовая, бедренная, большеберцовая, пяточная, таранная, заплюсневые (2)	до 1 года
33		7 (1)		лев. тазовая, бедренная, большеберцовая, пяточная, таранная, заплюсневые (2)	до 6 мес.
35		6 (1)		прав. тазовая, бедренная, коленная чашечка, большеберцовая, пяточная, таранная	до 2 лет
К 2007 г.**		(1?)		лев. тазовая, бедренная	более 3 лет
64		6 (1)		прав. тазовая, бедренная, большеберцовая, пяточная, таранная	около 1 года
	10 (1)			прав. тазовая, бедренная, большеберцовая, пяточная, таранная	до 1 года
65		10 (1)		прав. тазовая, бедренная, большеберцовая, пяточная, таранная	около 1 года
67			10 (1)	прав. тазовая, бедренная, большеберцовая, пяточная, таранная, заплюсневая	до 3 лет
	4 (3)			таранные	—
68**	6 (1)			тазовая, бедренная, большеберцовая	до 2 лет
69**		5 (1)		тазовая, бедренная (эпифизы), большеберцовая (эпифиз)	до 1 года
Всего особей	6/3***	7	1		

* В скобках указано количество особей.

** Погребения, в которых остатки животных оказались в зоне преднамеренного разрушения костяка.

*** В знаменателе указано число особей без учёта набора астрагалов из п. 67.

собой индивидуальные ингумации в овальных или подпрямоугольных ямах, в т. ч. усложненной конструкции: с уступами, ступеньками (пп. 30, 35, 36, 64, 66), колоколообразным расширением у дна (п. 67). Курганные насыпи над ними не прослеживались из-за переработки территории памятника в результате распахки, строительства и эксплуатации скотного двора и подъездных путей к нему². Положение погребенных – вытянуто на спине головой на СВ и С. В шести случаях костяки были умышленно нарушены в древности: полностью, с разрушением и утратой части костей (пп. 64, 68, 69), частично, с сохранением общего расположения частей скелета (пп. 37, К 2007 г.) или локально (п. К 17 – только грудная клетка). Погребения сопровождалось керамическими сосудами (отсутствовали только в разрушенных абразиях пп. К 18пбо, К 1999 г., 29, 65, 66, 68),

украшениями, деталями костюма, бытовыми вещами (пп. К 1999 г., 30, 35, 36, 67). Датировка памятника определяется по комплексу находок из пп. К 1999 г., 35 и 67. Сочетание сильно профилированных фибул поздних версий варианта 3 серии II по А.К. Амброзу (пп. 35, 67) (Малашев, 2000, с. 210, рис. 12: Е4; Гавритухин, 2010, с. 55–56, рис. 4: 4–20, 22, 23), миниатюрных прогнутых фибул (пп. К 1999 г., 35), «двускатного» наконечника ремня (п. К 1999 г.) (Малашев, 2000, с. 205–206, рис. 13: В5, Г16), зеркал с центральным ушком (пп. К 1999 г., 35), «двухтой» височной подвески из серебра(?) со стеклянными(?) вставками (п. К 1999 г.), ожерелья (п. 35), близкого группе 5 черняховской культуры (Гопкало, 2008, с. 106, 108), позволяет соотнести гулюковские погребения с группами IIIб и IV сарматских древностей по В.Ю. Малашеву и опре-

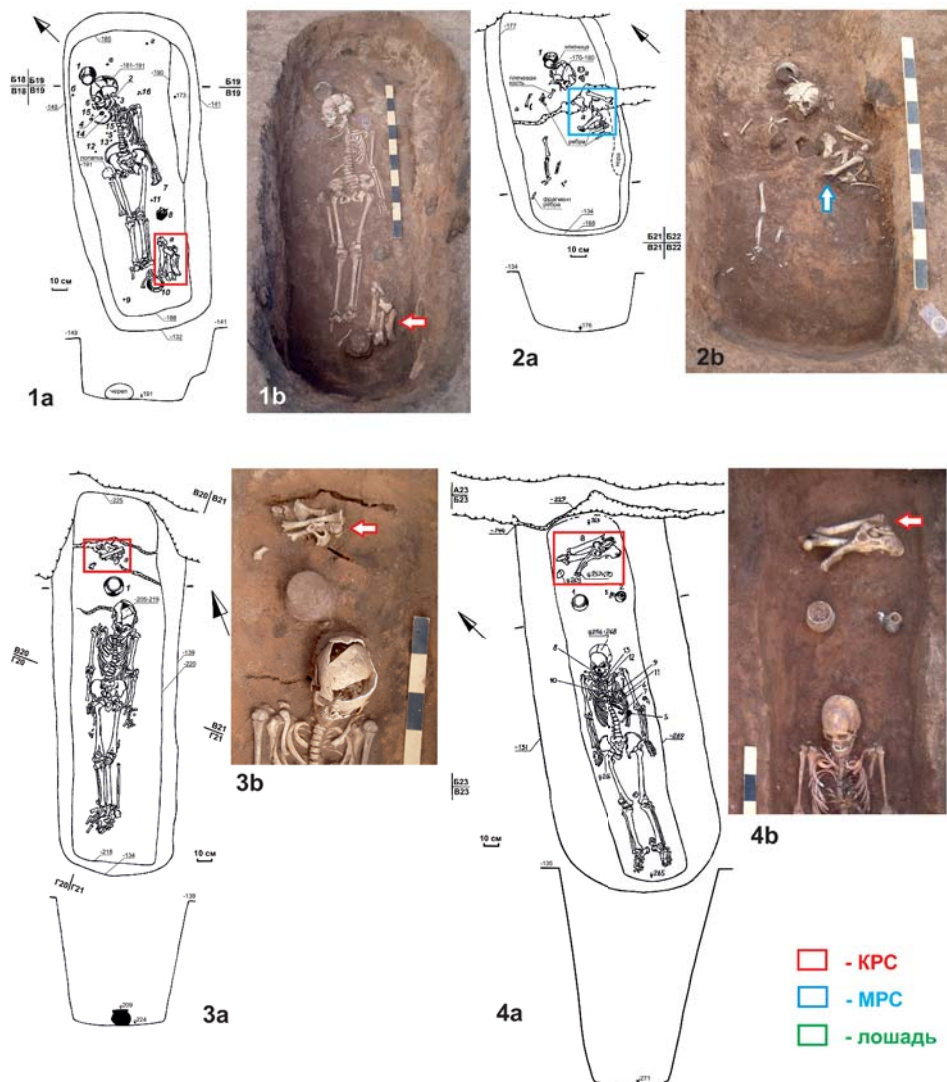

Рис. 2. Погребения Гулюковского могильника с комплексами костей домашних животных: 1 – п. 30; 2 – п. 32; 3 – п. 33; 4 – п. 35 (а – планы, б – фото).

Fig. 2. Graves of Gulyukovo burial ground with domestic animal bone complexes: 1 – gr. 30; 2 – gr. 32; 3 – gr. 33; 4 – gr. 35 (a – plans, b – photographs).

делить их дату в пределах середины IV в. н. э., не исключая возможности ее расширения и до последней четверти столетия.

Характеристика материала:

Комплексы костей домашних животных были обнаружены в 10 погребениях (табл. 1; рис. 2–4). Все они отличаются единообразием анатомического состава: кости задней конечности (чаще правой) от тазовой до таранной включительно, в большинстве случаев расположенные в естественном сочленении (присутствие в 4 случаях (пп. 30, 32, 33, 67) заплюсневых костей и в одном (п. 35) – коленной чашечки, по-видимому, отражает случайные вариации разделки

ческого состава: кости задней конечности (чаще правой) от тазовой до таранной включительно, в большинстве случаев расположенные в естественном сочленении (присутствие в 4 случаях (пп. 30, 32, 33, 67) заплюсневых костей и в одном (п. 35) – коленной чашечки, по-видимому, отражает случайные вариации разделки

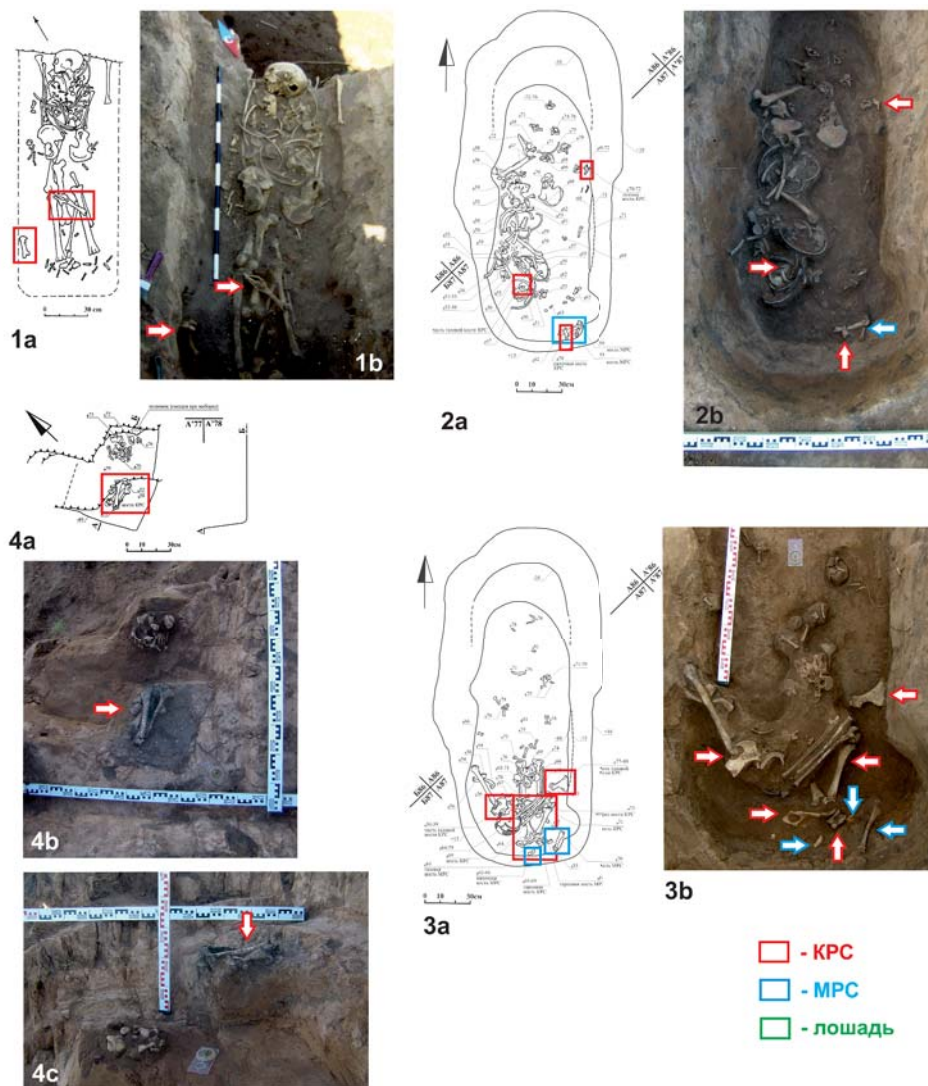

Рис. 3. Погребения Гулюковского могильника с комплексами костей домашних животных: 1 – п. К 2007 г. (по: Капленко, 2007, рис. 59, 60); 2, 3 – п. 64 (2 – верхний горизонт, 3 – нижний горизонт); 4 – п. 65 (а – планы, b, c – фото).

Fig. 3. Graves of Gulyukovo burial ground with domestic animal bone complexes: 1 – gr. K 2007 (after: Kaplenko, 2007, Fig. 59, 60); 2, 3 – gr. 64 (2 – upper horizon, 3 – lower horizon); 4 – gr. 65 (a – plans, b, c – photographs).

туши). Нарушенный порядок расположения и неполная комплектность костей наблюдаются в тех погребениях, где намеренное разрушение человеческих костяков затронуло и кости животных, часть которых могла быть утрачена как в древности, в процес-

се ритуального(?) вскрытия могилы (возможно, п. К 2007 г.) (рис. 3: 1), так и в позднее время в результате ее разрушения абразией (пп. 68, 69) (рис. 4: 2–3). Расхождения в количестве костей в комплексах при одинаковом их анатомическом составе вызыва-

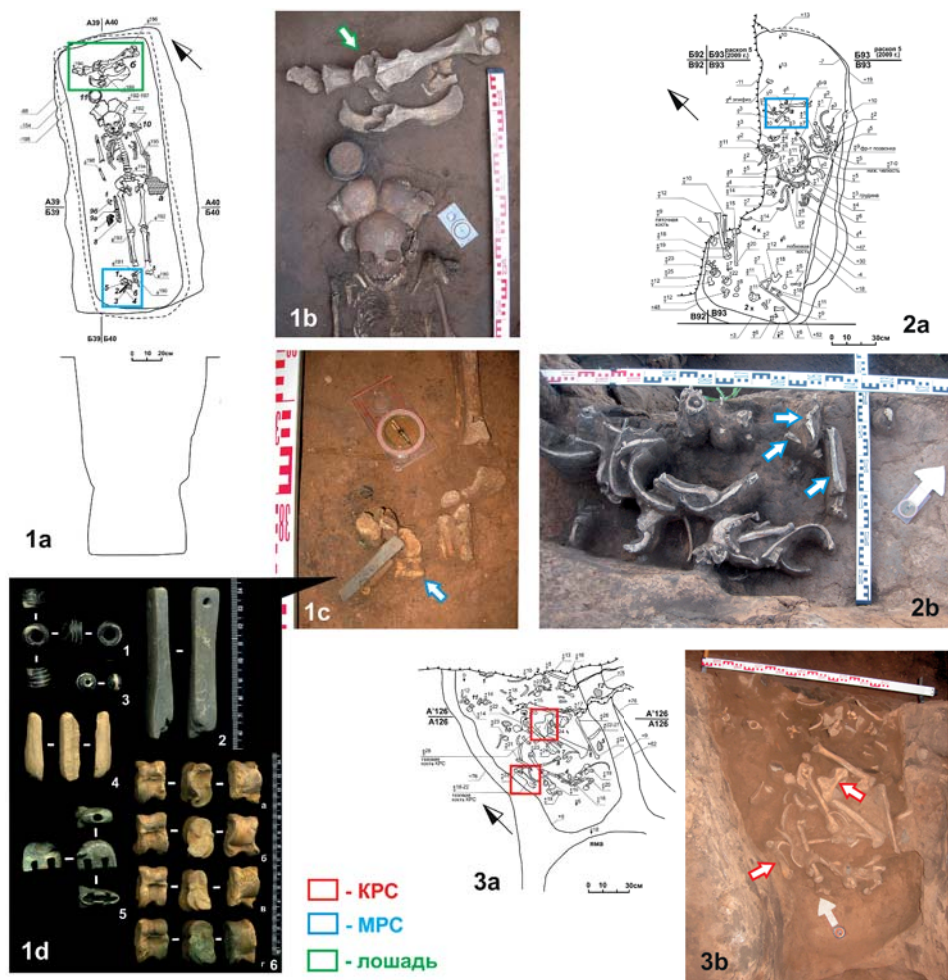

Рис. 4. Погребения Гулюковского могильника с комплексами костей домашних животных: 1 – п. 67; 2 – п. 68; 3 – п. 69 (а – планы, б – фото; 1с, д – комплекс находок с таранными костями МРС в ногах п. 67: 1, 3 – бусы, стекло; 2 – оселок, камень; 4 – фрагмент окаменевшего дерева; 5 – подвеска-«медведь», бронза; 6 – астрагалы).

Fig. 4. Graves of Gulyukovo burial ground with domestic animal bone complexes: 1 – gr. 67; 2 – gr. 68; 3 – gr. 69 (a – plans, b – photographs; 1c, d – a complex of findings with astragals of sheep and goats in the leg section of gr. 67: 1, 3 – beads, glass; 2 – strickle, stone; 4 – petrified tree fragment; 5 – “bear” pendant, bronze; 6 – astragals).

ны разницей в процедуре первичного подсчета: после 2007 г. не сросшиеся части тазовых и эпифизы длинных костей учитывались как отдельные кости. В целом рассматриваемые комплексы в рамках погребального обряда могут быть интерпретированы как остатки помещенной в могилу заупокойной пищи, представленной

наиболее мясным отделом туши – тазобедренной частью (Анфимова и др., 1978, с. 51, 57, рис. 8: VII; 9: V).

Особняком в выборке стоит комплекс из 4 таранных костей МРС, располагавшийся в ногах детского п. 67 вместе с предметами бытового назначения и украшениями (рис. 4: 1с, d). Количественный, таксономи-

ческий и анатомический состав его точно соответствует набору для игры в *ἀστράγαλισμός* (Петерс, 1986, с. 80), и очевидно, что эти астрагалы следует рассматривать не как остатки животных в контексте погребального обряда, а как артефакты в составе погребального инвентаря.

В таксономическом плане в гулюковских комплексах представлены только домашние животные: крупный рогатый скот (КРС) – в 7 погребениях, 63,6% общего числа особей без учета астрагалов из п. 67 (см. выше), мелкий рогатый скот (МРС) – в 3 погребениях, 27,3% (в одном случае вместе с КРС – п. 64), и лошадь – в 1 погребении, 9,1%.

Аналогии: Комплексы костей животных из Гулюковского могильника не находят параллелей в погребальных памятниках оседлого населения Нижней Камы и бассейна Белой первой половины I тыс. н. э. Для могильников пьяноборской и мазунинской культур наличие костей животных в погребениях нехарактерно. Из 2023 пьяноборских погребений, учтенных в сводке Б.Б. Агеева (1992, с. 10), наличие остатков животных зафиксировано в 14 (там же, с. 23), при этом половину из них составляют кости птиц (2 случая) или зубы и челюсти диких животных (5 случаев, в большинстве артефакты (амулеты?), а не элементы погребальной обрядности); из оставшихся один случай – зуб лошади, остальные – одиночные кости и фрагменты костей неясной видовой принадлежности (предположительно МРС)³. В общей характеристике погребального обряда мазунинской культуры использование остатков животных не упоминается (Останина, 1997, с. 20–31), а известные в литературе 2 случая находок отдельных

костей МРС(?) (Мазунино, пп. 8, 48) «свидетельствуют скорее об исключении из общего правила, чем об установившемся обычае» (Генинг, 1967, с. 18). При сравнительном анализе погребального обряда пьяноборских и мазунинских могильников наличие в могиле костей животных даже не вошло в набор признаков (Голдина и др., 2015, с. 54–56).

Для кара-абызских памятников сведения о составе костей животных в погребениях имеются по Охлебининскому могильнику (Петренко, 2000, с. 27–28, 107–122). Здесь в 133 комплексах I–III вв. н. э., содержащих остатки животных, в таксономическом составе находок преобладают кости МРС и свиньи (70 и 49 случаев соответственно, в остальных случаях – заяц), в анатомическом – отдельные большеберцовые кости (иногда в сочетании с дистальными костями: таранными, пяточными, плюснами и фалангами), реже – тазовые, бедренные, плечевые, лучевые кости и лопатки (в большинстве случаев – отдельные кости) (Петренко, 2000, с. 27–28). Насколько можно судить, сходный состав остатков животных (одиночные кости конечностей, в определенных случаях – главным образом МРС) представлен и в поздних грунтовых погребениях Шиповского могильника: в 9 из 108 пп. из раскопок 1965–1972 гг. (Пшеничный, 1976, с. 58, 86, 90, 92, 93, 97, 101, 104) и в 24 из 282 пп. 1990–1994 гг. (Овсянников и др., 2007, с. 20–23, 26, 27, 29, 30, 33–38, 40–42, 46, 48, 50, 61). Таким образом, для охлебининского населения (и, вероятно, для кара-абызского в целом) можно реконструировать обычай помещения в могилу части задней ноги животного (берцовая кость и ниже), но интерпретация ее как

остатков мясной пищи сомнительна (Петренко, 2000, с. 28), а анатомический состав только в одном известном нам случае (Охлебинино, п. 51) совпадает с гулюковским (Петренко, 2000, с. 110).

В азелинской культуре комплексы костей животных в погребениях являются характерной особенностью могильников III–IV вв. н. э. Нижнего Прикамья и Марийского левобережья Волги: их содержали до 40% погребений в Рождественском V, 35% в Нармонском, 8,5% в Усть-Брыскинском, 5,7% в Уржумкинском, 6,7% в Арзобелякском и от 4,4 до 5,8% в Мари-Луговском могильниках. Однако они имеют кардинально отличный от Гулюковского могильника и весьма единообразный таксономический и анатомический состав. За исключением единственного случая (челюсть собаки из п. 145 Рождествено V) это наборы костей лошади, состоящие из черепа и/или дистальных частей конечностей ниже скакательного сустава. С точки зрения погребального обряда они интерпретируются как обычай помещения в могилу шкуры животного, расположенной вытянуто по длине могильной ямы рядом с погребенным или выше него (Петренко, 2000, с. 30–34; Старостин, 2009, с. 32–33, там перечень находок и обзор аналогий).

Идентичный Гулюковскому могильнику анатомический состав частей туш животных (задняя конечность с тазовой костью, но без дистальных частей) зафиксирован Л.В. Яворской в позднесарматских погребениях бассейна р. Аксай Есауловский (Яворская, 2010, с. 243, 252, 254, табл. 3, 7), с той разницей, что в аксайских могильниках рассматриваемые комплексы представлены ис-

ключительно костями МРС⁴, а в Гулюково преобладает КРС. Попытка расширить круг сарматских аналогий позволила нам предположительно выявить 86 погребений, содержащих комплексы костей животных, совпадающие с гулюковскими по анатомическому составу: 75 позднесарматских (включая аксайские), 8 средне- и 3 раннесарматских позднего этапа (III–I вв. до н. э.) (табл. 2). Полученная, несомненно, неполная выборка⁵, тем не менее, позволяет при картографировании (рис. 5: 1–86) обратить внимание на концентрацию находок интересующих нас наборов костей в позднесарматских могильниках Волго-Донского междуречья, главным образом южной его части. В северной части междуречья и в Заволжье количество аналогичных комплексов позднесарматского времени существенно меньше и сопоставимо с числом средне- и раннесарматских. Восточнее и западнее они единичны или отсутствуют: для поздних сармат Северного Причерноморья и Южного Урала помещение костей животных в погребения считается нехарактерным (Симоненко, 2011, с. 171; Малашев, 2013, с. 29).

Второй ареал устойчивого распространения аналогичных гулюковским комплексов костей животных прослеживается в Восточном Приаралье в могильниках джетыясарской культуры (рис. 5). Статистика джетыясарских находок не совсем ясна, можно говорить о приблизительно 400 погребениях, содержавших интересующие нас наборы костей⁶. Хронология их широка: от I в. до н. э. до VII в. н. э., но около 60% из них отнесены Л.М. Левиной к «первым векам н. э.» с верхней границей «не позднее II–IV вв. н. э.» (Левина, 1996, с. 61–67,

Таблица 2

Аналогии комплексам костей домашних животных из Гулюковского могильника
в памятниках сарматских культур

№№	Погребение	Таксономический состав комплекса	Комплексы с другим анатомическим составом в погребении	Культурная принадлежность	Ссылки
1	Элиста II, зап. группа, к. 8	МРС	МРС	ПСм	Мошкова, 2009, с. 41, №39.
2	Купцын Толга, к. 50	МРС		ПСм	Шнайдштейн, 1981, с. 116; Мошкова, 2009, с. 42, №71.
3	Подгорненский V, к. 3, п. 1	МРС (коза)		ПСм	Мошкова, 2009, с. 43, №86.
4	Абганерово II, к. 6	МРС		ПСм	Дьяченко и др., 1995, с. 95, рис. 4: 6; Мошкова, 2009, с. 44, №91.
5	Абганерово II, к. 8	МРС		ПСм	Дьяченко и др., 1995, с. 98, рис. 4: 8; Мошкова, 2009, с. 44, №93.
6	Абганерово II, к. 13	МРС		ПСм	Дьяченко и др., 1995, с. 102, рис. 5: 2; Мошкова, 2009, с. 44, №91.
7	Абганерово II, к. 20	МРС		ПСм	Клепиков, Шинкарь, 1997, с. 84, рис. 3: 2; Мошкова, 2009, с. 44, №97.
8	Абганерово II, к. 21	МРС		ПСм	Клепиков, Шинкарь, 1997, с. 85, рис. 2: 2; Мошкова, 2009, с. 44, №98.
9	Абганерово II, к. 23	МРС		ПСм	Клепиков, Шинкарь, 1997, с. 86.
10	Абганерово II, к. 27	МРС	2 МРС	ПСм	Клепиков, Шинкарь, 1997, с. 88, рис. 4; Мошкова, 2009, с. 44, №97.
11	Абганерово II, к. 28	МРС		ПСм	Дьяченко, 1999, с. 31.
12	Абганерово II, к. 33	КРС	2 МРС, КРС	ПСм	Дьяченко, 1999, с. 35, рис. 2: 6; Мошкова, 2009, с. 44, №106.
13	Абганерово II, к. 35	МРС	МРС	ПСм	Дьяченко, 1999, с. 37, рис. 3: 2; Мошкова, 2009, с. 44, №108.
14	Абганерово II, к. 36	МРС		ПСм	Дьяченко, 1999, с. 38.
15	Кузин хутор, к. 26, п. 1	МРС	МРС	ПСм	Мошкова, 2009, с. 45, №120.
16	Старица, к. 70	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 46, №160.
17	Западенка, к. 2	дикое		ПСм	Мошкова, 2009, с. 51, №193.
18	Желтухин, к. 2	МРС		ПСм	Сергацков, 2000, с. 100; Мошкова, 2009, с. 52, №213.
19	Авилов II, к. 23	МРС		ПСм	Сергацков, 2000, с. 93; Мошкова, 2009, с. 53, №228.
20	Новый, к. 13, п. 1	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 54, №252.
21	Новый, к. 45, п. 1	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 54, №254.
22	Новый, к. 47, п. 1	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 55, №255.
23	Новый, к. 108, п. 1	МРС	лошадь, 2 МРС	ПСм	Мошкова, 2009, с. 55, №259.
24	Новый, к. 109	МРС, КРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 55, №260.
25	Кировский IV, к. 8, п. 1	МРС		ПСм	Кривошеев, Скрипкин, 2006, рис. 5: 2; Мошкова, 2009, с. 56, №268.
26	Новосадковский, к. 7	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 56, №270.
27	Новосадковский, к. 9	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 56, №271.
28	Новосадковский, к. 13	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 56, №273.
29	Новосадковский, к. 14	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 56, №274.
30	Новосадковский, к. 17	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 56, №276.
31	Весёлый III, к. 1	МРС		ПСм	Мыськов, Сергацков, 1994, с. 184; Мошкова, 2009, с. 58, №307.
32	Нагавский II, к. 11	МРС		ПСм	Мыськов, Сергацков, 1994, с. 180, рис. 1: 27; Мошкова, 2009, с. 59, №310.
33	Кривая Лука IX, к. 9, п. 1	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 60, №330.
34	Кривая Лука X, к. 8, п. 2	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 60, №332.
35	Кривая Лука XIV, к. 23	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 60, №335.
36	Кривая Лука XIV, к. 29, п. 1	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 60, №336.
37	Московский I, к. 1	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 61-62, №361.
38	Московский I, к. 7	МРС	МРС	ПСм	Мошкова, 2009, с. 62, №367.
39	Московский I, к. 10	МРС	МРС	ПСм	Мошкова, 2009, с. 62, №369.
40	Московский I, к. 12	МРС	МРС	ПСм	Мошкова, 2009, с. 62, №370.

41	Московский I, к. 14	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 62, №372.
42	Московский I, к. 17	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 62, №374.
43	Московский I, к. 18	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 62, №375.
44	Московский I, к. 19	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 62, №376.
45	Московский I, к. 20	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 63, №377.
46	Московский I, к. 21	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 63, №378.
47	Московский I, к. 22, п. 1	МРС		ПСм	Кривошеев, Скрипкин, 2006, рис. 5: 5; Мошкова, 2009, с. 63, №379.
48	Московский I, к. 23	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 63, №380.
49	Московский I, к. 24	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 63, №381.
50	Московский I, к. 25	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 63, №382.
51	Московский I, к. 26	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 63, №383.
52	Березняки, к. 6	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 71, №539.
53	Покровка 10, к. 50	МРС		ПСм	Малашев, Яблонский, 2008, с. 20, рис. 47: 7; Мошкова, 2009, с. 71, №539.
54	Кастырский VIII, к. 11, п. 1	МРС		ПСм	Мошкова, 2009, с. 81, №738.
55	Журавка, к. 10, п. 3	МРС		ПСм	Безуглов, Захаров, 1988, с. 10, рис. 2: 3а; Мошкова, 2009, с. 83, №768.
56	Журавка, к. 16	МРС		ПСм	Безуглов, Захаров, 1988, с. 10, рис. 1: 6; Мошкова, 2009, с. 83, №769.
57	Аксай II, к. 1, п. 1/2	МРС		ПСм	Яворская, 2010, с. 241, табл. 3.
58	Аксай II, к. 4	МРС		ПСм	Яворская, 2010, с. 241, табл. 3.
59	Аксай II, к. 5	МРС		ПСм	Яворская, 2010, с. 241, табл. 3.
60	Аксай II, к. 8	МРС		ПСм	Яворская, 2010, с. 241, табл. 3.
61	Аксай II, к. 29	МРС		ПСм	Яворская, 2010, с. 241, табл. 3.
62	Аксай IV, к. 1	МРС		ПСм	Яворская, 2010, с. 241, табл. 3.
63	Аксай IV, к. 2	МРС		ПСм	Яворская, 2010, с. 241, табл. 3.
64	Аксай IV, к. 3	МРС		ПСм	Яворская, 2010, с. 241, табл. 3.
65	Аксай V, к. 1	МРС		ПСм	Яворская, 2010, с. 241, табл. 3.
66	Аксай V, к. 2, пп. 1/1, 12	МРС		ПСм	Яворская, 2010, с. 241, табл. 3.
67	Аксай V, к. 3	МРС		ПСм	Яворская, 2010, с. 241, табл. 3.
68	Аксай V, к. 4	МРС		ПСм	Яворская, 2010, с. 241, табл. 3.
69	Перегрузное I, к. 26	МРС		ПСм	Яворская, 2010, с. 241, табл. 3.
70*	Жабай-Петровка, к. 32, ср. костяк	МРС		ПСм	Хабдулина, 1994, с.27, табл. 42: 1; Боталов, Гуцалов, 2000, рис. 40: II.
71	Садовое II, к. 1, п. 1	МРС	лошадь	ПСм	Очир-Горяева, 2017, с.183–184, ил. 3-7: 1; 3-18.
72*	Кохтебе 2, к. 39	МРС		ПСм	Малашев, 2016, с.30, рис. 46: 8.
73	Петрунино IV, к. 3	МРС		ПСм	Сергацков, 2000, с. 47.
74	Ковыльнов III, к. 5	МРС		ПСм	Глухов, 2009, с. 349, рис. 4: 2(1).
75	Валовый I, к. 3, п. 5	МРС		ПСм	Беспальный и др., 2007, с. 13, табл. 10: 1 (2).
76	Барановка I, к. 6, п. 1	МРС		РСм-2	Скрипкин, 1997, с. 175, №712; Сергацков, 2000, с. 26, рис. 27: 1.
77	Барановка I, к. 21, п. 2	МРС		ССм	Сергацков, 2000, с. 35, рис. 37: 1; Сергацков, 2002, с. 38, №13.
78	Барановка I, к. 24	МРС		ССм	Сергацков, 2000, с. 36, рис. 39: 1; Сергацков, 2002, с. 38, №11.
79*	Бережновка II, к. 21, п. 1	КРС		ССм	Синицын, 1960, с. 37, рис. 13: 1; Сергацков, 2002, с. 41, №73.
80*	Бережновка II, к. 21, п. 2	МРС		ССм	Синицын, 1960, с. 37, рис. 13: 4; Сергацков, 2002, с. 41, №72.
81	Авилов II, к. 10	МРС		ССм	Сергацков, 2000, с. 84, рис. 101: 2; Сергацков, 2002, с. 78, №705.
82	Первомайский VII, к. 20	МРС		ССм	Мамонтов, 2000, с. 26, рис. 18: 3; Сергацков, 2002, с. 86, №849.
83	Мариенталь, к. D21	МРС		ССм	Rau, 1927, S. 51, Abb. 42; Сергацков, 2002, с. 55, №320.
84	Красный Яр, к. 1	МРС?		ССм	Пшеничный, 1989, с. 101, рис. 2: а/7.
85*	Старые Киишки, к.15, п.10	МРС		РСм-2	Садыкова, Васильев, 2001, с. 59, рис. 8: 8.
86*	Старые Киишки, к.18, п.25	МРС		РСм-2	Садыкова, Васильев, 2001, с. 62, рис. 11: 5.

Примечания:

*) – комплексы, идентифицированные по иллюстрациям; сокращения:

ПСм – позднесарматская культура; ССм – среднесарматская культура;

РСм-2 – поздний этап раннесарматской культуры (III–I вв. до н.э.).

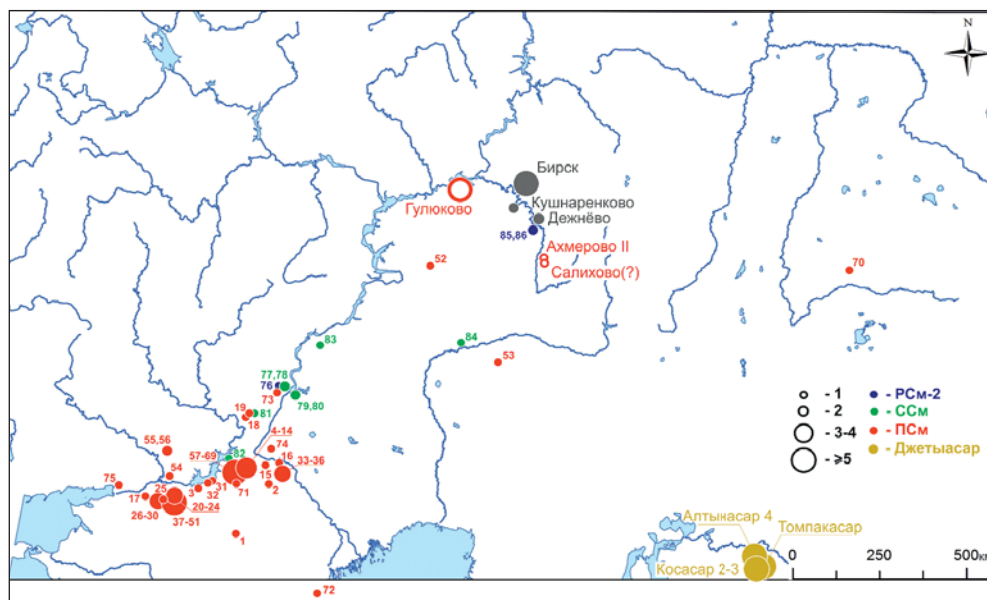

Рис. 5. Распространение комплексов костей домашних животных, аналогичных Гулюковскому могильнику (номера на карте соответствуют номерам в табл. 2).

Fig. 5. Distribution of domestic animal bones complexes similar to the ones from Gulyukovo burial ground (numbers on the map correspond to numbers in Table 2).

118). Таксономический состав комплексов – почти исключительно МРС; упомянуты 34 находки «обычно тех же частей» КРС и лошади (Левина, 1996, с. 120), но анатомический состав описан только для 2 комплексов костей лошади (Алтынасар 4л, к. 356, Косасар 2, к. 12, п. 1) и 4 – КРС (Алтынасар 4о, к. 450, Косасар 2, кк. 29, 69, Томпакасар, к. 50), и во всех случаях, кроме к. 356 Алтынасара 4, кости КРС и лошади встречаются вместе с аналогичными частями МРС (Левина, 1993а, с. 83; 1993б, с. 55; 1996, с. 79, 85).

Наборы костей животных, сходные с гулюковскими, известны и в погребальных памятниках бассейна р. Белой, но описания их состава крайне лапидарны или отсутствуют, идентификация возможна только на основании иллюстративного материала и нуждается в серьезной проверке. С большой долей вероятности к рассма-

триваемой группе можно отнести наборы костей из синхронных Гулюкову или несколько более ранних комплексов Ахмерово II, к. 8 (на плане в отчете (Васюткин, Калинин, 1975, рис. 2) просматриваются тазовая, бедренная, большеберцовая и пяточная кости, в публикации определяемые как «кости овцы» (Васюткин, 1977, с. 69, 76)) и, возможно, Салихово, к. 10 (МРС) (Васюткин, 1986, с. 182, табл. 1, рис. 5: 4); из не содержащих датирующих вещей, но, скорее всего, более поздних погребений Дежнево, к. 4 (лошадь) и к. 7 (МРС) (Сунгатов, 1995, с. 122), а также из относящихся к VI–VII вв. погребений Кушнаренковского (пп. 21 и 27; лошадь или КРС) (Генинг, 1977, с. 103, 105, рис. 10: 21/2, 27/2) и поздней части Бирского (от 7 до 10 погребений; информация А.А. Красноперова) могильников.

Выводы: Проведенное сравнение показывает кардинальное отли-

чие в использовании животных в погребальных обрядах Гулюковского могильника и могильников оседлых культур Нижнего Прикамья I–IV вв. н. э. В последних остатки животных либо отсутствуют (мазунинская культура), либо имеют принципиально иной анатомический и в значительной степени иной таксономический состав (пьяноборская, кара-абызская, азелинская культуры). В погребениях позднесарматской культуры Южного Приуралья также отсутствуют комплексы костей животных, аналогичные гулюковским. Это ставит вопрос о возможном не-приуральском происхождении обычая помещения в могилу в качестве заупокойной пищи (реальной или символической) задней конечности животного с тазовой костью, но без дистальной части, отчлененной по скакательному суставу.

За пределами Приуралья прослеживаются две компактные зоны распространения комплексов костей животных, идентичных гулюковским по анатомическому составу⁷: в позднесарматских могильниках Волго-Донского междуречья и джетыясарских памятниках Восточного Приаралья. С ними, по-видимому, и следует связывать происхождение рассматриваемой традиции. Реконструировать пути ее распространения и отдать приоритет одному из этих регионов крайне за-

труднительно ввиду недостатка достоверных данных по археозоологии памятников Волго-Уральского междуречья, что связано с целым рядом проблем, свойственных изучению остеологического материала сарматских культур (Яворская, 2010, с. 254). Все эти проблемы (неквалифицированные определения костей, утрата или выборочное взятие в коллекцию археозоологического материала, применение специалистами несопоставимых методик фиксации и анализа материала, ориентированных на решение узких исследовательских задач и т. п.) характерны и для памятников бассейна р. Белой. Это не позволяет адекватно ответить на вопросы, касающиеся бытования исследуемой особенности погребального обряда в регионе (например, отражают ли различия в таксономическом составе костей животных в более ранних (Ахмерово II и Салихово, МРС) и более поздних комплексах (Гулюково, КРС) процесс адаптации, упомянутый в прим. 7; существует ли преемственность между этими могильниками и памятниками гуннского и постгуннского времени (Дежнево, Кушнаренково, Бирск), или сходство наборов костей в них связано с общим происхождением и маркирует возможную вторую(?) волну проникновения рассматриваемой традиции (из Приаралья?) и т. д.).

Благодарности:

Авторы благодарны С.Э. Зубову и Н.А. Лифанову за возможность ознакомиться с неопубликованными результатами их раскопок в Кипчаково I и Ст. Киргизово; А.А. Красноперову за ценные консультации по памятникам бассейна р. Белой и предоставление материалов из его личного архива.

Примечания:

¹ Литерой «К» отмечены погребения из раскопок Н.М. Капленко: они имели отдельную нумерацию для исследованных в раскопах и вскрытых шурфами в бровке абразионного уступа. Последние обозначены исследователем как «пбо» – «погребения в береговом обнажении» (Капленко, 1997, с. 21–24). Единичные «пбо», изученные в

1999 и 2007 гг., не включены им ни в ту, ни в другую нумерацию (Капленко, 1999, с. 28; 2007, с. 22) и обозначены нами по году исследования.

² Можно предполагать, что изначально насыпи имелись: И.Г. Гайнуллин при анализе данных аэрофотосъемки 1959 г. зафиксировал наличие на пашне в междуречье рр. Игат и Тиргауш следов, напоминающих ряды распаханных курганов, что кардинально меняет тип, размеры и планиграфию могильника (Бугров Д.Г., Гайнуллин И.Г. (с уч. Вязова Л.А., Усманова Б.М.) Гулюковский могильник: топография, хронология, культурно-исторический контекст / Доклад на итоговой научной конференции ИА АН РТ. Казань, 15.02.2017 г.). В настоящее время им организованы геофизические исследования с целью проверки этой гипотезы.

³ В п. 18 могильника Чиатау найдены «три кости животных, вероятно, овец» (Мажитов, 1959, с. 109), но анатомический их состав неизвестен. Неучтенные Б.Б. Агеевым находки из могильников Ст. Чекмак I (П.Н. Старостин, 1976, 1978 гг.), Кипчаково I (С.Э. Зубов, 1992, 1994 гг.), Ст. Киргизово (Н.А. Лифанов, 2016–2017 гг.) вписываются в общую картину и представлены отдельными зубами лошади и фрагментами челюстей и зубами диких животных (медведь, барсук, лиса, волк(?), кабан).

⁴ Три находки в аксайских позднесарматских погребениях костей задней конечности КРС и одна – лошади (Яворская, 2010, табл. 7) происходят из разрушенных захоронений, представляют собой отдельные кости или неполный набор без тазовой кости (там же, с. 244–245) и не могут быть с уверенностью соотнесены с рассматриваемыми комплексами.

⁵ Выборка базируется главным образом на данных 4-томной «Статистической обработки погребальных памятников Азиатской Сарматии» (Скрипкин, 1997; Сергацков, 2002; Мошкова, 2009), которые, во-первых, неполны в силу естественного постоянного расширения источниковой базы (те же аксайские памятники, исследованные в 2001–2009 гг. (Яворская, 2010, с. 234), в сводку не вошли (Мошкова, 2009, с. 22–26)), во-вторых, содержат неизбежные для большого массива информации ошибки, в том числе обусловленные состоянием источников. Например, состав костей в Бережновке II, к. 21, пп. 1 и 2 (табл. 2: 79, 80) и в сводке (Сергацков, 2002, с. 41, № 72, 73), и в исходной публикации (Синицын, 1960, с. 37) определен как «кости овцы – нога с лопаткой», хотя на фото погребений (Синицын, 1960, рис. 13: 1, 4) отчетливо различимы кости задних конечностей: большеберцовая, бедренная и тазовая, в случае с п. 1 еще и принадлежащие не МРС, а КРС. К сожалению, другие данные «Статистической обработки...» не всегда поддаются верификации, как в этом случае.

⁶ Л.М. Левина приводит процентное соотношение комплексов с остатками животных для всей культуры («кости животных сохранились в 67% раскопанных курганов, при этом в 88% таких погребений – кости барана. Среди последних в 98% захоронений положены тазобедренные части...») (Левина, 1996, с. 120), которое, во-первых, подозрительно совпадает со статистикой находок костей животных в могильниках только группы Алтынасар 4 (Левина, 1994, с. 83), а во-вторых, изначально исчисляется из количества курганов, а не погребений, отчего неясно, как в нем учтены остатки животных из 82 курганов и 37 склепов, содержавших от 2 до 6 захоронений и, соответственно, более одного комплекса костей животных. В сводных таблицах (Левина, 1993а, с. 97–112; 1996, с. 130–152) есть данные о 402 или 404 комплексах (60 или 62 в склепах, 342 – в грунтовых могилах разных типов), из которых, если применить процентные выкладки Л.М. Левиной, 393–395 аналогичны гулюковским по анатомическому составу. Данные о точном количестве и анатомическом составе комплексов из могильников Бедаикасар 1–4 отсутствуют (Левина, 1993б, с. 34–37), поэтому они учтены в общей статистике, но не отражены на карте (рис. 4).

⁷ Таксономический состав существенно отличается: в Гулюково преобладает КРС, в Волго-Донском междуречье и Приаралье – МРС. Возможно, это связано с изменением хозяйственно-культурного типа пришлого кочевого(?) населения в процессе адап-

тации к условиям лесостепи: материалы по хозяйству и быту казахов XIX в. позволяют считать увеличение процента КРС в стаде в условиях уменьшения аридности вмещающего ландшафта и повышения степени оседлости «экологически оправданной закономерностью» (Косарев, 1984, с.65, 68).

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.
2. Анфимова Н.А., Татарская Л.Л., Захарова Т.И. Кулинария: учебник для сред. проф.-тех. училищ. М.: «Экономика», 1978. 296 с.
3. Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1989. 100 с.
4. Безуглов С., Захаров А. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в Правобережном Подонье // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5 / Ред. З.Н. Римская и др. Ростов-на-Дону: Ростов. кн. изд-во, 1988. С. 5–28.
5. Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А. Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник "Валовый 1" // Материалы и исследования по археологии Юга России. № 2. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. 186 с.
6. Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 267 с.
7. Бугров Д.Г., Асылгараева Г.Ш. Использование животных в погребальном обряде Гулюковского могильника позднесарматского времени // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, ООО «Порто-Принт», 2018. С. 197–199.
8. Бугров Д.Г., Капленко Н.М., Ситдииков А.Г. К вопросу о начале мусульманизации населения восточной периферии Волжской Булгарии // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 19–25.
9. Васюткин С.М. II Ахмеровский курганный могильник // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 67–89.
10. Васюткин С.М. Салиховский курганный могильник конца IV–V в. в Башкирии // СА. 1986. № 2. С. 180–197.
11. Васюткин С.М., Калинин В.К. Отчет об исследованиях первого отряда археологической экспедиции Башгосуниверситета в 1974 году. Уфа, 1975 // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 5415, 5415а (альбом илл.).
12. Гавритухин И.О. Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: конференция 2: сб. науч. статей / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Ч. 1. Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2010. С. 49–67.
13. Газимзянов И.Р., Волкова Е.В. Антропология Гулюковского могильника по данным краниологии // Археология евразийских степей. 2017. № 4. С. 135–142.
14. Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск, 1967. С. 7–84.
15. Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнареново на р. Белой (VI–VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1977. С. 90–136.
16. Глухов А.А. Позднесарматские погребения могильника Ковыльнов III // НАВ. Вып. 10. / Отв. ред. А.С. Скрипкин, Л.Т. Яблонский. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 347–362.
17. Голдина Р.Д., Сабиров Т.Р., Сабирова Т.М. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. Т. III / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 29. Казань, Ижевск: Институт археологии им. Халикова АН РТ, Удмуртский университет, 2015. 297 с.

18. *Гопкало О.В.* Бусы и подвески черняховской культуры. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2008. 252 с.

19. *Дьяченко А.Н.* Исследования курганного могильника Абганеро-П в Октябрьском районе Волгоградской области // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 3 / Отв. ред. Б.Ф. Железчиков. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. С. 31–45.

20. *Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Шинкарь О.А.* Археологические исследования у с. Абганеро-П Октябрьского района Волгоградской области // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области / Отв. ред. Б.Ф. Железчиков. Волгоград: Перемена, 1995. С. 83–139.

21. *Капленко Н.М.* Отчет об охранно-спасательных и разведочных работах в зоне Нижнекамского водохранилища в Мензелинском и Тукаевском районах в пределах Республики Татарстан в 1997 г. Набережные Челны, 1997 / НФ МАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 95.

22. *Капленко Н.М.* Отчет об охранно-спасательных и разведочных работах в зоне Нижнекамского водохранилища в Мензелинском и Тукаевском районах в пределах Республики Татарстан в 1999 году. Набережные Челны, 1999 / НФ МАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 122.

23. *Капленко Н.М.* Отчет о проведенных археологических раскопках в Мензелинском районе Республики Татарстан в 2007 году / Набережные Челны, 2007. НФ МАРТ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 238.

24. *Клепиков В.М., Шинкарь О.А.* Позднесарматский могильник Абганеро-П // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 2 / Отв. ред. Б.Ф. Железчиков. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. С. 81–101.

25. *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 302 с.

26. *Кривошеев М.В., Скрипкин А.С.* Позднесарматская культура междуречья Волги и Дона. Проблема становления и развития // РА. 2006. № 1. С. 124–136.

27. *Левина Л.М.* Джетыясарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. II. Джетыясарская культура. Ч. I. Склепы / Отв. ред. Б.И. Вайнберг. М.: б/и, 1993а. С. 33–198.

28. *Левина Л.М.* Раскопки могильников в окрестностях городищ Бедаик-асар, Кос-асар и Томпак-асар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. Джетыясарская культура. Ч. 2. Могильники Томпакасар и Косасар / Отв. ред. С.А. Трудновская. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993б. С. 32–193.

29. *Левина Л.М.* Могильники Алтынасар 4 // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. IV. Джетыясарская культура. Ч. 3–4. М.: ИЭА РАН, 1994. 312 с.

30. *Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.: Восточная лит-ра, 1996. 396 с.

31. *Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Морозов В.В., Бугров Д.Г.* Керамические и кремневые материалы Гулюковской I стоянки: к проблеме разграничения гребенчатых и накольчатых комплексов Иско-Бельского междуречья // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова / Под ред. В.М. Лозовского, О.В. Лозовской, А.А. Выборнова. Спб.: ИИМК РАН, 2015. С. 71–75.

32. *Мажитов Н.А.* Чиатавский могильник // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: б/и, 1959. С. 100–113.

33. *Малашев В.Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.

34. *Малашев В.Ю.* Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2013. 301 с.

35. *Малашев В.Ю.* Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II – середины V в. н.э. М.: ИА РАН, 2016. 208 с.

36. Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10 / МИАР. № 9. М.: Восточная литература, 2008. 364 с.
37. Мамонтов В.И. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. 149 с.
38. Мошкова М.Г. Анализ сарматских погребальных памятников II–IV вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Восточная литература, 2009. С. 21–162.
39. Мыськов Е.П., Сергацков И.В. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону // РА. 1994. № 2. С. 179–190.
40. Овсянников В.В., Савельев Н.А., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.
41. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.
42. Очир-Горяева М.А. Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалМНЦ РАН, 2017. 420 с.
43. Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986. 191 с.
44. Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань: РИЦ «Школа», 2000. 155 с.
45. Пшеничниук А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничниук. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–131.
46. Пшеничниук А.Х. Сарматский могильник Красный Яр в Оренбургской области // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья / Ред. Ю.А. Морозов, А.Х. Пшеничниук. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 99–119.
47. Садыкова М.Х., Васильев В.Н. Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // УАВ. Вып. 3 / Отв. ред. В.К. Федоров. Уфа: НМ РБ, 2001. С. 55–80.
48. Сергацков И.В. Анализ сарматских погребальных памятников I–II вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III: Среднесарматская культура / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Вост. лит-ра, 2002. С. 22–129.
49. Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 2000. 396 с.
50. Симоненко А.В. Заметки о погребальном обряде поздних сарматов Северного Причерноморья // НАВ. Вып. 12 / Отв. ред. А.С. Скрипкин, Л.Т. Яблонский. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011. С. 169–183.
51. Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // МИА. № 78 / Отв. ред.: Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 10–168.
52. Скрипкин А.С. Анализ сарматских погребальных памятников III–I вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.) / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1997. С. 131–212.
53. Старостин П.Н. Рождественский V могильник // Археология евразийских степей. Вып. 9. Казань: ИИ АН РТ, 2009. 144 с.
54. Сунгатов Ф.А. Погребальные комплексы Дежневского и Ново-Турбаслинского могильников (по материалам раскопок 1989–1992 гг.) // Курганы кочевников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: Гилем, 1995. С. 118–137.
55. Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.
56. Шнайдиштейн Е.В. Раскопки курганной группы Купцын Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья / Отв. ред. У.Э. Эрдниев.

Элиста: Калм. НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров Калм. АССР (КНИИИФЭ), 1981. С. 78–119.

57. Яворская Л.В. Особенности использования животных в погребальных обрядах кочевников сарматского времени Волго-Донского региона (по археозоологическим материалам могильников бассейна реки Аксай Есауловский) // НАВ. Вып. 11 / Отв. ред. А.С. Скрипкин, Л.Т. Яблонский. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2010. С. 233–256.

58. Rau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926 // Mitteilungen des Zentralmuseums der Aut. Sozial. Räte-Republik der Wolgadeutschen / Jahrgang 2. Hf. 1. Pokrowsk: Deutscher Staatsverlag «NEMGOSISDAT» ASRR der W.-D., 1927. 78 S..

Информация об авторах:

Бугров Дмитрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); shikhan66@mail.ru

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна, кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gul_shat@mail.ru

ANIMALS IN A BURIAL RITE OF THE POPULATION OF THE LOWER KAMA REGION IN THE FIRST HALF OF THE 1ST MILLENNIUM AD (BASED ON MATERIALS FROM GULYUKOVO BURIAL GROUND)

D.G. Bugrov, G.Sh. Asylgaraeva

The paper featured the results of a study of animal remains from the graves of the Late Sarmatian period at Gulyukovo burial ground on the Ik river (Tatarstan) in the context of the burial traditions of the population of the Lower Kama basin in the 1st – 4th centuries AD. A stable anatomical composition of the complexes of animal bones placed in the graves as funeral food was revealed. The taxonomic composition is less monolithic, and large cattle bones are predominant. A comparison with the Pyany Bor, Mazunino, Kara-Abyz and Azelino burial grounds revealed a radical difference between the anatomical and taxonomic composition of the compared osteological complexes. In this regard, the authors made a conclusion on the various meaning of animal remains in the burial rites of Gulyukovo burial ground and cemeteries of the aforesaid cultures. The use of a wider range of counterparts has revealed a similarity in the anatomical composition and function of the bone sets from Gulyukovo complexes with the animal remains discovered in the late Sarmatian burials of the Volga-Don interfluvium and in the burials of the Dzhetysay culture on the Lower Syr Darya. The authors are convinced that an unambiguous determination of the origins of the tradition in question and tracing of its distribution in synchronous (Akhmerovo II, Salikhovo) and development in the later (Dezhnevo, Kushnarenkovo, Birsik) burial grounds of the region is impossible due to the current state of the source base.

Keywords: archaeology, archaeozoology, Lower Kama Region, Late Sarmatian Period, burial rite, animal bones.

REFERENCES

1. Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaia kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
2. Anfimova, N. A., Tatarskaya, L. L., Zakharova, T. I. 1978. *Kulinariya (Culinary Art)*. Moscow: "Ekonomika" Publ. (in Russian).
3. In Kazakov, E. P. (ed). 1989. *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnogo Zakam'ia (Archaeological Sites of the Eastern Trans-Kama Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

4. Bezuglov, S., Zakharov, A. 1988. In Rinskaya, Z. N. et al. (eds.). *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya (Bulleting of the Rostov Regional Museum of Local Lore)* 5. Rostov-na-Donu: Rostov kn. izd-vo Publ., 5–28 (in Russian).
5. Bespaliy, E. I., Bespalaya, N. E., Raev, B. A. 2007. *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurganniy mogil'nik "Valoviy I" (Ancient population of the Lower Don. Valovy I Burial Mounds)* / Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Yuga Rossii (Burial Rite of the Early Nomads of Eurasia. Series Materials and Studies on Archaeology of South of Russia) II. Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences Publ. (in Russian).
6. Botalov, S. G., Gutsalov, S. Yu. 2000. *Gunno-sarmaty Uralo-kazakhstanskikh stepei (The Huns/Sarmatians of the Ural-Kazakhstan Steppes)*. Cheliabinsk: "Rifei" Publ. (in Russian).
7. Bugrov, D. G., Asylgaraeva, G. Sh. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 197–199 (in Russian).
8. Bugrov, D. G., Kaplenko N. M., Sitdikov, A. G. 2010. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (4), 19–25 (in Russian).
9. Vasiutkin, S. M. 1977. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii Iuzhnogo Urala (Studies on the Archaeology of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 67–89 (in Russian).
10. Vasiutkin, S. M. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 180–197 (in Russian).
11. Vasyutkin, S. M., Kalinin, V. K. 1975. *Otchet ob issledovaniyakh pervogo otryada arkheologicheskoy ekspeditsii Bashgosuniversiteta v 1974 godu (Report on the Research by the First Group of Bashkir State University Archaeological Expedition in 1974)*. Ufa. Archive of the Institute of Archaeology of the RAS, f. R-1, D. 5415, 5415a (al'bom ill.) (in Russian).
12. Gavritukhin, I. O. 2010. In Vorontsov, A. M., Gavritukhin, I. O. (eds.). *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and Forest-steppe Zone of Eastern Europe during the Era of Roman Influence and the Great Migration)* 1. Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve, 49–67 (in Russian).
13. Gazimzianov, I. R., Volkova, E. V. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4. 135–142 (in Russian).
14. Gening, V. F. 1967. In Medvedev, A. F. (ed.). *Pamiatniki mazuninskoi kul'tury (Sites of the Mazunino Culture)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (*Issues of the Ural Archaeology*) 7. Sverdlovsk, 7–84 (in Russian).
15. Gening, V. F. 1977. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Issledovaniia po arkheologii Iuzhnogo Urala (Studies on the Archaeology of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 90–136 (in Russian).
16. Glukhov, A. A. 2009. In Skripkin, A. S., Yablonsky, L. T. (eds.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 10. Volgograd: Volgograd State University, 347–362 (in Russian).
17. Goldina, R. D., Sabirov, T. R., Sabirova, T. M. 2015. *Pogrebal'nyi obriad Tarasovskogo mogil'nika I–V vv. na Srednei Kame (Burial Rite in the Tarasovo Burial Ground from Ist–5th Centuries in the Middle Kama Area)* III. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Viatka Archaeological Expedition) 29. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
18. Gopkalo, O. V. 2008. *Busy i podveski cherniakhovskoi kul'tury (Beads and Pendants of the Cherniakhov Culture)*. Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
19. D'iachenko, A. G. 1999. In Zhelezchikov, B. F. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Nizhnem Povolzh'e (Historical and Archaeological Studies in the Lower Volga Region)* 3. Volgograd: Volgograd State University Publ., 31–45 (in Russian).
20. D'iachenko, A. N., Blokhin, V. G., Shinkar', O. A. 1995. In Zhelezchikov, B. F. (ed.). *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniya v Volgogradskoy oblasti (Archaeological and Ethnographic Studies in the Volgograd Region)*. Volgograd: "Peremena" Publ., 83–139 (in Russian).

21. Kaplenko, N. M. 1997. *Otchet ob okhranno-spasatel'nykh i razvedochnykh rabotakh v zone Nizhnnekamskogo vodokhranilishha v Menzelinskom i Tukaevskom rayonakh v predelakh Respubliki Tatarstan v 1997 g. (Report on Rescue and Exploration Activities in the Area of Nizhnnekamsk Reservoir in the Menzelinsk and Tukay Districts of the Tatarstan Republic in 1997)*. Naberezhnye Chelny. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1, dossier 95 (in Russian).
22. Kaplenko, N. M. 1999. *Otchet ob okhranno-spasatel'nykh i razvedochnykh rabotakh v zone Nizhnnekamskogo vodokhranilishha v Menzelinskom i Tukaevskom rayonakh v predelakh Respubliki Tatarstan v 1999 godu (Report on Rescue and Exploration Activities in the Area of Nizhnnekamsk Reservoir in the Menzelinsk and Tukay Districts of the Tatarstan Republic in 1999)*. Naberezhnye Chelny. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1, dossier 122 (in Russian).
23. Kaplenko, N. M. 2007. *Otchet o provedennykh arkheologicheskikh raskopkakh v Menzelinskom rayone Respubliki Tatarstan v 2007 godu (Report on Archaeological excavations in the Menzelinsk District of the Tatarstan Republic in 2007)*. Naberezhnye Chelny. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 4. Inv. 1, dossier 238 (in Russian).
24. Klepikov, V. M., Shinkar', O. A. 1997. In Zhelezchikov, B. F. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Nizhnem Povolzh'e (Historical and Archaeological Studies in the Lower Volga Region)* 2. Volgograd: Volgograd State University Publ., 81–101 (in Russian).
25. Kosarev, M. F. 1984. *Zapadnaya Sibir' v drevnosti (Western Siberia in Antiquity)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
26. Krivosheev, M. V., Skripkin, A. S. 2006. In Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology) (1), 124–136 (in Russian).
27. Levina, L. M. 1993. In Vainberg, B. I. (ed.). *Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti. Vyp. II. Dzhetysarskaia kul'tura. Ch. 1. (Lower Reaches of the Syr Darya in Antiquity. Iss. 2. Jetyasar culture. Pt. 1)*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 33–198 (in Russian).
28. Levina, L. M. 1993. In Trudnovskaya, S. A. (ed.). *Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti. Vyp. III. Dzhetysarskaia kul'tura. Ch. 2. Mogil'niki Tompakasar i Kosasar (Lower Reaches of the Syr Darya in Antiquity. Iss. 3. Jetyasar culture. Pt. 2. Tompakasar and Kosasar Cemeteries)*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32–193 (in Russian).
29. Levina, L. M. 1994. In *Mogil'niki Altynasar 4 (Altynasar 4 Cemeteries)*. Series: *Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti. Vyp. IV. Dzhetysarskaia kul'tura. Ch. 3–4. (Lower Reaches of the Syr Darya in Antiquity. Iss. 4. Jetyasar culture. Pt. 3–4)*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
30. Levina, L. M. 1996. *Etnokul'turnaia istoriia Vostochnogo Priaral'ia. I tysiacheletie do n.e. – I tysiacheletie n.e. (Ethnic and Cultural History of Eastern Aral Sea Region of I Millennium BC – I Millennium AD)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
31. Lyganov, A. V., Galimova, M. Sh., et al. 2015. In Lozovskii, V. M., Lozovskaia, O. V. (eds.). *Neoliticheskie kul'tury Vostochnoi Evropy: khronologiya, paleoekologiya, traditsii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 75-letiiu V.P. Tretyakova (Neolithic Cultures of Eastern Europe: Chronology, Paleoecology, Traditions)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 71–75 (in Russian).
32. Mazhitov, N. A. 1959. In Smirnov, A. P., Kuzev, R. G. (eds.). *Bashkirskiy arkheologicheskii sbornik (Bashkir Archaeological Collection of Papers)*. Ufa. 100–113 (in Russian).
33. Malashev, V. Yu. 2000. In Guguev, Yu. K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (Sarmatians and Their Neighbors on the Don)*. Rostov-on-Don: "Terra" Publ., 194–232 (in Russian).
34. Malashev, V. Yu. 2013. *Pozdnesarmatskaya kul'tura Yuzhnogo Priural'ya vo II–III vv. n.e. (Late Sarmatian Culture of the Southern Cis-Urals in the 2nd – 3rd cc. AD)*. PhD Diss. Moscow (in Russian).
35. Malashev, V. Yu. 2016. *Pamyatniki srednesarmatskoy kul'tury severokavkazskikh stepey i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroy poloviny II – serediny V v. n.e. (Sites of the Middle Sarmatian Culture of the North Caucasian Steppes and their Traditions in*

the Burial Mounds of the North-East Caucasus of the Second Half of the 2nd – mid-5th cc. AD) Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

36. Malashev, V. Yu., Yablonskii, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie iuzhnogo Priural'ia v pozdne-sarmatskoe vremia: po materialam mogil'nika Pokrovka 10* (*The Steppe Population of South Urals in the Late Sarmatian Time: On the materials from Pokrovka 10 burial ground*). Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii* (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 9. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

37. Mamontov, V. I. 2000. *Drevnee naselenie levoberezh'ya Dona (po materialam kurgannogo mogil'nika Pervomayskiy VII)* (*Ancient Population of the Left Bank of the Don River (Based on Materials from Pervomayskiy VII Burial Mound)*). Volgograd: Volgograd State University Publ. (in Russian).

38. Moshkova, M. G. 2009. In Moshkova, M. G. (ed.). *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Vyp. IV: Srednesarmatskaya kul'tura* (*Statistical Processing of the Burial Sites of Asian Sarmatia. Issue IV: Middle Sarmatian Culture*). Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 21–162 (in Russian).

39. Mys'kov, E. P., Sergatskov, I. V. 1994. In *Rossiiskaia Arkheologiya* (*Russian Archaeology*) (2), 179–190 (in Russian).

40. Ovsiannikov, V. V., Savelyev, N. S., Akbulatov, I. M., Vasilyev, V. N. 2007. *Shipovskii mogil'nik v lesostepnom Priural'e* (*Shipovo Burial Ground in the Cis-Urals Forest-Steppe Area*). Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

41. Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv.* (*Population of the Middle Kama Region in 3rd – 5th Centuries AD*). Izhevsk: Udmurt Institute of the History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

42. Ochir-Goryaeva, M. A. 2017. *Drevnie nekropoli Ergeninskoy vozvyshehnosti* (*Ancient Necropolises of the Ergeni Upland. Elista: Kalmyk Scientific center of the Russian Academy of Sciences, 2017*). Elista: Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences (in Russian).

43. Peters, B. G. 1986. *Kostoreznoe delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya* (*Bone Carving in the Ancient States of the Northern Pontic*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

44. Petrenko, A. G. 2000. *Sledy ritual'nykh zivotnykh v mogil'nikakh drevnego i srednevekovogo naseleniya Srednego Povolzh'ya i Predural'ya* (*Traces of Ritual Animals in the Burial Grounds of the Ancient and Medieval Population of the Middle Volga Region and the Cis-Urals*). Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

45. Pshenichniuk, A. Kh. 1976. In Kuzev, R. G., Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Drevnosti Yuzhnogo Urala* (*Antiquities of the Southern Urals*). Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–131 (in Russian).

46. Pshenichnyuk, A. Kh. 1989. In Morozov, Yu. A., Pshenichnyuk, A. Kh. (eds.). *Materialy po epokhe bronzy i rannego zheleza Yuzhnogo Priural'ya i Nizhnego Povolzh'ya* (*Materials of the Bronze Age and Early Iron Age from the Southern Cis-Urals and Lower Volga Region*). Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 99–119 (in Russian).

47. Sadykova, M. Kh., Vasilyev, V. N. In Fedorov, V. K. (ed.) *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik* (*Ufa Archaeological Bulletin*) 3. Ufa: National Museum of the Bashkir Republic, 55–80 (in Russian).

48. Sergatskov, I. V. 2002. In Moshkova, M. G. (ed.). *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Vyp. III: Srednesarmatskaya kul'tura* (*Statistical Processing of the Burial Sites of Asian Sarmatia. Issue III: Middle Sarmatian Culture*). Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 22–129 (in Russian).

49. Sergatskov, I. V. 2000. *Sarmatskie kurgany na Ilovle* (*Sarmatian Barrows on the Ilovlya River*). Volgograd: Volgograd State University (in Russian).

50. Simonenko, A. V. 2011. In Skripkin, A. S., Yablonsky, L. T. (eds.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik* (*Lower Volga Archaeological Bulletin*) 12. Volgograd: Volgograd State University, 169–183 (in Russian).

51. Sinitsyn, I. V. 1960. In Krupnov, E. I., Smirnov, K. F. (eds.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (*Materials and Research in Archaeology USSR*) 78. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 10–168 (in Russian).

52. Skripkin, A. S. 1997. In Moshkova, M. G. (ed.). *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Vyp. II: Rannesarmatskaya kul'tura (IV–I vv. do n.e.)* (*Statistical*

Processing of the Burial Sites of Asian Sarmatia. Issue II: Early Sarmatian Culture (4th – 1st cc. B.C.). Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 131–212 (in Russian).

53. Starostin, P. N. 2009. *Rozhdestvenskii V mogil'nik (Rozhdestveno 5th Burial Ground)*. Series: *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 9. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

54. Sungatov, F. A. 1995. In Ageev, B. B. (ed.). *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala (Mounds of the Nomads of the Southern Urals)*. Ufa: "Gilem" Publ., 1995. 118–137 (in Russian).

55. Khabdulina, M. K. 1994. *Stepnoe Priishim'e v epokhu rannego zheleza (Steppe Ishim River Area in the Early Iron Age)*. Almaty: "Rakurs" Publ. (in Russian).

56. Shnaidshtein, E. V. 1981. In Erdniev, U. E. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Kalmykii epokhi bronzy i srednevekov'ya (Archaeological Sites of Kalmykia in the Bronze and Middle Ages)*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economy at the Council of Ministers of Kalmyk ASSR. 78–119 (in Russian).

57. Yavorskaya, L. V. 2010. In Skripkin, A. S., Yablonsky, L. T. (eds.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 11. Volgograd: Volgograd State University, 233–256 (in Russian).

58. Rau, P. 1927. In *Mitteilungen des Zentralmuseums der Aut. Sozial. Räte-Republik der Wolga-deutschen* / Jahrgang 2. Hf. 1. Pokrowsk: Deutscher Staatsverlag "NEMGOSISDAT" ASRR der W.-D.

About the Authors:

Bugrov Dmitriy G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; shikhan66@mail.ru

Asylgaraeva Gulshat Sh. Candidate of Veterinary Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gul_shat@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

УДК904/903.28:903.01(571.54)+569(571.54) <https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.167.183>

**ИВОЛГИНСКОЕ ХУННСКОЕ ГОРОДИЩЕ В ЗАБАЙКАЛЬЕ:
АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2017 Г.)¹**

**© 2020 г. А.М. Клементьев, А.И. Симухин,
В.В. Бурова, С.Д. Прокопец**

В статье представлена археозоологическая коллекция Иволгинского городища, расположенного на берегу реки Селенги в Иволгинской впадине (Забайкалье). Исследование проведено на материалах раскопок 2017 г. Археозоологические сборы позволили определить присутствие разных категорий костных остатков. Таксономический состав разнообразен, присутствуют домашние (собака, лошадь, корова, овца, коза, свинья) и промысловые (тарбаган, заяц-беляк, лисица, медведь бурый, косуля, изюбрь, кабарга, лось) млекопитающие. Доминирующим среди домашних животных был КРС, затем следуют МРС и лошадь. Размеры КРС невелики и укладываются в размах изменчивости аборигенных пород. Свинья была вспомогательным видом. Многочисленность остатков собаки и следы разделки могут свидетельствовать о собакоедении. Среди промысловых видов доминирует косуля, заяц-беляк и изюбрь заметно уступают в доле добычи. Остальные виды единичны в коллекции. Пищевой спектр довольно уравновешенный – по ниспадающей потреблялась говядина, конина и мясо мелкого рогатого скота. Незначительная доля свинины и собачатины может говорить о дифференцировании населения городища. Преобладание взрослых домашних животных в остеологических спектрах говорит в пользу оседлости населения и производстве молока (КРС), шкур (КРС, МРС) и шерсти (МРС). Большое значение на городище имело косторезное ремесло. Авторами описаны приемы обработки лопаточных и метаподиальных костей копытных.

Ключевые слова: археология, Забайкалье, хунну, Иволгинское городище, археозоология, косторезное ремесло, крупный рогатый скот, пищевой спектр.

Введение.

Исследования Иволгинского городища ведутся с 1927 г. При раскопках этого поселения хуннской эпохи были получены многочисленные археологические материалы (Давыдова, 1956, 1995). Остеологическая коллекция была обработана лишь из раскопок 1949–1950, 1955 и 1956 гг. (Гарутт, Юрьев, 1959). Видовой состав домашних животных с Иволгинского городища был определен В.И. Бибиковой

по материалам 1949–1950 гг. раскопок (Давыдова, 1956, с. 299). При этом фактически было установлено и соотношение остатков домашних животных (по убыванию): КРС, МРС, лошадь, собака, свинья. Были определены также единичные кости яка и верблюда. В.Е. Гарутт и К.Б. Юрьев (1959) установили присутствие промысловых видов: лисицы, оленя и косули. Полученные археозоологические коллекции из раскопок 1958–

¹ Исследования выполнены при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии» (полевые работы и косторезное дело) и РФФИ 18-05-00746 (морфометрическая обработка и интерпретация).

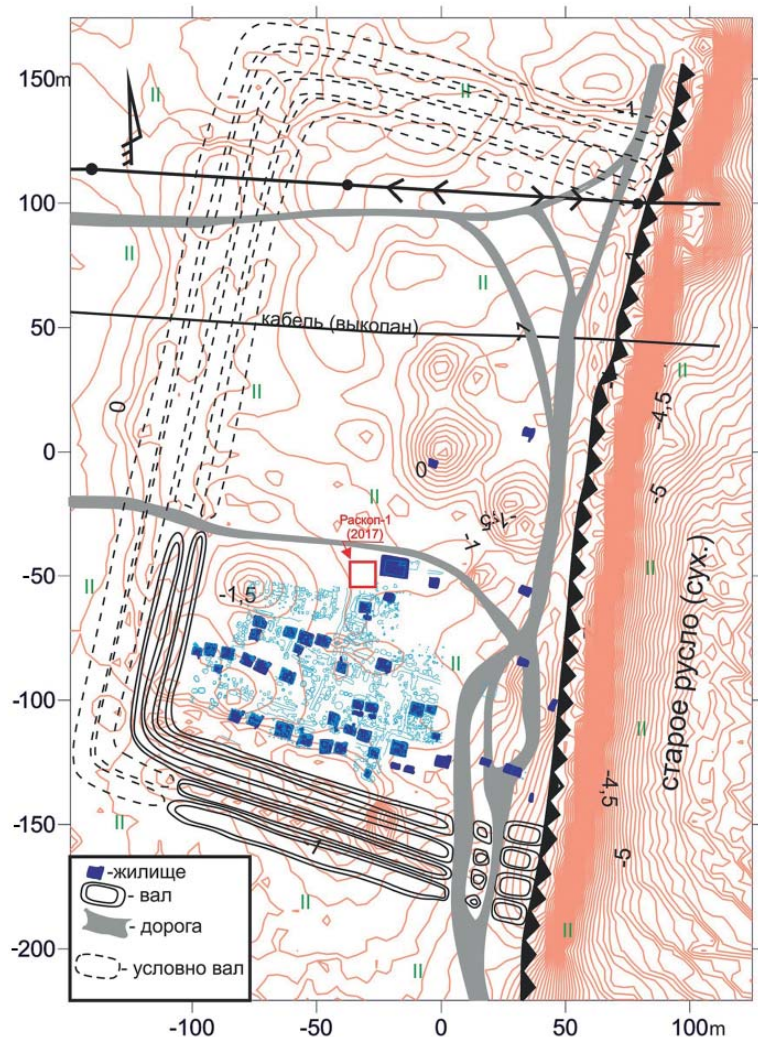

Рис. 1. План Иволгинского городища с расположением раскопа 2017 г.

Fig. 1. Layout of Ivolginsk fortress with the excavation of 2017.

1988 гг. нашли отражение лишь как предметы из кости (Давыдова, 1995, с. 28–32), без подробных биоархеологических характеристик.

Многочисленные археологические материалы позволяют датировать культурный слой объекта концом I тыс. до н. э. – началом I тыс. н. э. (Давыдова, 1995). Полученные радиоуглеродные датировки (Ташак, 2005; Losey et al., 2018) подтверждают типологические. В данной статье приводится археозоологическая характе-

ристика Иволгинского городища по материалам раскопок 2017 г. (рис. 1).

Материалы и методы. Osteологические материалы раскопок составили свыше 5,7 тысяч остатков различных таксономических групп. Из них 5616 остатков принадлежали млекопитающим; 23,7% из этих костей являются определяемыми до уровня рода и вида. Птичьих и рыбьих остатков, вместе взятых, 2,1%. Остатки млекопитающих представлены элементами скелета домашних и промысловых видов.

Таблица 1

Сводная таблица остеологического материала, найденного при раскопках
Иволгинского городища (исследования 2017 года)

Таксон	NISP	%	из них:			
			обожженных	обработанных	погрызенных	из ЖКТ
Млекопитающие (Mammalia)						
Домашние						
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	74	5,6			10	2
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	171	12,9	1		5	
Свинья (<i>Sus scrofa domestica</i>)	41	3,1	3	1	3	2
Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	408	30,8	7	6	11	
Овца домашняя (<i>Ovis aries</i>)	139	10,5		11	4	
Коза домашняя (<i>Capra hircus</i>)	10	0,8		3	1	1
Мелкий рогатый скот (<i>Ovis/Capra</i>)	155	11,7	1	12	5	2
Промысловые						
Сурок-тарбаган (<i>Marmota sibirica</i>)	3	0,2				
Заяц-беляк (<i>Lepus timidus</i>)	45	3,4	1		1	
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	3	0,2	1			
Медведь (<i>Ursus arctos</i>)	2	0,1				1
Косуля (<i>Capreolus pygargus</i>)	254	19,3	4	10	8	2
Кабарга (<i>Moschus moschiferus</i>)	2	0,1			1	
Изюбрь (<i>Cervus elaphus</i>)	13	1,0				
Лось (<i>Alces</i> sp.)	4	0,3			1	
Олени (<i>Cervidae</i> gen.)	2	-		2		
Неопределимые ближе						
Крупное копытное	1398	-	4	2	1	
Копытное среднего размера	1078	-		1	6	9
Неопределимые	1808	-	77	19	3	22
Всего	5616	100	101	66	60	41
Птица (Aves)	55	-	3	4		
Рыба (Pisces)	67	-				
в т.ч. Осетровые	2	-				

Среди первых определены собака, лошадь, крупный рогатый скот, домашние баран, козёл и свинья. Среди промысловых встречены кости тарбагана, зайца, лисицы, медведя, косули, кабарги, изюбря и лося. Определены были также несколько антропологических останков. Подсчет остатков осуществлялся суммарно по всему раскопу. Результаты определения материала представлены в таблице 1.

Методики археозоологических исследований слоев поселений достаточно хорошо разработаны (Цалкин, 1956, 1970, Антипина, 2004) и были использованы нами. Подходы к определению размеров и возраста домашних животных были заимствованы в работах В.О. Витта (1952), В.И. Цалкина (1956, 1970), М. Тайхета (Teichert, 1975). При метрическом исследовании материала использована схема промеров А. фон де Дриш

(von den Driesch, 1976) с некоторыми дополнениями. За основу подсчета соотношений животных нами берется количество остатков (NISP). Метрические характеристики материала приводятся по хорошо сохранившимся элементам скелета.

Результаты.

Домашние животные. Среди определимых остатков доминируют фрагменты элементов скелета крупного рогатого скота *Bos taurus*. Значительное количество черепных остатков КРС представлено фрагментами роstralного отдела (челюстные остатки) черепа. Полные кости сохранились только от дистальных частей конечности – единичные карпальные, тарсальные кости и фаланги. Полных пястных и плюсневых костей КРС не найдено, что может интерпретироваться как результат интенсивной их утилизации. Одной из

Таблица 2

Размеры скелетных элементов крупного рогатого скота и овец, в мм

КРС <i>Bos taurus</i>						
Промеры [von den Driesch, 1976]	Иволгинское городище			Промеры [von den Driesch, 1976]	Иволгинское городище	
	Maxilla				Mandibula	
	n	lim	M		n	lim
20. Длина ряда P-M	2	127,6; 133,6	-	9. Длина ряда P	1	-
21. Длина ряда M	3	77,9-85,3	82,8	Длина P/2	2	11,9; 13,4
22. Длина ряда P	5	50,1-60,7	54,3	Ширина P/2	2	9,1; 9,3
Длина P2/	2	14,9; 18,4	-	Длина P/3	5	18,1-20,8
Ширина P2/	2	12,4; 12,8	-	Ширина P/3	5	10,4-13,1
Длина P3/	5	16,6-19,1	18,2	Длина P/4	5	20,5-22,6
Ширина P3/	5	15,0-17,7	16,4	Ширина P/4	5	12,1-14,8
Длина P4/	8	15,9-20,5	18,2	Длина M/1	5	22,5-29,9
Ширина P4/	8	15,1-22,8	18,8	Ширина M/1	5	11,2-16,0
Длина M1/	7	20,0-24,7	22,6	Длина M/2	5	24,9-34,1
Ширина M1/	7	18,3-25,8	21,3	Ширина M/2	5	12,7-17,1
Длина M2/	5	26,0-28,7	27,5	Длина M/3	5	36,8-42,6
Ширина M2/	5	18,7-25,2	21,5	Ширина M/3	5	12,1-18,2
Длина M3/	6	28,3-32,1	30,6	Длина талонида M/3	3	7,9-10,2
Ширина M3/	6	18,3-26,9	22,4	15b. Высота кости за M/1	2	51,3; 567
-				Толщина кости у M/1	2	23,7; 28,9
Овцы <i>Ovis aries</i>						
Промеры [von den Driesch, 1976]	Иволгинское городище			Промеры [von den Driesch, 1976]	Иволгинское городище	
	n	lim	M		n	lim
	Mandibula				Calcaneus	
Длина ряда Pd	13	25,7-40,4	32,3	Длина	9	57,7-65,5
7. Длина ряда P-M	8	74,1-84,0	79,7	Ширина	9	20,8-24,0
8. Длина ряда M	9	52,5-58,5	54,8	Ширина пяточного бугра	9	14,3-16,0
9. Длина ряда P	13	21,3-31,2	24,9	Поперечник бугра	8	16,2-19,0
Длина M/3	13	20,3-28,0	25,7			
Ширина M/3	13	8,2-10,4	9,5	Astragalus		
Длина талонида M/3	11	5,8-9,7	8,8	Длина латеральная	3	30,4-33,9
11. Длина диастемы	11	40,3-47,2	43,3	Длина медиальная	3	29,0-31,4
15b. Высота под M1	18	24,5-31,1	27,4	Ширина	3	19,2-23,1
Толщина под M1	19	12,6-15,5	13,9	Поперечник	3	17,0-19,5
	Scapula				Metatarsale	
Длина	2	138,0; 140,4	-	Длина	1	148,6
Ширина	2	90,9; 93,7	-	Ширина верхняя	4	20,9-23,3
Ширина сустава	8	19,7-23,9	22,1	Поперечник верхний	4	20,5-22,1
Поперечник сустава	8	26,4-32,4	29,3	Ширина диафиза	1	13,3
	Metacarpale				Phalanx I anterior	
Длина	4	134,6-143,3	139,8	Длина	4	32,5-39,3
Ширина верхняя	8	24,9-27,2	25,8	Ширина верхняя	4	11,3-14,0
Поперечник верхний	8	17,2-19,4	18,3	Поперечник верхний	4	10,6-17,1
Ширина диафиза	4	14,6-15,1	14,9	Ширина диафиза	4	11,2-13,8
Поперечник диафиза	4	11,5-12,0	11,7	Поперечник диафиза	4	11,2-15,3
Ширина нижняя	5	24,8-28,1	26,7	Ширина нижняя	4	12,0-13,1
Поперечник нижний	5	16,2-18,3	17,3	Поперечник нижний	4	11,4-12,0

целей могло быть сырьевое использование метаподий, поскольку часто встречаются их продольные фрагменты. Из домашних видов млекопитающих, встреченных на объекте, доля крупного рогатого скота составила 40,6 %. Наиболее многочисленными из костей КРС – челюстные фрагменты (табл. 2). Возрастная избирательность этих элементов заключается почти в полном отсутствии зубных рядов

молочной генерации, от взрослых же особей встречены челюсти вплоть до старых возрастов, с сильно стертными зубами. Фаланги единичны, по строению их удалось разделить на передние и задние, в количественном отношении они равнозначны. Метаподиальные кости фрагментированы, часто вплоть до мелких фрагментов эпифизов. По продольным фрагментам двух пастных костей удалось из-

Таблица 3

Размеры скелетных элементов лошадей, в мм

Промеры [von den Driesch, 1976]	Иволгинское городище			Промеры [von den Driesch, 1976]	Иволгинское городище		
Maxilla				Mandibula			
	n	lim	M		n	lim	M
24. Длина ряда Р	2	90,3; 92,7	-	6. Длина ряда Р-М	2	175,6; 186,2	-
Длина Р2/	3	35,4-37,1	36,2	7. Длина ряда М	2	83,4; 88,7	-
Ширина Р2/	3	23,5-25,0	24,1	8. Длина ряда Р	4	80,3-97,6	88,2
Индекс протокона	3	21,4-25,9	22,9	Длина Р/2	5	28,1-34,7	31,4
Длина Р3/	3	26,9-30,4	28,3	Ширина Р/2	5	13,6-16,0	14,8
Ширина Р3/	3	22,6-28,2	25,4	Индекс постфлексиды	4	37,0-55,1	46,4
Индекс протокона	3	39,3-41,3	40,6	Длина Р/3	5	24,9-30,0	27,4
Длина Р4/	2	25,6-27,4	26,5	Ширина Р/3	5	14,8-17,7	16,4
Ширина Р4/	2	24,8-26,6	25,7	Индекс постфлексиды	5	34,5-56,9	46,6
Индекс протокона	2	35,2-39,1	37,2	Длина Р/4	5	24,6-28,8	26,6
Длина М1/	1	-	23,5	Ширина Р/4	5	14,5-16,6	15,5
Ширина М1/	1	-	23,9	Индекс постфлексиды	5	26,7-57,4	41,4
Индекс протокона	1	-	48,1	Длина М/1	5	22,4-26,8	24,7
Phalanx II				Ширина М/1	5	13,2-15,4	14,4
	n	lim	M	Индекс постфлексиды	5	19,5-35,3	29,3
Длина	9	42,3-46,4	45,0	Длина М/2	5	23,0-27,2	25,7
Ширина верхняя	9	45,9-49,8	48,0	Ширина М/2	5	11,8-15,0	13,7
Поперечник верхний	9	28,6-31,1	29,8	Индекс постфлексиды	5	25,2-46,3	35,9
Ширина диафиза	9	39,0-43,7	40,8	Длина М/3	4	29,0-33,2	30,9
Поперечник диафиза	9	19,1-22,9	21,2	Ширина М/3	4	11,6-14,2	13,0
Ширина нижняя	9	43,0-47,9	45,2	Индекс постфлексиды	4	20,2-38,5	30,4
Поперечник нижний	9	23,3-26,0	25,0		-		

мерить их длину (174 и 187,5 мм). Высчитанная высота в холке, с использованием коэффициентов В.И. Цалкина (1956, стр. 46–47), составляет 98,3–105,9 см, что свидетельствует о мелких размерах особей КРС. Высота в холке одной особи скота, высчитанная ранее по плюсневой кости (Гарутт, Юрьев, 1959), составляет 111 см. Такие размеры вполне сопоставимы с местным бурятским и восточно-сибирским скотом – 95–121 см в холке (Балков, 1943, Кисельков, Ляшевич, 1947). Подобные размеры имел древний монгольский скот из Кара-Корума (Цалкин, 1968).

Многочисленные остатки мелкого рогатого скота довольно хорошо сохранились, что позволило достоверно определить присутствие овец *Ovis aries* и коз *Capra hircus*. В целом МРС находится на втором месте в остеологическом спектре Иволгинского городища. В таблице 3 приведены промеры костей домашнего барана, особи которого обладали большой

индивидуальной изменчивостью. По длине зубного ряда и метаподиальных костей иволгинские овцы очень близки овцам монгольского периода из Кара-Корума (Цалкин, 1968). Отличие состоит в большей стройности пястных и плюсневых костей. Измеренные остатки домашней козы единичны: длина пясти 107,0 мм; ширина ее верхнего/нижнего эпифизов/диафиза 24,3/26,6/15,1 мм; длина плюсны 114,9 мм; ширина ее верхнего/нижнего эпифизов/диафиза 21,0/24,3/12,7 мм. По длине метаподиальных костей рост баранов (Teichert, 1975) в холке составляет 65,8–70,1 см, а рост коз – 52,2–52,3 см.

Лошадь занимает третье место в собранной коллекции. Кости очень сильно разрушены, целыми сохранились челюстные фрагменты и фаланги. Промеры приведены для дентального материала и вторых фаланг, как наиболее многочисленных (табл. 4). По длине двух метаподиальных костей, расколотых продольно (МС 209,2 мм;

Таблица 4

Возрастной состав копытных Иволгинского городища по состоянию зубной системы

	Крупный рогатый скот			Мелкий рогатый скот			Лошадь		
	возраст	кол-во	%	возраст	кол-во	%	возраст	кол-во	%
Нет М1	Менее 6 мес.	-	-	Менее 6 мес.	1	2,6	Менее 7 мес.	-	-
Есть М1, нет М2	6-18 мес.	1	9,1	6-12 мес.	5	12,8	14-24 мес.	-	-
Есть М2, нет М3	18-30 мес.	2	18,2	12-24 мес.	7	17,9	24-42 мес.	1	10
Есть М3	Более 30 мес.	8	72,7	Более 24 мес.	26	66,7	Более 42 мес.	9	90

МТ 274,0 мм), удалось высчитать рост в холке (Витт, 1952) домашней лошади Иволгинского городища – от 128–136 см (по МС) до 136–144 см (по МТ), т.е. особи были малорослые и средне-рослые. Первичные данные по высоте в холке иволгинской лошади, также установленные по метатарсу (Гарутт, Юрьев, 1959), составляют 136–144 см. Подобные размеры костей установлены и для лошадей из кургана Царам (Пластеева и др., 2017). Широкое использование лошади в кочевых культурах степей Евразии устанавливается с бронзового века (Кони, колесницы и колесничие..., 2010, Outgam et al., 2011, Taylor et al., 2016).

Четвертое место среди домашних животных занимает собака. Из всего объема большую часть составляют целые кости (64,5%). Многие остатки собак погрызены. С помощью полученных измерений полных костей (локтевой и лучевой) была вычислена примерная высота в холке, составляющая по коэффициентам Браунера и Кудельки (Секерская, 2010, с. 149) 53,7–55,1 см, 68,1–69,1 см и 49,3 см, 61,8 см соответственно. Это может говорить о неоднородности собак, обитавших на городище – высота в холке могла различаться более, чем на 10 см. Предпринятые исследования черепов иволгинских собак (Клементьев и др., 2017, Losey et al., 2018) говорят о принадлежности их недифференцированной городской популяции с довольно крупными размерами особей. Серия

порезов на различных элементах скелета (на 13,5% от всего количества костей) подтверждает наличие тонкой разделки суставов собак (рис. 1). Это позволяет с большой вероятностью предполагать употребление мяса собак в пищу. Мы допускаем также избирательность использования собак на городище для различных целей.

Домашняя свинья занимает лишь пятое место по количеству остатков, кости принадлежат в основном молодым животным. Мелкие размеры устанавливаются по полным костям. Длина IV-го метакарпа 65,9 мм; ширина его верхнего/нижнего эпифизов/диафиза 12,3/14,8/14,7 мм; длина/нижняя ширина астрагала 34,7/18,4 и 34,9/29,1 мм; длина первой фаланги 28,7 мм; ширина ее верхнего/нижнего эпифизов/диафиза 15,3/13,6/11,8 мм; длина второй фаланги 23,1 мм; ширина ее верхнего/нижнего эпифизов/диафиза 14,3/12,4/12,0 мм. Все они значительно мельче костей дикого кабана (Васильев и др., 2016). Вычисленная высота в холке (Teichert, 1975) свиней по таранной кости составляет 62,1 и 62,5 см.

Промысловая фауна. Кости диких млекопитающих относятся к грызунам, зайцеобразным, хищникам и копытным (табл. 1). Доминирующим объектом промысла была косуля – 78% остатков. На втором месте находятся кости зайца-беляка (13,6%). Третье место занимает материал по благородному оленю – 4%. Осталь-

Таблица 5

Расчет потребления мяса домашних животных по остеологическим материалам
Иволгинского городища

КРС	лошадь	свинья	МРС	собака	Всего
Остеологический спектр (%)					
40,6	17,2	4,3	30,5	7,4	100 %
Кратность веса туш					
8	8	3	1	0,4	-
Абстрактные мясные единицы					
324,8	137,6	12,9	30,5	2,96	509
Спектр мясного потребления (%)					
63,8	27,0	2,6	6,0	0,6	100 %

ные виды представлены единичными находками.

Кости косуль довольно сильно фрагментированы, обнаружены элементы скелета молодых и взрослых особей. Интересно распределение остатков косуль на городище – кости дистального отдела доминируют (54,7%) в сборах, при этом практически отсутствуют фаланги. Второе место занимают проксимальные отделы конечностей (24,8%), на третьем месте черепные элементы (19,7%). Создается впечатление избирательности изъятия элементов туши косули для определенных нужд – фаланги как малоценные в пищевом отношении отделы выбрасывались при разделке за пределами жилой территории и/или утилизировались собаками, метаподии употреблялись как костное сырьё. Немногочисленные фрагменты осевого скелета (пористые позвонки и ребра) также быстро уничтожались собаками. Присутствие полных и фрагментарных черепов может говорить в пользу их пищевой ценности для населения городища. Заяц-беляк представлен в основном проксимальными элементами конечностей (70%), что позволяет говорить о потреблении добытых тушек. Имеются также краниальные элементы и дистальные отделы конечностей (22,5%), свиде-

тельствующие о близкой к поселению добыче этого вида. Присутствие лишь черепных элементов и дистальных отделов конечностей благородного оленя говорит в пользу разделки на месте двух особей этого вида.

Археозоологические аспекты.

Костные остатки крупных животных (КРС, лошади) сильно фрагментированы, применение топора или пилы при разделке не отмечено. В основном кости раздроблены ударными воздействиями. Кости животных среднего размера (домашних и диких) сохранились более полно. Кости свиней, самые мягкие среди остальных, вероятно интенсивно утилизировались собаками. Нами не исключается возможность употребления собачатины в пищу, возможно отдельной группой населения Иволгинского городища. В целом присутствие черепных и копытных элементов скелета коров, лошадей, мелкого рогатого скота, собак, косуль, изюбрей позволяет констатировать местную разделку туш в пределах поселения. Следы различного генезиса на костных остатках отражены в табл. 1. Обожженных костных остатков очень мало. Среди погрызенных костей встречен практически весь видовой набор животных городища. Из костей, которые несут следы воздействия желудочно-кишечного

тракта собак, определены в основном кости копытных среднего размера (МРС, косуля), свиньи и собак. Лишь одна фаланга медведя среди крупных зверей несет следы кислотной коррозии.

Возрастной состав стада копытных анализировался по развитию зубной системы (табл. 5). Преобладание постоянного озубления в челюстях коров (80%) и лошадей (90%) свидетельствует о взрослом возрасте забоя этих животных. В основном взрослый возраст забоя КРС свидетельствует о молочно-мясном направлении разведения коров. Доминирование КРС возможно при долговременном стационарном поселении в степной зоне, каковым и является Иволгинское городище. Лошади являлись преимущественно транспортными животными и забивались на мясо во взрослом возрасте.

По нижним челюстям баранов с зубами также установлен возрастной спектр (табл. 5) забитых особей: 2,6% в возрасте менее полугода, 12,8% от 6 до 12 месяцев, 17,9% от года до двух лет, 66,7% были забиты во взрослом и старом состоянии. Также высчитана доля очень старых особей – 10,3% от всего забитого массива. Так же как и для КРС и лошади, отмечается преимущественно взрослый убойный возраст, что можно интерпретировать в отношении овец шубно-шерстно-мясным направлением разведения. Преобладание остатков взрослых овец также указано для монгольского Кара-Корума (Цалкин, 1968).

Материалы по домашним видам дают возможность составить представление о мясном рационе жителей в пределах территории городища. Использование методики (табл. 6) лаборатории естественнонаучных методов

ИА РАН (Антипина, 2004, 2005) позволило сделать следующие выводы при расчетном (эталонном) весе туш баранов в 40 кг. Доминирующее место в рационе занимала говядина (64%), второе место оставалось за кониной (27%) и третье принадлежало баранине/козлятине (6%). Другие мясные продукты – свинина и собачатина – составляли вместе лишь 3% пищевого спектра. По имеющимся материалам мясо птицы и рыба имели подсобное значение в рационе жителей. В этой плоскости важной задачей является соотнесение остеологических спектров по отдельным хозяйственным постройкам, связанным с различными сословными группами населения. При этом незначительный процент употребления мяса свиней и собак может быть связан именно с отдельной группой населения городища.

Косторезное дело. Среди многочисленного костного материала выделяются десятки изделий со следами обработки человеком, выполненные в технике строгания, сверления, пиления, шлифовки, гравировки. Именно на костях копытных среднего размера эти следы сохранились особенно хорошо (табл. 1). Крупные метаподиальные кости всех копытных также употреблялись для создания заготовок костяных орудий, поскольку расколоты продольно (что нерационально при добыче мозга). Косторезное дело на Иволгинском городище было развито на достаточно высоком уровне, найденные изделия из обработанной кости типологически представлены орудием, оружием, украшениями и другими предметами. Эти материалы не входят в содержание настоящей исследовательской работы, тогда как в контексте археозоологии представляет интерес следующий остеологи-

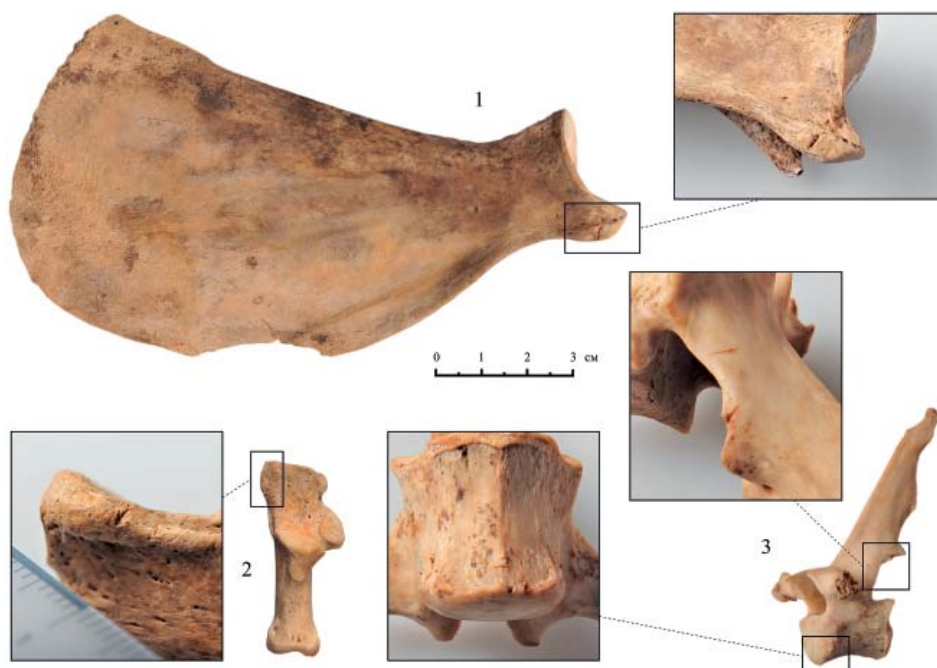

Рис. 2. Костные остатки домашних собак, демонстрирующие порезы, полученные при тонкой разделке. А – лопаточная кость; В – пяточная кость; С – шейный позвонок.

Fig. 2. Bone remains of domestic dogs with cuts obtained as a result of thin cutting.

A – scapular bone; B – calcaneus; C – cervical vertebra.

ческий материал – это лопатки, пясти барана, домашней козы, плюсневая кость козы, большая берцовая кость косули и мелкого рогатого скота, обработанные человеком. Всего в ходе раскопок было найдено 10 таких костей, среди которых 2 лопатки, 1 фаланга свиньи и 7 трубчатых костей, из последних в статье представлены 5 штук. Кроме этого часть публикуемых костей происходит из отвалов раскопа А.В. Давыдовой; дело в том, что Раскоп 1 был заложен в центральной части городища, рядом с раскопанным крупным зданием – «дворцом» (рис. 1), и при подготовке дневной поверхности для раскопочных работ на восточной линии был выявлен остеологический материал в количестве 12 трубчатых костей и 1 лопатки. В статье представлены наиболее аттрактивные, в части обработки человеком,

и характеризующие видовое разнообразие кости, происходящие из материалов раскопок и подъемных сборов.

Всего были зафиксированы три лопатки домашних животных. В раскопе была найдена лопатка барана с двумя просверленными отверстиями диаметром 0,53 и 0,63 см, расположенными вдоль ости на расстоянии 1,5 см друг от друга (рис. 3: 1). Сверление проводилось с латеральной стороны, о чем свидетельствуют сужающиеся под конус к медиальной стороне кромки округлых отверстий. Следы обработки человеком дополнительно выражены работой режущим инструментом – ножом, которым почти под прямым углом был срезан проксимальный край лопатки и верхняя часть ости. В проксимальной части имеется слом. В слое также зафиксирована лопатка копытного животного среднего размера с

Рис. 3. Остеологический материал Иволгинского городища со следами обработки человеком: 1, 2 – лопатки барана; 3 – лопатка копытного животного среднего размера, 4 – фаланга свиньи; 5 – плюсневая кость козы; 6 – пястная кость козы; 7 – большая берцовая кость косули. Пояснения в тексте.

Fig. 3. Osteological material from the Ivolginsk fortress with traces of human processing: 1, 2 – ram shoulder bones; 3 – average ungulate animal shoulder bone; 4 – pig phalanx; 5 – goat metatarsal bone; 6 – goat metacarpal bone; 7 – roe deer tibia. Explanatory notes in the text.

утратами коракеоидного отростка и на плоскости (рис. 3: 3). Эта лопатка для нас представляет интерес, прежде всего, в понимании техник обработки подобных костей, а именно применение пиления, о чем говорит оставленный спил на проксимальном крае лопатки. Еще одна лопатка барана была найдена в отвале старого раскопа, на ней

проксимальный край не обработан, а ость срезана частично, как и на предыдущих экспонатах (рис. 3: 2). На плоскости сделано 4-угольное отверстие размером $0,8 \times 0,6$ см в результате нескольких точечных ударов, вероятно острием ножа, с латеральной стороны и последующим удалением полученных фрагментов.

Рис. 4. Остеологический материал Иволгинского городища со следами обработки человеком: 1–6 – пальцы барана; 7 – большая берцовая кость МРС. Пояснения в тексте.

Fig. 4. Osteological material from the Ivolginsk fortress with traces of human processing: 1–6 – ram metacarpal; 7 – large cattle tibia. Explanatory notes in the text.

Бараньи лопатки с древности и до современности во многих культурах используются для гадания, вероятнее всего, к таким предметам и относятся описанные нами лопатки, на которых следов эксплуатации в качестве орудия не зафиксировано. Интересен факт того, что просверленные отверстия на одной лопатке сделаны разного диаметра и относительно аккуратно (рис. 3: 1), в отличие от грубого 4-угольного отверстия на другой

(рис. 3: 2). А.В. Давыдова отмечает, что лопатки прожигались раскаленным металлическим стержнем и для гадания использовалось разное количество отверстий и различный порядок их расположения (Давыдова, 1995, с. 30). Другое функциональное назначение лопаток овцы предположительно заключалось в использовании их в качестве скребок для выделки кожи (Давыдова, 1985, с. 43).

Единственная обработанная человеком кость домашней свиньи представлена первой фалангой с просверленным отверстием диаметром 0,5 см ближе к центру суставной поверхности и засверловкой диаметром 0,2 см у нижнего диафиза на вентральной стороне. Вероятно, изделие не получило свою законченную форму (рис. 3: 4).

Самый массовый обработанный материал представлен трубчатыми костями, в основном пястями барана. При раскопках городища были зафиксированы три таких кости. Одна из них со срезанным нижним эпифизом и двумя округлыми отверстиями в этой части, выбранными под конус режущим инструментом. На верхней суставной поверхности были сделаны так же два аналогичных отверстия диаметром 0,6–0,7 см, тем самым был открыт доступ к мозговой полости с сохранившимися перегородками в верхней и нижней частях пясти (рис. 4: 1). На следующей пясти сделано одно отверстие подквадратной формы размерами 0,5×0,5 см на большой фасетке верхней суставной поверхности, а нижний суставной блок был так же срезан. На этом эпифизе часть кости утрачена, вероятно, из-за погрызов собаки, следы которых заметны на поверхности и изломе кости (рис. 4: 2). На одной пясти барана нижний диафиз был отделен, а в верхней части сделано крупное отверстие по центру размерами 0,4×0,6 см (рис. 4: 3). Пясть барана с отверстием подквадратной формы размерами 0,6×0,7 см в большой фасетке верхней суставной поверхности и продольной фрагментации в нижней половине (нижний отдел отсутствует) (рис. 4: 4).

В отвалах старого раскопа «дворца» была найдена пясть барана с

сохранившимися суставными поверхностями, на каждой из которых были сделаны по два отверстия, разделенные нетронутыми перегородками внутри костномозговой полости (рис. 4: 5). Здесь же выявлена пястная кость барана с угловатым отверстием на большой фасетке верхней суставной поверхности и овальным отверстием на вентральной стороне пясти у нижнего суставного блока (рис. 4: 6).

Кроме костей барана были зафиксированы трубчатые кости домашней козы. Первая из раскопа, плюсневая кость с подпрямоугольным отверстием в верхней суставной поверхности на фасетке для большой кости заплюсны и с возможным наложением погрызов собаки у отверстия на вентральной стороне около нижнего диафиза (рис. 4: 5); вторая, пястная, из отвала старого раскопа с округлым отверстием и угловыми срезами ножом на большой фасетке верхней суставной поверхности и бесформенным пробитым отверстием чуть выше нижнего эпифиза (рис. 4: 6).

Выявленный археологический материал в виде обработанных человеком трубчатых костей (19 штук) свидетельствует о достаточно широком их использовании жителями Иволгинского городища. В этой связи непонятно, почему при раскопках центрального здания археологами прошлого столетия данные изделия попросту были выкинуты в отвал. Коллекция трубчатых костей представлена в основном пястями барана как основного представителя МРС на Иволгинском городище. При морфологическом анализе костей были выявлены некоторые закономерности в их обработке. В верхней суставной поверхности могло делаться одно от-

верстие на крупной фасетке, два отверстия на каждой фасетке либо одно крупное посередине. Отверстия зачастую округлой и реже угловатой, четырехугольной формы сделаны, вероятнее всего, острием ножа. Нижняя часть могла быть оформлена двумя отверстиями, выбранными как на сохранившейся суставной поверхности, так и на срезанном торце. Нижний диафиз мог быть просто отделен механически. В некоторых случаях отверстия делали на вентральной стороне (что технически удобнее, чем на плантарной) выше нижнего эпифиза, там, где заканчивается костномозговой канал (рис. 3: 5, 6; 4: 6). При этом выборка костной ткани проводилась под острым углом от нижнего эпифиза внутрь кости, как бы сглаживая выход канала наружу.

Из всей коллекции трубчатых костей выделяются две кости, найденные в отвале раскопа прошлого века. Первая – большая берцовая кость козули с крупным отверстием размерами 0,8×0,9 см в нижней суставной поверхности и овальным отверстием 1×1,6 см на медиальной стороне у границы верхнего эпифиза (рис. 3: 7). Вторая – большая берцовая кость МРС с полностью выбранной вплоть до стенки костной тканью в нижнем эпифизе (рис. 4: 7). Верхний эпифиз был срезан, и при этом открытая полость кости не обрабатывалась человеком ввиду её естественной формы. Таким образом было получено изделие в форме трубки с двумя раструбами на концах, которое гипотетически могло быть использовано в качестве рукояти для плетей. Таких рукоятей из трубчатых костей на Иволгинском могильнике и городище зафиксировано достаточное количество (Давыдова, 1995, табл. 106, 120–122, 140; Давы-

дова, 1996, табл. 13, 20, 23, 34, 41, 58, 63).

Вопрос о функциональном назначении описанных трубчатых костей в хуннское время пока остается для нас открытым, и его решение требует отдельной исследовательской работы с применением трасологического анализа. Обзор научных источников по археологии хунну, в первую очередь в Западном Забайкалье, не выявил аналогий трубчатым костям с обработкой в виде отверстий на суставных поверхностях. В коллекции многолетних раскопок Иволгинского городища есть предметы, изготовленные из трубчатых костей барана с отверстиями на концах, назначение которых не определено (Давыдова, 1995, с. 32; табл. 181: 17–19). Однако эти сквозные отверстия сделаны не с торца, как в нашем случае, а сбоку у эпифиза. Весьма интересно, что такие кости с отверстиями имеют широкую географию распространения в средние века, например, на юго-востоке Европы в материалах раскопок крепости Саркел такие находки датируются X–XII вв., и предполагается, что они могли использоваться при работе с нитями или веревками в качестве рукоятей для скручивания жгутов (Флёрова, 2001, с. 78; рис. 35: 6–9, 11–12).

Заключение. Были исследованы все имеющиеся фаунистические остатки из раскопок Иволгинского поселения 2017 г. Изучено свыше 5,5 тысяч экземпляров костей, из которых удалось определить домашних и промысловых животных. Установлено распределение домашнего скота в культуросодержащем слое поселения. Проведение морфометрического анализа позволило установить размах изменчивости величины отдельных костей разных видов млекопитаю-

ших. Резкого преобладания какого-то одного сорта мяса не наблюдается, видно лишь плавное снижение доли сортов: говядина, конина, баранина. Археозоологические наблюдения явились источником частных сведений о мортальных и перимортальных изменениях фаунистических остатков, характерных для слоя. Преобладание костей взрослой возрастной категории свидетельствует в пользу длительного использования скота: лошадей и быков в упряжи, дойных

коров для получения молочной продукции и шубно-шерстно-мясного направления овцеводства. Интенсивное использование костей как сырья прослеживается на многочисленных остатках. Описаны специфические приемы выполнения отверстий в лопаточных и метаподиальных костях копытных. Хронологический период накопления остатков животных приходится на время в пределах конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России / Отв. ред. Е.Е. Антипина, Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 7–33.
2. Антипина Е.Е. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы / Ред. и сост. Е.Н. Черных, В.И. Завьялов. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 159–180.
3. Балков М.Н. Крупный рогатый скот Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское госиздательство, 1943. 47 с.
4. Васильев С.К., Алексеева Э.В., Мартынович Н.В. Фаунистические остатки из поселения Синий Гай (Приморье) // Средневековые древности Приморья. Вып. 4 / Отв. ред. Н.Г. Артемьева. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 491–508.
5. Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 111 с.
6. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. I. Иволгинское городище. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1995. 286 с.
7. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. II. Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996. 176 с.
8. Давыдова А.В. Иволгинское городище (к вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье) // СА. XXV / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 261–300.
9. Кисельков С.И., Ляшевич Ф.Г. Восточно-сибирский скот. Новосибирск: Красноярская звезда, 1947. 38 с.
10. Клементьев А.М., Бурова В.В., Симухин А.И. Раннесредневековый череп собаки с Иволгинского городища в Забайкалье // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. С. 148–151.
11. Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / Гл. ред. П.Ф. Кузнецов. Екатеринбург, Самара, Донецк: Рифей, 2010. 370 с.
12. Платеева Н.А., Миняев С.С., Тишкин А.А., Сахаровская Л.М. Костные остатки животных из погребального комплекса могильника сюнну Царам (Забайкалье) // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 4 (20). С. 91–102.
13. Секерская Е.П. Особенности палеоэкономической стратегии населения нижнего Дуная в эпоху позднего энеолита – ранней бронзы // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 11 / Отв. ред. И.В. Брумяко. Одесса: СМІЛ, 2010. С. 136–157.
14. Ташак В.И. Один структурный элемент Иволгинского гуннского городища (Западное Забайкалье) // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура,

наследие) / Отв. ред.: С.В Данилов, П.Б. Коновалов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2005. С. 19–24.

15. Флёрова В.Е. Резная кость Юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.

16. Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси / МИА. № 51. М.: Наука, 1956. 184 с.

17. Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье. МИА. № 53 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 7–109.

18. Цалкин В.И. Фауна из раскопок Кара-Корума // Древности Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии / КСИА. № 114 / Отв. ред. Т.С. Пассек. М.: Наука, 1968. С. 16–23.

19. Losey, R.J., Nomokonova T., Fleming L.S., Kharinskii A.V., Kovychev E.V., Konstantinov M.V., Diatchina N.G., Sablin M.V., Iaroslavtseva L.G. Buried, eaten, sacrificed: Archaeological dog remains from Trans-Baikal, Siberia // *Archaeological Research in Asia*. 2018. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2018.02.005>

20. Outram A.K., Stear N.A., Kasparov A., Usmanova E., Varfolomeev V. & Evershed R.P. Horses for the dead: funerary foodways in Bronze Age Kazakhstan // *Antiquity*. 85 (2011): 116–128.

21. Taylor W.T.T., Tuvshinjargal T., Bayarsaikhan J. Reconstructing Equine Bridles in the Mongolian Bronze Age // *Journal of Ethnobiology*. 2016. 36(3): 554–570. DOI: <http://dx.doi.org/10.2993/0278-0771-36.3.554>

22. Teichert M. 1975. Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Wiedereristhöhe bei Schafen // *Archaeozoological Studies*. Amsterdam: NorthHolland/American Elsevier. P. 63–67.

23. von den Driesch A. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites // *Peabody Mus. Bull.* 1976. № 1. 136 p.

Информация об авторах:

Клементьев Алексей Михайлович, кандидат географических наук, научный сотрудник. Институт земной коры СО РАН (г. Иркутск, Россия); klem-al@yandex.ru

Симухин Александр Ильич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия); simply.sima@mail.ru

Бурова Валерия Витальевна, лаборант. Институт земной коры СО РАН (г. Иркутск, Россия); valeria_29_05@mail.ru

Прокопец Станислав Данилович, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); stas842005@mail.ru

IVOLGINSK XIONGNU FORTRESS IN TRANSBAIKALIA : ARCHAEOZOOLOGICAL RESEARCH (BASED ON EXCAVATIONS 2017)

A.M. Klementiev, A. I. Simukhin, V. V. Burova, S.D. Prokopets

The paper contains data on the archaeozoological collection from the Ivolginsk fortress located on the bank of the Selenga River in Ivolginsk depression (Transbaikalia). Research was performed on the materials of the 2017 excavations. Various categories of bone remains are present in archaeozoological collection. The taxonomic composition is diversified. There

The study has been supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (science project no.14.W03.31.0016 ‘Evolution of peoples and empires of Inner Asia’) (field work and bone-cutting craft) and RFBR 18-05-00746 (morphometric processing and interpretation).

are domestic (dog, horse, cow, sheep, goat, pig) and trade (tarbagan marmot, mountain hare, fox, brown bear, roe deer, red deer, musk deer, moose) mammals. Cattle are the most numerous among domestic animals. Bone remains of sheep and goats are the second numerous. Horse is the third most abundant group of domestic species. The body sizes of cattle are not large and fit into the range of variability of aboriginal breeds. The pig was an auxiliary species. The large number of dog remains and cut marks on them may indicate that the dogs were eaten in the site. Roe deer is the most abundant group of trade species, while mountain hare and red deer noticeably concede to it. The other species in the collection are sporadic. So the food spectrum was quite balanced – beef, horsemeat and sheep and goats meat were consumed in the fortress. A small proportion of pork and dog meat may indicate the differentiation of the population of the fortress. The predominance of adult domestic animals indicates that they were used for their milk (cattle), hides (cattle, sheep and goats) and wool (sheep and goats) by sedentary population. Bone carving craft had the great importance in the fortress. The authors have described bone processing techniques for scapulae, metacarpal and metatarsal bones of ungulates.

Keywords: archaeology, Transbaikalia, Xiongnu, Ivolginsk fortress, archaeozoology, bone-cutting craft, cattle, food spectrum.

REFERENCES

1. Antipina, E. E. 2004. In Antipina, E. E., Chernykh, E. N. (ed.). *Noveishie arkheozologicheskie issledovaniia v Rossii (The Latest Archaeozoological Investigations in Russia)*. Moscow: "Yazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 7–33 (in Russian).
2. Antipina, E. E. 2005. In Chernykh, E. N., Zav'yalov, V. I. (eds.). *Arkheologiya i estestvennonauchnye metody (Archaeology and Natural Science Methods)*. Moscow: "Yazyki slavianskoi kul'tury" Publ., 159–180 (in Russian).
3. Balkov, M. N. 1943. *Krupnyi rogatiy skot Buryat-Mongol'skoy ASSR (Large Cattle of the Buryat-Mongolian ASSR)*. Ulan-Ude: "Buryat-Mongol'skoe gosizdatel'stvo" Publ. (in Russian).
4. Vasil'ev, S. K., Alekseeva, E. V., Martynovich, N. V. 2016. In Artem'eva, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Primor'ia (Medieval Antiquities of Primorye)* 4. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 491–508 (in Russian).
5. Davydova, A. V. 1985. *Ivolginskiy kompleks (gorodishhe i mogil'nik) – pamyatnik khunnu v Zabaykal'e (Ivolginsky Complex (Settlement and Burial Ground) – a Monument to the Xiongnu in Transbaikalia)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
6. Davydova, A. V. 1995. *Ivolginskiy arkheologicheskii kompleks. T. I. Ivolginskoe gorodishhe (Ivolginsk archaeological complex. Vol. 1. Ivolginsk fortified settlement)*. Saint Petersburg: "Aziateika" Publ. (in Russian).
7. Davydova, A. V. 1996. *Ivolginskiy arkheologicheskii kompleks. T. II. Ivolginskiy mogil'nik (Ivolginsk archaeological complex. Vol. 2. Ivolginsk burial ground)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe Vostokovedenie" Publ. (in Russian).
8. Davydova, A. V. 1956. In Rybakov, B. A. (ed.). *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 21. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 261–300 (in Russian).
9. Kisel'kov, S. I., Lyashevich, F. G. 1947. *Vostochno-sibirskiy skot (East Siberian Cattle)*. Novosibirsk: "Krasnoarmeyskaya zvezda" Publ. (in Russian).
10. Klementiev, A. M., Burova, V. V., Simukhin, A. I. 2017. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noy Azii (Actual Issues of Archaeology and Ethnology of Central Asia)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Science Center SB RAS Publ., 148–151 (in Russian).
11. In Kuznetsov, P. F. (ed.). 2010. *Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepey Evrazii (Horses, Chariots And Chariot's Drivers of Eurasian Steppes)*. Ekaterinburg, Samara, Donetsk: "Rifey" Publ. (in Russian).
12. Plasteeva, N. A., Minyaev, S. S., Tishkin, A. A., Sakharovskaya, L. M. 2017. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 4 (17). 91–102 (in Russian).

13. Sekerskaya, E. P. 2010. In Bruiako, I. V. (ed.). *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (Materials on Archaeology of the Northern Pontic)* 11. Odessa: "SMIL" Publ., 136–157 (in Russian).
14. Tashak, V. I. 2055. In Danilov, S. V. Kononov, P. B. (eds.). *Drevnie kochevniki Tsentral'noy Azii (istoriya, kul'tura, nasledie) (Ancient nomads of Central Asia (History, Culture and Heritage))*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 19–24 (in Russian).
15. Flerova, V. E. 2001. *Reznaia kost' iugo-vostoka Evropy IX–XII vv. Iskusstvo I remeslo: (Po materialam Sarkela-Beloi Vezhi iz kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha) (South-East European Carved Bone in 9th – 12th Centuries. The Art and the Craft: (According to materials from Sarkel-Belaya Vezha from the collection of State Hermitage Museum))*. Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).
16. Tsalkin, V. I. 1956. *Materialy dlia istorii skotovodstva i okhoty v Drevnei Rusi (Materials on the History of Cattle Breeding and Hunting in Ancient Rus)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 51. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Tsalkin, V. I. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Materialy dlia istorii skotovodstva i okhoty v Drevnei Rusi (Materials on the History of Cattle Breeding and Hunting in Ancient Rus)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 53. Moscow: the USSR Academy of Sciences, 7–109 (in Russian).
18. Tsalkin, V. I. 1968. In Passek, T. S. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 114. Moscow: "Nauka" Publ., 16–23 (in Russian).
19. Losey, R. J., Nomokonova, T., Fleming, L. S., Kharinskii, A. V., Kovychev, E. V., Konstantinov, M. V., Diatchina, N. G., Sablin, M. V., Iaroslavtseva, L. G. 2018. In *Archaeological Research in Asia*. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2018.02.005>
20. Outram, A. K., Stear, N. A., Kasparov, A., Usmanova, E., Varfolomeev, V. & Evershed, R. P. 2011. In *Antiquity*. 85. 116–128.
21. Taylor, W. T. T., Tuvshinjargal, T., Bayarsaikhan, J. 2016. In *Journal of Ethnobiology*. 36(3). 554–570. DOI: <http://dx.doi.org/10.2993/0278-0771-36.3.554>
22. Teichert, M. 1975. In *Archaeozoological Studies*. Amsterdam: NorthHolland/American Elsevier. 63–67.
23. von den Driesch, A. 1976. A guide to the measurement of animal bones from archaeological site. In *Peabody Mus. Bull.* No. 1.

About the Authors:

Klementiev Aleksey M. Candidate of Geography Sciences. Institute of the Earth's Crust SB RAS. Lermontova St., 128, Irkutsk, 664033, Russian Federation; klem-al@yandex.ru

Simukhin Alexander I. Candidate of Historical Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Sakhyanovoi Str., 6, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; [simail@mail.ru](mailto:sima@mail.ru)

Burova Valeria V. Institute of the Earth's Crust SB RAS. Lermontova St., 128, Irkutsk, 664033, Russian Federation; valeria_29_05@mail.ru

Prokopets Stanislav D. Candidate of Historical Sciences. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; stas842005@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

УДК 904:59(571.51)''653''

<https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.184.196>

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА ЕНИСЕЙСКА В XVII–XIX ВЕКАХ (ПО ОСТЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ИЗ УСАДЬБЫ БАЛАНДИНА)¹

© 2020 г. О.П. Бачура, Т.В. Лобанова, Г.П. Визгалов,
Н.В. Мартынович, Д.О. Гимранов

В работе описаны костные остатки животных из раскопок усадьбы купцов Баландиных, которые отражают хозяйственную культуру русского населения города Енисейска в XVII–XIX веках. Проведен анализ видового состава и соотношения остатков животных, описаны способы разделки и утилизации туш домашних животных. Показано, что основой хозяйства у населения г. Енисейска было содержание домашнего скота и домашней птицы. Ведущее значение для населения города играл крупный рогатый скот. В значительно меньшей степени население занималось разведением свиней, кур, а также содержанием (или закупкой) коз и овец. Охота и рыболовство имели место, но не играли большой роли в жизнеобеспечении населения. Основным промысловым животным, добывавшимся в окрестностях города, была косуля. Хозяева усадьбы охотились на боровую дичь и водоплавающих птиц. Основными объектами рыбного промысла у населения Енисейска были сибирский осетр, нельма и таймень.

Ключевые слова: археология, Сибирь, средние века, русское население, домашние животные, промысловая деятельность.

Введение

Система жизнеобеспечения русских городов XVII–XIX вв. на Севере Сибири изучена на настоящий момент очень поверхностно и в основном по письменным источникам. В настоящее время накоплен обширный остеологический материал из раскопок русских городов Сибири, однако только небольшая часть из этих материалов опубликована и проанализирована (Косинцев, Черная, 2000; Косинцев, Лобанова, 2005; Девяшин, Пластеева, 2010; Номоконова и др., 2011; Мартынович, 2013а; Мартынович, 2013б; Мартынович, 2013в; Исаев и др., 2015).

Город Енисейск, расположенный в западной части Восточной Сибири

к северу от г. Красноярска, на левом низменном берегу реки Енисей ниже впадения в него Ангары, был важным центром обмена товарами в XVII–XIX веках благодаря своему специфическому положению между территориями Западной и Восточной Сибири. В XVIII и начале XIX века Енисейск входил в десятку лучших крупных городов России. Археологические раскопки с целью изучения культурных напластований города, относящихся к периоду существования Енисейского острога, а также более ранних («дорусских») археологических объектов на территории г. Енисейска проводились с 1950 года. В 2015 и 2016 годах в рамках охранных археологических работ, связанных с обследованием и

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Института экологии растений и животных УрО РАН (№ АААА-А19_119031890086-0).

реставрацией памятников архитектуры в исторической части города сотрудниками ООО «Красноярская Геоархеология», были проведены аварийные археологические раскопки на объекте культурного наследия (ОКН) «Усадьба Баландина, сер. XIX в.». Эти исследования позволили изучить культурные слои усадьбы XVII–XIX веков, при разборке которых была собрана значительная коллекция находок, в том числе и обширный остеологический материал. Некоторые данные об остатках животных из археологических раскопок на других участках города были опубликованы ранее (Клементьев и др., 2016).

Материал и методы

ОКН «Усадьба Баландина, сер. XIX в.» расположен в историческом центре г. Енисейска (58°27' с.ш., 92°10' в.д.). На территории усадьбы было заложено два раскопа, суммарная площадь которых составила 1178 м². Исследования культурного слоя на раскопах были доведены до материка. В процессе работ на различных участках раскопов был зафиксирован ряд остатков разновременных хозяйственных и жилых построек, стоявших на шести строительных ярусах, которые охватывают период с XVII по XIX века. Культурный слой памятника толщиной более 2-х метров представлял собой чередующиеся слои и прослойки навоза, смешанные с различными строительными материалами (щепой, битым кирпичом). Иногда они перекрывались слоями пожарищ и засыпками из чистого речного песка.

Первый строительный ярус представлен культурным слоем, образовавшимся с 1880-х по 1910-е гг. – во время хозяйствования последнего

владельца усадьбы А.А. Баландина. Второй ярус представляет собой самую мощную пачку напластований в стратиграфии памятника, время активного бытования купеческой усадьбы в 1840–1880-е гг. Материалы третьего яруса охватывают временной промежуток с 1800 по 1840-е гг. До 1830-го года на месте усадьбы была одноэтажная лавка. Позднее здесь династия Баландиных постепенно выстраивает усадьбу. Четвёртый ярус включает культурные отложения исследуемой территории в конце XVIII – начале XIX вв. (1730–1800 гг.). Здесь было найдено несколько жилых и хозяйственных построек. Пятый ярус отражает небольшой период функционирования усадьбы в самом начале XVIII века (1700–1720 гг.). Культурные слои шестого яруса отложились на дневной поверхности начальной застройки Енисейска и описывают временной период с 1640 по 1700 года. Капитальных конструкций на 5 и 6 ярусах не наблюдалось. Можно отметить только частоколы траншеи, служившие, по-видимому, межами на пахотных землях енисейского посада в XVII–XVIII вв. (Гевель, Лысенко, 2015).

В ходе раскопок было собрано около 32000 единиц остеологического материала (табл. 1). Для определения и описания костных остатков была использована эталонная коллекция музея Института экологии растений и животных УрО РАН. Для видовой диагностики морфологически сходных костей козы и овцы были использованы методические работы (Boessneck, 1970; Zeder, Lapham, 2010; Zeder, Pilaar, 2010). Возрастная структура стада домашних животных определялась на основании степени стертости жевательной поверх-

Таблица 1

Видовой состав, количество и соотношение костных остатков животных из усадьбы Баландина

Вид	Годы											
	1640-1700		1700-1720		1730-1800		1800-1840		1840-1880		1880-1910	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Крупный рогатый скот	511	81	1549	77	7945	81	5922	78	8602	83	590	88
Мелкий рогатый скот*	17	3	74	4	313	3	347	5	413	4	21	3
Коза	1	0,2	1	0	11	0,2	3	0	4	0	-	0
Овца	11	2	17	1	75	1	53	0,7	113	1	3	0,3
Свинья	47	7	209	10	727	7	554	7	493	5	34	5
Лошадь	7	1	12	1	15	0,3	14	0,2	14	0,2	3	0,3
Кролик домашний	-	0	-	0	-	0	-	0	1	0	-	0
Собака	8	1	10	0	30	0,5	25	0,3	30	0,4	2	0,3
Кошка	2	0,3		0	23	0,4	24	0,3	17	0,3	-	0
Заяц-беляк	1	0,2	2	0	20	0,3	31	0,4	19	0,3	1	0,1
Бурый медведь	-	0	-	0	1	0	4	0,1	1	0	-	0
Лось	-	0	5	0	15	0,3	5	0,1	11	0,2	-	0
Косуля сибирская	6	1	16	1	119	1	83	1,1	79	1	3	0,4
Северный олень	1	0,2	-	0	4	0	3	0	7	0,1	-	0
Благородный олень	-	0	-	0	-	0	1	0	-	0	-	0
Млекопитающие**	3	0,5	4	0	76	1	62	0,8	53	0,5	4	0,5
Птицы (всего)	16	2	70	3	333	3	314	4	340	3	11	2
Рыбы (всего)	4	0,6	41	2	107	1	146	2	117	1	1	0,1
Всего	635	100	2010	100	9814	100	7591	78	10314	100	673	100

* - не определимые до вида

** - ближе не определимые остатки

ности зубов по методике А. Грант (Grant, 1982).

Остеологическая коллекция из раскопок усадьбы Баландина хранится в музее Института экологии растений животных УрО РАН (№2702).

Результаты и обсуждение

Собранные в ходе раскопок костные остатки, в массе представляющие собой кухонные отходы, были распределены по всей площади памятника. Наибольшая их плотность отмечена в слоях XIX века с максимальной концентрацией в период хозяйствования на данной территории семьи Баландиных с 1840 по 1880 года (табл. 1). Подавляющее количество остатков в выборках всех временных периодов принадлежит млекопитающим, среди которых доминируют костные остатки 8-ми домашних видов животных (91–97%) (табл. 1). На долю 6 диких

видов млекопитающих приходится не более 1,7% костей. Значительно меньше костей птиц и рыб, сумма значений которых во все периоды и на всех участках раскопа не превышает 6% (табл. 1).

Домашнее хозяйство.

Кости крупного рогатого скота (*Bos taurus*) преобладают во всех ярусах, а также на всех участках памятника (табл. 1). Собрано 25119 костей крупного рогатого скота как минимум от 500 особей. Среди остатков найдены все элементы скелета (табл. 2), состав и соотношение которых в выборках разных временных периодов и на всех участках раскопа сходны.

Туши крупного рогатого скота использовали целиком и разделку, вероятно, производили на месте. Кости крупного рогатого скота мало раздроблены. Сохранилось много целых

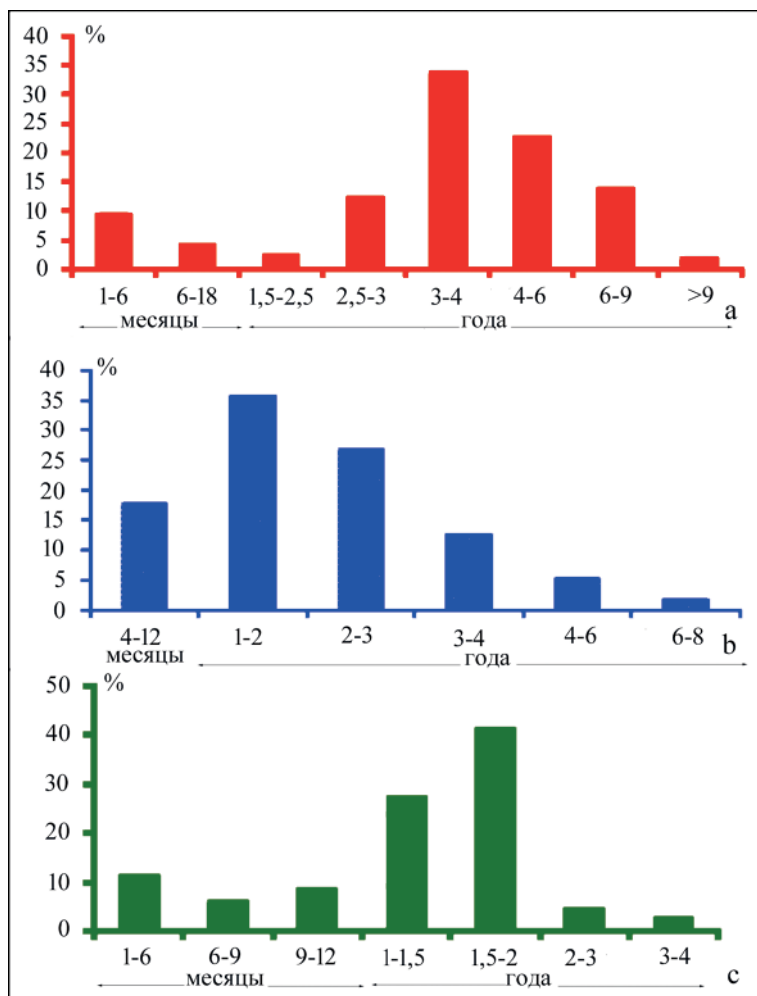

Рис. 1. Возрастная структура стада крупного (а) и мелкого (б) рогатого скота и свиньи (с)

Fig. 1. Age structure of the cattle (a), small cattle (b) and pigs (c) herd.

верхних и нижних концов трубчатых костей конечностей, кроме того, целыми являются большая часть метаподий, фаланг, мелких костей запястья и плюсны. Трубчатые кости ног разрубались, вероятно, на 3–4 части. Ребра, позвонки, фрагменты черепа, нижние челюсти носят следы разделки. От черепа отрубалась носовая часть, затем он разрубался вдоль и поперек на четыре части, рога так же отрубались. Рога преимущественно целые. Около 5% костей крупного рогатого скота погрызено собаками (как правило, это эпифизы трубчатых костей и позвонки). Следы обработки

несут некоторые метаподии, фаланги пальцев, лопатки, и даже несколько ребер. Первые фаланги коров использовались для изготовления игрушек для игры в «бабки», отверстия в них могут располагаться спереди, сверху или сбоку. Несколько костей имеют следы пребывания в огне.

Анализ возрастной структуры стада крупного рогатого скота (рис. 1: а) показал, что довольно большую долю (9%) составляют новорожденные особи и телята до полугода (рис. 1: а). Маловероятно, что такое большое количество телят забивали практически сразу после рождения.

Таблица 2

Состав и соотношение элементов скелета крупного (КРС) и мелкого (МРС) рогатого скота, свиньи

Элемент скелета	КРС		МРС		Свинья	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Роговой чехол	46	0,2	-	0	-	0
Рог	571	2	1	0,1	-	0
Череп	937	4	62	4	268	13
Нижняя челюсть	838	3	129	9	290	14
Зубы изолированные	375	1	12	1	42	2
Подъязычная	44	0	1	0,1	-	0
Позвонки	4831	19	296	20	151	7
Грудина	55	0,2	1	0,1	-	0
Ребра	4766	19	219	15	188	9
Лопатка	989	4	106	7	114	6
Плечевая	727	3	128	9	196	9
Лучевая	594	2	68	5	85	4
Локтевая	264	1	19	1	66	3
Тазовая кость	1392	6	114	8	170	8
Бедренная	1111	4	89	6	151	7
Большая берцовая	1085	4	91	6	145	7
Малая берцовая	-	0	-	0	26	1
Коленная чашечка	37	0,1	-	0	1	0
Трубчатые кости *	206	1	7	0,5	1	0
Метаподии	164	1	3	0,2	96	5
Пясть	974	4	33	2	-	0
Плюсна	1029	4	46	3	-	0
Пяточная	416	2	14	1	22	1
Таранная	438	2	12	1	32	2
Запястье, предплюсна	630	3	2	0,1	-	0
Фаланга 1	1018	4	20	1	15	1
Фаланга 2	999	4	3	0,2	4	0,2
Фаланга 3	583	2	1	0,1	1	0
Всего	25119	100	1477	100	2064	100

* - ближе неопределимые фрагменты трубчатых костей ног

Наиболее слабые особи, вероятно, погибали при родах или в первые дни жизни. Возможно, такая высокая смертность среди телят связана с неблагоприятными погодными условиями во время отела крупного рогатого скота в Енисейске. Небольшую долю составляют особи от полугода до 3-х лет (19%). Среди половозрелых особей преобладают животные в возрасте 3–4-х лет (34%). Отдельные особи крупного рогатого скота содержались до 6–9 лет (рис. 1: а). Этот возраст соответствует максимальному возрасту содержания молочных коров в современных фермерских хозяйствах (Кравченко, 1973). Столь долгое по возрасту содержание коров, выращи-

ваемых на мясо, возможно связано с неблагоприятными климатическими условиями территории Енисейска, в которых животные очень медленно растут и, следовательно, медленно набирают необходимую массу для забоя. Вероятно, большая часть костей от взрослых животных старше 3-4-х лет принадлежала молочным коровам. Наличие значительного процента новорожденных особей свидетельствует о том, что стадо коров содержали непосредственно на территории усадьбы. Содержание большого стада крупного рогатого скота в суровых условиях Сибири, говорит о наличии в окрестностях города хороших угодий для заготовки сена и дру-

гих кормов на период долгой, суровой зимы.

Мелкий рогатый скот (*Capra et Ovis*). В эту группу отнесены кости двух видов – козы (*Capra hircus*) и овцы (*Ovis aries*). Кости мелкого рогатого скота обнаружены на всей территории памятника как минимум от 64 особей. Доля остатков вида не превышает 6% во все временные периоды (табл. 1). Среди остатков преобладают кости овцы (табл. 1). Представлены все элементы скелета, состав и соотношение которых одинаковое в выборках всех временных периодов (табл. 2). Сохранилось очень мало костей нижних отделов ног, найдена только одна третья фаланга (табл. 2).

Анализ возрастной структуры показывает, что отсутствуют особи в возрасте до 5 месяцев (рис. 1: б). Среди костей посткраниального скелета, остатков животных этого возраста также не найдено. Равные доли составляют особи от 1-го года до 2-х лет и от 2-х до 4-х лет (36% и 39% соответственно). Среди остатков мелкого рогатого скота были отдельные животные, которые достигли 6–8-летнего возраста (рис. 1: б). Мелкий рогатый скот может быть использован в шести – восьмимесячном возрасте для получения мяса, для получения шерсти животных содержат до 6–10 лет. В данном случае отсутствие новорожденных особей и эмбрионов может говорить о том, что, возможно, непосредственно на усадьбе овец и коз не разводили.

Кости свиньи (*Sus scrofa domestica*) найдены на всех участках памятника и во всех строительных ярусах (табл. 1). Все они происходят как минимум от 145 особей. Доля остатков свиньи немного превышает таковую мелкого рогатого скота (табл. 1). На

всех участках раскопа и во все временные периоды представлены все элементы скелета (табл. 2), но преобладают кости верхних отделов ног и поясов конечностей (46%) и головы (29%). Туши свиней использовали целиком, в том числе готовили и ели головы, костные остатки которых в большом количестве традиционно сохраняются на средневековых русских памятниках. Небольшое количество костей нижних отделов ног (8%), ребер и позвонков (16%), вероятно, объясняется тем, что они вываривались и почти полностью съедались людьми или отдавались собакам. Раздробленность костей свиньи невелика. У большей части трубчатых костей диафизы целые или разрублены пополам. 8% костей погрызены собаками.

Анализ возрастной структуры представлен на рисунке (рис. 1: с). Значительная доля (11%) костных остатков свиней принадлежала поросятам 1–6 месяцев. Основное количество забитых животных были в возрасте от одного года до 2 лет (70%). Некоторые животные доживали до 2,5–3,5-летнего возраста (7%). В виде редкого исключения в больших хозяйствах держат свиней до трехлетнего возраста и лишь наиболее плодотворных свиноматок (Хавенсон, 1933). Такое продолжительное содержание свиней нецелесообразно. Свиньи растут до 3-летнего возраста, дальнейшее увеличение массы тела у свиней возможно только при полноценном питании, что становится невыгодным в довольно суровых природных условиях Енисейска. Обычно же свинье дают опороситься и выкормить детенышей только один раз, после чего ее забивают, а наиболее производительны самки 1–2 лет. Наличие костей взрослых животных и молочных поросят может

говорить о том, что свиней содержали и разводили непосредственно на территории усадьбы.

Остатки лошади (*Equus caballus*) немногочисленны и составляют не больше 1% во все временные периоды (табл. 1). Среди элементов скелета найдены преимущественно фрагменты ребер и целые фаланги пальцев, а также несколько фрагментов трубчатых костей ног и целые позвонки. Кости лошади в небольшом количестве находят на всех русских поселениях Севера Сибири. Русские поселенцы лошадей привозили с собой и использовали в качестве тяглового и вьючного животного. Лошадей, как правило, не ели и хоронили за пределами жилой зоны городов, поэтому костей этих животных находится традиционно мало при раскопках русских городов. Активное использование лошадей на территории усадьбы подтверждается многочисленными находками конской упряжи и подков в слоях хозяйственной постройки, функционировавшей в первой половине XIX века.

Остатки собаки (*Canis familiaris*) найдены во всех ярусах и на всех участках (табл. 1) и принадлежали как минимум 12 особям. Среди остатков есть кости от новорожденных щенков, щенков до одного года, взрослых собак старше года и собак 7–8-летнего возраста. Все найденные кости собак преимущественно целые. На отдельных костях имеются следы погрызов.

Остатки кошки (*Felis catus*) найдены почти исключительно в выборках, соответствующих хозяйствованию на территории усадьбы семьи Баландиных, и локализованы они в основном в юго-западной части памятника около двух разновременных построек 3 и 4 (табл. 1). Около этих построек помимо разрозненных костей найден почти

целый скелет взрослой особи и часть скелета молодой кошки, парные нижние челюсти взрослой кошки, часть позвоночного столба, голова (череп и нижние челюсти) взрослой особи. Все кости целые. Вероятно, домашних кошек захоранивали прямо на территории усадьбы. Часть скелетов могла быть разрознена позже во время строительных и ремонтных работ на территории усадьбы.

Целая бедренная кость кролика (*Oryctolagus cuniculus*) была найдена в слоях конца XIX века (табл. 1). Возможно, кролика содержали как домашнего питомца, поскольку это единственная находка костей этого вида, как в усадьбе, так и на других участках города (Клементьев и др., 2016).

Домашняя курица (*Gallus gallus domesticus*) – наиболее многочисленный вид среди домашних птиц (71%). Среди костей найдены практически целые кости крыла, ног, фрагменты грудины и черепов. Найдено несколько костей, которые происходят от петухов. Это указывает на то, что кур содержали и разводили непосредственно на территории усадьбы для получения яиц. На это же указывает наличие костей от молодых особей.

Найдены также немногочисленные кости домашних гусей (*Anser anser domesticus*) и домашних уток (*Anas platyrhynchos domesticus*).

Промысловая деятельность.

Большая часть костей промысловых животных найдена со 2-го по 4-й ярус (с 1740 по 1880 года). Найдены остатки 6 промысловых видов млекопитающих, 21 промыслового вида птиц и 11 видов рыб.

Среди промысловых млекопитающих наибольшее количество костных остатков принадлежит сибирской ко-

суле (*Capreolus pigargus*): 306 экземпляров не менее чем от 23 особей. Представлены элементы всех частей тела, но наиболее многочисленны кости поясов конечностей – наиболее мясных частей тела. Нет рогов, относительно немного позвонков, почти не сохранилось костей стопы и метаподий. При этом найдено 24 таранных и 14 пяточных костей, которые, видимо, специально собирали и хранили. Такой состав элементов скелета может говорить о том, что основное количество мяса косуль было куплено, возможно, у аборигенного населения. Вероятно, жители усадьбы также могли охотиться на косулю, но в небольшом количестве, о чем свидетельствуют находки костей головы и других, «не мясных» частей тела. Охотились, вероятно, с луками, позже с ружьями. На одной из лопаток косули сохранился след от костяного наконечника стрелы, подобные наконечники, а также свинцовые пули и ружейные кремни, были найдены на памятнике в слоях XVII–XVIII веков.

Остатки остальных диких млекопитающих (табл. 1) представлены единичными костями лося (*Alces* sp.), северного оленя (*Rangifer tarandus*), благородного оленя (*Cervus elaphus*), зайца беляка (*Lepus timidus*), бурого медведя (*Ursus arctos*).

Среди промысловых видов птиц боровая дичь (рябчик (*Bonasa bonasia*), тетерев (*Tetrao tetrix*), глухарь (*Tetrao urogallus*), белая куропатка (*Lagopus lagopus*)) и водоплавающие птицы (белолобый гусь (*Anser albifrons*), пискулька (*A. erythropus*), гуменник (*A. fabalis*), серый гусь (*A. anser*), лебедь-кликун (*Cygnus cygnus*), кряква (*Anas platyrhynchos*), чирок-свистунок (*A. crecca*), шилохвость (*A. acuta*), широконоска

(*A. clypeata*), красноголовый нырок (*Aythya ferina*), хохлатая чернеть (*A. fuligula*), гоголь (*Bucephala clangula*), крохаль средний (*Mergus serrator*), крохаль большой (*M. merganser*)) представлены практически в равном количестве (44% и 52% соответственно). Кроме традиционно считающихся промысловыми видами найдены единичные кости птиц, которые можно условно считать таковыми. Это серый журавль (*Grus grus*), орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*) и кулик (Charadriidae).

Среди рыб наибольшее количество костей принадлежит сибирскому осетру (*Acipenser baerii*) – 37%, второе место по обилию костных остатков делят нельма (*Stenodus leucichthys nelma*) и таймень (*Hucho taimen*) – 47%. Немногочисленны (6%) кости сиговых рыб рода *Coregonus*, в том числе и муксуна (*Coregonus muksun*) и шокура (*Coregonus nasus*). Сибирская стерлядь (*Acipenser ruthenus*), налим (*Lota lota*), щука обыкновенная (*Esox lucius*), обыкновенный окунь (*Perca fluviatilis*) и карась (*Carassius ex.gr. carassius – auratus gibelio*) определены по единичным находкам.

Роль промысловой деятельности в жизнеобеспечении усадьбы была незначительной (табл. 1). Возможно, небольшая часть диких видов была добыта непосредственно самими владельцами усадьбы во время охоты или рыбалки, которые могли быть скорее развлечением, чем необходимостью. Мясо диких млекопитающих, а также дичь, особенно в период хозяйствования семьи Баландиных, могли покупать у местного населения по особым случаям. Но постоянное включение в рацион рыбы, особенно очень жирного сибирского осетра, вероятно, было необходимо для поддержки рацио-

нального питания в условиях долгой и холодной зимы.

Заключение

Анализ археозоологических материалов показывает, что на месте изученных культурных напластований усадьбы не существовало археологических объектов, относящихся к периоду более раннему, предшествующему основанию русского города Енисейска и связанному, возможно, с аборигенным населением Восточной Сибири.

На протяжении всего периода хозяйственной деятельности на этой территории основой хозяйства ее жителей было домашнее животноводство. Главным его направлением было содержание и разведение крупного рогатого скота для получения мяса и молока. Крупный рогатый скот содержали непосредственно на территории усадьбы, о чем говорят находки костей новорожденных телят. Косвенным доказательством этого может служить факт большого количества навоза в культурном слое раскопа. В условиях Енисейска скот более половины года (7–8 месяцев) находится в стойловом содержании, и на это время необходим запас зимних кормов. Вероятно, вблизи города было достаточно пастбищ и заливных лугов, которые могли такой запас обеспечить. Вспомогательными отраслями было разведение свиней и, возможно, содержание мелкого рогатого скота и домашней птицы. Для получения яиц на усадьбе держали небольшое количество домашних кур.

Подобная картина распределения костных остатков характерна для «пашенных» городов Урала и Сибири (Бачура, Подопригора, 1998; Бачура

и др., 2011), на Севере Сибири ближе всего к ним стоит Старо-Туруханское городище периода XVIII–XIX веков. Здесь также преобладают кости крупного рогатого скота и очень мала доля диких копытных в отличие от более северных русских городов, таких как Мангазея и Березов, где больше держали свиней, а доля диких животных в разные периоды колеблется от 39% до 66% (Визгалов, Лобанова, 2017).

Основой белкового питания населения, жившего на территории усадьбы, было мясо крупного рогатого скота, а также получаемые при разведении коров молочные продукты. Менее значительную роль играло мясо свиньи, овец и рыбы. Дикие промысловые виды млекопитающих и птиц не играли значительной роли в питании жителей. Наиболее массовым промысловым видом, добывавшимся в окрестностях города, была косуля. В небольшом количестве добывали боровую дичь и водоплавающих птиц. Основными объектами рыбного промысла у населения Енисейска были сибирский осетр, нельма и таймень.

Таким образом, русское население первых городов на Севере Сибири стремилось вести то традиционное хозяйство, которым оно занималось ранее. Такие постоянные поселения, имеющие перспективу дальнейшего существования как города, строились в природно-ландшафтных условиях, пригодных для содержания и разведения крупного рогатого скота. Эти условия стали одной из причин переноса центра Мангазейского уезда с р. Таз на р. Турухан, а Нижнеколымского острога со Стадухинской протоки на р. Колыму напротив впадения р. Анжой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачура О.П., Лобанова Т.В., Бобковская Н.Е. Животноводство русского населения в городах на севере Урала и Сибири в XVII–XIX веках // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии / Отв. ред. Л.В. Татаурова. Омск: Изд-во Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 271–275.
2. Бачура О.П., Подопригора И.Н. Некоторые особенности питания русского населения городов Северного Урала (XVII–XX вв) // Русские старожилы / Отв. ред. А.В. Головнев. Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000. С. 457–460.
3. Визгалов Г.П., Лобанова Т.В. Хозяйство населения русских городов Севера Сибири в XVII–XIX веках: скотоводство, рыбный промысел, охота // Культура русских в археологических исследованиях / Отв. ред. Л.В. Татаурова. Омск: Наука, 2017. С. 368–374.
4. Гевель Е.В., Лысенко Д.Н. Енисейское городище – основное Достопримечательное место Приенисейской Сибири // Архитектурное наследие Сибири / Отв. ред. С.М. Геращенко. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2015. С. 71–86.
5. Девяшин М.М., Пластеева Н.А. Некоторые аспекты использования животных первыми русскими поселенцами в Западной Сибири // Молодежная научная конференция Томского государственного университета 2009 г. Вып. 1: Проблемы гуманитарных наук / Труды Томского государственного университета. Т. 273. / Отв. ред. М.Н. Баландин. Томск: Изд-во Томского университета, 2010. С. 49–51.
6. Исаев Ю.А., Клементьев А.М., Мартынович Н.В. Фауна позвоночных из археологических раскопок исторического центра г. Иркутска // Байкальский зоологический журнал. Иркутск, 2011. № 2 (7). С. 5–10.
7. Клементьев А.М., Лысенко Д.Н., Мартынович Н.В. Остатки млекопитающих и птиц из археологических раскопок Енисейска (XVII–XIX вв) // Материалы VII-ой международной научной конференции «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая»: в 2 т. Т. II / Отв. ред. П.В. Мандрыка. Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2016. С. 240–248.
8. Косинцев П.А., Лобанова Т.В. Животноводство в хозяйстве населения Мангазеи // Культура русских в археологических исследованиях / Отв. ред. Л.В. Татаурова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 105–112.
9. Косинцев П.А., Черная М.П. Костные остатки животных из Томского Кремля // Русские старожилы / Отв. ред. А.В. Головнев. Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000. С. 488–492.
10. Кравченко Н.А. Разведение сельскохозяйственных животных. М.: Колос, 1973. 486 с.
11. Макогонова Т.С., Кабанов А.А. Династия Баландиных // Красноярский рабочий, 2002. 27 дек. С. 2.
12. Мартынович Н.В. Птицы «Златокипящей Мангазеи» // Зоологический журнал. 2013а. Т. 92, № 9. С. 1129–1135.
13. Мартынович Н.В. Птицы Березовского городища (Нижнее Приобье) // Динамика современных экосистем в голоцене: материалы Третьей Всероссийской научной конференции. Казань: Отечество, 2013б. С. 241–242.
14. Мартынович Н.В. Куры (*Gallus gallus domesticus*) Березовского городища (Нижнее Приобье) // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург Сургут: Магеллан, 2013в. С. 330–332.
15. Номоконова Т.Ю., Батракова Н.А., Бердникова Н.Е., Бердников И.М. Остеологическая коллекция с территории Владимирского некрополя (Иркутск) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Изд-во Ом. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 356–362.

16. Хавесон Я.И. Аборигенные свиньи Чувашии // Проблема происхождения домашних животных / Труды лаборатории генетики. Вып. I / Ред. Н.И. Вавилов, С.Н. Боголюбовский, Я.Я. Лус. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. С. 313–373.

17. Boessneck J. Osteological differences between sheep (*Ovis aries* Linne) and goats (*Capra hircus* Linne) // *Science in Archaeology*. Praeger, New York, 1970. P. 331–358.

18. Grant A. The use of the tooth wear as guide to the age of domestic ungulates // *Aging and sexing animal bones from Archaeological sites*. BAR British Series 109, 1982. P. 91–108.

19. Zeder M.A., Lapham H.A. Assessing the reliability of criteria used to identify postcranial bones in sheep, *Ovis*, and goats, *Capra* // *Journal of Archaeological Science*, 2010. V. 37. P. 2887–2905.

20. Zeder M.A., Pilaar S.E. Assessing the reliability of criteria used to identify mandibles and mandibular teeth in sheep, *Ovis*, and goats, *Capra* // *Journal of Archaeological Science*, 2010. V. 37. P. 225–242.

Информация об авторах:

Бачура Ольга Петровна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник. Институт экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); Сургутский государственный университет (г. Сургут, Россия); olga@ipae.uran.ru

Лобанова Татьяна Владимировна, старший инженер. Институт экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); lota_64@mail.ru

Визгалов Георгий Петрович, кандидат исторических наук, Сургутский государственный университет (г. Сургут, Россия); ведущий научный сотрудник. Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия); vizgalovgp@mail.ru

Мартынович Николай Васильевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник. Музей мирового океана (г. Калининград, Россия); martynovichn@mail.ru

Гимранов Дмитрий Олегович, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник. Институт экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия); djulf250@rambler.ru

SUBSISTENCE PRACTICES OF THE POPULATION AT THE YENISEYSK TOWN IN THE 17TH – 19TH CENTURIES (BASED ON OSTEOLOGICAL MATERIALS FROM THE BALANDIN MANSION)

O.P. Bachura, T.V. Lobanova, G.P. Vizgalov, N.V. Martynovich, D.O. Gimranov

The paper describes the bone animal remains from the excavations of the mansion of Balandin merchants, which reflect the economic culture of the Russian population of the Yeniseisk in the 17th – 19th centuries. The analysis of species composition and ratio of animal remains were carried out, and methods for cutting and utilization of domestic animal carcasses were described. It is shown that maintenance of livestock and poultry was the basis of the economy among the population of Yeniseisk. Cattle played the leading role for the town population. Significantly less the population bred pigs and chickens, as well as keep (or bought) goats and sheep. Hunting and fishing took place, but did not play a large role in the life of the population. Roe deer was the main game animal in the vicinity of the town. The owners of the mansion hunted boron game and waterfowl. Siberian sturgeon, nelma and taimen were the main objects of fishing in the population of Yeniseisk.

Keywords: archaeology, Siberia, Middle Ages, Russian population, domestic animals, game activity.

This work was carried out as part of the state assignment of the Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (No. AAAA-A19_119031890086-0).

REFERENCES

1. Bachura, O. P., Lobanova, T. V., Bobkovskaya, N. E. 2011. In Tataurova, L. V. (ed.). *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii* (The Culture of Russians in Archaeological Research: interdisciplinary methods and technologies). Omsk: Omsk Institute branch of Russian State University of Trade and Economics Publ., 271–275 (in Russian).
2. Bachura, O. P., Podoprigora, I. N. 2000. In Golovnev, A. V. (ed.). *Russkie starozhily* (Russian Old-Timers). Tobol'sk-Omsk: Omsk State Pedagogical University Publ., 457–460 (in Russian).
3. Vizgalov, G. P., Lobanova, T. V. 2017. In Tataurova, L. V. (ed.). *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh* (Culture of the Russians in Archaeological Studies). Omsk: "Nauka" Publ. 368–374 (in Russian).
4. Gevel', E. V., Lysenko, D. N. 2015. In Gerashhenko, S. M. (ed.). *Arkhitekturnoe nasledie Sibiri* (The Architectural Heritage of Siberia). Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ., 71–86 (in Russian).
5. Devyashin, M. M., Plasteeva, N. A. 2010. In Balandin, M. N. (ed.). *Molodezhnaya nauchnaya konferentsiya Tomskogo gosudarstvennogo universiteta 2009 g. Vyp. 1: Problemy gumanitarnykh nauk* (Youth Scientific Conference of Tomsk State University, 2009. 1. The Issues of the Humanities). Series: Proceedings of Tomsk State University, 273. Tomsk: Tomsk State University Publ., 49–51 (in Russian).
6. Isaev, Yu. A., Klement'ev, A. M., Martynovich, N. V. 2011. In *Baykal'skiy zoologicheskii zhurnal* (Baikal Zoological Journal) 7 (2). 5–10 (in Russian).
7. Klement'ev, A. M., Lysenko, D. N., Martynovich, N. V. 2016. In Mandryka, P. V. (ed.). *Drevnie kul'tury Mongolii, Baykal'skoy Sibiri i Severnogo Kitaya: v 2 t.* (Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: in two volumes) II. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publ., 240–248 (in Russian).
8. Kosintsev, P. A., Lobanova, T. V. 2005. In Tataurova, L. V. (ed.). *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh* (Culture of the Russians in Archaeological Studies). Omsk: "Omsk State University" Publ., 105–112 (in Russian).
9. Kosintsev, P. A., Chernaya, M. P. 2000. In Golovnev, A. V. (ed.). *Russkie starozhily* (Russian old-timers). Tobol'sk-Omsk: Omsk State Pedagogical University Publ., 488–492 (in Russian).
10. Kravchenko, N. A. 1973. *Razvedenie sel'skokhozyaystvennykh zhivotnykh* (Breeding of agriculture animals). Moscow: "Kolos" Publ. (in Russian).
11. Makogonova, T. S., Kabanov, A. A. 2002. In *Krasnoyarskiy rabochiy* (Krasnoyarsk worker). 27 dec., 2 (in Russian).
12. Martynovich, N. V. 2013. In *Zoologicheskyy zhurnal* (Russian Journal of Zoology) 9(92), 1129–1135 (in Russian).
13. Martynovich, N. V. 2013. In Askeyev, I. V., Ivanov, D. V. (eds.). *Dinamika sovremennykh ekosistem v golotsene* (The Dynamics of Modern Ecosystems in the Holocene). Kazan: "Otechestvo" Publ., 241–242 (in Russian).
14. Martynovich, N. V. 2013. In Borzunov, V. A. (ed.). *Arkheologiya Severa Rossii: ot epokhi zheleza do Rossiyskoy imperii*. (Archaeology of the Russian North: from the Iron Age to the Russian Empire). Ekaterinburg-Surgut: "Magellan" Publ., 330–332 (in Russian).
15. Nomokonova, T. Yu., Batrakova, N. A., Berdnikova, N. E., Berdnikov, I. M. In Tataurova, L. V. (ed.). *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii* (Culture of the Russians in Archaeological Research: interdisciplinary methods and technologies). Omsk: Omsk Institute branch of Russian State University of Trade and Economics Publ., 271–275 (in Russian).
16. Khaveson, Ya. I. 1933. In Vavilov, N. I., Bogolyubskiy, S. N., Lus, Ya. Ya. (eds.). *Problema proiskhozhdeniya domashnykh zhivotnykh* (The issue of the origin of domesticated animals). Trudy laboratorii genetiki (Proceedings of the Laboratory of Genetics). Issue I. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 313–373 (in Russian).
17. Boessneck, J. 1970. In *Science in Archaeology*. Praeger, New York, 331–358.
18. Grant, A. 1982. In *Aging and sexing animal bones from Archaeological sites*. BAR British Series 109, 91–108.
19. Zeder, M. A., Lapham, H. A. 2010. In *Journal of Archaeological Science*, V. 37, 2887–2905.

20. Zeder, M. A., Pilaar, S. E. 2010. In *Journal of Archaeological Science*, V. 37, 225–242.

About the Authors:

Bachura Olga P. Candidate of Biological Sciences. Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 8 March Str., 202. Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; Surgut State University. Lenin Ave., 1, Surgut, 628403, Russian Federation; olga@ipae.uran.ru

Lobanova Tatyana V. Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 8 March Str., 202. Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; lota_64@mail.ru

Vizgalov Georgy P. Candidate of Historical Sciences. Surgut State University. Lenin Ave., 1, Surgut, 628403, Russian Federation; Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Acad. Lavretiev Avenue, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; vizgalovgp@mail.ru

Martynovich Nikolay V. Candidate of Biological Sciences. Museum of the World Ocean. Peter the Great emb. 1, Kaliningrad, 236006. Russian Federation; martynovichn@mail.ru

Gimranov Dmitry O. Candidate of Biological Sciences. Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 8 March Str., 202. Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; djulfa250@rambler.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

Хроника

УДК 903.2 /094 «04/14»

<https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.197.216>

**ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА
АКАДЕМИИ НАУК ТАТАРСТАНА В 2019 ГОДУ**

© 2020 г. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов, Г.Ш. Асылгараева

Статья знакомит с основными итогами научной деятельности Обособленного подразделения «Институт археологии им. А.Х. Халикова» Академии наук Республики Татарстан в год его 5-летнего юбилея. Институт является ведущим академическим научным учреждением в области археологии на территории Поволжья. В 2019 г. раскопки были проведены на 16 объектах археологического наследия на территории Республики Татарстан, Поволжья и других регионов Российской Федерации, а также Республики Монголия. Институтом было проведено 14 научных конференций, семинаров и школ, 11 международных и 3 всероссийских. Организация издает два академических научных журнала. В результате проведенного SCImago анализа издательской деятельности научный журнал «Поволжская археология», подготавливаемый в Институте, был включен в квартиль – Q2. Второй научный журнал Института археологии им. А.Х. Халикова «Археология евразийских степей» в 2019 г. был включён в список рецензируемых изданий Высшей Аттестационной комиссии Российской Федерации. Признанием Музея археологии Республики Татарстан как хранителя наследия академической археологической науки региона стало включение в марте 2019 года Музея археологии Института в Реестр музеев Российской Федерации.

Ключевые слова: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, археология, фундаментальные научные исследования, прикладные научные исследования, 5-летие Института, охрана археологического наследия, археометрия, музей археологии РТ, экспозиционная деятельность.

В 2019 году Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан отметил пятилетие образования и научной деятельности (Ситдилов и др., 2015, с. 241–259; Ситдилов, Каримов, 2016, с. 276–290; Ситдилов, Каримов, 2017, с. 330–343; Ситдилов и др., 2018, с. 342–354; Бочаров, Асылгараева, 2019, с. 208–228). Успешность работы института была отмечена награждением его коллектива 1 февраля 2019 г. Благодарностью Президента Республики Татарстан за значительный вклад в реализацию комплексного проекта «Культурное наследие –

остров-град Свияжск и древний Болгар» (рис. 1). 7 февраля 2019 г. Указом Президента Республики Татарстан за плодотворную научно-исследовательскую деятельность и вклад в дело сохранения историко-культурного наследия Республики были присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан» руководителю ИА АН РТ, члену-корреспонденту АН РТ, д.и.н. А.Г. Ситдилову и заведующему отделом средневековой археологии ИА АН РТ, д.и.н. И.Л. Измайлову. Медалью Республики Татарстан «За доблестный труд» в октябре 2019 г. был награждён сотрудник

Рис. 1. Благодарность Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова коллективу Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ.

Fig. 1. Letter of acknowledgment by the President of the Republic of Tatarstan R.N. Minnikhanov to the specialists of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the TAS.

ник отдела средневековой археологии Института, д.и.н. Е.П. Казаков (рис. 2) (Ситдилов, Измайлов, 2019, с. 9–20).

Музееведческие работы сотрудников Института в отчётном году были удостоены и международного признания. Руководитель создания научной концепции Музея археологического дерева «Татарская слободка» г. Свияжск А.Г. Ситдилов принял участие в церемонии вручения премии Международного комитета по аудиовизуальным, новым технологиям и социальным медиа (AVICOM) Международного союза музеев (ICOM) за реализацию в музее концепции комплексного применения современных информационно-цифровых технологий в экспозиции этого музея, которая состоялась 28 августа 2019 г. в Шанхае (Китайская Народная Республика) (рис. 3).

Научно-исследовательская и научно-организационная деятельность Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан в 2019 г. велась в соответ-

ствии с темами, утвержденными государственным заданием и «Стратегией развития Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ на 2016–2020 гг.».

Сотрудники Института проводили исследования по 89 темам, археологические и историко-культурные изыскания были проведены на памятниках в Республике Татарстан и за ее пределами. В прошедшем году в соответствии с темами, закрепленными в научных направлениях государственного задания, было опубликовано 13 монографий, научных сборников, каталогов и 150 статей, подготовлено 69 научных отчетов (список публикаций за 2019 г. приведен в конце статьи).

В 2019 г. Институту было проведено 14 научных конференций, семинаров и школ, из них 11 международ-

Рис. 2. Вручение правительственной награды д.и.н. Е.П. Казакову Президентом Академии наук Республики Татарстан М.Х. Салаховым.

Fig. 2. Presentation of a State Award to Doctor of Historical Sciences E. P. Kazakov by President of the Tatarstan Academy of Sciences M.Kh. Salakhov.

Рис. 3. Диплом Международного комитета по аудиовизуальным, новым технологиям и социальным медиа (AVICOM) Международного союза музеев (ICOM).

Fig. 3. Diploma of the International Committee for Audiovisual, New Technologies and Social Media (AVICOM) of the International Union of Museums (ICOM).

ных, 3 всероссийские. Проведенные мероприятия были не только крупными дискуссионными площадками в сфере археологических изысканий, но и стали показателем значительно расширившегося исследовательского диапазона Института по проблемам изучения и сохранения историко-культурного наследия в целом, а также в сфере междисциплинарных исследований. В их реализации участвуют ученые и специалисты из крупных научных центров России и зарубежных стран, с которыми Институтом ведется совместная работа по 84 договорам о сотрудничестве, их них с 30 зарубежными научными центрами, 54 российскими научными учреждениями и музеями. Большой научный и общественный резонанс в 2019 г. получили такие научные мероприятия, как IV Международный конгресс Археологии евразийских степей «Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований», посвященный 100-летию российской академической

археологии (рис. 5) (Ситдинов и др., 2020, с. 217–226); Междисциплинарный научный семинар «Археобиологические исследования в Болгаре и на поселениях Золотой Орды: проблемы и перспективы» (рис. 4) (Яворская, Бочаров, 2019, с. 237–242); Международный семинар «Актуальные вопросы изучения, консервации и музеефикации археологических объектов из дерева»; Международная научно-практическая конференция «Взаимоотношения Великого княжества Литовского и Золотой Орды в свете археологических исследований: проблемы и перспективы», в которых Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ выступил как главный организатор форумов. Особо выделяются проведенные совместно со Стамбульским университетом I Меж-

Рис. 4. Обложка программы междисциплинарного научного семинара с международным участием «Археобиологические исследования в Болгаре и на поселениях Золотой Орды: проблемы и перспективы».

Fig. 4. Cover of the agenda of the Interdisciplinary Scientific Seminar with International Participation "Archaeobiological Studies in Bulgaria and the Settlements of the Golden Horde: Issues and Prospects".

Рис. 5. Пленарное заседание IV Международного Конгресса археологии евразийских степей «Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований», посвященного 100-летию Российской академической археологии. Улан-Удэ, 16 сентября 2019 г.

Fig. 5. Plenary meeting of the 4th International Congress on the Archaeology of the Eurasian Steppes “Nomadic Empires of Eurasia in the Context of Archaeological and Interdisciplinary Studies” dedicated to the 100th anniversary of Russian academic archaeology. Ulan-Ude, September 16, 2019.

дународный научный симпозиум, посвященный 750-летию образования золотоордынского государства «История и культура Золотой Орды» (Казань) и Международная научная конференция, посвященная 750-летию образования золотоордынского государства «История и культура Золотой Орды и ее наследие» (Стамбул), создавшие возможность обмена результатами исследований специалистов России и Турции в области изучения истории и археологии Золотой Орды.

В целом следует отметить, что в 2019 году интеграция сотрудников Института в международное археологическое сообщество стала более результативной. Этот процесс выражается не только в публикации статей в иностранных рейтинговых журналах (Khrumchenkova et al., 2019, p. 114) и выступлении с докладами

на английском языке в конференциях за рубежом, но и в непосредственном участии зарубежных специалистов в полевых исследованиях и выездных круглых столах, а также в создании международных авторских коллективов для подготовки публикаций и докладов.

Важнейшим результатом научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова в 2019 году стала публикация второго тома сборника научных статей «Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2» (рис. 6) (Бочаров, Ситдилов, 2019, с. 15–16). Это знаковое международное издание является вторым тематическим сборником, посвященным археологии и истории обширной империи, функционировавшей на просторах Евразии в XII–XV вв., образованной монгольским нашествием. Второй выпуск сборника

Рис. 6. Обложка второго тома сборника научных статей «Генуэзская Газария и Золотая Орда».

Fig. 6. Cover of the second volume of the collection of scientific articles “Genoese Gazaria and the Golden Horde”.

Рис. 7. Общее фото сотрудников Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ и руководства гуманитарного факультета Стамбульского университета после лекций археологов Татарстана. Стамбул, 4 марта 2019 г.

Fig. 7. General photograph of the specialists of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences and the management of the Humanities Department of Istanbul University after lectures by Tatarstan archaeologists. Istanbul, March 4, 2019.

статей «Генуэзская Газария и Золотая Орда» посвящён памяти выдающегося деятеля отечественной науки, археолога, историка и нумизмата, основателя российской школы золотоордынской археологии, профессора МГУ Г.А. Фёдорова-Давыдова. В него вошли статьи, которые подготовили пятьдесят восемь исследователей из Казахстана, Киргизии, Молдовы, России, Румынии и Украины.

Сотрудники института принимали активное участие в значимых национальных проектах, инициированных руководством Республики Татарстан и общественными организациями. В составе комплексной группы ведущих специалистов Академии наук РТ они участвовали в разработке «Стратегии развития татарского народа». В ее основу легла концепция развития на-

циональной идентичности татарского сообщества в современном мире на основе принципов генерации культурного пространства, его адаптации к меняющемуся миру и укрепление инновационных тенденций при развитии исторических традиций, их модернизации и преемственности. Частью реализации работ в этом направлении стало создание коллективной монографии «Татарский мир», который является изложением ключевых сведений об истории и цивилизации татарского мира в прошлом и настоящем. В нем в научно-популярной форме изложены основные сведения об этнополитической истории, основах цивилизации, языке, письменности и литературе, традициях урбанизации, поселениях и жилищах, костюме, пище, праздниках и

Рис. 8. Археологические исследования на Болгарском городище в 2019 г. Раскоп № 240, вид с северо-запада.

Fig. 8. Archaeological studies at Bolgar fortified settlement in 2019. Excavation No. 240, view from the north-west.

фольклоре, архитектуре и искусству. Представлена целостная картина традиционной и современной татарской культуры и цивилизации, формирующей национальную идентичность татарской нации.

Фундаментальным направлением научно-исследовательской деятельности Института, всех его структурных подразделений и научных сотрудников является создание семитомной академической «Археологии Волго-Уральского региона». В отчетном году усовершенствована структура томов издания, активно происходило написание авторских разделов и подготовка иллюстративного материала. Систематизированы архивные данные и публикации, уточнены историографические и фактологические сведения по ряду памятников, необходимые при подготовке соответствующих разделов томов. Проведено обобщение имеющихся к настоящему времени данных и материалов с целью выявления культурно-хронологических маркеров при подготовке разделов многотомника. Научными сотрудни-

ками Института в качестве авторов готовятся соответствующие разделы к томам издания, а также проведено рецензирование присланных иногородними членами авторских коллективов томов рукописей разделов. Методические и методологические вопросы подготовки и написания разделов монографии обсуждены в рамках проведенных Институтom научных конференций.

Важным направлениям научной политики Института является интеграция в глобальное образовательное пространство, создание современных образовательных продуктов и программ по международному академическому обмену. 4 сотрудника Института ведут преподавательскую деятельность в КФУ в рамках профиля «Археология». Совместно с КФУ разработана методика преподавания реставрации археологических предметов в высшей школе на основе уникальной системы двухнедельных интенсивов, во время которых студенты получают базовые теоретические зна-

Рис. 9. Информация о присвоении журналу «Поволжская археология» квартиля – Q2.

Fig. 9. Information on the assignment of the Q2 quartile to the journal "The Volga River Region Archaeology".

ПЕРЕЧЕНЬ рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 18.07.2019 года)				
№ п/п	Наименование издания	ISSN	Группы научных специальностей/научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым присуждаются ученые степени	Дата включения издания в Перечень
137.	Археология Евразийских степей	2587-6112	07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки), 07.00.06 – Археология (исторические науки)	с 08.07.2019
1628.	Поволжская археология	2306-4099	07.00.06 – Археология (исторические науки), 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки), 07.00.09 – Историкография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки)	с 28.12.2018

Рис. 10. Информация о включении журнала «Археология евразийских степей» в список рецензируемых изданий Высшей Аттестационной комиссии Российской Федерации.

Fig. 10. Information on the inclusion of the journal “Archaeology of the Eurasian Steppes” in the list of peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation.

ния по восьми направлениям реставрации археологических материалов и проходят практическое обучение под руководством ведущих реставраторов РФ (Буршнева, 2019, с. 5–8).

Реализация стратегии целенаправленного взаимодействия в образовательной сфере нашла отражение в проведенных совместно с КФУ в отчетном году ряде мероприятий, таких как: VI Международная полевая археологическая школа в г. Болгар (Воробьева, Голубева, 2019, с. 99–112); Всероссийский научно-практический семинар «Археолог и музей: диалог о вечном» (Материалы Всероссийского научно-практического семинара «Археолог и музей: диалог о вечном», 2019, с. 8–98); Всероссийская молодежная научно-практическая конференция «Коллоквиум молодых реставраторов ResCon-2019».

Признанием значительных достижений археологической науки Республики Татарстан и признанием её самого высокого методического уровня стало приглашение 4–5 мая 2019 года в Стамбульский университет (Турецкая Республика) А.Г. Ситдикова и

С.Г. Бочарова для чтения лекций по археологии тюркских народов для профессорско-преподавательского состава и студентов Гуманитарного факультета Стамбульского университета (рис. 7).

Актуальным направлением деятельности Института является организация и проведение комплексных научных, так и охранно-спасательных археологических исследований. В 2019 году были обследованы значительные площади территории Республики Татарстан на наличие объектов культурного наследия (250 га). Всего в рамках проведения археологических исследований Институтом археологии АН РТ в Министерстве культуры РФ было получено 46 открытых листов (разрешений) на проведение археологических спасательных работ. Проведены исследования в виде археологических раскопок на 26 объектах археологического наследия (в том числе на территории Болгарского городища и в его округе (рис. 8), Билярского городища и на острове Свияжск и в его округе) общей площадью 3500 кв.м. (Ситди-

ков и др., 2019, с. 11). Исследования в виде археологических наблюдений на объектах культурного наследия площадью 4000 кв. м. Выполненные работы являются важной составляющей формирования целостной системы сохранения историко-культурного наследия и его эффективного использования, включения уникальных памятников и исторических территорий в программы российского и международного туризма.

В научно-исследовательской деятельности Института особое место занимает издание журнала «Поволжская археология». На его страницах нашли отражение многие аспекты исследований евразийских древностей в широком территориальном и временном диапазоне. В 2019 г. было издано 4 номера журнала, в котором опубликовано 72 статьи общим объемом 62,4 а. л. Международная исследовательская организация SCImago, базирующаяся в Испании, опубликовала ежегодный рейтинг научных журналов. Среди мировых рейтингов SCImago ориентируется на научные показатели и научную продукцию, индексируемые в базе Scopus. В результате проведенного SCImago анализа издательской деятельности научный журнал «Поволжская археология» был включен в квартиль Q2 (Q1 самый высокий из четырех уровней) (рис. 9). Данная система квартилей позволяет объективно оценить научное качество и уровень журнала вне зависимости от предметной области. В рейтинге журналов по искусству и гуманитарным наукам SCImago «Поволжская археология» занимает 13 позицию из 41 среди всех российских журналов и второе место по предметному рейтингу «Археология» среди российских жур-

налов. Это является феноменальным успехом молодого казанского журнала (Авторский указатель, 2019, с. 238–249).

Второй международный научный журнал, издаваемый Институтом, – «Археология евразийских степей» (АЕС). Приоритетными задачами данного издания являются публикации результатов археологических исследований, в числе которых комплекс археологических и естественно-научных, а также актуальных историко-географических материалов. Журнал отражает мнения специалистов по узловым проблемам археологии степной Евразии различных эпох и смежных исторических дисциплин, способствует продуктивному обсуждению актуальных проблем археологии. В состав редакционного совета журнала вошли 17 ученых, представляющих 15 научных центров Испании, Франции, Германии, Финляндии, Румынии, Болгарии, России. В 2019 году издано 6 номеров журнала, в котором опубликовано 54 статьи и 2 монографии общим объемом 92 а. л. Из них 19 статей – сотрудников Института. Признанием высокого научного статуса журнала стало его включение в список рецензируемых изданий Высшей Аттестационной комиссии Российской Федерации (рис. 10) (Авторский указатель, 2020, с. 343–354).

Актуальной научно-исследовательской работой Института является создание геоинформационной системы «Культурное наследие Татарстана и татарского народа». По состоянию на 08.10.2019 в базу геоданных ArchGIS внесено 332 объекта культурного наследия, 138 учреждений культуры, 30 308 населенных пунктов, 4 647 памятников археологии, 1 159 персоналий.

Основными темами прикладных исследований в 2019 г. стали: комплектование, систематизация, учет, хранение, использование музейных предметов и музейных коллекций фонда археологии и научного фонда. Динамика пополнения музейного собрания имеет положительную тенденцию.

В отчетном году объемы новых поступлений с памятников Татарстана и г. Казань в музейные фонды составили 20 археологических коллекций, полученных в результате исследований научных экспедиций Института археологии. Необходимо отметить, что такого количества поступлений уникальных артефактов археологического и историко-культурного наследия не отмечено в других музеях Татарстана и не представлено в таком масштабе в их экспозициях. Результатом деятельности по обозначенному направлению стало формирование полного, научно-информативного, нормативно закреплённого, исторически и культурно значимого собрания археологического и научного фондов. Комплектование научного фонда способствует наиболее полной концентрации документов, отражающих исследовательскую и научно-организационную деятельность в области археологии Республики Татарстан.

Важным достижением отчётного года стало включение 18 марта 2019 года Музея археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ в Реестр музеев Российской Федерации. Это крупнейший шаг к признанию музея как хранителя наследия академической археологической науки Татарстана. В основном фонде музея – 11 526 единиц хранения. Научно-вспомогательный фонд музея включает в себя 43 350 единиц хра-

нения. На сегодняшний день в музее насчитывается около 400 000 единиц хранения.

В 2019 году активно продолжалась экспозиционно-выставочная деятельность. Проведены 6 как самостоятельных, так и совместных экспозиций – с Болгарским государственным историко-архитектурным музеем-заповедником (БГИАМЗ), Казанским (Приволжским) федеральным университетом (К(П)ФУ), Лаишевским краеведческим музеем им. Г.Р. Державина, с Казанской епархией РПЦ. Открытие самостоятельных выставок сопровождалось информацией в средствах массовой информации, ТВ и сети Интернет. Эффективная работа по направлению открывает возможности для начала новых исследований и формирования системы управляемых баз данных в археологическом вещеведении и источниковедении, научной каталогизации фондов и коллекций.

В целях сохранения, изучения, музеефикации и пропаганды научного археологического наследия Татарстана были продолжены работы по научно-технической обработке архивного материала, в том числе личных фондов ученых-археологов, через фондирование и введение в научный оборот архивных материалов. Также были обработаны издания, полученные по обмену в 2019 календарном году (76 экз.). На конец отчетного периода в научном фонде учтено 3 064 единицы хранения, в библиотечном фонде 15 547 единиц хранения.

В аспирантуре Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ проходят обучение 4 молодых специалиста (Shaykhutdinova et al., 2019, p. 164–174). Аспиранты выполнили индивидуальные планы, аттестованы и переведены на следующий год об-

учения. Темы диссертационных работ аспирантов соответствуют общим направлениям научно-исследовательской деятельности Института.

В 2019 г. продолжил работу диссертационный совет Д 999.124.02, созданный на базе «Казанского (При-

волжского) федерального университета» совместно с Академией наук РТ. За год на заседаниях диссертационного совета были защищены 5 диссертаций на соискание степени кандидата исторических наук, из них 3 по направлению археология.

ПУБЛИКАЦИИ ИНСТИТУТА

МОНОГРАФИИ

1. *Губайдуллин А.М.* Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. // Археология Евразийских степей. № 3. Казань: Orange Key, 2019. 323 с.
2. *Хузин Ф.Ш., Давлетшин Г.М.* Булгарская цивилизация на Волге. Казань: Татар. кн. изд-во, 2019. 112 с.
3. *Ситдинов А.Г., Бугров Д.Г., Измайлов И.Л., Мухаметшин Д.Г.* Встреча в Болгаре. Экскурсия по залам Музея болгарской цивилизации. 2019. 84 с.
4. *Шакиров З.Г.* Биляр: кладовая наследия. – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2019. 52 с.: илл.
5. Время и люди. Листая страницы истории. К 50-летию БГИАМЗ / Сост. Д.Г. Мухаметшин. Болгар. 2019. 147 с., ил.
6. Бумажные денежные знаки России и СССР. Каталог денежных знаков из фондов Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника / Сост. и автор вступительной статьи Д.Г. Мухаметшин. Ред.: Д.Д. Натфуллин. Ульяновск: Областная типография «Печатный двор», 2019. 184 с.
7. *Галимова М.Ш., Лыганов А.В., Хисметдинова А.А., Гольева А.А., Бугров Д.Г., Аськеев И.В., Шаймуратова (Галимова) Д.Н., Аськеев О.В., Хейно М.Т., Аськеев А.О., ван дер Валк Т., Печнерова П., Дален Л., Аспи Й.* Пестречинские стоянки эпохи раннего металла и раннего железа в Нижнем Прикамье и их природное окружение // Археология евразийских степей. № 4 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Orange Key, 2019. С. 8–276.
8. Топоры балановской культуры в фондах Археологического музея КФУ [Электронный ресурс] / Сост.: А.В. Лыганов, А.Р. Нуретдинова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 88 с. Режим доступа: <https://kpfu.academia.edu/AlsuNuretdinova>.
9. Историко-культурный атлас Алексеевского района Республики Татарстан. / Под общ. ред. И.Р. Кузьминой. Сост.: А.Г. Ситдинов, Х.М. Абдуллин, И.Р. Каримов, С.А. Файзуллин, З.Г. Шакиров, Ф.Ш. Хузин, И.Р. Кузьмина. Казань: Оранж Кей, 2018. 160 с.
10. Историко-культурный атлас Верхнеуслонского района Республики Татарстан. / Под общ. ред. И.Р. Кузьминой. Сост.: А.Г. Ситдинов, Х.М. Абдуллин, И.Р. Каримов, С.А. Файзуллин, И.Р. Кузьмина. Казань: Оранж Кей, 2018. 144 с.
11. *Баранов В.С., Ситдинов А.Г., Вязов Л.А.* Визуализация объекта всемирного культурного наследия ЮНЕСКО: история изучения и сохранения Болгарского городища в картах, планах, документах и иллюстративных материалах: учебно-методическое пособие / Под ред. С.Г. Бочарова. Казань: Казанский университет. 2019. 58 с.
12. *Буришева С.Г.* Реставрация археологических и этнографических предметов из железа: учеб.-метод. пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. 88 с.
13. Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдинов. Казань, Кишинёв: Stratum plus, 2019. 824 с.

СТАТЬИ

1. *Абрамский М., Тимерханов Т.* Сравнительный анализ использования реляционных и графовых баз данных в разработке цифровых образовательных систем // Вестник Новосибир-

ского государственного университета. Серия: Информационные технологии. 2018. Т. 16. № 4. С. 5–12.

2. Авторский указатель // Археология Евразийских степей. 2020. № 1. С. 343–354.
3. Авторский указатель // Поволжская археология. 2019. № 4. С. 238–249
4. Баранов В.С. К 50-летию создания Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Поволжская археология. 2019. № 2. С. 189–201.
5. Баранов В.С. Целостность археологических коллекций в музейном хранении: эффект «распредмечивания» // Археология евразийских степей. 2019. № 5. С. 66–74.
6. Баранов В.С., Газимзянов И.Р., Жолобов А.И., Рахматуллин Н.Р. Детектив эпохи средневековья: комплексный историко-антропологический анализ материалов погребения 11 раскопа СХLIX на Болгарском городище // Донские древности. Вып. 12. Материалы международной научной конференции. 14–18 октября 2019 г. / Отв. ред. Е.Е. Мамичев. Азов: Изд-во Азовского краеведческого музея, 2019. С. 234–239.
7. Баранов В.С., Измайлов И.Л. К вопросу об атрибуции перстня из раскопок в Болгаре 2010 года // Археология евразийских степей. 2019. № 6. С. 260–276.
8. Бахматова В.Н. Наблюдения по проблеме формирования традиций ремесленного гончарства населения Волжской Болгарии // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. научн. ст. IV международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 2 / Отв.ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 120–126.
9. Бахматова В.Н., Храмченкова Р.Х. К вопросу о методах исследования сырьевой базы гончарного производства Волжской Болгарии (по результатам экспериментальных исследований) // От ремесла к искусству. Керамика: технология, декор, стиль. Тезисы докладов Международной научно-практической конференции / Науч. ред. Т.В. Горбунова, И.В. Палагута, Е.Г. Старкова, С.Е. Сухарев. Санкт-Петербург: СПбХПА им. А.Л. Штиглиц. 2018. С. 64–66.
10. Беляев А.В., Абдуллин Х.М., Сайфутдинова Г.М., Ситдинов А.Г. Археологические и междисциплинарные исследования мусульманского кладбища “Биш-Балта” Адмиралтейской слободы Казани в 2017 г. // Археология евразийских степей. 2019. № 6. С. 300–313.
11. Беляев А.В., Хамзин Р.Н. «Археологические разведочные исследования в Предволжье в 2018 г.» / Сборник материалов III–IV региональной научно-практической конференции «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия» / Ред. Г.М. Бирюкова, Д.Г. Мухаметшин, А.Н. Фасхутдинов. Болгар: Арт-Бюро, 2018. С. 24–26.
12. Богатова Л.Ф., Буришева С.Г., Федан П.В. Опыт обучения реставраторов по программе интенсива «Консервация и реставрация археологической кожи» на базе магистратуры К(П) ФУ по профилю «Реставрация историко-культурного наследия» // Археология евразийских степей. 2019 № 5. С. 261–267.
13. Бочаров С.Г. Археологические исследования и возведение парковых ансамблей (на примере средневековой бани №2 и музейного парка Болгарского историко-археологического комплекса // Уваровские Таврические чтения IV «Древности Юга России». Материалы Международной научной конференции. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 12–15 сентября 2019 г. Севастополь: ООО «Колорит», 2019. С. 37–43.
14. Бочаров С.Г. Археология Гёнузской Газарии. Введение в научную проблему // Византийское «содружество»: традиции и смена парадигм. Тез. Док. XXII-й всероссийской научной сессии византинистов Российской Федерации. Екатеринбург 24-28 сентября 2019 г. / Под. ред. М.В. Грацианского, Т.В. Куш. Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 2019. С. 24–27.
15. Бочаров С.Г. Балаклава – введение в историческую топографию османского города 1475–1774 годов на Крымском полуострове // Stratum plus, 2019. № 6. С. 321–328.
16. Бочаров С.Г. Венецианская Газария – что это означает? // Донские древности. 2019. Вып. 12. Азак и мир вокруг него. Материалы Международной конференции. Азов, 14-18 октября 2019 г. / Отв. ред. И.И. Мамичев, Азов: Изд. Азовского музея заповедника. С. 43–50.
17. Бочаров С.Г. Древности Гёнузской Газарии как часть археологии Золотой Орды // Труды IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию Российской академической археологии «Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований» / Ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд. БНЦ СО РАН, 2019. С. 13–18.

18. Бочаров С.Г. Историческая география крымских территорий Генуэзской Газарии (1275–1475 гг.) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинёв: Stratum plus, 2019. С. 741–770.
19. Бочаров С.Г. Селение Кубатуба XIII–XV вв. на побережье Керченского полуострова. Новый пункт генуэзской Газарии // Уваровские Таврические чтения IV «Древности Юга России». Материалы Международной научной конференции. Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 12–15 сентября 2019 г./ Отв. ред. А.В. Сазанов, Л.В. Седикова, Н.В. Гинькут. Севастополь: ООО «Колорит», 2019. С. 32–37.
20. Бочаров С.Г. Средиземноморье и Крым в XIV–XV вв. Венецианская Газария – присутствие Республики св. Марка на крымском побережье: археологический контекст // Исторические, культурные, междисциплинарные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы конференции. Т. 1 / Отв. ред. А.Д. Васильев. Москва: Пробел-2000, 2019. С. 36–39.
21. Бочаров С.Г., Асылгараева Г.Ш. Об основных итогах научной деятельности Института Археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Татарстана в 2018 году // Поволжская археология. 2019. № 1. С. 208–228 doi.org/10.24852/pa2019.1.27.208.228.
22. Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. Научная программа Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан исследований Золотой Орды // Маргулановские чтения-2019. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 95-летию со дня рождения выдающегося казахского археолога К.А. Акишева / Отв. ред. М.К. Хабдулина. 2019. Нур-Султан: Глобус. С. 451–456.
23. Бочаров С.Г., Ситдииков А.Г. Предисловие // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинёв: Stratum plus, 2019. С. 15–18.
24. Бочаров С.Г., Яворская Л.В. К вопросу о кожевенном производстве в Золотой Орде: результаты археологического и археозоологического исследования на городище Маджары в 2017 году // Поволжская археология. 2019. № 4. С. 184–199 doi.org/10.24852/pa2019.4.30.184.199.
25. Бугарчёв А.И. Клад джучидских монет конца XIV в. из Атинского района РТ // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 124–136.
26. Бугарчёв А.И. Неопубликованные нумизматические материалы Болгарского городища 1960-х годов // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 116–123.
27. Бугарчев А.И., Емельянов В.П. Золотоордынские монеты XV в. южных монетных дворов из находок на Войкинском городище // Родной край. 2018 № 1. С. 77–79.
28. Бугарчёв А.И., Пахомова С.Г. Нумизматический материал из Ага-Базара / XXI Уральское археологическое совещание, посвящённое 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 8–11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 277–279.
29. Бугарчев А.И., Сингатуллина А.З. Монеты хана Пулада, выпущенные на монетном дворе Булгар ал-Джадид (по материалам Измериевского клада из фондов Национального музея РТ) // Археология евразийских степей. 2019. № 5. С. 94–98.
30. Бугарчёв А.И., Степанов О.В. Монеты XV в. из окрестностей села Карташиха Лаишевского района Татарстана // Родной край. 2018. № 3. С. 61–64.
31. Бугарчев А.И., Степанов О.В. О болгарских дирхамах XIII в. с изображением льва и солнца // Традиционная культура народов Поволжья. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Сост. Г.К. Мансурова. Казань: Ихлас, 2018. С. 56–64.
32. Валиев Р.Р. Новославский II могильник: проблемы интерпретации и перспективы исследований // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 109–116.
33. Вафина Г.Х., Овечкина Л.В. Намогильные плиты мусульманского кладбища Биш-Балта // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых (Москва, 19–21 марта 2019 г.) / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2019. С. 233–234.

34. Вафина Г.Х., Овечкина Л.В. Построение пространственной модели мусульманского кладбища Биш-Балта и прилегающей территории / Геоархеология и археологическая минералогия-2019. Научное издание / Отв. ред. А.М. Юминов, Е.В. Зайкова. Миасс-Екатеринбург: ООО «ФортДиалог-Исеть», 2019. С. 46–48.

35. Вафина Г.Х., Овечкина Л.В., Шакиров З.Г. Результаты топографо-геодезических и картографических работ в округе Билярского городища // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 330–353.

36. Визгалова М.Ю. Методы реставрации и сохранения археологических предметов из дерева и древесных материалов (на примере коллекций музея археологического дерева в Свияжске) / Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Евпатория, 30-31 мая 2019г. / Гл. ред. В.Е. Науменко. Симферополь: ИТ «Ариал», 2019. С. 32–42.

37. Воробьева Е.Е., Голубева Е.Н. О работе VI Международной археологической школы // Археология евразийских степей. 2019. № 5. С. 99–112.

38. Воробьева Е.Е., Федулов М.И. К вопросу о русско-ордынском пограничье в Марийско-Чувашском Поволжье // «Генуэзская Газария и Золотая Орда». Т. II / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдилов. Казань-Кишинев: Stratum plus. 2019. С. 289–295.

39. Выборнов А.А., Шитилов А.В. Неолитический комплекс VIa Балахчинской стоянки в Приустьевом Прикамье // Поволжская археология. 2019. № 1. С. 47–58.

40. Вязов Л.А., Мясников Н.С., Михайлов Е.П., Ершова Е.Г., Блинные М.С., Пономаренко Е.В. Большеалгашино городище в Нижнем Посурье // Поволжская археология. 2019. № 1. С. 104–120.

41. Гайнуллин И.И., Усманов Б.М., Сафиуллина К.Г., Прокудина Е.С. Опыт оценки состояния памятников археологии с использованием разновременных данных дистанционного зондирования и низковысотной аэрофотосъемки (на примере Чуру-Барышевского городища, Республика Татарстан) // Археология и геоинформатика. Вып. 9. М.: ИА РАН, 2019 (CD-ROM.) 12 с.

42. Гайнуллин И.И., Усманов Б.М., Хомяков П.В. Построение 3D модели залесенного Исаковского городища с использованием современных технологий // VIII Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы геодезии и информационных систем». Тезисы и доклады. Казань, 2019. С. 213–220.

43. Галимова М.Ш. Юбилей Марии Александровны Очир-Горяевой // Поволжская археология. 2019. № 3(29). С. 222–227.

44. Галимова М.Ш., Михайлов Е.П. Оружейные кремни из археологических раскопок в г. Чебоксары // Чебоксары: история, этнография и культура. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 30 мая 2019 г.) / Сост. Ю.В. Гусаров. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2019. С. 16–21.

45. Губайдуллин А.М. О болгарских городищах Западного Закамья // Археология евразийских степей. 2019. № 6. С. 252–259.

46. Губайдуллин А.М. Дерево-земляные оборонительные сооружения Средневекового Поволжья: к методике реконструкции // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии. В 2 кн. Кн. I / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 30–32.

47. Губайдуллин А.М. О музеефикации объектов фортификации // Археология евразийских степей. 2019. № 5. С. 81–82.

48. Губайдуллина А.В. Торговые отношения Волжской Булгарии с Востоком на основе изучения импорта украшений из полудрагоценных и поделочных камней и органических материалов (к вопросу о классификации) // Археология евразийских степей. 2018. № 5. С. 261–299.

49. Измайлов И.Л. Булгарская археологическая культура: структура и содержание понятия // Археология евразийских степей. 2019. № 6. С. 198–222.

50. Измайлов И.Л. Введение // Исхаков Д.М. История рода Яушевых в Средневековый период и кимакская проблема. Воронеж: Фаворит, 2018. С. 3–6.

51. Измайлов И.Л. Город и Степь в Улусе Джучи в контексте мир-системного анализа // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. Материалы IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию Российской академической археологии. В 2 кн. Кн. II / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2019. С. 35–38.

52. *Измайлов И.Л.* Древние татары в Центральной Азии (VI – IX вв.) // Родной край (Туган жир: төбәк тарихы буенча). 2019. № 2. С. 69–81; 2019. № 3. С. 39–49.
53. *Измайлов И.Л.* Традиционная одежда и археологический костюм: соотношение этнических и сословно-статусных элементов // Археология евразийских степей. 2019. № 1. С. 199–216.
54. *Измайлов И.Л.* Этносоциальное и культурное единство тюрко-татарских государств XV–XVII вв.: причины и факторы // Казанская царица Сююн-бике в истории народов России / Ред. Б.Р. Рахимзянов. М.: Квадрига, 2019. С. 139–151.
55. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Предыстория основных этнических компонентов татар (VI – середина XIII века) // Татары. 2-е изд., доп., перераб. М.: Наука, 2017. С.70–94.
56. *Кабирова А.Ш., Чижевский А.А.* К юбилею Гульшат Шарипзяновны Асылгараевой // Поволжская археология. 2019. № 3. С. 228–232.
57. *Карпов Э.И.* К вопросу музейного описания средневековых наконечников стрел. // Сборник материалов III–IV Региональной научно-практической конференции «Болгарский музей-заповедник – хранитель культурного наследия» / Ред. Г.М. Бирюкова, Д.Г. Мухаметшин, А.Н. Фасхутдинов. Болгар: Арт-Бюро, 2018. С. 15–18.
58. *Карпов Э.И., Садриев Н.Р.* Археологические исследования на территории Гостинодворской церкви в г. Казани (Республика Татарстан) // Археологические открытия 2018 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН (в печати).
59. *Карпов Э.И., Старков А.С.* Наконечники стрел посадской части города-крепости Свияжск по материалам раскопа «Татарская слободка» // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 158–171.
60. *Кочкина А.Ф., Вязов Л.А.* К юбилею Дмитрия Алексеевича Сташенкова // Поволжская археология. 2019. № 3 С. 233–238.
61. *Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Предисловие // Археология евразийских степей. 2019. № 2. С. 6–9.
62. *Лыганов А.В.* Курманакская IV стоянка финала энеолита и позднего бронзового века в нижнем течении реки Меша (предварительные результаты исследований) // Поволжская археология. 2019. № 3(29). С. 34–50.
63. *Лыганов А.В.* Северная периферия срубной культурно-исторической общности (по материалам памятников Татарстана и Чувашии) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2019. С. 103–123.
64. *Лыганов А.В., Морозов В.В., Азаров Е.С.* Луговские I и II стоянки и проблема соотношения черкаскульской, луговской и межовской культур в Нижнем Прикамье // Археология евразийских степей. 2019. № 2. С. 38–98.
65. *Макласова Л.Э.* К вопросу о головных уборах с örbelge // Археология евразийских степей. 2019. № 1. С. 129–136.
66. *Макласова Л.Э.* Проблема понимания форм «боктаг» в различных источниках XIII – нач. XV вв. // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 222–226.
67. Материалы Всероссийского научно-практического семинара «Археолог и музей: диалог о вечном». Казань, 11-13 сентября 2019 г. // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 8–98.
68. *Мингалева В.В., Мингалева М.К., Перескоков М.Л.* Бусы Мокинского могильника III–V/VI вв. н. э. в Пермском Прикамье // Поволжская археология. 2019. № 3. С. 202–221.
69. *Мясников Н.С., Вязов Л.А., Петрова Д.А., Макарова Е.М., Михайлов Е.П., Мясникова А.Б.* Исследования памятников Среднего Посурья эпохи римских влияний и Великого переселения народов: некоторые итоги и перспективы дальнейшего изучения // Никоновские чтения / Под. ред. А.В. Никитиной. Чебоксары: ЧГПУ, 2017. С. 70–81.
70. *Набиуллин Н.Г.* Из истории формирования коллекций Джукетау // Археология евразийских степей. 2019. № 5. С. 24–29.
71. *Набиуллин Н.Г.* Населенный пункт как объект археологии // Развитие регионоведческих исследований в Российской Федерации: особенности и основные направления: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (г. Казань, 7 декабря 2018 г.) / Отв.

ред.: Р.В. Шайдуллин, Л.М. Айнутдинова. Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ 2018. С. 132–137.

72. *Набиуллин Н.Г.* Памятники археологии г. Чистополя: проблемы изучения и сохранения // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 194–207.

73. *Набиуллин Н.Г., Газизов Д.Г., Салахатдинова Г.Т.* Поселенческая структура прибрежного Восточного Закамья в контексте Камской коммуникации // Камский торговый путь. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. г. Набережные Челны, 23 ноября 2018 года. Набережные Челны, 2018. С. 56–65.

74. *Напольских В.В.* Названия соли в уральских языках // Материалы IV международной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология». Екатеринбург, 2019. С. 228–232.

75. *Нуретдинова А.Р., Губайдуллина А.В., Морозов В.П.* Форма для отливки нательных крестов и подвесок из Болгара // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2018. Т. 160. Кн. 3. С. 572–580.

76. *Овечкина Л.В., Вафина Г.Х.* Визуализация экспонатов Музея археологического дерева «Татарская слободка» / Геоархеология и археологическая минералогия-2019 / Отв. ред. А.М. Юминов, Е.В. Зайкова. Миасс-Екатеринбург: ООО «ФортДиалог-Исеть», 2019. С. 29–30.

77. *Оруджов Э.И., Глушков К.Н.* Чижевское (Марьин Кокошник) городище. Итоги археологических исследований за 2017–2018 гг. // Археология евразийских степей. 2019. № 2. С. 146–258.

78. *Очир-Горяева М.А.* Конские уздечные наборы Северного Причерноморья // Revista Archaeologica. Seria Noua. 2019. Vol. XV. no. 1. P. 1–13.

79. *Очир-Горяева М.А.* Кочевой образ жизни по представлениям археологов // Уральский Исторический Вестник. 2019. 1(62). С. 6–16.

80. *Очир-Горяева М.А., Андреева М.В.* Погребения раннесарматского времени из курганов из с. Ореховка Ставропольского края // РА. 2019. № 1. С. 115–132.

81. *Пигарёв Е.М.* Монетные находки в Крымском районе Краснодарского края // Поволжская археология. 2019. № 4. С. 23–27

82. *Пигарёв Е.М., Яранцева Н.С.* Исследование стеклоделательной мастерской Селитренного городища (итоги работ 2018 года) // Астраханские краеведческие чтения. Вып. XI / Под ред. А.А. Курапова, Е.И. Герасимиди, А.Н. Алиевой. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2019. С. 79–83.

83. *Ситдиков А.Г., Базаров Б.А., Гомбожапов А.Д., Нолев Е.В., Красильников П.В.* IV Международный конгресс археологии евразийских степей // Поволжская археология. 2020. № 1. С. 217–226.

84. *Ситдиков А.Г., Боталов С.Г., Измайлов И.Л., Красильников П.В.* Научная конференция «IV Международный Мадьярский Симпозиум» // Поволжская археология. 2018. № 4. С. 324–333.

85. *Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г.* Археология Золотой Орды на современном этапе исследования // Золотая Орда: история, государственность, культурное наследие / Отв. ред. Д. Кыдырали. Нур-Султан: Гылым, 2019. С. 357–366.

86. *Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г.* Объект Всемирного культурного наследия город Болгар и его вклад в тюркскую цивилизацию // Казакстан Археологиясы. Алматы. 2019. № 4 (6). С. 32–40.

87. *Ситдиков А.Г., Буришева С.Г., Губина Т.А.* Опыт подготовки реставраторов музейных коллекций в рамках магистратуры «Реставрация историко-культурного наследия» // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: материалы VI Всерос. науч.-практической конф., Евпатория, 30–31 мая 2019 г. / Гл. ред. В.Е. Науменко. Симферополь: АРИ-АЛ, 2019. С. 232–239.

88. *Ситдиков А.Г., Измайлов И.Л.* Евгений Петрович Казаков: к 85-летию юбилею известного казанского археолога. Основные труды Е.П. Казакова // Археология евразийских степей. 2019. № 6. С. 9–20.

89. *Ситдиков А.Г., Измайлов И.Л., Ганбат Нямдагийн.* Археологическое изучение уйгурского городища Бийбулаг в Монголии в 2018-2019 гг.: предварительное сообщение // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 63–64.

90. Ситдииков А.Г., Каримов И.Р. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан в 2015 г. // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 276–290.

91. Ситдииков А.Г., Каримов И.Р. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Татарстана в 2016 году // Поволжская археология. 2017. № 2. С. 330–343.

92. Ситдииков А.Г., Каримов И.Р., Асылгараева Г.Ш. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Татарстана в 2017 году // Поволжская археология. 2018. № 1. С. 342–354.

93. Ситдииков А.Г., Шакиров З.Г., Каримов И.Р. Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Татарстана в 2014 году // Поволжская археология. 2015. № 1. С. 241–259.

94. Старков А.С., Карпов Э.И., Тищенко И.Г. Исследование Казанского Богородицкого монастыря в г. Казани (Республика Татарстан) в 2018 году. // Археологические открытия 2018 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН (в печати).

95. Степанов О.В., Бугарчев А.И. Новый клад из окрестностей села Большие Атряси (Тетюшский район РТ) // Родной край. № 1. 2018. С. 88–91.

96. Степанов Р.А., Бадеев Д.Ю. Створка литейной формы из раскопа СХСН Болгарского городища // Археология евразийских степей. 2019. № 6. С. 277–282.

97. Тимерханов Т., Абрамский М. Механизмы совместного использования реляционных и нереляционных баз данных в веб-фреймворках // Ученые записки института социальных и гуманитарных знаний. 2019. Т. 17. № 1. С. 617–623.

98. Федан П.В., Богатова Л.Ф., Буришева С.Г. Опыт обучения реставраторов по программе интенсива «Консервация и реставрация археологической кожи» на базе магистратуры К(П) ФУ по профилю «Реставрация историко-культурного наследия» // Археология евразийских степей. 2019. № 5. С. 261–267.

99. Хазиев А.Н. Неполновесная керамика Казани и Казанского кремля по материалам работ Н.Ф. Калинина // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 144–157.

100. Хамзин Р.Н. «История археологического изучения памятников бассейна р. Свияги X–XV вв.» // Тезисы Всероссийской научно-практической конференции «Великий Болгар – цивилизация на Волге». Болгар, 2019 (сдана в печать)

101. Хамзин Р.Н. Археологические разведки на территории Дрожжановского района Республики Татарстан в 2018 г. // Археологические открытия 2018 год / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН (в печати).

102. Хамидуллин Б.Л. Альфред Халиков: выдающийся археолог и популяризатор истории народов Среднего Поволжья // TATARICA. 2019. № 1/2. С. 159–166.

103. Хамидуллин Б.Л. Золотая Орда – страна городов // «Улус Джучи и Сарайшык – у истоков казахской государственности». Материалы Международной научно-практической конференции. Алматы, 2019. С. 69–85.

104. Хамидуллин Б.Л. Историография Улуса Джучи (Золотой Орды) // Историографические чтения. Посвящается 75-летию ИИ АН РУз, 50-летию отдела "Историографии и источниковедения" и 30-летию "Историографических чтений". Ташкент, 2019. С. 268–277.

105. Хамидуллин Б.Л. История татар и казахов в призме наследия Золотой Орды // Материалы IV Форума гуманитарных наук «Великая степь»: «Тюркская цивилизация: от истоков к современности». Нур-Султан, 2019. Т. 1. С. 354–367.

106. Хамидуллин Б.Л. Риза Фахретдинов: выдающийся религиозный деятель, ученый-востоковед и просветитель // TATARICA. 2019. № 3/4. С. 161–168.

107. Хамидуллин Б.Л., Ибрагимов Р.Р. Основные этапы становления и развития культурно-экономических связей Татарстана и Узбекистана // Историографические чтения. Посвящается 75-летию ИИ АН РУз, 50-летию отдела "Историографии и источниковедения" и 30-летию "Историографических чтений". Ташкент, 2019. С. 258–267.

108. Храмченкова Р.Х., Дегри П., Ситдииков А.Г., Каплан П.Ю., Абдуллин Х.М. Динамика изменения химического состава русского стекла 18–19 веков // Сохранение памятников изобразительного искусства и культуры. Исследования и реставрация. Материалы III Международной научно-практической конференции: Санкт-Петербург, 16–19 ноября 2018 г. / Науч. ред. Ю.Г. Бобров. СПб.: Чистый лист, 2019. С. 317–324.

109. Храмченкова Р.Х., Каплан П.Ю., Биктагирова И., Ситдилов А.Г. Портативная рентгено-флуоресценция как возможное средство определения деградиационных процессов в фресковой основе // *Art of Restoration* / May 15–18. 2019. Saint Petersburg. С. 44–45.

110. Храмченкова Р.Х., Каплан П.Ю., Биктагирова И., Ситдилов А.Г., Косушкин В. Исследование фрески святого Христофора Успенского собора острова-града Свияжска // *Сохранение памятников изобразительного искусства и культуры. Исследования и реставрация. Материалы III Международной научно-практической конференции: Санкт-Петербург, 16–19 ноября 2018 г.* / Науч. ред. Ю.Г. Бобров. СПб.: Чистый лист, 2019. С. 276–281, 456.

111. Храмченкова Р.Х., Федан П.В., Мухаметишин Д.Г., Ситдилов А.Г. Внутренняя структура серебряных монет IX–X веков с территории Среднего Поволжья по результатам сканирующей электронной микроскопии // *Сборник материалов международной конференции ICN II*. 2019 (в печати)

112. Хузин Ф.Ш. А.Х. Халиков и казанская школа археологии (к 90-летию со дня рождения) // *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2019. № 9, т. 1. С. 172–184.

113. Хузин Ф.Ш. Влюбленный в Казань: Н.Ф. Калинин // *Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова*. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. А.М. Ахунов. Казань, 2019. С. 227–229.

114. Хузин Ф.Ш. К 90-летию со дня рождения А.Х. Халикова (1929–2019) // *Поволжская археология*. 2019. № 2 (28). С. 8–16.

115. Хузин Ф.Ш. От редактора // Гариф Н. Борынгы Чаллы. Древние Чаллы. (Борынгы Чаллы шәһәре тарихына бәйле документлар һәм истәлекләр жыйнагы). Казан, 2019. С. 3–18.

116. Хузин Ф.Ш. Патриарх татарской археологии: А.Х. Халиков // *Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова*. 2-е изд., перераб. и доп. Казань, 2019. С. 233–236.

117. Хузин Ф.Ш. Старейшина татарской археологии (85-летию Е.П. Казакова) // *Археология евразийских степей*. 2019. № 6. С. 47–52.

118. Хузин Ф.Ш., Нугамаев А.З. Исследования пригородов Чаллынского городища // Гариф Н. Борынгы Чаллы. Древние Чаллы. (Борынгы Чаллы шәһәре тарихына бәйле документлар һәм истәлекләр жыйнагы). С. 181–201.

119. Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. Жизнь и труды профессора Альфреда Халикова (к 90-летию выдающегося татарского археолога) // *Приноси към българската археология*. Т. IX. София, 2019. С. 111–121.

120. Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. Наилю Гатиатулловичу Набиуллину – 50 лет // *Поволжская археология*. 2019. № 1 (27). С. 239–242.

121. Чижевский А.А. Евгений Петрович Казаков и археология Ананьинской историко-культурной исторической области // *Археология евразийских степей*. 2019. № 6. С. 28–41.

122. Чижевский А.А., Антипина Е.Е., Асылгараева Г.Ш., Нуретдинова А.Р. Коллекции Археологического Музея Казанского (Приволжского) федерального университета // *Поволжская археология*. 2019. № 1. С. 84–103.

123. Чижевский А.А., Галимова М.Ш., Губайдулина А.В. Казанская стоянка (по материалам исследований 1938 г.) // *Археология евразийских степей*. 2019. № 2. С. 124–164.

124. Чижевский А.А., Гисматулин М.Р., Храмченкова Р.Х. Бронзовый чекан из археологического собрания Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова // *Stratum plus*. 2019. № 3. pp. 99–112.

125. Чижевский А.А., Голубева Е.Н. Погребение 90 Мурзихинского II могильника. Трасологический анализ изучения каменного инвентаря эпохи энеолита // *Материалы всероссийской научной конференции «Феномены культур энеолита – раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э.»* (г. Оренбург, 15–19 апреля 2019 г.) / Отв. ред. Л.Н. Моргунова Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2019. С. 42–51.

126. Чижевский А.А., Лыганов А.В., Кузьминых С.В. Ранний (атабаевский) этап маклашевской культуры // *Археология евразийских степей*. 2019. № 2. С. 99–123.

127. Чижевский А.А., Пономаренко Е.В., Вязов Л.А., Хисметдинова А.А., Блинников М.С. Оборонительные сооружения и палеоландшафт Троицко-Урайского I городища // *Поволжская археология*. 2019. № 3. С. 128–146.

128. Шайхутдинова Е.Ф., Бугарчев А.И., Петров П.Н. О химическом составе поверхностного слоя булгарских монет XV в. // *Нумизматические чтения Отдела нумизматики Государственного Исторического музея*, Москва, 27 и 28 ноября 2018 г. С. 104–110.

129. Шакиров З.Г. Проблемы изучения и музеефикации археологизированных объектов Билярского городища // Археология евразийских степей. 2019. № 5. С. 83–93
130. Шитилов А.В. Кузькинская XVII стоянка (атрибуция и хронология) // Археология евразийских степей. 2019. № 2. С. 165–178.
131. Яворская Л.В. Скопления костных остатков животных в городах как источник по экономической истории Золотой Орды // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 2 / Отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С.111–115.
132. Яворская Л.В., Бадеев Д.Ю. Косторезные мастерские в торгово-ремесленном районе средневекового Болгара: критерии выявления // Поволжская археология. 2019. № 4. С. 210–225.
133. Яворская Л.В., Боcharов С.Г. Междисциплинарный научный семинар с международным участием «Археобиологические исследования в Болгаре и на поселениях Золотой Орды: проблемы и перспективы». 10–14 апреля 2019 г., г. Болгар (Спасский район, Республика Татарстан) // Поволжская археология. 2019. № 2. С. 237–242 doi:10.24852/2019.2.28.237.242.
134. Bocharov S. Archaeology of Venetian Gazaria, 13th–15th Centuries. Definition of Terms and Scientific Sources // *Studia mediaevalia Europaea et orientalia : miscellanea in honorem professoris emeriti Victor Spinei oblata* / Ed.: Bilavsch G., Aparaschivei D. Bucuresti: Editura Academiei Romane, 2018. P. 439–454.
135. Bocharov S. Heritage of Golden Horde: The Genesis of Crimean Khanat Towns // *Altin Orda ve Merasi. Uluslararası Sempozyum. Istanbul 25–26 Kasım 2019. Istanbul: Istanbul Universitesi*, 2019. P. 37
136. Bocharov S. Karasubazar – historical topography of the town of the Crimean Khanate in the 16–18 centuries // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2019. Vol. 14. Issue 9. (In print).
137. Bocharov S. West of Khubilai Empire. The Mongols and the Genoese in the Crimea (Second Half of 13th – Beginning of the 14th Centuries) // *The Fourth Renmin University of China International Archaeology Conference “Research on the Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China”*. Abstracts. Beijing: Renmin University of China, 2019. P. 164.
138. Bocharov S., Maslovskiy A., Iudin N. The Impact Ceramic Imports on Ceramic Manufacturing in the Cities of the North-Eastern Black Sea Region in the late of XIII – XIV centuries // *XIth Congress AIECM3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics Proceedings*. Ankara: Dumat Ofset, 2018. Vol. 2. P. 117–125.
139. Bocharov S., Sitdikov A., Latypov N., Fahrutdinov R. Complexity of archaeological research and natural scientific studies in identifying the location of Ashlama-Saray, the country palace of the Crimean Khans // *Utopia y Praxis Latinoamericana*. 2019. Vol. 24. Extra 5. P.13–18
140. Bugarchev A., Shaykhutdinova E., Singatullina A., Sitdikov A. About the Golden Horde Silver Coins of Khan Shadibek from the Izmeri Treasure (Russia) // *6th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Art SGEM 2019*. P. 159–166. <http://doi.org/10/5593/SWG.ISCAH.2019.1>
141. Gafurov A., Gainullin I., Usmanov B., Khomyakov P., Kasimov A. Impacts of fluvial processes on medieval settlement Lukovskoe (Tatarstan, Russia) // *Proceedings of the International Association of Hydrological Sciences* – 381, 31–35, 2019. (Scopus).
142. Gafurov A., Usmanov B., Gainullin I. Monitoring and assessing the destruction of archaeological sites from Kuibyshev reservoir coastline, Tatarstan Republic, Russian Federation: a case study // *EGU General Assembly 2019, 7–12 april 2019 : Geophysical Research Abstracts*. 2019. Vol. 21. EGU2019-2961.
143. Gainullin I., Usmanov B., Gafurov A., Kasimov A. Complex Study of Exogenous and Anthropogenic Impact within Territory of Volga-Bulgar Fortified Settlements (Tatarstan, Russia) // *Check Object Integrity CAA 2019: Book of Abstracts*. Krakow, 2019. P. 227.
144. Gubaidullin, A., Usmanov, B., Gainullin, I., Bagautdinova, L. Studying the state of Volga-bulgarian fortified settlements under agricultural impact with the use of multi-time aerial and space imagery // *19th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM 2019*. 2.2. Sofia, 2019. Pp. 639–646.
145. Hucin F.Ş., Şakirov Z.G. Ünlü tatar arkeolog ve tarihçi alfred hasanoviç halikov (1929–1994) // *Tarihin peşinde. Uluslararası tarih ve sosyal araştırmalar dergisi*. Yıl: 2019, Sayı: 22 Sayfa: 507–522.

146. Huzin F. Ş., Şakirov Z.G. “İdil (Volga) Bulgarları ve Göçebe Dünya”. Trc. Selim Karagöz. Mütefekkir 6/11. 2019. P. 239–254.
147. Kaplan P., Khramchenkova R., Sitdikov A. Features of the chemical composition of onochrome glazed ceramics 14–16 centuries Iske - Kazan (Russia). // 15th edition EMAC. 16–18 Sep 2019 Barcelona (Spain) PII-32.
148. Kaplan P., Khramchenkova R., Sitdikov A., Gareev B. Capabilities of portable X-ray fluorescence for assessment of degradation of the fresco painting base at the Assumption Cathedral of the town-island of Sviyazhsk (Russia). International Conference on the use of Analytical Techniques for Characterization of Artworks TechnArt. Bruges, 7–10 May, 2019. Book of Abstracts. p. 52.
149. Khramchenkova R., Biktagirova I., Gareev B., Kaplan P. Horse-headed Saint Christopher fresco in the Sviyazhsk Assumption Cathedral (16th – 17th century, Russia: history and archaeometry. Mediterranean Archaeology and Archaeometry, Vol. 18, No 3, (2018). Pp. 197–209.
150. Khramchenkova R., Ionescu C., Sitdikov A., Kaplan P., Gál Á., Gareev B. A pXRF In Situ Study of 16th –17th Century Fresco Paints from Sviyazhsk (Tatarstan Republic, Russian Federation). Minerals 2019, 9(2). p. 114.
151. Kotov R. The study of the chemical composition of products and ingots of non-ferrous metals from the territory of the Middle Volga region of the first millennium AD / R. Kotov, L. Vyazov, E. Shaykhutdinova // 5th International Conference «Archaeometallurgy in Europe 2019. Miskolc, Hungary. June 19–21 2019. P. 133.
152. Nicu I.C., Usmanov B., Gainullin I., Galimova M.. Shoreline dynamics and evaluation of cultural heritage sites on the shores of large reservoirs: Kuibyshev reservoir, Russian Federation // Water (Switzerland). 2019. Vol.11, Is.3. Art. № 591.
153. Ochir-Goriaeva M.A. Transformations in a woman’s life in prehistoric and archaic societies of Scythians and Kalmyks // Gender transformations in prehistoric and archaic societies. Kiel: Sidestone Press, 2019. P. 257–269. <https://www.sidestone.com/books/gender-transformations-in-prehistoric-and-archaic-societies>
154. Ochir-Goriaeva M.A., Bogrdanova T.N. The Motif oft he Adulterous Wife of Buddhist Jatakas and Versus the Cult of Mother oft he traditional Society and ethnoarchaeological Data) // Mongolian Buddhism: Tradition and Innovation. III International Conference on Mongolian Buddhism. April 25–26, 2019. Budapest. Abstracts. P. 6.
155. Shaykhutdinova E. Kulchiga – rare ferrous metallurgical complex of Pre-Volga region 13–14 centuries (Russia) // 5th International Conference «Archaeometallurgy in Europe 2019». Miskolc, Hungary. June 19–21 2019. P. 173.
156. Shaykhutdinova E., Khramchenkova R., Belyaev A., Sitdikov A., Yanbaev R. The Chemical and Structural Peculiarities of the Kazan Khanate Cast-Iron Cookware in the 14th – 15th Centuries // 6th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Art SGEM 2019. P. 167–174. <http://doi.org/10/5593/SWG.ISCAH.2019.1>
157. Valiulina S., Nuretdinova A. Technical Ceramics from the Jewelry Workshops jf Saray al-Jedid of the 14th century // European Meeting on Ancient Ceramics. 16–18 Sep. Barselona. 2019. P. 162–163.
158. Vyazov L. Iron ore mining in Volga-Sviyaga interfluve in the Early Middle ages: impacts on settlement pattern and landscape change / L. Vyazov, Yu. Semykin, E. Shaykhutdinova, D. Petrova, D. Ponomarenko, Yu. Salova // 5th International Conference «Archaeometallurgy in Europe 2019». Miskolc, Hungary. June 19–21 2019. P. 45.

Информация об авторах:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); sgbotcharov@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук, начальник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Асылгараева Гульшат Шарипзяновна, кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); gul_shat@mail.ru

**THE MAIN INFORMATION ABOUT SCIENTIFIC ACTIVITY INSTITUTE OF
ARCHAEOLOGY NAMED AFTER A.KH. KHALIKOV OF THE TATARSTAN
ACADEMY OF SCIENCES IN 2019****S.G. Bocharov, A.G. Sitdikov, G.Sh. Asylgaraeva**

The article introduces the main results of the scientific activity of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences in the year of its 5th anniversary. The Institute is a leading academic scientific institution in the field of archaeology in the Volga region. In 2019, excavations were performed at 16 archaeological heritage sites in the Republic of Tatarstan, the Volga region and other regions of the Russian Federation, as well as the Republic of Mongolia. The Institute has held 14 scientific conferences, workshops and schools, 11 international and 3 All-Russian events. The organization publishes two academic scientific journals. As a result of an analysis of publishing activity completed by SCImago, the scientific journal *The Volga River Region Archaeology* published by the Institute was included in the Q2 quartile. The second scientific journal of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov "The Archaeology of the Eurasian Steppes" was included in the list of peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation in 2019. The recognition of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan as a safekeeper of the heritage of regional academic archaeological science reflected in the inclusion of the Museum of Archaeology of the Institute in the Register of Museums of the Russian Federation in March, 2019.

Keywords: Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences, archaeology, fundamental research, applied research, 5th anniversary of the Institute, protection of the archaeological heritage, archaeometry, Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, exposition activity.

About the Authors:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; docent, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Asylgaraeva Gulshat Sh. Candidate of Veterinary Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; gul_shat@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ¹

© 2020 г. А.Г. Ситдилов, Б.А. Базаров, А.Д. Гомбожапов,
Е.В. Нолев, П.В. Красильников

В публикации представлены краткое содержание и итоги IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, который прошел 16–21 сентября 2019 г. в г. Улан-Удэ (Республика Бурятия). В программу конгресса было включено 229 докладов ученых из различных стран: России, Казахстана, Франции, Германии, Австрии, Великобритании, Канады, Швейцарии, Испании, Болгарии, Венгрии, Хорватии, Украины, Турции, Израиля, Индии, Кыргызстана, Китая, Японии и Монголии. Участники конгресса выступили с докладами, охватывающими широкий круг вопросов, связанных с изучением культурно-исторического пространства степной зоны Евразии. В рамках работы конгресса состоялось открытие выставки «Гунны. Империя степей» (Хунну. Тайны исчезнувших цивилизаций).

Ключевые слова: археология, история, Евразия, конгресс, кочевые империи, городская культура, междисциплинарные исследования.

С 16 по 21 сентября 2019 г. в г. Улан-Удэ – столице Республики Бурятия на базе Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН прошел IV Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований», посвященный 100-летию отечественной академической археологии. Точкой отсчета празднования юбилея отечественной археологической науки, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации (Распоряжение..., 2017), считается учреждение Российской Академии истории материальной культуры в соответствии с декретом Народных Комиссаров от 18 апреля 1919 г.

(Белозёрова, Гайдуков, Кузьминых, 2019, с. 172).

Следует отметить, что вековой юбилей отечественной археологии совпал с 10-летием проведения Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Традиция проведения этого значимого научного мероприятия в области изучения археологического наследия, снискавшего высокое международное признание, была заложена на Учредительном съезде Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей в Казани в 2007 г., где было принято решение о создании новой научной организационной структуры, объединяющей и координирующей усилия археологов в изучении истории народов степей

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ИМБТ СО РАН по проекту № 0338-2016-0003 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», номер государственной регистрации № АААА-А17-117021310264-4.

Евразии и сопредельных территорий (Ситдииков, Хузин, Шакиров, 2012, с. 233). Здесь в 2009 г. и состоялся Первый Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей на базе Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. 5–8 сентября 2012 г. в г. Барнауле в рамках II Международного форума: «Идель – Алтай»: истоки евразийской цивилизации» и III Международного Болгарского форума прошел II Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей на базе Алтайского государственного университета. III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй» был организован со 2 по 6 мая 2017 г. в г. Владивостоке на базе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Организаторами IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований» стали Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан; Казанский (Приволж-

ский) федеральный университет; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Институт археологии им. А.Х. Маргулана Республики Казахстан; Международный институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО; Международная ассоциация монголоведения; Институт истории и этнологии Академии наук Монголии; Институт археологии Академии наук Монголии; Министерство образования и науки Республики Бурятия; Министерство культуры Республики Бурятия; Национальный музей Республики Бурятия; Российское историческое общество; Фонд «История Отечества». IV Конгресс, как и предыдущий, проходивший в г. Владивостоке, был организован при поддержке мегагранта Правительства Российской Федерации в рамках реализации проекта ИМБТ СО РАН «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

В программу Конгресса были включены доклады ученых из России, Франции, Германии, Австрии, Великобритании, Канады, Швейцарии, Испании, Болгарии, Венгрии, Хорватии, Украины, Турции, Израиля, Казахстана, Кыргызстана, Индии, Китая, Японии и Монголии. Традиционно большой интерес научное мероприятие вызвало среди российских исследователей. На археологическом форуме

состоялись презентации результатов исследований представителей городов Москва, Санкт-Петербург, Казань, Волгоград, Азов, Йошкар-Ола, Екатеринбург, Кемерово, Барнаул, Кызыл, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Улан-Удэ, Чита, Якутск и Владивосток. Всего на Конгресс было заявлено 7 пленарных и 222 секционных доклада.

На пленарном заседании, состоявшемся 16 сентября в Доме Правительства Республики Бурятия, прозвучали приветственные слова директора Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, научного руководителя Бурятского научного центра СО РАН, председателя Совета Отделения Российского исторического общества в г. Улан-Удэ, академика РАН Б.В. Базарова; декана высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского федерального университета, директора Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, члена-корреспондента АН РТ А.Г. Ситдикова; директора Института истории и этнологии Академии наук Монголии, генерального секретаря Международной ассоциации монголоведения, академика АНМ, Sc.D. Сампилдондова Чулууна; первого заместителя министра – председателя Комитета по науке и профессиональному образованию Министерства образования и науки Республики Бурятия, д.п.н. Г.Н. Фомицкой; директора Национального музея Республики Бурятия, кандидата искусствоведения Т.А. Бороноевой.

После приветственных слов пленарное заседание продолжили научные доклады. Директор Института истории, археологии и этнографии на-

родов Дальнего Востока ДВО РАН, научный руководитель лаборатории археологии, этнологии и антропологии ИМБТ СО РАН, член-корреспондент РАН Н.Н. Крадин представил предварительные итоги реализации мегапроекта «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии», проводимого с 2017 г. на базе ИМБТ СО РАН. Представления скифов о царе и царской власти были проанализированы в докладе руководителя отдела Древней истории Института Всеобщей истории РАН, члена-корреспондента РАН А.И. Иванчика. Потенциалу и результатам исследований нomaдологии в теориях мобильности был посвящен доклад директора Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, члена-корреспондента РАН А.В. Головнева. О результатах исследований средневековой археологии Евразийских степей казанскими археологами рассказал член-корреспондент АН РТ А.Г. Ситдиков. Профессором Практической школы высших исследований П. Марсоном на материале уникального памятника китайской эпиграфики – стелы X в. – была предложена реконструкция письменного и устного языка народа Си, этнически близкого киданям. История открытия и итоги исследования кургана Урджар были представлены в докладе Генерального директора Института археологии им. А.Х. Маргулана, академика Национальной академии наук Республики Казахстан Б.А. Байтанаева. Доклад доктора археологии из Археологического музея г. Варны В. Йотова был посвящен исследованиям ритуально-культовых сооружений Первого болгарского царства (VII–XI вв.).

Первая секция (руководители секции: чл.-корр. РАН Н.Н. Крадин, д.и.н. И.Л. Измайлов) была посвяще-

на результатам рекогносцировочных работ по изучению городов и поселений кочевых империй Евразии, а также результатам планиграфических исследований. Большое внимание было уделено рассмотрению процессов ремесленного производства в средневековых городских комплексах.

Д.Ю. Бадеевым (г. Москва) представлены результаты археологических раскопок 2017–2018 гг. на одном из интереснейших участков Болгарского городища – мастерской по обработке янтаря, расположенной на территории городской усадьбы второй половины XIII – начала XIV в. Рассмотрен весь спектр находок: сырье, заготовки, готовые изделия и отходы производства. Древнерусская керамика, нательные кресты и пищевой рацион указывают на то, что мастера, проживавшие на данной усадьбе, являлись выходцами с территории древнерусских земель.

Д.Ю. Бадеев, Л.В. Яворская (г. Москва) привели данные по распространению охоты в среде городского ремесленного населения средневеко-

вого города Болгар. Наличие таксономического разнообразия хищных птиц, а также скелетов взрослых собак и щенков свидетельствует о проживании в центральном районе города Болгар специализированного населения, занимавшегося организацией охоты и подготовкой животных.

Интересные сведения о благоустройстве средневековых городов Чуйской долины Кыргызстана приведены в докладе *В.А. Кольченко и Ф.Г. Ротт* (г. Бишкек, г. Берлин). На примере городища Новопокровское-2 рассказывается об устройстве улиц с тротуарами, системе утилизации отходов и других элементах благоустройства.

С.Д. Проконец, И.Ю. Слепцов, Д.М. Белов (г. Владивосток) осветили в своем докладе материалы раскопок Старореченского городища, расположенного в Приморском крае. Отмечено, что большая часть памятника уничтожена рекой, что затрудняет реконструкцию формы, площади и внутренней планировки городища. Тем

не менее сохранившиеся сооружения на площади городища оставляют надежду на реконструкции.

Ситдигов А.Г., Измайлов И.Л., Мирсияпов И.Ю. (г. Казань), Ганбат Н. (г. Улан-Батор) представили в своих докладах материалы исследований тюрко-татарских памятников городского типа, проводимых в рамках реализации Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2022 гг.)» (п.1.16 «Проведение историко-археологических исследований (экспедиций) средневековых тюрко-татарских городов за пределами Республики Татарстан: Искер (Тюменская область), Красноярское городище (Астраханская область), Красноярдюковское городище (Ульяновская область), Касимов (Рязанская область), Курмыш (Нижегородская область), Мошаик (Астраханская область), Маджар (Ставропольский край), городище Башанта (Республика Калмыкия), Бахчисарай (Республика Крым), Бай-Балык и Кара-Карум (Монголия), Царевское городище (Волгоградская область)»).

Вторая секция (руководители секции: к.и.н. В.И. Ташак, д.и.н. А.В. Харинский) сосредоточила свою работу вокруг двух ключевых направлений: 1) ритуально-культовые объекты археологии и этнографии и их интерпретация; 2) погребальные памятники Евразии, их связи в пространстве и во времени. В докладах были продемонстрированы результаты скрупулёзной полевой работы, направленной на выявление, фиксацию и детальное изучение всех природных и рукотворных элементов археологического объекта с целью установления его функциональной типологии. В первую

очередь, это связано с выделением древних святилищ из всего корпуса археологических местонахождений. В работе секции были затронуты вопросы неразрушающих методов работы с археологическими объектами, активно разрабатывающиеся в настоящее время в мировой археологической практике. В ходе обсуждения докладов выявлена международная проблема, заключающаяся в негативном влиянии на сохранность культовых объектов древности массового паломничества, так называемый овертуризм. Такое повышенное внимание со стороны туристов к подобным объектам неизбежно приводит к разрушению их конструктивных элементов. Такое утверждение справедливо и для других типов археологических памятников.

Е.А. Бессонова, Д.А. Миягашев, Б.А. Базаров (г. Владивосток, г. Улан-Удэ) представили результаты геолого-георадиолокационных исследований археологических памятников раннего железного века – средневековья. При помощи георадиолокации на площади поселения и могильника были выделены структурные неоднородности грунта антропогенного происхождения.

В докладе *Е.М. Пигарева* (г. Йошкар-Ола, г. Казань) впервые вводятся в научный оборот результаты дистанционных геофизических исследований одного из мавзолеев уникального комплекса у с. Лапас Астраханской области. Проведен сравнительный анализ данных топографической съемки, дистанционного зондирования Земли и магнитометрии.

Отражение процессов инфильтрации пришлого турбаслинского населения в именьковскую среду в материалах Новославского II могильника

V–VI вв. привел в докладе *Р.Р. Валиев* (г. Казань).

Н.Н. Серегин (г. Барнаул) на основе анализа планиграфии тюркских «поминальников» и их соотношения с сооружениями других хронологических периодов выделил четыре основные группы таких объектов.

Впервые для древних святилищ Бурятии, время сооружения которых остается неизвестным, *В.И. Ташаком*, *Ю.А. Антоновой* и *Д.В. Кобылкиным* (г. Улан-Удэ, г. Иркутск) предложен естественно-научный подход радиоуглеродного датирования образцов погребенной почвы на примере искусственной каменной конструкции «Стрела Гэсэра».

В Иркутской области хронологические исследования для городища-святилища Байкальское 1 проведены *А.В. Харинским* (г. Иркутск). Итогом этого исследования стало выделение нескольких этапов существования городища-святилища.

Участниками секции было отмечено, что значительная часть докладов, связанная со степными и кочевыми цивилизациями Евразии, хронологически выходит за рамки средневековья, включая эпоху бронзы и позднее средневековье.

Работа **третьей секции** (руководители секции: к.и.н. А.В. Варенов, д.и.н. Л.Л. Абаева) строилась по следующим направлениям: описание и интерпретация наскальных изображений (петроглифов); реконструкция духовного мировоззрения древнего населения; анализ археологических материалов, имеющих отношение к древнему искусству. Значительное внимание было уделено вопросам изучения торевтики.

Л.Л. Абаева (г. Улан-Удэ) рассмотрела в своем докладе такую редкую

и уникальную религиозную культуру среди этносов Внутренней Азии, как несторианство.

Петроглифы в стиле «оленных камней», открытые на территории Китая, более свободны по построению композиций и имеют большую вариабельность фигур по сравнению с изваяниями. В наскальных композициях со стилизованными оленями воспроизведены сюжеты, общие для петроглифов и каменных изваяний, что и было зафиксировано в докладе *А.В. Варенова* (г. Новосибирск).

М.М. Содномпиловой (г. Улан-Удэ) рассмотрена категория «время» в традиционной культуре кочевников Внутренней Азии, которую невозможно изучать вне контекста с пространством, что находит свое отражение в лексике.

На заседании **четвертой секции** (руководители секции: д.и.н. Л.Ф. Недашковский, д.и.н. С.А. Васютин) рассматривались вопросы социальной организации, социальных процессов и явлений на основе данных археологии и междисциплинарных исследований. Большое внимание было уделено изучению торговых отношений между оседлыми и кочевыми племенами, денежного обращения и новых данных в области нумизматики. Состоялось обсуждение вопросов миграции, расселения и оседания населения кочевых империй Евразии по археологическим данным.

Г.Г. Атанасовым (г. Силистра) освещены вопросы ускоренной седиментации болгар в регионе Нижнего Дуная во второй половине VII в. и выявлены археологические критерии этого процесса.

Доклад *С.Г. Бочарова* (г. Казань) был посвящен рассмотрению материальных свидетельств XIII–XV вв.,

связанных с присутствием Генеузской республики в регионе Северного Причерноморья, как составной части археологии Золотой Орды.

Мир-системная теория характеризуется широким списком критериев для исторической оценки развития той или иной территории, что дало возможность *С.А. Васютину* (г. Кемерово) рассмотреть в этом контексте статус кочевых империй Внутренней Азии.

Нумизматические материалы позволили *Л.Ф. Недашковскому* (г. Казань) охарактеризовать этапы экономического развития Нижнего Поволжья в золотоордынское время.

Доклады в **пятой секции** (руководители секции: д.и.н. И.Г. Коновалова, д.и.н. М.С. Петрова) были призваны рассмотреть трансформации средневековых культур Евразии, а также проследить распространение идей и технологий в сфере культуры, искусства и хозяйственной деятельности. Исследования участников секции строились на основе привлечения широкого круга источников, включая археологические, письменные, изобразительные, фольклорные, лингвистические, этнографические, нумизматические, данные антропологии и генетики, с использованием современных методологических достижений в изучении трансконтинентальной коммуникации. В ходе обсуждения удалось рассмотреть ключевые проблемы этнокультурного взаимодействия народов Евразии в древности и в средние века: миграции и маршруты передвижения; состав населения; хозяйственные и этнокультурные традиции, а также пути и способы их трансфера; особенности взаимодействия кочевых обществ с природной средой и с соседними народами (как кочевыми, так

и оседлыми); образы кочевых народов в различных письменных традициях.

А.И. Бураев (г. Улан-Удэ) в своем докладе дал антропологическую характеристику населения кочевых империй Центральной Азии: хунну, сяньби, тюрок, монголов. Им отмечается, что гомогенность населения региона возрастает с течением времени.

Доклад *В.В. Напольских* был посвящен восточной прародине иранцев. Судя по заимствованиям в финно-угорских языках, примерно до рубежа II–I тыс. до н. э. на территориях от юга Зап. Сибири до Сев. Причерноморья были распространены языки индоарийской группы, которые в указанный период сменила иранская речь. Скорее всего, это объясняется восточным происхождением иранцев, которые в конце II тыс. до н. э. вышли в степи.

И.Г. Коноваловой (г. Москва) представлены результаты анализа сведений арабского географа середины XII в. ал-Идриси о городах, которые географ считал половецкими (куманскими), но на самом деле оказавшихся древнерусскими населенными пунктами, лежавшими в пограничной полосе.

Еще один интересный доклад, основанный на анализе нарративных источников авторов раннего Средневековья, был представлен *М.С. Петровой* (г. Москва). На основании анализа сочинения Эйххарда (IX в.) «О перенесении мощей и чудесах Марцеллина и Петра» ею реконструируется путь странников, пилигримов и паломников из Франкии (Ахен) в Рим и обратно (Муленхайм), осуществлявшийся с религиозными, политическими, экономическими и др. целями.

Интеграции академической науки и образования была посвящена ра-

бота **шестой секции** (руководители секции: к.и.н. Н.Н. Серегин, к.и.н. Е.В. Нолев). На секции свои доклады представили ученики и студенты образовательных учреждений Республики Бурятия, которые принимали участие в археологических экспедициях и исследованиях Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Состоялась презентация двух научно-образовательных проектов лаборатории археологии, этнологии и антропологии ИМБТ СО РАН: студенческого археологического отряда «Аттила», организованного совместно с историческим факультетом Бурятского государственного университета и БРО «Российские студенческие отряды» в 2018 г., и археологического профильного лагеря «Артефактум: наследие прошлого», организованного совместно с МАОУ СОШ № 1 г. Улан-Удэ в 2019 г.

В дни Конгресса Музеем Бурятского научного центра СО РАН экспонировалась передвижная выставка «Средневековая торевтика в музейных коллекциях Байкальской Сибири». В рамках проведения Конгресса в Национальном музее Республики Бурятия прошло открытие выставки «Гунны. Империя степей» (Хунну. Тайны исчезнувших цивилизаций), объединившей богатейшие коллекции экспонатов гуннской культуры Национального музея Республики Бурятия, Музея Бурятского научного центра СО РАН и Кяхтинского краеведческого музея имени академика В.А. Обручева. На выставке также состоялась презентация новейших археологических коллекций Лаборатории археологии, этнологии и антропологии ИМБТ СО РАН.

По окончании секционных заседаний была организована полевая

экскурсия, в ходе которой участники Конгресса посетили Иволгинское городище, раскопки которого были возобновлены после длительного перерыва в 2017–2019 гг. благодаря поддержке мегагранта. Далее участники конгресса посетили Иволгинский дацан. 20 сентября прошло выездное заседание Конгресса на базе научного стационара БНЦ СО РАН в с. Горячинск на берегу оз. Байкал.

Доклады, представленные на Конгрессе, были опубликованы в сборнике научных статей «Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований», изданном в 2-х книгах.

Следующий Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей было предложено провести в Казахстане в 2021 г. на базе Института археологии им. А.Х. Маргулана, приурочив научное мероприятие к 30-летию юбилею института.

Таким образом, IV Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей подтвердил и упрочил свой изначальный статус важной международной и межрегиональной научной площадки, соединяющей специалистов в области средневековой археологии степной Евразии и способствующей обмену результатами их достижений (Ситди-ков, Хузин, Шакиров, 2012, с. 233), существенно расширив как хронологические рамки исследований, так и географию участников, определив новые ориентиры в исследованиях и сформировав основы для укрепления сотрудничества в изучении исторического наследия Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозёрова И.В., Гайдуков П.Г., Кузьминых С.В. К юбилею Института археологии РАН: Московская секция РАИМК-ГАИМК // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 172–188.

2. Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2019. 248 с.

3. Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 2 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2019. 182 с.

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации № 2513-р от 11 ноября 2017 г. М. 2017. <https://rulaws.ru/goverment/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-11.11.2017-N-2513-r/>

5. Ситди́ков А.Г., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. II Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 233–241.

Информация об авторах:

Ситди́ков Айрат Габитович, член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук, начальник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, зав. кафедрой, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Базаров Биликто Александрович, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия); biliktobazarov@yandex.ru

Гомбожапов Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия); agombozh@gmail.com

Нолев Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, ученый секретарь, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия); nolev@inbox.ru

Красильников Павел Васильевич, лаборант-исследователь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); fgt888@yandex.ru

4TH INTERNATIONAL CONGRESS OF THE MEDIEVAL ARCHAEOLOGY OF EURASIAN STEPPES

A.G. Sitdikov, B.A. Bazarov, A.D. Gombozhapov, E.V. Nolev, P.V. Krasilnikov

The publication features a brief summary and results of the 4th International Congress on the Medieval Archaeology of Eurasian Steppes held on September 16-21, 2019 in Ulan-Ude (the Republic of Buryatia). The congress agenda included 229 reports by scientists from various countries: Russia, Kazakhstan, France, Germany, Austria, Great Britain, Canada, Switzerland, Spain, Bulgaria, Hungary, Croatia, Ukraine, Turkey, Israel, India, Kyrgyzstan, China, Japan and Mongolia. The congress participants presented reports covering a wide range of issues related to the study of the cultural and historical space of the steppe zone

This work was completed within the framework of the state task of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences under the project No. 0338-2016-0003 “Intercultural Interaction, Ethnic and Socio-Political Processes in Central Asia”, state registration No. AAAA-A17-117021310264-4.

of Eurasia. The congress included the opening of the exhibition “The Huns. Empire of the Steppes” (The Huns. Secrets of Lost Civilizations).

Keywords: archaeology, history, Eurasia, congress, nomadic empires, urban culture, interdisciplinary studies.

REFERENCES

1. Belozerova, I. V., Gaydukov, P. G., Kuzminykh, S. V. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 28 (2), 172–188 (in Russian).
2. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). 2019. *Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy. V 2 kn. Kn. 1 (Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies). In two volumes. Vol. 1.* Ulan-Ude: Buryatia Scientific Science Center SB RAS Publ. (in Russian).
3. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). 2019. *Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i mezhdistsiplinarnykh issledovaniy. V 2 kn. Kn. 2 (Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies). In two volumes. Vol. 2.* Ulan-Ude: Buryatia Scientific Science Center SB RAS Publ. (in Russian).
4. 2017. Order of the Government of the Russian Federation No. 2513-r dated November 11. Moscow. <https://rulings.ru/government/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-11.11.2017-N-2513-r/>
5. Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh., Shakirov, Z. G. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 233–241 (in Russian).

About the Authors:

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Head of department, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Bazarov Bilikto A. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Sakhyanovoi Str., 6, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; biliktobazarov@yandex.ru

Gombozhapov Alexandr D. Candidate of Historical Sciences. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Sakhyanovoi Str., 6, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; agombozh@gmail.com

Nolev Evgeniy V. Candidate of Historical Sciences. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Sakhyanovoi Str., 6, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; nolev@inbox.ru

Krasilnikov Pavel V. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; fgt888@yandex.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

УДК 929, 902

<https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.227.233>**«ПОКОЙ МНЕ ТОЛЬКО СНИТСЯ»: К ЮБИЛЕЮ Е.М. ЧЕРНЫХ****© 2020 г. С.А. Перевозчикова, С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский**

Статья посвящена юбилею крупного российского археолога Елизаветы Михайловны Черных, показан ее путь в науку, который начался с археологического кружка в школе и продолжается по сей день в Удмуртском государственном университете, где она трудится в должности профессора. Сфера научных интересов Е.М. Черных охватывает широкий диапазон от раннего железного века до Нового Времени. Особое внимание Елизавета Михайловна уделяет изучению ананьинской культурно-исторической области, которой посвящено значительное число ее публикаций. Широта территориального охвата полевых исследований Е.М. Черных поражает, она работала и работает на памятниках Калининградской, Кировской, Ростовской, Тверской, Пермской областей и, конечно же, Удмуртской Республики.

Ключевые слова: археология Волго-Камья, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область, мазунинская культура, поселения, могильники, средневековая археология, юбилей.

Елизавета Михайловна Черных родилась 22 декабря 1959 г. в д. Макарово Вавожского района Удмуртской Республики. Ее отец, Михаил Николаевич, работал энергостроителем, и поэтому семья была вынуждена вести подвижный образ жизни, связанный с местами строительства новых объектов энергетической отрасли.

Еще в школе у нее возник интерес к истории, здесь она стала заниматься

в «Школе юных археологов», которая и определила ее дальнейшую судьбу. В 1977 г. Елизавета Черных поступила на исторический факультет Удмуртского государственного университета. В студенческие годы она принимала участие в исследованиях на территории Пермской области, работая на раскопках неволинских памятников: Бродовских курганов, Бартымских селища и могильника, городищ Верх-

Саинского и Лобач (Голдина и др., 2011, 2012).

В 80-е годы XX в. одним из направлений Камско-Вятской археологической экспедиции УдГУ стало изучение памятников археологии Кировской области. Здесь, уже самостоятельно, с 1980 г. стала работать и Елизавета Михайловна. На ее счету разведочные работы и стационарные исследования памятников Камско-Вятского междуречья, таких как Аверинские I и II могильники, Аргыжское и Шудьякар городища, Изранское поселение, Шварихинские I и II стоянки.

Во второй половине 80-х годов она пробует свои силы на ниве охранных хозяйственных работ. Под ее руководством осуществляются исследования в Тверской области на Аклушинском городище, могильнике и стоянке Большая Коша, курганном могильнике Усть-Суходол, селищах Рогово II и III.

В 1988–1991 гг. Елизавета Михайловна учится в аспирантуре на кафедре археологии Московского государственного университета под руководством Г.А. Федорова-Давыдова, после успешного завершения которой в 1992 г. была защищена кандидатская диссертация по теме: «Древние жилища племен Прикамья I тыс. до н. э. – первой половины II тыс. н. э.», позднее на основе диссертации была подготовлена монография (Черных, 2008).

После возвращения в Удмуртский университет Елизавета Михайловна получает должность старшего преподавателя кафедры археологии и истории первобытного общества и становится бессменным руководителем одного из отрядов экспедиции. В 90-е гг. полевые исследования Е.М. Черных были сосредоточены на

юго-востоке Республики, а начиная с 1997 г. она работает в Каракулинском районе Удмуртии. Итогом этих работ стала «Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики» (Голдина, Черных, 2011).

Нельзя не отметить участие Елизаветы Михайловны в крупных хозяйственных работах в Калининградской (в составе Самбийской АЭ совместно с ИА РАН) и Ростовской (в составе ООО «Ростспецархеология») областях и г. Тверь (совместно с «ТНИИР-Центр») в 2005–2008, 2010 гг.

Елизавета Михайловна является одним из ведущих исследователей ананьинской культурно-исторической области (АКИО), в сфере ее интересов находятся две территории обширного ананьинского мира: р. Вятка и Удмуртское Прикамье.

Так случилось, что исследования в области ананьинской археологии начались для Е.М. Черных с раскопок на р. Вятке на Аргыжском городище в 1988–1989 гг.

На основании этих работ была подготовлена монография, в которой опубликованы результаты полевых исследований, рассмотрены оборонительные сооружения, планиграфия и конструкции жилых, культовых и хозяйственных объектов, дан анализ материальной культуры, установлено время функционирования городища – VI–III вв. до н. э. (Черных и др., 2002).

Раскопки Аргыжского городища определили интерес Елизаветы Михайловны к памятникам вятского ананьина, поэтому представляется не случайным ее обращение к костяному инвентарю – одному из наиболее ярких аспектов материальной культуры этого региона. Результатом исследований в этой области стала монография, посвященная анализу и классифика-

ции костяных изделий ананьинских городищ Вятки, одним из авторов которой была Е.М. Черных (Ашихмина и др., 2006). Эта книга в настоящее время входит в число наиболее цитируемых публикаций по ананьинской эпохе.

Исследования вятских памятников АКИО были продолжены Елизаветой Михайловной в 2012 г., когда она вместе с казанскими археологами провела раскопки Скорняковского городища на р. Вятка. Сочетание методов археологии и естественных наук позволило получить детальную реконструкцию климата и ландшафта окрестностей памятника, определить его хронологические границы и проследить развитие его оборонительных сооружений на протяжении 1300 лет (V в. до н. э. – VIII в. н. э.). Результаты раскопок были оперативно введены в научный оборот (Чижевский и др., 2016).

В 2014 г. Е.М. Черных были подведены итоги изучения вятских древностей АКИО за 150 лет (Митряков, Черных, 2014). В статье было подробно проанализирован весь комплекс материальной культуры вятского ананьина: фортификация городищ, топография поселений, планиграфия сооружений, вещевой комплекс (каменный и костяной инвентарь, предметы из цветного и черного металла, керамика и т.д.), отдельно рассматривались вопросы хронологии.

К изучению ананьинских древностей Удмуртского Прикамья Елизавета Михайловна обратилась в 1993 г. Именно в этом году она провела раскопки на Степановском городище. Исследования позволили ей выяснить функциональное назначение этого памятника, построенного как городище-убежище, и определить его

хронологические границы в пределах позднего периода АКИО (Черных, 2000).

В течение 9 лет (с 1997 по 2005 г.) Е.М. Черных осуществляла раскопки Зуевключевского I городища. Проведенные на нем работы позволили уточнить хронологию городища и предшествующего ему селища, проследить динамику строительства оборонительных сооружений и развитие комплекса материальной культуры с VIII по III в. до н. э. (Черных, 2009). В 1998–1999 гг. по инициативе Елизаветы Михайловны на территории Зуевключевского I городища были проведены электрометрические исследования под руководством И.В. Журбина, а в 2018 г. осуществлялись работы по определению границ территории памятника.

Одновременно с изучением Зуевключевского I городища осуществлялись масштабные разведочные исследования ближайшей округи, позволившие выявить более 10 памятников раннего железного века, которые

включают ряд одноименных селищ и городище.

С 2000 г. начинается обследование усть-нечкинского куста памятников в Среднем Прикамье, включающего Усть-Нечкинское поселение (2000 г.) и I–II городища (2007–2017 гг.) (Черных и др., 2013; Черных, Перевозчикова, 2015). Особый интерес вызывает оборонительная система городищ, в результате изучения которой удалось установить использование для основы одного из валов естественной возвышенности, прокалов, предваряющих строительство, а также стен в виде частокола или тына.

Однако, интересы Елизаветы Михайловны не ограничиваются ананьинской тематикой. В 2000-е годы она начинает исследования мазунинских некрополей Удмуртии, ею были раскопаны два неизвестных ранее могильника: Боярский (Арай) (2002–2009 гг.) и Дубровский (2009–2017 гг.). Оба могильника являются типичными мазунинскими некрополями Среднего Прикамья, но с определенной спецификой. В Боярском отмечена нехарактерная юго-западная ориентировка умерших и нетипичное размещение жертвенных комплексов в ногах, а не в изголовье. Антропологический комплекс Боярского могильника указывает на некоторую неоднородность населения: в формировании памятника участвовали прикамские группы населения, но разного происхождения (Черных, Хайруллина, 2018). В Дубровском могильнике также имеются нетипичные черты погребального обряда, такие как обмазка стенок могильных ям глиной, следы обжига, подсыпка дна мелом, забутовка камнями, ниши в боковых стенках.

В последние годы в полевой практике Е.М. Черных появилось новое

направление, связанное с природными парками Удмуртии. Именно благодаря ей были обследованы на предмет наличия памятников археологии парки «Усть-Бельск» в Каракулинском районе и «Шаркан» в Шарканском районе УР (Черных, 2013). В парке «Шаркан» были проведены этноархеологические исследования на территории урочищ середины XIX – 80-х гг. XX в., археологически изучены некоторые особенности удмуртского домостроительства, собран этнографический материал. Продолжением шарканской тематики стали раскопки 2019 г. Шарканского могильника второй половины XVIII – середины XIX века. Здесь впервые был зафиксирован переход от язычества к православию, выявлены одни из первых поселенцев этой местности.

Большая работа была проведена в 2016 г. на родине Елизаветы Михайловны – в Вавожском районе, итогом которой стало обследование практически всех известных памятников, а также выявление 8 новых могильников Нового Времени.

С 2015 г. Е.М. Черных является аттестованным экспертом МК РФ в области государственной историко-культурной экспертизы, большое внимание она уделяет проблемам сохранения историко-культурного наследия народов, руководит научно-исследовательскими работами по изучению, сохранению и популяризации памятников археологии. В 2009 г. по ее инициативе был создан НОЦ «Историко-культурное наследие».

Обширные полевые исследования были бы невозможны без студентов, которые всегда стремятся принять участие в экспедициях Е.М. Черных. Этому способствуют интереснейшие лекции Елизаветы Михайловны. За

время работы в Удмуртском государственном университете она прошла все ступени профессионального и научного роста – от лаборанта до профессора.

В разное время ею разрабатывались и читались учебные курсы «Археология», «Археологические источники по палеоистории Урала», «Археология Урала», «Историческое краеведение», «История Удмуртии», «Регионоведение», «Этногенез и ранняя этническая история финно-угорских народов» и др.

В 1990-е годы она много работала в создававшихся филиалах УдГУ (Кудымкар, Нижняя Тура, Сарапул, Можга, Нефтекамск).

При действенном участии Е.М. Черных на кафедре археологии и истории первобытного общества в 2012 г. был открыт набор студентов в магистратуру по направлению «Археология». Всего состоялось четыре выпуска магистров, последний – в 2018 г. Под ее руководством подготовлены и защищены диссертации на соискание степени кандидата исторических наук А.А. Красноперовым (2006) и И.А. Ложкиной (2010).

С середины 1990-х гг. Е.М. Черных сотрудничает с районными и республиканскими Домами творчества, являясь научным консультантом юных исследователей по историческому краеведению и археологии.

Елизавета Михайловна постоянно совершенствует свои профессио-

нальные качества, обучаясь на курсах повышения квалификации «Современные технологии в гуманитарном образовании», «Геоинформационные системы в естественных и гуманитарных науках» и др.

Принимает участие она и в программах международного сотрудничества совместно с Католическим университетом Петера Пазмания (Венгрия), Национальным центром научных исследований Франции (г. Париж), Эстонским центром (г. Тарту), а также в грантах РГНФ, РФФИ и проектной деятельности университета.

Е.М. Черных – автор более 170 публикаций, в том числе автор и соавтор 10 монографий, активный участник региональных, всероссийских и международных научных конференций, член Европейской Ассоциации археологов, член Русского Географического общества.

Елизавета Михайловна награждена Почетными грамотами Государственного Комитета УР по науке, высшему и среднему профессиональному образованию (2007), Министерства образования и науки РФ (2015). Она имеет почетное звание «Заслуженный деятель науки УР» (2009).

Поздравляем Елизавету Михайловну с юбилеем, желаем крепкого здоровья, неиссякаемой бодрости и новых творческих успехов.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н. э.). Ижевск: УдГУ, 2006. 220 с.
2. Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье. Ижевск, 2011. 340 с.
3. Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В., Перевоицков С.Е. Городище Лобач и его окрестности в эпоху средневековья. Ижевск, 2012. 264 с.

4. *Голдина Р.Д., Черных Е.М.* Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 18. Ижевск: УдГУ, 2011. 168 с.
5. *Митряков А.Е., Черных Е.М.* Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных городищ» // *Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы* / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 147–186.
6. *Перевозчикова С.А., Черных Е.М.* Усть-Нечкинские городища в Среднем Прикамье на этапе ананьинской культуры (топография, планировка, инвентарь) // *Поволжская археология*. 2015. № 2. С. 114–135.
7. *Черных Е.М.* Степановское городище – новый памятник раннего железного века в Среднем Прикамье / Серия препринтов «Научные доклады сотрудников Камско-Вятской археологической экспедиции». Вып. 1. Ижевск: УдГУ, 2000. 32 с.
8. *Черных Е.М.* Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск: УдГУ, 2008. 272 с.
9. *Черных Е.М.* Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевключевского I городища в Удмуртском Прикамье // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология Евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АНРТ, 2009. С. 76–97.
10. *Черных Е.М.* По следам древних культур Прикамья. Ижевск, 2013. 52 с.
11. *Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А.* Аргыжское городище на реке Вятке / МИКВАЭ. Т. 3. Москва: ИКИ, 2002. 188 с.
12. *Черных Е.М., Митряков А.Е., Решетников Н.Л.* Усть-Нечкинское поселение – памятник бронзового и железного веков в Среднем Прикамье // *Научные труды национального парка «Нечкинский»* / Ред. И.В. Ермолаев. Ижевск: Парадигма, 2013. Вып. 2. С. 46–63.
13. *Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисьяметдинова А.А., Митряков А.Е., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешина А.С.* Скорняковское городище на Вятке / Археология Евразийских степей. Вып. 22. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 156 с.
14. *Черных Е.М., Хайруллина О.Ф.* Боярский («Арай») могильник – новый памятник эпохи великого переселения народов в Прикамье // *Археология Евразийских степей*. 2018. № 1. С. 87–107.

Информация об авторах:

Перевозчикова Светлана Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник. Институт истории и культуры народов Приуралья, Удмуртский госуниверситет (г. Ижевск, Россия); homasvet@mail.ru

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; старший научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

«I ONLY DREAM PEACE»: FOR THE ANNIVERSARY OF E.M. CHERNYKH

S.A. Perevozchikova, S.V. Kuzminykh, A.A. Chizhevsky

The article is dedicated to the anniversary of the prominent Russian archaeologist Elizaveta Mikhailovna Chernykh. The authors reveal her early scientific career, which began with the archaeological club at school and has continued until the now day at Udmurt State University, where she works as a professor. The range of scientific interests of E.M. Chernykh cover a wide period from the Early Iron Age to the New Age. Elizaveta Mikhailovna focuses on the study of the Ananyino Cultural and Historical Area, which is the topic of a significant number of her publications. The territorial range of field studies by E.M. Chernykh is remarkable, as

she has worked at the sites of Kaliningrad, Kirov, Rostov, Tver and Perm Regions, and of course the Udmurt Republic.

Keywords: Volga-Kama archaeology, Early Iron Age, Anayino Cultural and Historical Area, Mazunino culture, settlements, burial grounds, medieval archaeology, anniversary.

About the Authors:

Perevozchikova Svetlana A. Candidate of Historical Sciences. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Russian Federation; homasvet@mail.ru

Kuzminykh Sergey V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology RAS. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Chizhevsky Andrei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

УДК 929: 902

<https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.234.238>**К ЮБИЛЕЮ СВЕТЛАНЫ ИГОРЕВНЫ ВАЛИУЛИНОЙ**

© 2020 г. А.Р. Нуретдинова, Ф.Ш. Хузин

Статья посвящена юбилею известного российского археолога С.И. Валиулиной. Основные труды юбиляра (более 200 научных статей, монография и учебные пособия) посвящены археологическому стеклу, а также исследованиям Билярского городища и памятников его округи.

Ключевые слова: средневековая археология, Волжская Булгария, Биляр и его округа, стеклоделие, Среднее Поволжье, юбилей.

1 декабря 2019 года исполнилось 65 лет Светлане Игоревне Валиулиной (в девичестве Терлецкая), кандидату исторических наук, доценту кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета. Родилась Светлана Игоревна в Казани в семье учителей и преподавателей в трех поколениях. Окончила школу № 111 в Казани.

В школьные годы Светлана Игоревна занималась в художественной студии городского Дворца пионеров, участвовала в отечественных и международных выставках. В каникулы школьники, отмеченные наградами на выставках, премировались поездка-

ми на этюды и в музей: по «Золотому кольцу», в Москву, Ленинград, Новгород. После экскурсии в Новгороде по раскопам мечтой Светланы Игоревны стала археология.

После завершения школы она планировала поступать на архитектурный факультет Казанского инженерно-строительного института или на историко-филологический факультет Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. Выбор был сделан в пользу университета.

С первого года обучения Светлана Игоревна специализировалась на кафедре Отечественной истории досоветского периода, являлась активным членом археологического кружка,

участвовала в полевых исследованиях Билярского городища (рук. А.Х. Халиков), Больше-Тиганского могильника (рук. А.Х. Халиков, Е.А. Халикова), Армиевского курганно-грунтового могильника (рук. А.Х. Халиков), Суздаля (рук. М.В. Седова).

Все годы обучения в университете ее научным руководителем была Елена Александровна Халикова, под руководством которой она в 1977 году подготовила и защитила на «отлично» дипломную работу на тему «Связи Волжской Булгарии с Русью в домонгольское время».

После окончания университета Светлана Игоревна участвовала в раскопках объединенной Билярской археологической экспедиции ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР и КГУ под руководством профессора А.Х. Халикова, являясь руководителем группы по камеральной обработке полевых материалов и руководителем учебной практики студентов-историков. Первые свои самостоятельные исследования С.И. Валиулина начала на XXIII раскопе (рук. Ф.Ш. Хузин), где были изучены остатки жилищ-мастерских русских мастеров-ремесленников по обработке янтаря. С 1981 г. она начала работать по своим Открытым листам.

Еще на пятом курсе обучения в университете Светлана Игоревна была принята на работу в Археологический кабинет кафедры Отечественной истории досоветского периода на должность лаборанта, затем она стала старшим лаборантом и заведующей кабинетом. С переездом в новый второй учебный корпус КГУ и созданием Археологического музея С.И. Валиулиной была предложена должность заведующей музеем (с 1991 года по 2013 гг. – директор музея). Совместно

с членами Археологического кружка под руководством А.Х. Халикова она участвовала в создании экспозиции Археологического музея КГУ.

В 1981 С.И. Валиулина поступила в заочную аспирантуру Казанского государственного университета по специальности «Отечественная история» (рук. А.Х. Халиков), которую завершила в 1985 году. В 2002 году в Удмуртском государственном университете защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Археология» на тему «Стекло Биляра X – начала XIII вв.». Эта работа, опубликованная в 2005 г. в виде монографии, стала первым комплексным исследованием стеклянных изделий в археологии Волжской Булгарии. На основе первоклассного материала, происходящего преимущественно с Билярского городища, а также других булгарских памятников, С.И. Валиулиной удалось создать типологию стеклянной посуды, украшений и оконного стекла, используя при этом результаты естественно-научных методов исследования, в частности, количественного спектрального анализа стекла. Заслуживает внимания открытие ею производственных комплексов стеклоделов, в том числе мастерской алхимика в центральной части Билярского городища.

С 1989 г. и по сей день Светлана Игоревна руководит отрядом Казанского университета Билярской экспедиции. Помимо исследований во внутреннем городе Биляра (XXIII, XXVII, LX, LXI раскопы), она в 1995–1998 гг. совместно с Е.А. Беговатым, А.Ф. Кочкиной, Д.А. Сташенко-вым проводила охранно-спасательные работы в ближайшей округе города. Уникальные материалы по археоло-

Хузин Ф.Ш., Валиулина С.И.,
Сташенков Д.А. Биляр, Балынгуз, 1992.

гии Биляра и его округа золотоордынского и постордынского времени получены многолетними раскопками на Билярском III селище и Балынгузском (Торецком) III селище. Огромный археологический материал (в том числе клады монет и вещей) из раскопок Торецкого городского поселения, планомерно исследуемого начиная с 1998 г., в настоящее время готовится Светланой Игоревной к монографической публикации.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов С.И. Валиулина проводила раскопки на территории Зилантова монастыря в Казани, острова-града Свяжск (2005 г.), по приглашению проф. А.Н. Кирпичникова работала в составе Староладожской экспедиции (2002 г.) и в Плиске (2012 г.).

Основные положения своих научных изысканий Светлана Игоревна представляет на различных российских и международных конференциях. Она являлась участником таких крупных научных мероприятий, как Международный научный конгресс «European Meeting on Ancient Ceramics», Международная научная кон-

ференция «International Conference Archaeometallurgy in Europe», Международный научный симпозиум «International symposium on Archaeometry», Всероссийские Археологические съезды, Халиковские чтения, Уральское археологическое совещание, Международный конгресс по средневековой археологии Евразийских степей, Международные конференции, посвященные памяти Г.А. Федорова-Давыдова и многих других. Была членом Оргкомитета II и IV Всероссийских археологических съездов, на IV съезде руководила секцией междисциплинарных исследований. Ею опубликовано, в том числе и за рубежом, более 200 научных статей.

Свидетельством значимости и востребованности проводимых Светланой Игоревной научных исследований является тот факт, что они были поддержаны грантами: грант Сороса (совместно с Центрально-Европейским университетом в Будапеште), проект № 12-01-00096 «Материальная культура Торецкого торгово-ремесленного поселения XV в.» (РГНФ), проект № 13-06-00686 «Средневековое стекло Среднего Поволжья как исторический источник» (РФФИ), проект № 16-06-00453 «Ремесло Билярской моноцентрической агломерации по данным естественно-научных методов» (РФФИ), проект № 20-09-00240 Царевское городище: исследование материалов раскопок 1961–1968 гг. из фондов Археологического музея Казанского федерального университета и Государственного исторического музея (РФФИ) и др.

На протяжении более сорока лет доцент С.И. Валиулина работает в Казанском университете, за это время она разработала и читает студентам учебные лекции и спецкурсы: «Ар-

хеология», «Археология Волжской Булгарии», «Антропогеография», «Естественно-научные методы в археологии», «Библейская археология», «Мир древнего и средневекового ремесла: от изучения истоков до эксперимента», «Средневековое исламское искусство: стекло и керамика» и др. С 1994 г. и по сей день она руководит археологическим кружком при кафедре истории Татарстана, археологии и этнологии, успешно продолжая традиции, заложенные еще Н.Ф. Калининым, А.Х. Халиковым и Е.А. Халиковой. Под ее руководством в 2013 г. была защищена кандидатская диссертация М.М. Зубаревой «Изразцы Казани конца XVI–XIX вв.». В течение восьми лет выполняла обязанности ученого секретаря исторического факультета КГУ.

В 2009–2012 гг. Светлана Игоревна являлась представителем от Поволжья в Отделе полевых исследований Института археологии РАН. Она была приглашена с заказными лекциями на Международный конгресс средневековой истории в Каламазу (США, 2007), в 2015 году в Институт археологии и этнологии АН Польши, в 2016г. на коллоквиум в рамках тематики « Русь и кочевники» (Плзень, Чехия).

Успехи в научно-исследовательской и педагогической деятельности С.И. Валиулиной отмечены медалью «В память 1000-летия Казани» (2005 г.), нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (2006 г.), Благодарностью ректора Казанского университета (2009 г., 2016 г.), Грамотой Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника "Куликово поле" (2008 г.), Почетной грамотой Академии наук Республики Татарстан (2010 г.), Почетной грамотой Казанского (Приволжского) федерального университета (2014 г.), Грамотой Российского исторического общества за значительный личный вклад в развитие археологии как науки и в продвижение археологического образования (2019 г.). За вклад в международное сотрудничество в области археологии С.И. Валиулина была отмечена грамотами Министерства культуры Венгрии (1994 г.), Центрально-Европейского университета (2002 г., Будапешт), Каппадокийской высшей школы Турецкой Республики (2006 г.).

Поздравляя Светлану Игоревну с юбилеем, желаем ей дальнейших достижений в науке, преподавании, личного счастья и хороших учеников.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. Стекло Волжской Булгарии по материалам Билярского городища. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2005. 280 с.
2. Материальная культура раннего Казанского ханства по результатам исследований Торецкого поселения // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. IV / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. 2008. . С. 118–123.
3. Художественные изделия из цветного металла Торецкого поселения XV в. // РА. 2011. № 4. С. 119–129.
4. Iranian Bowl from Biliar: Complex Research and Conservation. Periodico di Mineralogia (2015), Special Issue, 84, 1, Sapienza Universiteta di Roma. 91–106. (Соавт. Shlykova T.).
5. Средневековое исламское стекло в Восточной Европе // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX в. / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.; СПб.: ИА РАН, Нестор-История, 2015. С. 236–261.
6. Предметы вооружения и снаряжения верхового коня Торецкого городского поселения // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 8 / Отв. ред.

А.Н. Хохлов. Тверь: Тверской полиграфический комбинат детской литературы, 2015. Вып. 8. С. 71–98.

7. Химический состав стекла Болгара и Суvara // *Stratum plus*. Санкт-Петербург-Кишинёв-Одесса-Бухарест, 2016. № 6. С. 337–353.

8. Medieval workshop of an alchemist, Jeweller and Glassmaker in Bilyar (Middle Volga Region, Russian Federation). *Pamatky Archeologicke*. 2016. Vol. 107, Is. Prague. P. 237–278.

9. Русские в татарском городе XV века и ногаи у его стен: проблема межкультурного взаимодействия по материалам раскопок города Торецкое. In: *Rus' and the World of the Nomads (the second half of 9th–16th centuries)*. Publication from the 7th International Scientific Conference, Plzeň, November 23th–26th, 2016, *Colloquia Russica*. Krakow. Series I, vol. 7. 2017. P. 351–368.

10. International Trade Relations of the Middle Volga Region in the Medieval Period through the Glass Evidence // *Archeologia Polski*. 2016. LXI. Warsaw. P. 113–169.

11. Die Glaserzeugnisse Bolgars und ihr Verhältnis zu anderen Mittelalterlichen Glasproduktionen // *Annales: Du 20e congrès de l'association internationale pour l'histoire du verre / Fribourg/ Romont*, 7–11 septembre 2015. Romont, Switzerland, 2017. P. 391–398.

12. Chemické zloženie sklenených korálikov z Bolgaru (od obdobia vikingov po Zlatú Hordu). The Chemical Composition of Bolgar Glass Beads (from Viking Age to the Golden Horde) // *Historické sklo : Multidisciplinárne o historickom skle III*. Bratislava, 2018. P. 165–185.

13. Mossbauer studies of moulded Kama-Cis-Urals ceramics / *Archaeometry*. 60, 6 (2018). Oxford. P. 1237–1250. doi: 10. 1111/arc.12370. (Соавт. Pyataev A.V., Ivanova A.G., Manapov R. A., Voronina E.V.).

14. Комплексное исследование материалов из погребения 7 Больше-Тиганского могильника // *АЕС*. 2018. № 6. Материалы IV Международного Мадьярского симпозиума. Казань-Болгар, 15–19 октября 2018 г. С. 35–65. (Соавт.: Ениосова Н.В., Орфинская О.В.)

15. Золотоордынский Биляр // *Генуэзская Газария и Золотая Орда*. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдинов. Казань, Кишинев: *Stratum plus*, 2019. Т. 2. С. 379–412.

Информация об авторах:

Нуретдинова Алсу Ренатовна, главный хранитель музейных предметов Археологического музея, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); alsu.nuretdinova@rambler.ru

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

FOR THE ANNIVERSARY OF SVETLANA IGOREVNA VALIULINA

A.R. Nuretdinova, F.Sh. Khuzin

The article is dedicated to the anniversary of wellknown Russian archaeologist S.I. Valiulina. The anniversarian main works (more than 200 scientific papers, the monograph and textbooks) reveal the results of research in archaeological glass and field studies of the Bilyar medieval city and the sites in its surroundings. .

Keywords: medieval archaeology, the Volga Bulgaria, Bilyar and its surroundings, glassmaking, anniversary, the Middle Volga region.

About the Authors:

Nuretdinova Alsu R. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; alsu.nuretdinova@rambler.ru

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

УДК 636.03 904

<https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.239.244>

**«ТАКОЙ РОДНОЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ БОЛГАР...»
(К ЮБИЛЕЮ ЛИЛИИ ВЯЧЕСЛАВОВНЫ ЯВОРСКОЙ)**

© 2020 г. Е.Е. Антипина

Статья посвящена юбилею Лилии Вячеславовны Яворской – российского археолога, одного из ярких специалистов в области археозоологии. Широкий кругозор и знание особенностей археологических памятников разных культур и эпох делают ее универсалом. Обеспечение мясными продуктами и устройство системы ремесленной переработки животного сырья в древнерусских и золотоордынских городах и их сельской округе, археозоологические комплексы поселенческих и погребальных памятников Северного Причерноморья от эпохи бронзы до средневековья – сегодня это основные темы ее исследований.

Ключевые слова: археозоология, средневековая археология, Нижнее Поволжье, древнерусские и золотоордынские города, железный век, юбилей

В феврале 2020 года в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН поздравляли с юбилеем Лилию Вячеславовну Яворскую – старшего научного сотрудника, кандидата исторических наук. Поздравляли не только сотрудники лаборатории и Института, но и археологи из разных городов России, поздравляли как археозоолога, одного из ярких специалистов этого направления. Однако к археозоологическим исследованиям она пришла не сразу, хотя каждый виток ее судьбы подталкивал к такому выбору и создавал основу для будущих открытий.

Л.В. Яворская родилась 15 февраля 1970 года в Волгограде в семье ин-

женера и фельдшера. История ее семьи – наглядный пример того, как за каких-то полвека изменился уровень образованности советского общества. Одна из ее бабушек едва могла писать печатными буквами. Вторая и вовсе была неграмотной. Но уже в следующем поколении семьи появился человек с высшим образованием – ее отец В.А. Евсиков. А еще через поколение уже сама Лилия – кандидат наук, сотрудник ИА РАН, одного из главных научных учреждений страны.

И все же ученых в семье и ближайшем окружении Лилии не было, а потому ее знакомство с миром науки состоялось только в Волгоградском государственном университете, куда

она поступила в 1986 году на вечернее отделение исторического факультета.

Это было время, когда в ВолГУ, всего как шестой год открывшем свои двери для студентов, были собраны яркие, талантливые, амбициозные преподаватели со всей России. Здесь царила уникальная атмосфера интеллектуального «драйва», в которой взращиваются будущие ученые и преподаватели. В 1988 году Лилия Вячеславовна перевелась на дневное отделение и выбрала в качестве специализации средневековую региональную археологию. Начался счастливый полный радостного предвкушения первых открытий этап жизни: выступления на молодежных конференциях, участие в археологических экспедициях в Нижнем Поволжье, организованных вузовской учебной археологической лабораторией, и в столичной Поволжской археологической экспедиции, руководил которой Г.А. Федоров-Давыдов. Именно тогда она впервые заинтересовалась костными останками животных из культурных напластований как научным источником. Диплом об особенностях системы скотоводства кочевников XI–XV вв. на территории Прикаспийской низменности стал ее первой научной работой, обозначившей вектор будущих исследований.

В 1992 году она, уже вполне сложившийся специалист по средневековой археологии Нижнего Поволжья, с отличием закончила ВолГУ, но не покинула его стены, а осталась работать научным сотрудником на историческом факультете. Там же с 1995 по 1998 год обучалась в аспирантуре по кафедре археологии, древней и средневековой истории, ее исследованиями руководил профессор А.С. Скрипкин. Этот удивительный

человек, основатель школы сарматской археологии в Волгоградской области, стал для Л.В. Яворской не просто наставником, а «научным отцом», который долгие годы поддерживал молодого ученого. В 1999 году Л.В. Яворская защитила кандидатскую диссертацию «Могильники золотоордынского времени в округе Царевского городища: опыт статистической обработки». Для молодого специалиста по средневековью чрезвычайно важным оказался тот факт, что диссертацию прочел и высоко оценил в своем отзыве выдающийся специалист по Золотой Орде, профессор Московского государственного университета Г.А. Фёдоров-Давыдов. Его безграничные знания золотоордынской истории и постановка вопросов в исследованиях золотоордынских городов завораживали и навсегда закрепили интерес Яворской к этой эпохе.

Еще в период обучения в аспирантуре Лилия Вячеславовна преподавала курс истории и мировой художественной культуры в гимназии № 13 города Волгограда и вела археологический кружок, с участниками которого выезжала в музеи разных городов и археологические экспедиции на золотоордынские городища Волгоградской области. Отточенный на старших школьниках педагогический талант пригодился на родной кафедре

археологии, древней и средневековой истории ВолГУ, где с 2001 года Яворская работала старшим преподавателем, а в 2007 году получила ученое звание доцента.

Дисциплины молодому преподавателю изначально достались непрофильные – «Первобытное общество» и «История древнего Востока». К тому же с появлением магистратуры по археологии Л.В. Яворской пришлось создавать и читать для магистрантов в то время новые для кафедры курсы «История зарубежной археологической мысли» и «Методология археологии». Несмотря на огромную преподавательскую нагрузку, ее энергии хватало на все: яркие нестандартные лекции; разработка учебных методических пособий по специальным курсам; организация археологических конференций; руководство дипломными, бакалаврскими и магистерскими квалификационными работами по археологии, и в то же время вместе со студентами участие в археологических раскопках от археологической лаборатории ВолГУ, а также Новгородской экспедиции МГУ и ИА РАН. А в период с 2002 по 2009 год она совмещала преподавательскую работу с научной уже в должности заместителя директора НИИ археологии Нижнего Поволжья при ВолГУ. За эти годы Лилия Вячеславовна вырастила более 30 специалистов, многие из которых нашли свое жизненное призвание именно в археологии.

Успешное преподавание и руководство разнообразными студенческими работами приносили большое удовлетворение. Именно эта деятельность обусловила приобретение обширных знаний далеко за пределами непосредственной области ее научных интересов. Такое «расширение

исторических горизонтов» впоследствии позволило ей под новым углом взглянуть на загадки средневековой археологии.

Однако азарт научного поиска не оставлял ее, и распорядок дня резко изменился: после занятий со студентами она, кандидат исторических наук, доцент, садится за парту в Дубовском Зооветеринарном колледже им А.А. Шарова (г. Дубовка Волгоградской области) и в течение семестра штудировать морфологию скелета домашних животных. В 2004 года она проходит стажировку по определению археологических костей животных на базе Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника под руководством известного палеонтолога В.С. Байгушевой.

Мы познакомились с Лилией Вячеславовной в 2005 году, когда она приехала на стажировку по археозоологии в Лабораторию естественнонаучных методов ИА РАН. Уже через несколько дней общения стало понятно, что в Институте появился мой соратник, самостоятельный и инициативный специалист.

Неудивительно, что практически сразу начинается сотрудничество Л.В. Яворской с несколькими экспедициями ИА РАН. Ей было под силу раскрыть специфику остеологических коллекций из таких древнерусских городов, как Великий Новгород, Ростов Великий, Смоленск, Псков. Закономерно и ее возвращение на раскопки нижеволжских золотоордынских городов: исследуются кости животных на Водянском, Царевском, Селитренном, Самосдельском городищах. Стартуют археозоологические работы на Укеке (Увекское городище). Одновременно она продолжает рабо-

тать в Волгоградском университете, на издательской базе которого в 2006 году в соавторстве с В.Г. Блохиным публикует учебно-методическое пособие «Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья», рекомендованное УМО по классическому университетскому образованию в качестве пособия к спецкурсу.

В 2012 году Л.В. Яворская принята в отдел Охранных раскопок ИА РАН, но как совместитель. А уже в 2013 года переведена научным сотрудником в Лабораторию естественнонаучных методов ИА РАН, и таким образом она завершила свою преподавательскую работу в ВолГУ.

В том же 2012 году начинает свою долгую и плодотворную историю научный тандем с казанским специалистом-археозоологом Г.Ш. Асылгараевой по реконструкции разных аспектов экономической жизни золотоордынского Болгара в рамках археологических работ Болгарского отряда ИА РАН и экспедиции ИА им. А.Х. Халикова АН РТ. К этому моменту результаты проводившихся Гульшат Шарипзяновной исследований видового состава и морфологических особенностей домашних животных и охотничьей добычи в древнем Болгаре хорошо известны, и она продолжила курировать эти направления. Решение археологических задач по изучению системы получения и переработки животной продукции на городище взяла на себя Лилия Вячеславовна. Ни одну зиму и ни одно лето провели они на научной базе Болгарского музея-заповедника, определяя и считая многочисленные костные фрагменты, фиксируя на них мельчайшие специфические детали. Открытия не заставили себя ждать: это и различия в мясной диете жителей

разных районов города, и косторезная мастерская в ремесленном квартале, и необычные изделия из лопаток овец, и моржовый клык, а также слоновый бивень, как ценное и экзотическое сырье для костяных предметов. Древний Болгар с его археологическими раскопами, реставрированными мечетями, музеем, туристическими тропами стал для Яворской родным, но сохранил еще много загадок.

«Родной и загадочный...» – такое ощущение возникло и у меня весной 2017 г., когда Лилия Вячеславовна показывала мне этот удивительный памятник. Не только я увидела золотоордынский Болгар глазами Л.В. Яворской и была очарована им. Почти ежегодно, начиная с 2014 года, она организует и ведет секцию «Археобиологические методы в археологии» для студентов и молодых археологов в рамках Международной полевой археологической школы в Болгаре. Участвовала она и в организации международного семинара «Археобиологические исследования в Болгаре и на поселениях Золотой Орды: проблемы и перспективы», который собрал в 2019 году ведущих экспертов по применению методов естественных наук в археологии опять же в Болгаре.

И сегодня, несмотря на активную работу с остеологическими коллекциями из других археологических памятников разных эпох (а это и древнерусские города – Москва, Ярославль, Суздаль, Псков, и поселения и погребальные комплексы Нижнего Поволжья от эпохи бронзы до позднего Средневековья; поселения раннего железного века в Северном Причерноморье), сердечной привязанностью и главной темой в научном творчестве Л.В. Яворской остаются Болгар

и золотоордынские города. Благодаря давним дружеским и научным связям с археологами, работающими в Азаке, на городищах Маджары, Увекском и Самосдельском, неизменно увеличивается разнообразие и представительность остеологических коллекций, и палеоэкономика Золотой Орды и домонгольского Нижнего Поволжья обретает новые грани. Яснее становятся археологические и археозоологические маркеры масштабных коженных производств и их технологических цепочек, проявляются более четкие контуры взаимовыгодных связей степных кочевников-скотоводов и городского ремесленного населения.

Синтез преподавательского и научного талантов Лилии Вячеславовны проявился еще в одном направлении ее деятельности – научно-популярных лекциях для всех интересующихся древней и средневековой историей. Яркий, харизматичный докладчик, она профессионально увязывает археозоологические открытия с канвой археологического контекста и исторических событий, создавая убедительные ретроспективы ушедшей жизни. Совсем недавно в январе 2020 г. в Саратове прошла одна из таких открытых лекций «Укек. О чем рассказали кости

животных», которая привлекла свыше сотни слушателей. Успешно реализуются и ее договоренности с двумя кафедрами МГУ им. М.В. Ломоносова о проведении семинаров по археозоологии для магистрантов и аспирантов кафедры физической антропологии биологического факультета МГУ и кафедры археологии исторического факультета МГУ.

Работа ученого требует постоянного обучения, «гибкости» ума, а ученого-археозоолога – к тому же недюжинного терпения, внимания к деталям и в то же время умения абстрагироваться от частного и увидеть картину целиком. Дисциплина на стыке естественно-научного и исторического знания постоянно держит ум в тонусе, а любопытство – неперенное свойство каждого настоящего ученого – молодит душу. Потому таким странным, неподходящим кажется слово «юбилей» по отношению к этой талантливой, молодой, но уже успевшей добиться заслуженного авторитета в российском археологическом сообществе женщине. Позади – путь длиною в полжизни к любимому делу, которым живет и дышит Л.В. Яворская. Впереди еще полжизни возможностей, открытий, терпеливого труда и внезапных озарений.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. «Костные вымостки» в древнерусских городах северо-запада: «анатомия» одной археологической загадки // Зоологический журнал. 2013. Т. 92. № 9. С. 1179–1189.
2. Специфика заполнения культурных слоев и динамика мясного потребления в городе Болгар (по археозоологическим материалам раскопа CLXXIX) // Поволжская археология. 2013. № 3 (5). С. 91–102.
3. Торговля мясом или вымостки из костей? Археозоологические исследования раскопа Лужский-II в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. М: ИА РАН; СПб: Нестор-История, 2013. С. 42–55.
4. Стабильные изотопы углерода и азота в костях домашних животных из трех городов Европейской части России: первые результаты и интерпретации // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград. 2015. № 1 (31). С. 54–64. (соавторы: Антипина Е.Е., Энговатова А.В., Зайцева Г.И.).

5. Необычные изделия из бараньих лопаток из ремесленного квартала Болгарского городища (раскопки 2013–2015 гг.) // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 402–408. (соавторы: Антипина Е.Е., Ситдилов А.Г.).
6. Изотопный анализ и вопросы реконструкции палеодиеты домашних животных в средневековых городах Восточной Европы // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 380–386. (соавторы: Антипина Е.Е., Энгватова А.В., Леонтьев А.Е.).
7. Процессы урбанизации и динамика мясного потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев: Stratum plus. 2015. С. 197–207.
8. Археозоологические материалы суздальских селищ в контексте изучения хозяйства северо-восточной Руси: первое обобщение // КСИА. 2016. Вып. 245-II. С. 206–225. (соавторы: Макаров Н.А., Шполянский С.В.).
9. Археозоологические исследования средневекового города: контексты и интерпретации // Археология и история Пскова и Псковской земли. М: ИА РАН; СПб: Нестор-История, 2017. С. 358–366. (в соавторстве с Антипиной Е.Е.).
10. Две находки печатей-матриц из раскопок в центральной части золотоордынского Болгара // КСИА. 2017. Вып. 249-II. С. 288–298. (в соавторстве с Бадеевым Д.Ю.).
11. Проблемы, вопросы и основные результаты изучения остеологических материалов из раскопок 2016 года на территории Московского Кремля // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 295–306. (в соавторстве с Антипиной Е.Е.).
12. Скопления костей животных в городах Золотой Орды: основные находки, видовой состав, анатомический набор // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Том 2. Памяти Г.А.Федорова-Давыдова. Под редакцией С.Г.Бочарова и А.Г.Ситдикова. Казань-Кишинев: Stratum Plus, 2019. С.553–568.
13. К вопросу о кожевенном производстве в Золотой Орде: результаты археологического и археозоологического исследования на городище Маджары в 2017 году // Поволжская археология. 2019. №4 (30). С. 184–199. (в соавторстве с С.Г.Бочаровым).
14. Косторезные мастерские в торгово-ремесленном районе средневекового Болгара: критерии выявления // Поволжская археология. 2019. №4 (30). С. 210–225. (в соавторстве с Бадеевым Д.Ю.).

Информация об авторе:

Антипина Екатерина Евстафьевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); bikanty@mail.ru

“SUCH A KNOWN AND MYSTERIOUS BULGAR...” (FOR THE ANNIVERSARY OF LILIA YAVORSKAYA)

Е.Е. Antipina

The article is dedicated to the anniversary of Liliya Yavorskaya, a Russian archaeologist who is one of the brightest specialists in the field of archaeozoology. Thanks to her wide range of views and understanding the particularity of archaeological sites of different cultures and eras she becomes the generalist. Providing meat products and structure a system of manufacturing processing of animal raw materials in Ancient Russian and Golden Horde cities and their rural districts, as well as archaeozoological complexes from settlement and burial monuments of the Northern Black Sea region from the Bronze Age to the Middle Ages – these are the main topics of her research today.

Keywords: archaeozoology, medieval archaeology, the Lower Volga Region, Ancient Russian and Golden Horde cities, Iron Age, anniversary.

About the Author:

Antipina Ekaterina E. Candidate of Biological Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; bikanty@mail.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

УДК 929: 902

<https://doi.org/10.24852/pa2020.1.31.245.247>**ВАЛЕРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГРИШАКОВ (1963–2019)**

© 2020 г. О.В. Седышев

В некрологе по поводу кончины кандидата исторических наук, исследователя древней и средневековой истории финских народов Поволжья В.В. Гришакова раскрываются основные вехи его жизненного и творческого пути. Главной областью научных интересов исследователя были раннесредневековые погребальные памятники Окско-Сурского региона и этногенез мордовского народа. В.В. Гришаков является автором более 200 научных статей и 10 монографий, в 2014 г. он был отмечен почетным званием «Заслуженный работник высшей школы Республики Мордовия».

Ключевые слова: археология, раннее средневековье, Среднее Поволжье, поволжские финны, погребальные памятники, этногенез мордовского народа.

14 августа 2019 г. ушел из жизни Валерий Васильевич Гришаков. Археолог, исследователь древней и средневековой истории поволжско-финских народов.

Родился Валерий Васильевич 15 августа 1963 г. в польском городе Легница в семье советского военного летчика. По окончании службы отца семья поселилась на малой родине в г. Саранске.

В 1985 г. В.В. Гришаков окончил исторический факультет Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. В период с 1986 по 1989 г. проходил обучение в аспирантуре

Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики по специальности «Археология» (научный руководитель – профессор Герман Алексеевич Федоров-Давыдов). Его научная деятельность начиналась в тесном сотрудничестве с ведущими археологами Мордовии – Иваном Митрофановичем Петербургским и Виктором Николаевичем Шитовым. Он участвует во многих экспедициях, проводит самостоятельные пешие разведки. В Мордовии нет ни одной крупной реки, не обследованной Валерием Васильевичем.

С 1989 по 1993 год Валерий Васильевич работал научным сотрудником Мордовского республиканского краеведческого музея. При нем археологические фонды музея были систематизированы, регулярными становятся тематические археологические выставки. Работая в музее, В.В. Гришаков проводит исследования поселений, относящихся к эпохе бронзы и раннего железного века. Особенно обстоятельно было раскопано поселение Широмазово I в Теньгушевском районе республики. Тогда же он являлся постоянным участником Астраханского отряда Поволжской археологической экспедиции при раскопках Селитренного городища. В это же время в Нижегородской области им проводятся раскопки Чулковского могильника, оставленного муромскими племенами.

В 1993 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова Валерий Васильевич защитил кандидатскую диссертацию по теме «Керамика погребальных памятников Окско-Сурского междуречья в I тыс. н. э.», изданная в том же году на ее основе монография до сих пор не потеряла своей актуальности.

С 1993 г. В.В. Гришаков начинает работать в Мордовском государственном педагогическом институте им. М.Е. Евсевьева. Фактически стоя у истоков становления в институте факультета истории и права, он посвятил ему всю оставшуюся жизнь. Вале-

рий Васильевич являлся бессменным руководителем полевой археологической практики студентов. Его многолетний добросовестный труд неоднократно отмечался руководством института. В 2014 г. он получил звание заслуженного работника высшей школы Республики Мордовия.

Область своих научных интересов В.В. Гришаков связывал с изучением эпохи раннего средневековья Окско-Сурского региона и этногенеза мордовского народа. Много полевых сезонов было посвящено исследованию ранних мордовских памятников, таких как Усть-Узинский 2 и Ражкинский могильники. В последние годы совместно с Чувашским государственным институтом гуманитарных наук осуществлялись раскопки Сендимиркинского могильника, строились планы по изучению новых памятников.

Результатом деятельности Валерия Васильевича стали более 200 научных статей, десятков монографий. При его участии выходит первый том «Археологии Мордовского края». Не всегда его идеи совпадали с устоявшимся мнением, но он неизменно был готов аргументированно отстаивать свою точку зрения. Жаль, что многие свои замыслы он унес вместе с собой.

Валерий Васильевич был дружелюбным и жизнерадостным, пользовался уважением коллег, его любили студенты. Вся научная общественность Республики Мордовия скорбит о столь рано ушедшем ученом и педагоге.

Информация об авторе:

Седышев Олег Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева (г. Саранск), sov323@yandex.ru

VALERY VASILIEVICH GRISHAKOV (1963-2019)

O.V. Sedyshev

The obituary for Candidate of Historical Sciences, researcher of the ancient and medieval history of the Finnish peoples of the Volga region V.V. Grishakov features the key milestones of his life and career. The main area of his scientific interest were the early medieval funerary monuments of the Oka-Sura region and the ethnogenesis of the Mordovian people. V.V. Grishakov is the author of over 200 scientific papers and 10 monographs, and in 2014 he was awarded the title “Honored Worker of the Higher School of the Republic of Mordovia”.

Keywords: archaeology, Early Middle Ages, Middle Volga Region, Volga Finns, funerary monuments, ethnogenesis of the Mordovian people.

About the Author:

Sedyshev Oleg V. Candidate of Historical Sciences. Mordovia State Pedagogical Institute named after M.E. Evsejev. Studencheskaia St., 13b, Saransk, the Republic of Mordovia, Russian Federation; sov323@yandex.ru

Статья принята в номер 01.12.2019 г.

Список сокращений

- АЕС – Археология евразийских степей (журнал). Казань
АлтГУ – Алтайский государственный университет
АН КазССР – Академия наук Казахской ССР
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
БНЦ УрО АН СССР – Башкирский научный центр Уральского отделения
БФАН СССР – Башкирский филиал АН СССР
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВолГУ – Волгоградский государственный университет
ВШП – Великий шелковый путь
ГИМ – Государственный исторический музей
ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской Академии наук
ЕСВ – европейский северо-восток России
ЕТГМ – Ежегодник Тобольского губернского музея
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Респу-
блики Татарстан
ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
ИА им. А.Х. Маргулана – Институт археологии им. А.Х. Маргулана НАН
Казахстана
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской Академии наук
ИИ АН РТ – Институт истории академии наук Республики Татарстан
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
КалмНЦ РАН – Калмыцкий научный центр РАН
КарГУ – Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова
КГАСУ – Казанский государственный архитектурно-строительный универ-
ситет
КНИИ ИФЭ – Калмыцкий научно-исследовательский институт истории,
филологии, экономики
КНЦ УрО РАН – Коми научный центр Уральского отделения Российской
академии наук
КРС – крупный рогатый скот
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КФ АН СССР – Казанский филиал академии наук СССР
КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
ЛО ИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии
АН СССР/РАН
МАЕСВ – Материалы по археологии европейского Северо-Востока

- МарАЭ – Марийская археологическая экспедиция
 МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 МИАД – Материалы и исследования по археологии Дона
 МИАР – Материалы и исследования по археологии России
 МИКВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции
 МРС – мелкий рогатый скот
 НАВ – Нижневолжский археологический вестник
 НАН РК – Национальная академия наук Республики Казахстан
 НИИ – Научно-исследовательский институт
 НОА ИА РАН – Научно-отраслевой архив Института археологии РАН
 НФ МАРТ – Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан при ИА АН РТ
 НЦАИ ИИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
 РА – Российская археология
 РАН – Российская Академия наук
 РАПК ЦК - Раннеалакульская (петровская) культура Центрального Казахстана
 РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
 РЖВ - ранний железный век
 РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников. М.
 СПб. – Санкт-Петербург
 ССПУ – Самарский социально-педагогический университет
 ТА – Татарская археология
 ТГУ – Томский государственный университет
 ТР – Turbinella pygma
 ТюмНГУ – Тюменский нефтегазовый университет.
 ТюмНЦ СО РАН – Тюменский научный центр СО РАН
 УАВ – Уфимский археологический вестник
 УГУ – Уральский государственный университет
 УЗКУ – Ученые записки Казанского университета
 УИВ – Уральский исторический вестник.
 УрГУ – Уральский государственный университет
 УРKM – Удмуртский республиканский краеведческий музей
 ЧелГУ – Челябинский государственный университет
 ЮНЦ РАН – Южный научный центр РАН
 ІА НАН України – Институт археологии Национальной академии наук Украины
 SSC RAS – Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/>

Порядок приема материалов

- № 1 (март) – не позднее 1 декабря текущего года
№ 2 (июнь) – не позднее 1 марта текущего года
№ 3 (сентябрь) – не позднее 1 июня текущего года
№ 4 (декабрь) – не позднее 1 сентября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Технический редактор Першагина И.А.
Подписано в печать 25.03.2020 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 15,6. Усл. печ. л. 21,88.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Цена свободная
Отпечатано в типографии "Orange Key"

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20